

ISSN 0207-6918
e-ISSN 2310-3701

КАНТОВСКИЙ СБОРНИК

KANTIAN JOURNAL

2024 ■ $\frac{\text{Том}}{\text{Vol.}}$ 43 ■ № 2

ISSN 0207-6918
e-ISSN 2310-3701

БФУ
ИМЕНИ И. КАНТА

IKBFU
IMMANUEL KANT
BAL TIC FEDERAL
UNIVERSITY

КАНТОВСКИЙ СБОРНИК

KANTIAN JOURNAL

2024

Том
Vol. 43

№ 2

Калининград
Издательство Балтийского федерального
университета им. Иммануила Канта

Kaliningrad
Immanuel Kant Baltic Federal University
Press

2024

12+

Кантовский сборник. — 2024. — Т. 43, №2. — 193 с.

Kantian Journal, 2024, vol. 43, no.2, 193 pp.

Интернет-адрес: http://journals.kantiana.ru/kant_collection/
URL: http://journals.kantiana.ru/kant_collection/

Издается с 1975 г.
Выходит 4 раза в год

Published since 1975
A quarterly periodical

Издание зарегистрировано в Федеральной службе
по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации СМИ ПИ №ФС 77-65775 от 20 мая 2016 г.

Учредитель

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта»
(236041, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14)

Established by

Immanuel Kant Baltic Federal University
(14 Aleksandra Nevskogo st., Kaliningrad, 236041, Russia)

Адрес редакции:

236001, Россия, Калининград, ул. Гайдара, 6
e-mail: kant@kantiana.ru

Editorial office address:

6 Gaidara st., Kaliningrad, 236001, Russia
e-mail: kant@kantiana.ru

Адрес издателя:

236041, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14

Адрес типографии:

236001, Россия, Калининград, ул. Гайдара, 6

Дата выхода в свет: 16.10.2024

© Балтийский федеральный университет
им. И. Канта, 2024

© Immanuel Kant Baltic Federal University,
2024

Редакционная коллегия

- Дмитриева Нина Анатольевна, доктор философских наук, доцент, профессор, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград (Россия);
Московский педагогический государственный университет, Москва (Россия) — главный редактор;
- Чалый Вадим Александрович, доктор философских наук, доцент, профессор, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград (Россия);
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва (Россия) — заместитель главного редактора;
- Бажанов Валентин Александрович, доктор философских наук, профессор, Ульяновский государственный университет, Ульяновск (Россия);
Байзер Фредерик С., доктор философии, профессор, Сиракьюсский университет, Сиракьюс (США);
- Белов Владимир Николаевич, доктор философских наук, профессор, Российский университет дружбы народов, Москва (Россия);
Васильев Вадим Валерьевич, доктор философских наук, профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва (Россия);
Вуд Аллен, доктор философии, профессор, Индианский университет, Блумингтон (США);
Дёрфлингер Бернд, доктор философии, профессор, Трирский университет, Трир (Германия);
- Зильбер Андрей Сергеевич, кандидат философских наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград (Россия) — ответственный секретарь;
- Калинников Леонард Александрович, доктор философских наук, профессор, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград (Россия);
Кляйнгельд Паулин, доктор философии, профессор, Гронингенский университет, Гронинген (Нидерланды);
† Конев Владимир Александрович, доктор философских наук, профессор, Самарский национальный исследовательский университет им. академика С.П. Королева, Самара (Россия);
- Копцев Иван Демьянович, доктор философских наук, профессор, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград (Россия);
Круглов Алексей Николаевич, доктор философских наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва (Россия);
Мер Рудольф, доктор философии, Грацский университет им. Карла и Франца, Грац (Австрия);
- Пушкарский Анатолий Геннадьевич, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград (Россия) — ответственный секретарь;
- Разеев Данил Николаевич, доктор философских наук, доцент, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург (Россия);
Румянцова Татьяна Герардовна, доктор философских наук, профессор, Белорусский государственный университет, Минск (Белоруссия);
Соболева Майя Евгеньевна, доктор философских наук, профессор, Марбургский университет им. Филиппа, Марбург (Германия);
- Сорина Галина Вениаминовна, доктор философских наук, профессор, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва (Россия);
Тиммерман Йенс, доктор философии, профессор, Сент-Эндрюсский университет, Сент-Эндрюс (Великобритания);
Тремблэй Фредерик, доктор философии, Софийский университет имени Св. Климента Охридского, София (Болгария);
Уоткинс Эрик, доктор философии, профессор, Калифорнийский университет, Сан-Диего (США);
- Чернов Сергей Александрович, доктор философских наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций
им. проф. М.А. Бонч-Бруевича, Санкт-Петербург (Россия);
Штark Вернер, доктор философии, профессор, Марбургский университет им. Филиппа, Марбург (Германия)

Editorial board

- Prof. Nina A. Dmitrieva, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad (Russia); Moscow State Pedagogical University, Moscow (Russia) — Editor-in-chief;
Prof. Vadim A. Chaly, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad (Russia);
Lomonosov Moscow State University, Moscow (Russia) — Deputy Editor-in-chief;
Prof. Valentin A. Bazhanov, Ulyanovsk State University, Ulyanovsk (Russia);
Prof. Frederick C. Beiser, Syracuse University, Syracuse (USA);
- Prof. Vladimir N. Belov, The Peoples' Friendship University of Russia, Moscow (Russia);
- Prof. Sergey A. Chernov, Bonch-Bruевич Saint Petersburg State University of Telecommunications, St. Petersburg (Russia);
Prof. Bernd Dörflinger, University of Trier (Germany);
- Prof. Leonard A. Kalinnikov, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad (Russia);
Prof. Pauline Kleingeld, University of Groningen (the Netherlands);
† Prof. Vladimir A. Konev, Samara State University, Samara (Russia);
- Prof. Ivan D. Koptsev, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad (Russia);
Prof. Alexey N. Krouglov, Russian State University for the Humanities, Moscow (Russia);
Dr Rudolf Meer, University of Graz (Austria);
- Anatoly G. Pushkarsky, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad (Russia) — Executive Secretary;
Prof. Danil N. Razeev, Saint Petersburg State University, St. Petersburg (Russia);
Prof. Tatiana G. Rumyantseva, Belarusian State University, Minsk (Belarus);
Prof. Maja E. Soboleva, University of Marburg (Germany);
- Prof. Galina V. Sorina, Lomonosov Moscow State University, Moscow (Russia);
Prof. Werner Stark, University of Marburg (Germany);
Prof. Jens Timmermann, University of St Andrews (UK);
- Dr Frederic Tremblay, Sofia University "St. Kliment Ohridski", Sofia (Bulgaria);
Prof. Vadim V. Vasilyev, Lomonosov Moscow State University, Moscow (Russia);
Prof. Eric Watkins, University of California, San Diego (USA);
Prof. Allen W. Wood, Indiana University Bloomington (USA);
- Dr Andrei S. Zilber, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad (Russia) — Executive Secretary

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

Философия Канта

Вальтер М. Письмо Канта на смерть студента Иоганна Фридриха фон Функа (1760): литературно-историческая идентификация. Часть 1: Готшед и Королевское немецкое общество Кёнигсберга..... 7

Петровская А. В. Особенности толкования термина «следование» у И. Канта..... 50

Циммерман Ш. Кантовские «категории свободы» как функции желания объекта 79

Кант: pro et contra

Мартынова С. А. Разворот Н. Ф. Федоровым естественной телеологии Аристотеля и Канта в сторону проекта регуляции природы..... 123

Архив

Колеров М. А. Русский политический Кант после либерализма: С. И. Гессен о юбилее Канта в 1924 году 152

Гессен С. И. Эммануил Кант. (К двухсотлетию со дня рождения — 24 апр. 1724 г.) 160

Аналитический обзор

Лапшин И. Е., Карагод Ю. Г. Обзор современных российских исследований философии Германа Когена 172

CONTENTS

Articles

Kant's Philosophy

- Walter M. Kants Sendschreibens zum Tod des Studenten Johann Friedrich von Funk (1760). Zur literaturhistorischen Einordnung – Teil 1: Gottsched und die Königliche Deutsche Gesellschaft zu Königsberg 7
- Petrovskaya A. V. Peculiarities of Kant's Interpretation of the Term 'Consequence' 50
- Zimmermann S. Kant's "Categories of Freedom" as the Functions of Willing an Object..... 79

Kant: pro et contra

- Martynova S. A. Nikolay Fyodorov's Attempt to Link Aristotelian and Kantian Natural Teleology to the Project of Nature Regulation 123

Archive

- Kolerov M. A. Russian Political Kant after Liberalism: Sergey Hessen on 1924 Kant Jubilee..... 152
- Hessen S.I. Immanuel Kant. (On the Bicentenary of His Birth – 24 April 1724). Publication and Commentary by M.A. Kolerov 160

Analytical Review

- Lapshin I. Y., Karagod J. G. Review of Recent Russian Studies of Hermann Cohen's Philosophy 172

Ссылки на оригинальные тексты Канта приводятся по изданию: Kant I. *Gesammelte Schriften* (Akademie-Ausgabe). Berlin, 1900 ff. — и оформляются в тексте статьи следующим образом: (AA 07, S. 578), где сначала цифрами указывается номер тома данного издания, а затем дается страница по этому изданию. Ссылки на «Критику чистого разума» оформляются по этому же изданию, например: (A 000) — для текстов из первого издания, (B 000) — для второго издания или (A 000 / B 000) — для фрагментов текста, встречающихся в обоих изданиях.

References to Kant's original texts (I. Kant. *Gesammelte Schriften* (Akademie-Ausgabe), Berlin 1900 ff.) are presented in the following form: *Siglum*, AA (Vol.-Number.), page[s], for example: (*MpVt*, AA 08, p. 264). Sigla index see here: http://www.kant-gesellschaft.de/de/ks/Hinweise_Autoren_2018.pdf (pp. 3-6). References to the *Critique of Pure Reason* are given as follows: (*KrV*, A 000) for the texts of the first edition, (*KrV*, B 000) for the texts of the second edition, and (*KrV*, A 000 / B 000) for fragments present in both editions.

ФИЛОСОФИЯ КАНТА

KANT'S PHILOSOPHY

УДК 1(091)

**ПИСЬМО КАНТА НА СМЕРТЬ СТУДЕНТА
ИОГАННА ФРИДРИХА ФОН ФУНКА
(1760): ЛИТЕРАТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ
ИДЕНТИФИКАЦИЯ**

**KANTS SENDSCHREIBENS
ZUM TOD DES STUDENTEN
JOHANN FRIEDRICH VON FUNK (1760).
ZUR LITERATURHISTORISCHEN
EINORDNUNG**

**Часть 1: Готшед и Королевское немецкое
общество Кёнигсберга**

**Teil 1: Gottsched und die Königliche
Deutsche Gesellschaft zu Königsberg**

*М. Вальтер*¹

*M. Walter*¹

Написанное Кантом утешительное письмо, или некролог, на смерть студента Иоганна Фридриха фон Функа (1760) не получило должного внимания в литературе. В данном исследовании предпринята попытка изменить сложившуюся ситуацию, прояснив контекст этого короткого сочинения. В первой части речь идет, в частности, о влиянии, которое оказал на стиль таких произведений, как опубликованные речи или некрологи, И. К. Готшед. В связи с этим описывается связь Канта с Королевским немецким обществом в Кёнигсберге и его основателем К. Хр. Флотвеллом, другом Готшеда. На примере учебника риторики Готшеда гораздо яснее проявляется влияние римской Стои. В целом Кант пытается представить рациональные аргументы для рассмотрения проблематики смерти, которая может внезапно настичь человека; он работает под очевидным влиянием идей стоицизма (см. об этом вторую часть). Большинство комментариев кантоведов к этой небольшой работе до сих пор были негативными или расплывчатыми. Первая часть исследования призвана прояснить исторические условия развития кантовской мысли. С этой точки зрения небольшое сочинение представляется важным звеном в размышлениях молодого Канта: оно показывает, как кёнигсбергский философ делает античную традицию плодотворной для Просвещения взамен восторженно-

Kant's mourning letter or necrology for his student Johann Friedrich von Funk (1760) has hardly been received. This study attempts to change this by explaining the contexts of the short missive. In the first part this concerns in particular the influence that Gottsched exerted on the style of such printed speeches or necrologies. Kant's references therefore to the 'Royal German Society' in Königsberg and its founder Flottwell, a friend of Gottsched's, are described. The influence of the Roman Stoa then becomes much clearer through the influence of Gottsched's rhetoric textbook. All in all, Kant attempts to present rational arguments for dealing with death, which can suddenly strike human life; he writes under the obvious influence of a Stoic mindset (see the second part). Most of the comments by Kant scholars on the little work to date have been negative or vague. Here, the text is to be made fruitful for the development of Kant's thought by shedding light on its historical contexts. On this basis, the little treatise appears as an important link for Kant's early thinking. It shows how he makes ancient tradition fruitful again for the Enlightenment as a substitute for rapturous and

¹ Университет им. Викентия Паллотти, Германия, 56179, Фаллендар, Паллоттиштрассе, д. 3. Поступила в редакцию: 14.09.2023 г. doi: 10.5922/0207-6918-2024-2-1

¹ Vinzenz Pallotti University. Palottistraße 3, Vallendar, 56179, Germany. Received: 14.09.2023. doi: 10.5922/0207-6918-2024-2-1

го и иррационального мистицизма, известного нам по творчеству, например, Якоба Бёме.

Ключевые слова: Иоганн Даниель фон Функ, утешительное письмо, Иоганн Кристоф Готтшед, Королевское немецкое общество в Кёнигсберге, Кёлестин Христиан Флотвелл, Самуэль Готтлиб Вальд, риторика

Сочинения Канта до 1760 г. в основном посвящены естественно-научным или натурфилософским вопросам, таким как существование живых сил, природа огня, теория монад Лейбница, космогония или возникновение землетрясений (Adickes, 1924). Предлагаемые ниже рассуждения относятся к истокам и идентификации одной из ранних работ Канта, которая на первый взгляд выпадает из этого тематического ряда. Речь идет о «Мыслях, вызванных безвременной кончиной высокородного господина Иоганна Фридриха фон Функа, изложенных в письме к высокородной госпоже Агнессе-Елизавете, вдове славного предводителя дворянства фон Функа, рожденной Дортхёзен, наследнице Кайвенских и Каренгских поместий в Курляндии, постигнутой глубокой печалью матери покойного» (AA 02, S. 37–44; Кант, 1994б)². Как и все другие сочинения Канта, опубликованные им самостоятельно в период с 1755 по 1760 г., это послание было издано Иоганном Фридрихом Дристом (Stark, 2005, S. 9). Текст, подписанный 36-летним «магистром Иммануилом Кантом, преподавателем философии в Кёнигсбергской академии», ставит перед биографо-филологическими исследованиями ряд остающихся открытыми вопросов. Однако в последние десятилетия были обнаружены новые источники и появились исследования, посвященные акаде-

² Цифровая копия с транскрипцией уникального оригинала была подготовлена Вернером Штарком для бывшего архива Канта в Марбургском университете. См.: https://www.online.uni-marburg.de/kant_old/webseite/funk0.htm (дата обращения: 06.09.2023); с 01.02.2024 г. сайт находится в режиме офлайн и, надеюсь, будет снова доступен для просмотра на сайте Боннского университета (из устного сообщения Вернера Штарка).

irrational mysticism as we know it from Jacob Böhme, for example.

Keywords: Johann Daniel von Funk, mourning letter, Johann Christoph Gottsched, Royal German Society in Königsberg, Cölestin Christian Flottwell, Samuel Gottlieb Wald, rhetoric

Kants Schriften bis 1760 befassen sich überwiegend mit naturwissenschaftlichen oder naturphilosophischen Fragestellungen, wie mit der Existenz lebendiger Kräfte, dem Wesen des Feuers, der Leibniz'schen Monadenlehre, der Kosmogonie oder der Entstehung von Erdbeben (Adickes, 1924). Die nachstehenden Überlegungen sind der Entstehung und Einordnung einer auf den ersten Blick scheinbar aus dieser thematischen Reihe fallender Frühschrift Kants gewidmet. Es handelt sich um die „Gedanken bey dem frühzeitigen Ableben des hochwohlgebohrnen Herrn, HERRN Johann Friedrich von Funk in einem Sendschreiben an die Hochwohlgebohrne Frau, FRAU Agnes Elisabeth, verwitt. Frau Rittmeisterin von Funk, geborne von Dorthösen, Erbfrau der Kaywenschen und Kahrenschen Güter in Kurland, des selig verstorbenen Hochbetrübtte Frau Mutter“ (GAJFF, AA 02, S. 37-44)². Wie alle von Kant zwischen 1755 und 1760 selbstständig veröffentlichten Schriften erscheint das Sendschreiben bei Johann Friedrich Driest (Stark, 2005, S. 9). Dieser Text, unterzeichnet vom 36-jährigen „Magister Immanuel Kant, Lehrer der Weltweisheit auf der Akademie zu Königsberg“, stellt die biografisch-philologische Forschung vor einige offene Fragen. In den letzten Jahrzehnten wurden jedoch zum akademischen und persönlichen Umkreis Kants neue Quellen

² Ein Digitalisat mit Transkription des sehr seltenen Originals erstellte Werner Stark für das ehemalige Kant-Archiv an der Universität Marburg. Vgl. https://www.online.uni-marburg.de/kant_old/webseite/funk0.htm (06.09.2023; seit 01.02.2024 ist die Seite offline und wird hoffentlich wieder über die Universität Bonn zugänglich gemacht werden; mündl. Mitteilung Werner Starks).

мическому и личному окружению Канта, которые позволяют точнее, чем раньше, реконструировать контекст возникновения этого текста. Основываясь на этом, можно задать вопрос: какую текстовую форму имеют эти «Мысли...»? Сама постановка такой проблемы может показаться странной, но до сих пор ее еще никто не озвучил, и попытка найти решение предлагает, следовательно, первое основание для дискуссии и дальнейших исследований ранних сочинений Канта, и в частности этого текста.

1. Основные контуры аргументации

Чтобы подойти к ответу на поставленный вопрос, в данном исследовании предпринята попытка показать, что речь идет о так называемом утешительном *письме* как специфической форме обращения к скорбящей общественности, намеренно преданного публичности в печатном виде. На первый взгляд, этот исходный вопрос может вызвать подозрение, что речь идет о каких-то незначительных вещах. Это далеко не так. Наоборот, особое внимание уделяется историческому контексту социального окружения Канта в Кёнигсберге и связанным с этим окружением мотивам автора, в результате чего прочтение «Мыслей...» превращает кажущееся странным кантовское сочинение в окно в его мир.

Следует заранее указать, что траурное послание — это самостоятельный и относительно распространенный риторический жанр в форме письма, для которого требовалось соблюдение определенных формальных правил. В связи с этим для кантовских «Мыслей...» открываются новые герменевтические горизонты, которые до сих пор совершенно не принимались во внимание. Если сформулировать вопрос в аспекте этой предпосылки, было бы интересно узнать, откуда Кант почерпнул литературные и формальные правила или образцы, которым должно было в то время соответствовать траурное послание. Как будет

известно или исследования востановлены, которые позволяют точнее, чем раньше, реконструировать контекст возникновения этого текста. Основываясь на этом, можно задать вопрос: какую текстовую форму имеют эти «Мысли...»? Сама постановка такой проблемы может показаться странной, но до сих пор ее еще никто не озвучил, и попытка найти решение предлагает, следовательно, первое основание для дискуссии и дальнейших исследований ранних сочинений Канта, и в частности этого текста.

1. Abriss der Argumentation

Um die gestellte Frage einer Antwort näher zu bringen, versucht diese Studie zu zeigen, dass es sich um eine sogenannte Trostschrift als einer spezifischen Form der ausdrücklich in Druckform publizierten Anrede an eine Trauergemeinde handelt. Auf den ersten Blick könnte diese Ausgangsfrage den Verdacht erwecken, dass hier Quisquilien verhandelt würden. Das ist keineswegs der Fall. Vielmehr werden historische Kontexte von Kants Königsberger sozialem Umfeld und die damit zusammenhängenden Motive des Autors herausgestellt, sodass sich die Lektüre der *Gedanken* von einer sonderbar anmutenden Kant-Schrift zum Fenster in Kants Lebenswelt wandelt.

Im Vorfeld sei daran erinnert, dass es sich bei einer Trauerschrift um ein selbstständiges und verhältnismäßig verbreitetes rhetorisches Genre in Briefform handelt, das gewissen stilistisch-formalen Vorgaben gerecht werden musste. Damit würde ein weiterer, bisher völlig vernachlässigter hermeneutischer Horizont zu Kants „Gedanken“ hinzutreten. Wird nämlich die Fragestellung in Richtung dieser Voraussetzung gelenkt und vertieft, so wäre interessant zu wissen, woher Kant die schriftstellerisch-handwerklichen Vorgaben oder Vorbilder entlehnt hat, denen eine Trauerschrift damals allenthalben genügen musste. Wie zu zeigen sein wird,

показано далее, на первое место среди всех других возможных источников следует поместить учебник риторики Иоганна Кристофа Готшеда. Согласно этому предположению, Кант должен был излагать свои мысли более или менее в соответствии с «Подробной риторикой» Готшеда (Gottsched, 1975a; 1975b); по крайней мере, из этой книги возможно извлечь подходящие категории, чтобы лучше понять это раннее сочинение Канта. Это предположение кажется особенно правдоподобным, если принять во внимание выдающуюся роль Готшеда в основании и разработке программы Королевского немецкого общества в Кёнигсберге и его влияние на общественную жизнь образованных кругов. Тот факт, что кантовский текст — это еще и эпистолярное произведение, не противоречит его риторическому характеру. В «Риторике» Готшеда рассматриваются также и некоторые формы писем.

То, что «Риторика» Готшеда, как считается, послужила Канту руководством для составления его текста, можно вполне правдоподобно объяснить исходя из культурных особенностей Кёнигсберга: составление образцов немецких текстов для всевозможных общественных (театр, поэтические выступления, торжественные речи и т.д.) и научных (популяризация знаний в духе Просвещения) мероприятий активно пропагандировала программа вышеупомянутого Королевского немецкого общества, основанного Кёлестином Христианом Флотвеллом. Все без исключения сочинения, написанные членами этого общества, были строго стандартизированы, критиковались и даже «цензурировались» в соответствии с учебниками Готшеда по крайней мере до 1750-х гг. В связи с таким влиянием, порождающим целую парадигму, Готшеда иногда обвиняли в «замашках диктатора», но это мнение следует признать ошибочным (Rieck, 1972, S. 100). Общество было внеуниверситетским объединением, но тем не менее оно претендовало на академичность. В те времена хорошим тоном для образованного человека считалось умение подготовить по

ist Johann Christoph Gottscheds Rhetoriklehrbuch vor allen anderen möglichen Quellen einzubeziehen. Dieser Annahme zufolge hätte Kant dann seine „Gedanken“ in mehr oder minder großer Anlehnung an die Maßgaben aus Gottscheds *Ausführlicher Redekunst* (Gottsched, 1975a; 1975b) entworfen, oder zumindest könnte man Gottscheds Buch geeignete Kategorien entnehmen, um Kants Frühschrift besser zu verstehen. Plausibel erscheint dieser Vorschlag insbesondere, wenn man Gottscheds herausragende Rolle bei der Begründung und der Programmgestaltung der Königlichen Deutschen Gesellschaft in Königsberg und den daraus resultierenden Einfluss auf das gesellschaftliche Leben gebildeter Stände kennzeichnet. — Die Tatsache, dass es sich zugleich um ein Stück Briefliteratur handelt, konkurriert übrigens nicht mit dem rhetorischen Charakter. Einige Briefformen werden nämlich gleichfalls in Gottscheds *Redekunst* abgehandelt.

Dass nun ausgerechnet Gottscheds *Redekunst* Kant als Richtschnur für seine Textanlage gedient haben soll, lässt sich anhand kultureller Gegebenheiten in Königsberg plausibilisieren: Die Abfassung deutscher Textproben zu allen möglichen gesellschaftlichen (Theater, Gelegenheitsdichtung, Ansprachen, etc.) und wissenschaftlichen Anlässen (populäre Wissensvermittlung im Sinne der Aufklärung) wurde durch das Programm der von Cölestin Christian Flottwell begründeten, bereits erwähnten *Königlichen Deutschen Gesellschaft* eigens und breitenwirksam propagiert. Die von den Mitgliedern verfassten Schriften wurden zumindest bis in die 1750er Jahre strikt und ausnahmslos nach Gottscheds Lehrbüchern normiert, kritisiert und sogar ‚zensiert‘. Aufgrund dieser paradigmenschaffenden Einflussnahme wurden Gottsched gelegentlich „diktatorische Absichten“ unterstellt, die aber als unzutreffend zurückgewiesen werden müssen (Rieck, 1972, S. 100). Es handelte sich bei jener Gesellschaft um einen au-

определенному поводу подходящую, то есть остроумную, благозвучную и содержательно точную, речь или стихотворение, иногда за относительно короткий промежуток времени, а также уметь красиво выступить перед публикой. Этот последний пункт подтверждается и в отношении Канта благодаря нескольким его стихам в память об умерших коллегам-профессорах (AA 12, S. 395–397; об этом см.: Stark, 2000). Основную задачу этого общества можно сформулировать следующими словами Канта: «Человек совершенствуется только благодаря общению и обществу. Образцы, достойные подражания, необходимы для формирования и сохранения вкуса» (AA 24, S. 47). Или, как подчеркивает сам Готшед в «*Критическом стихосложении*»: «Постепенно человек сам приходит к умению следовать хорошим образцам» (Gottsched, 1973, S. 310).

Со времен Реформации и ее возврата к римской риторике надгробные речи, похоронные проповеди и утешительные письма стали неотъемлемой частью немецкой культурной жизни. В качестве текстовых форм выражения биографической значимости они также реализуют историографическую функцию (Lenz, 1974). В частности, принимая во внимание кёнигсбергское окружение Флотвелла и связи Готшета, неустанно поддерживавшего переписку из Лейпцига, можно для «Мыслей...», взятых в качестве примера, произвести относительно точную литературно-историческую классификацию в соответствии с положениями и «образцами», стилистически и содержательно следующими рекомендациям и правилам Готшета.

Чтобы понять взаимосвязь, нужно напомнить, не вдаваясь в подробности, что сам Готшед родился в местечке Юдиттен под Кёнигсбергом в 1700 г., до 1724 г. обучался в Альбертине и имел перспективы успешной академической карьеры (Reicke, 1892; Rieck 1972, S. 17–20). В 1724 г. он перебрался в Лейпциг, спасаясь от вербовщиков прусской армии. Оттуда в силу дружеских и родственных связей Готшед продолжал активно поддерживать контакты по

беруниверситären Zirkel, der dennoch einen akademischen Anspruch vertrat. Zum guten Ton gehörte es damals, dass ein gebildeter Mensch zu verschiedensten Gelegenheiten und bisweilen in verhältnismäßig kurzer Zeit eine passende, d.h. geistreich-sprachgewandte und sachlich zutreffende Rede oder gekonnte Verse ausarbeiten und überdies gefällig vortragen könne. Dieser letztgenannte Aspekt ist für Kant anhand einiger Denkverse auf verstorbene Professorenkollegen dokumentiert (*Denkverse*, AA 12, S. 395-397; vgl. dazu Stark, 2000). Das Hauptanliegen jener *Deutschen Gesellschaft* lässt sich nun mit den Worten Kants wie folgt akzentuieren: „Nur durch Umgang und Gesellschaft wird der Mensch geschliffen. Muster, Nachahmungswürdige Muster sind nothwendig, um den Geschmack zu bilden, und beyzubehalten“ (*V-Lo/Blomberg*, AA 24, S. 47). Oder wie Gottsched in *Critische Dichtkunst* selbst betont: „Man wird selber allmählich geschickt, guten Mustern zu folgen“ (Gottsched, 1973, S. 310).

Grabrede, Leichenpredigt oder Trostschriften sind seit der Reformation und deren Rückgriff auf die römische Rhetorik festgegründeter Bestandteil des kulturellen Lebens in deutschen Landen. Als Textformen biografischer Würdigung erfüllen sie zugleich eine historiographische Funktion (Lenz, 1974). Besonders aufgrund besagter Königsberger Konstellationen um Flottwell und den aus Leipzig unermüdlich korrespondierenden Gottsched kann daher für den Beispielfall der *Gedanken* eine verhältnismäßig genaue literaturhistorische Einordnung nach Gesichtspunkten und „Mustern“, die den stilistisch-inhaltlichen Empfehlungen und Regeln Gottscheds folgen, vorgenommen werden.

Zum Verständnis der Zusammenhänge muss an dieser Stelle – ohne ins Detail zu gehen – daran erinnert werden, dass Gottsched selbst im Kirchdorf Juditten bei Königsberg im Jahr 1700 geboren wurde und bis 1724 an der Alber-

переписке со многими учеными в своем родном городе и еще раз посетил Кёнигсберг летом 1744 г., чтобы помочь организовать двухсотлетие основания университета Альбертина (Krause, 1893, S. 74). В качестве независимого представителя школы Вольфа Готшед стал ординарным профессором логики и метафизики, а также экстраординарным профессором поэтики в Лейпциге. Кант, очевидно, был хорошо знаком не только с его «Риторикой», но и с получившим широкую известность учебником философии Готшеда «Первоосновы всей философии» (Walter, 2023; Hüttner, Walter, 2023). Так, в зимнем семестре 1764/65 г., незадолго до смерти Готшеда в 1766 г., философию и риторику в Кёнигсбергском университете преподавали по его «Первоосновам» и «Риторике». Это происходило даже параллельно с лекциями самого Канта, которые он читал на основе трудов Эберхарда, Майера и Баумгартена. В университетских архивах упоминается в этой связи магистр и доктор медицины Иоганн Тизен:

В утренние часы с 8 до 9 магистр Кант собирается читать теоретическую физику по Эберхарду, с 9 до 10 логику по Мейеру, с 10 до 11 философию практическую, полный курс, и этику по Баумгартену, а с 11 до 12 — метафизику по тому же автору, но пока не может совершенно точно определить часы.

Доктор и магистр Тизен, если у него будут слушатели, собирается проводить занятия по философии и риторике в соответствии с наставлениями Готшеда и Фреера, но пока тоже не может определить расписание (расшифровка из актов сената Альбертины, зимний семестр 1764/65 г. (Pufelska, Barelkowski, 2024; Stark, 2024); рис. 1)³.

³ Вышеупомянутый коллега Канта, Иоганн Тизен, «доктор А. Г. (врачебной учености, т.е. медицины. — М. В.) и философии был в 1758 г. магистром и частным преподавателем в университете, но за последние годы не читал ни одного курса» (Goldbeck, 1782, S. 88). Это отчет университета перед министерством финансов о запланированных курсах. В напечатанном каталоге лекций публикуются только лекции ординарных профессоров, но не лекции, например, приват-доцента Канта (Stark, 2024). В 1758 г. и Тизен, и Кант претендовали на должность профессора логики и метафизики, которую занимал скончавшийся Й. Д. Кипке. См. письмо Канта от 11 декабря 1758 г. (AA 10, S. 4) и комментарий к нему (AA 13, S. 4).

tina mit Aussicht auf eine erfolgreiche akademische Karriere studierte (Reicke, 1892; Rieck, 1972, S. 17–20). Um sich den Werbem der Preussischen Armee zu entziehen, floh er im Jahr 1724 nach Leipzig. Von dort aus unterhielt er wegen freundschaftlicher und verwandtschaftlicher Beziehungen zahlreiche Briefkontakte zu vielen Gelehrten seiner Heimatstadt und besuchte Königsberg noch einmal im Sommer 1744, um das Stiftungsjubiläum der Albertus-Universität mitzugestalten (Krause, 1893, S. 74). Nach seinem Weggang wurde Gottsched als unabhängiger Vertreter der Schule Wolffs ordentlicher Professor für Logik und Metaphysik sowie außerordentlicher Professor für Poetik in Leipzig. Nicht nur mit seiner *Redekunst*, sondern auch mit dem weitverbreiteten Philosophielehrbuch Gottscheds war Kant offenbar wohl vertraut: *Erste Gründe der gesammten Weltweisheit* (Walter, 2023; Hüttner und Walter, 2023). Noch im Wintersemester 1764/65, kurz vor Gottscheds Tod im Jahr 1766, wurde nach dessen *Ersten Gründen* Philosophie und nach dessen *Redekunst* Rhetorik an der Königsberger Universität angeboten. Dies erfolgte sogar parallel zu Kants eigenen Vorlesungen, die er nach den Kompendien von Eberhard, Meier und Baumgarten gehalten hat. Die Akten der Universität nennen hier den Magister und Doktor der Medizin, Johann Thiesen:

Der **M. Kant** wird in den Morgenstunden von 8-9. die Theoretische Phÿsic nach dem Eberhard, von 9-10 die Logic nach Meiern, von 10-11. die Philosoph. Pract. vniuers. und die Ethic nach Baumgarten, und von 11-12 die Metaphÿs. nach eben diesem Autore lesen, kann aber wegen der Stunden noch nichts ganz gewißes bestimmen.

Der **D. und M. Thiesen** wird, wenn er Zuhörer bekommen sollte, in Philosophicis und Rhetoricis nach Gottscheden und Freÿers Anleitung Unterricht geben, kann aber ebenfalls noch keine Stunde bestimmen (Abb. 1; Transkription

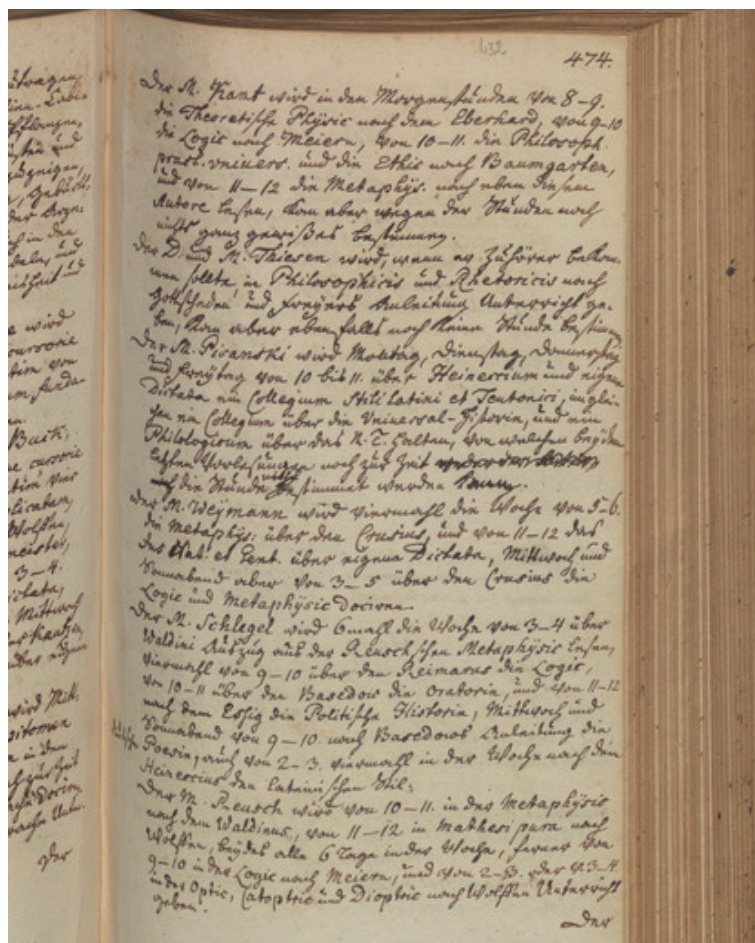

Рис. 1. Из актов сената Альбертины, архив в Ольштыне (Польша)⁴

Поскольку все искусство красноречия стилистически и философски опиралось на лучшие образцы римско-латинской античности (Цицерон, Сенека, Тертуллиан и др.), то именно эти авторы представляют собой надежный ориентир для создания утешительных писем. Этот аспект будет рассмотрен отдельно во второй части данной статьи. Во всяком случае, Меланхтон, а затем и Готшед предлагали выбирать именно эти образцы для подражания.

⁴ См. с. 474 актов университета. Оцифрованная копия документа доступна на сайте «Кант в Ольштыне». URL: https://projekt-plattform.ikgn.de/zoom/zoom.php?Bild=2/2023/12/42_1646_0_0_304_0432-scaled.jpg (дата обращения: 29.08.2024). — Примеч. ред.

Abb. 1: Aus den Akten des Senats der Albertina, Archiv in Olsztyn (Polen)

aus den Akten des Senats der Albertina, Wintersemester 1764/65, S. 474, vgl. Pufelska, Barelkowsky, 2024; Stark, 2024).³

³ Der genannte Kollege Kants, Johann Thiesen ist „D. der A. G. [„Doktor der Arznei-Gelehrsamkeit“ = Medizin. — M. W.] und Philosophie wurde 1758 Magister und in demselben J. D. der A. G. und Privatlehrer bey der Universität, liest aber seit vielen Jahren keine Kollegia mehr“ (Goldbeck, 1782, S. 88). Es handelt sich um den Bericht der Universität an das Etats-Ministerium über die geplanten Lehrveranstaltungen. Im gedruckten Lektionskatalog sind lediglich die Vorlesungen der ordentlichen Professoren gedruckt, aber beispielsweise nicht jene des Privatdozenten Kant (Stark, 2024). Sowohl Thiesen als auch Kant bewarben sich 1758 auf die Professur für Logik und Metaphysik des verstorbenen Johann David Kypke (Br, AA 10, S. 4 (11. Dez. 1758); Kommentar, AA 13, S. 4).

Кант также сформировал свое философское мышление в значительной степени под влиянием римских писателей — Цицерона, Сенеки, Лукреция и Горация. Подобное наблюдение было сделано уже одним из современников Канта. Речь идет об Игнаце Аурелии Фесслере, авторе множества сочинений, который в 1795 г. работал над «полным комментарием о стоической философии, в частности о стоицизме Сенеки, и о ее отношении к критической моральной философии» (AA 12, S. 28)⁵. Образ мышления, считающий себя «душевождением» (*психагогия*, наследующая Платону), должен был в равной степени быть близок обоим просветителям — Канту и Готшеду.

2. Биографические сведения о лицах, упомянутых в «Мыслях...»

В этом разделе приводятся некоторые подробности биографий лиц, упомянутых в письме. В своей анонимно опубликованной биографии Канта Меллин пишет, что Кант якобы состоял в дружеских отношениях с матерью студента — Агнес Элизабет фон Функ (Anonym [Mellin], 1804, S. 30–31). Штефан Ванновский также свидетельствует, что Иоганн Фридрих был одним из тех студентов, к которым Кант питал особое уважение и привязанность из-за их характера и таланта (Malter, 1990, S. 131). В издании Эрлера, которое содержит список зачисленных студентов Альбертины, указано, что Иоганн Фридрих и его младший брат поступили в университет 2 июня 1759 г.: «Функ Иог. Фрдр., eq. Curon.» и «Функ Виль. Эрнест., eq. Curon.» (Erler, 1911/1912, S. 472). Аббревиатура, стоящая за именами, означает *eques Curoniensis*, что переводится как «рыцарь из Курляндии», то есть в большинстве случаев владелец поместья.

⁵ Работа, анонсированная Корном в Бреслау, вероятно, так и не появилась. См. комментарий Менцера (AA 13, S. 397). Но там вышли четыре тома в двух изданиях, подготовленных Фесслером: *Marc Aurel. Semper honos nomenque tuum, laudesque manebunt*: in 4 Bdn. 2., verbesserte Aufl. Breslau: Wilhelm Gottlieb Korn, 1799.

Da die ganze Kunst der Beredsamkeit sich stilistisch und philosophisch an den besten Vorbildern der römisch-lateinischen Antike geschult hat (Cicero, Seneca, Tertulian, etc.), bilden diese Autoren einen festen Anknüpfungspunkt für die Gestaltung von Trostschriften. Dieser Aspekt wird im zweiten Teil der vorliegenden Arbeit eigens erörtert werden. Die Wahl dieser Vorbilder schlagen jedenfalls Melanchthon und später Gottsched vor. Auch Kant hat sich in philosophischer Hinsicht zu einem großen Teil an den römischen Schriftstellern Cicero, Seneca, Lukrez und Horaz orientiert. Eine Beobachtung, die bereits ein vielschreibender Zeitgenosse Kants machen konnte; gemeint ist Ignaz Aurelius Feßler, der im Jahre 1795 an einem „vollständigen Commentar über die stoische Philosophie, den besonderen Stoicismus des Seneca, und über das Verhältnis derselben zur kritischen Moral-Philosophie“ arbeitete (Br, AA 12, S. 28).⁴ Ein Denken, dass sich als ‚Seelenleitung‘ (*Psychagogie* im Anschluss an Platon) verstand, musste den beiden Aufklärern, Kant und Gottsched, gleichermaßen nahestehen.

2. Biographisches zu den genannten Personen in den Gedanken

In diesem zweiten Abschnitt seien einige *Biographica* zu den im Sendschreiben erwähnten Personen ergänzt. Mellin berichtet in seiner anonym erschienenen Kantbiografie, dass Kant mit der Mutter Agnes Elisabeth von Funk in gesellig-freundschaftlichem Verkehr gestanden haben soll (Anonym [Mellin], 1804, S. 30-31). Von Stephan Wannowski ist ferner zu erfahren, dass Johann Friedrich zu jenen Studenten gehörte, denen Kant aufgrund ihres Charakters und ihrer Begabung besondere Wertschätzung und Zunei-

⁴ Das angekündigte Werk bei Korn in Breslau erschien wohl nie. Vgl. Menzers Kommentar in AA 13, S. 397. Dort aber in vier Bänden und zwei Auflagen von Feßler: *Marc Aurel, 1799. Semper honos nomenque tuum, laudesque manebunt*. 4 Bde. 2., verbesserte Aufl. Breslau: Wilhelm Gottlieb Korn.

Кант сам приводит краткое описание жизни Функа в конце своих «Мыслей...» (AA 02, S. 42–44; Кант, 1994б, с. 21–22). Он размещает «небольшое описание жизни и характера покойного» (AA 02, S. 43; Кант, 1994б, с. 21). Ссылаясь на записи в регистрационной книге (зачисление должно было произойти в течение десяти дней после прибытия и начала обучения), он пишет, что молодой барон прибыл в Альбертину 12 июня 1759 г. в сопровождении своего младшего брата Вильгельма Эрнста фон Функа и их неназванного домашнего учителя. По свидетельству Канта, Иоганн Фридрих родился 4 октября 1738 г. и умер в возрасте 22 лет, 4 мая 1760 г. Погребение в соответствии с сословной принадлежностью покойного состоялось в кафедральном соборе Кёнигсберга (AA 02, S. 43; Кант, 1994б, с. 21). Кант также упоминает, что Функ слушал его лекции вместе с лекциями двух других профессоров — физика Иоганна Готфрида Теске (1704–1772) и юриста Иоганна Даниэля Функа (AA 02, S. 43; Кант, 1994б, с. 21). Если поменять фокус — переключить внимание с Канта на Функа, — становится ясно, что эти «Мысли...», безусловно, являются важнейшим биографическим источником о жизни Функа и, следовательно, имеют самостоятельную значимость, вполне независимую от знаменитого автора, по крайней мере для потомков и для истории Курляндии.

3. К вопросу о рецепции в рамках биографических исследований Канта

Во-первых, «Мысли...» следует рассматривать с учетом достижений всего предыдущего кантоведения. Данный текст в идеале можно отнести к числу эпизодических работ магистра Канта, которые по определению носят более или менее частный характер и рассматриваются как единичный случай. Исходя из сказанного, этому тексту отводятся маргинальные место и функция в рамках любой попыт-

гung entgegenbrachte (Malter, 1990, S. 131). In Erlers Ausgabe des Matrikelverzeichnisses der Albertina ist nachzulesen, dass Johann Friedrich und sein jüngerer Bruder sich am 2. Juni 1759 an der Universität einschrieben: „Funck de Joh. Frdr., eq. Curon.“ und „Funck de Wilh. Ernest., eq. Curon“ (Erler, 1911/1912, S. 472). Die Abkürzung hinter den Namen steht für „*eques Curonensis*“, d.h. „Ritter aus dem Kurland“, also meist Rittergutsbesitzer.

Kant selbst bringt am Ende der *Gedanken* einen kurzen Lebensabriss Funks (GAJFF, AA 02, S. 42–44). Er entwerfe „eine kleine Zeichnung von dem Leben und dem Charakter des selig Verstorbeneden“ (ebd., S. 43). Entgegen den Eintragungen im Matrikelbuch behauptet er (man musste sich innerhalb von zehn Tagen nach Ankunft und Studienbeginn einschreiben), dass der junge Baron am 12. Juni 1759 an die Albertina kam, und zwar in Begleitung seines jüngeren Bruders Wilhelm Ernst von Funk und ihres namentlich nicht genannten Hofmeisters. Geboren wurde Johann Friedrich nach Kants Angaben am 4. Oktober 1738 und verstarb im 22. Lebensjahr, am 4. Mai 1760. Die Beisetzung erfolgte standesgemäß in der Kathedrale zu Königsberg (ebd.). Kant erwähnt darüber hinaus, dass Funk bei ihm und bei zwei weiteren Professoren Collegia hörte, bei dem Physiker Johann Gottfried Teske (1704–1772) und dem Juristen Johann Daniel Funck (1721–1764) (ebd.). Ein Perspektivwechsel — weg von Kant, hin zu Funk — macht deutlich, dass die *Gedanken* sicherlich die wichtigste biografische Quelle zu Funks Leben sind und damit mindestens für die Nachfahren und die Kurländische Lokalgeschichte einen Eigenwert besitzen, der verhältnismäßig unabhängig vom berühmten Autor für sich bestehen kann.

3. Zur Rezeption innerhalb der biografischen Kantforschung

Zunächst seien die *Gedanken* anhand der Rezeption innerhalb der bisherigen Kantforschung

ки философско-систематической интерпретации идей Канта раннего периода. Однако если преподнести это сочинение в исторически корректном контексте, то содержащиеся в нем философские темы можно удачно вписать в общую картину развития кантовской мысли.

При сравнительном прочтении диссертаций Канта и написанных им текстов приглашений и программ прежде всего становится ясно, что все эти сочинения, включая его единственное утешительное письмо, преследуют цели, во многом predeterminedенные ожиданиями и традициями (в том числе в отношении стиля и формы), присущими организованному по сословному принципу обществу. Этот аспект происхождения, который сегодня можно охарактеризовать как социологически обусловленный средой, является общим для всех трех текстовых форм, используемых Кантом: так, диссертация с последующей защитой призвана продемонстрировать актуальность философских аргументов. Текст и последовательность изложения предписаны строго и неукоснительно, они основаны на академических традициях (Marti, 2023). Университет имеет право «по результатам экзамена присваивать общепризнанный статус (степень) свободным (не входящим в состав университета) учителям, именуемым докторами, т.е. официально избирать их» (AA 07, S. 17; Кант, 2024б, с. 259).

Приглашения или программы можно было составлять более свободно по содержанию, и они должны были вдохновлять потенциальных слушателей на посещение конкретной лекции, при этом для выбора тем следовало использовать рекомендованные властями учебники и учебные планы (Rosenkranz, 1878, S. 247–248), что должно было противодействовать недобросовестной практике, когда профессора просто зачитывали диктант (Paulsen, 1921, S. 142–145).

Утешительное письмо, о котором идет речь в данной статье, призвано помочь преодолеть боль от потери близкого человека с помощью

бetrachtet. Bestenfalls hat man diesen Text unter das Gelegenheitsschrifttum, das *qua* Definition mehr oder minder privater Natur ist, des Magisters eingereiht und als ein einmaliges Kuriosum betrachtet. Konsequenterweise würde der Schrift auf dieser Basis für jeden Versuch einer philosophisch-systematischen Auslegung von Kants frühem Denken eine randständige Stellung und Funktion zugewiesen werden müssen. Würde man die Schrift jedoch im historisch korrekten Kontext präsentieren, könnten die in ihr enthaltenen Philosopheme in das Gesamtbild von Kants Denkentwicklung gewinnbringend einbezogen werden.

Anhand einer vergleichenden Lektüre mit Kants Dissertationen und seinen Einladungs- oder Programmschriften wird zunächst deutlich, dass alle diese Schriften inklusive seiner einzigen Trostschrift Zwecke verfolgen, die in einer ständisch organisierten Gesellschaft von Erwartungen und Konventionen, auch hinsichtlich Stil und Form, in großen Teilen vorgegeben sind. Diese heute wohl als ‚soziologisch-milieubedingt‘ zu charakterisierende Entstehungskomponente ist allen drei von Kant bedienten Textformen gemeinsam: Eine Dissertation mit anschließender Disputation soll zeigen, dass philosophisch auf der Höhe der Zeit argumentiert wird. Textgestaltung und Ablauf der Präsentation sind strikt und statutenmäßig vorgeschrieben; sie richten sich nach den akademischen Gepflogenheiten (Marti, 2023). Die Universität hat das Recht „freie (keine Glieder derselben ausmachende) Lehrer, Doctoren genannt, nach vorhergehender Prüfung aus eigener Macht mit einem von jedermann anerkannten Rang zu versehen (ihnen einen Grad zu ertheilen), d.i. sie zu creiren“ (SF, AA 07, S. 17).

Die Einladungs- oder Programmschriften konnten inhaltlich freier gestaltet werden und sollten potentielle Hörer für den Besuch einer bestimmten Vorlesung motivieren, wobei für ihre Themenauswahl die ministeriell empfohlenen Lehrbücher und *Curricula* heranzuziehen

философских рассуждений и соответствующих высказываний в случае тяжелой утраты. В самом широком смысле оно относится к назидательным сочинениям, широко распространенным со времен Лютера, но принявшим человекоцентрированный характер благодаря просветителю Канту. В связи с этим интерпретатору приходится в дальнейших суждениях учитывать до сих пор игнорировавшийся фактор дифференциации соответствующих адресатов текстов Канта. Очевидно, что в случае диссертаций таковыми выступают ученые и студенты, в случае программных текстов — учащиеся, а в случае «Мыслей...» — скорбящая мать, эмоционально переживающая потерю сына-юноши, а также родственники и друзья из кёнигсбергской или восточнопрусской аристократии и образованной буржуазии. В своем утешительном письме Кант продемонстрировал попытку соответствовать требованиям просвещенного времени относительно популярно-философской, но в то же время глубокой по смыслу речи.

Ранее биографы и издатели рассматривали это письмо только в самых общих чертах и, возможно, без особого интереса, резюмируя или пересказывая его содержание без каких-либо комментариев и анализа с соответствующими фактологическими пояснениями. Таким образом, комплексная попытка контекстуализации до сих пор не была предпринята.

Предложенная Фридрихом Теодором Ринком идентификация «Мыслей...» в рамках кантовского корпуса текстов определила направление практически всей последующей рецепции, продолжающейся по сей день. В качестве редактора «Сборника неизвестных ранее малых сочинений Иммануила Канта» (1807) Ринк оправдывается перед читателями тем, что «Мысли...» могли бы «запросто оказаться в стороне» (Rink, 1807, S. 4). Сборник был опубликован в качестве четвертого, дополнительного тома к изданному Иоганном Генрихом

waren (Rosenkranz, 1846, S. 247–248), dies, um dem Unwesen entgegenzusteuern, dass die Professoren einfach einen vorbereiteten Diktattext ablesen (Paulsen, 1921, S. 142–145).

Die Trostschrift, um die es hier gehen soll, kann mit Hilfe philosophischer Erwägungen und durch entsprechenden Vortrag im Trauerfall über den Schmerz des Verlusts einer geliebten Person hinweghelfen. Sie gehört damit im weitesten Sinne zu den seit Luther verbreiteten Erbauungsschriften, die aber durch den Aufklärer Kant eine ‚anthropo-zentrierende‘ Wendung erhält. Vor diesem Hintergrund wird der Interpret zudem also die bisher vernachlässigte Komponente einer Differenzierung der jeweiligen Adressaten von Kants Texten bei den ferneren Beurteilungen einzubeziehen haben. Offenkundig sind seine Adressaten im Fall der Dissertationen Akademiker und Studenten, im Fall der Programmschriften Studenten und im Fall der *Gedanken* eine durch den Verlust ihres jugendlichen Sohnes trauernde Mutter nebst Angehörigen und Freunden aus dem Umkreis der Königsberger oder ostpreußischen Aristokratie und des Bildungsbürgertums. Mit seiner Trostschrift gibt Kant eine Probe davon, dass er den Anforderungen des aufgeklärten Zeitgeistes an einen populärphilosophischen, aber dennoch tiefgründigen Vortrag gewachsen ist.

Bisherige Biografen und Herausgeber haben das Sendschreiben mit wenigen Worten abgehandelt, indem sie eher den Inhalt zusammengefasst oder paraphrasiert haben, anstelle diesen anhand geeigneter Sacherläuterungen zu kommentieren und aufzuschlüsseln. Ein umfassend angelegter Kontextualisierungsversuch blieb bis *dato* also aus.

Richtungweisend für die nahezu gesamte spätere, bis in die Gegenwart wirkende Rezeption ist Friedrich Theodor Rinks Einordnung der *Gedanken* innerhalb des Kant'schen Textkorpus. Als Herausgeber der *Sammlung einiger bisher unbekannt gebliebener kleinerer Schriften von Immanu-*

Тифтрукном собранию «Различных сочинений Имануила [sic!] Канта» (1899). Несмотря на такой комментарий, Ринк старается не утаивать от читателя «Мысли...» и оставляет за ним право самому решать, как их следует прочесть: «Впрочем, я уверен, что иная часть публики невольно пропустила бы это сочинение, поскольку здесь автор чуть ли не более, чем где-либо еще, переходит из школьной жизни в общественную и тем самым открывает определенные приятные грани собственного характера, ничуть не умаляя при этом своей сущности» (Ibid.). В этих вступительных словах Ринк причисляет «Мысли...» к популярным сочинениям Канта и релятивизирует содержащиеся в них философские перспективы. Его первая характеристика кажется верной, поскольку сочинение предназначено не исключительно для академической профессиональной аудитории, а скорее, в более узком смысле, для скорбящей общины и, в более широком смысле, для заинтересованной публики. Об этом свидетельствует достаточно понятный и легкий стиль изложения. Поскольку это сочинение представляет Канта с индивидуальной стороны и раскрывает «приятные грани» его характера, оно обладает и автобиографической ценностью — вносит вклад в изучение личности Канта.

Ссылаясь на аналогичные мотивы, Пауль Менцер вновь включил «Мысли...» в 1911 г. в свой сборник «Популярные сочинения Канта», изданный по поручению Кантовского общества. По его убеждению, знание личности Канта помогает глубже понять его философию. Менцер усматривает в письме свидетельства человеческой «теплоты и тактичной сдержанности» великого кёнигсбержца (Menzer, 1911, S. III–IV). Вполне обоснованным было бы следующее видение эмоциональной жизни Канта: преждевременной смертью был чрезвычайно поражен и сам Кант, и «те, к кругу которых он (Функ. — М.В.) принадлежал» (АА 02, S. 44; Кант, 1994б, с. 22). То, что к написанию текста

el Kant (1807), entschuldigt er sich bei den Lesern. Die *Gedanken* hätten „füglich wegbleiben“ können (Rink, 1807, S. 4). Die Sammlung ist als vierter, ergänzender Band zu Johann Heinrich Tieftrunks Sammlung von *Immanuel [sic!] Kant's vermischten Schriften* (1899) erschienen. Trotz dieses Einwands will Rink die *Gedanken* dem Leser dann doch nicht vorenthalten und überlässt ihm die Lektüreentscheidung selbst: „Indessen bin ich gewiß, daß wieder ein anderer Theil des Publicums ungerne diesen Aufsatz würde vermißt haben, da der Verfasser hier fast mehr, als sonst irgendwo, aus der Schule in das bürgerliche Leben übertritt, und dadurch gewisse Gesichtspunkte zur liebenswürdigsten Charakterschilderung seiner selbst eröffnet, ohne dabey, was er sonst ist, im mindesten weniger zu seyn“ (ebd.). Mit diesen einführenden Worten schlägt Rink die *Gedanken* zu den populären Schriften Kants und relativiert die enthaltenen philosophischen Perspektiven. Seine erstgenannte Zuschreibung erscheint insofern korrekt, als sich die Schrift keineswegs an ein ausschließlich akademisches Fachpublikum, sondern an eine Trauergemeinde im engeren und eine interessierte Öffentlichkeit im weiteren Sinne richtet. Dies setzt eine verständliche, gefällige und gut lesbare Schreibart voraus. Insofern sie Kant von einer persönlichen Seite zeige und seinen „liebenswürdigsten“ Charakter erkennen lasse, besitzt die Schrift zusätzlich einen autobiografischen Wert, indem sie einen Beitrag zu Kants Persönlichkeit liefert.

Unter Nennung ähnlicher Motive hat Paul Menzer die *Gedanken* im Jahr 1911 erneut in seine im Auftrag der *Kant-Gesellschaft* herausgegebenen Sammlung *Populärer Schriften* Kants aufgenommen. Er ist der Überzeugung, dass die Kenntnis der Persönlichkeit Kants helfe, das Verständnis seiner Philosophie zu vertiefen. Daher erblickt er im Sendschreiben Anhaltspunkte für die menschliche „Wärme und taktvolle Zurückhaltung“ des großen Königsbergers (Menzer, 1911, S. III-IV). Dieser unterstellte Ein-

Канта подтолкнула его личная привязанность к Функу, — вполне естественно и не требует иных обоснований, кроме как со стороны самого Канта: «...я стремился выразить уважение, которое я питал к этому своему бывшему слушателю» (AA 02, S. 41; Кант, 1994б, с. 18).

К сожалению, изучение характера и личности великих мыслителей, таких как Кант, судя по всему, вытеснено из философских исследований и вышло из моды, потому что зачастую оно подразумевает использование субъективных представлений. Тем не менее стоит надеяться, что кантоведение вернется к этим вопросам⁶.

В XIX в. при изучении наследия Канта весомое значение получили зачастую весьма поспешные высказывания двух кёнигсбергских профессоров: Розенкранца и Шуберта. Фридрих Вильгельм Шуберт, который вместе с Карлом Розенкранцем (Stark, 1993, S. 64) осуществил первое издание «Собрания сочинений» Канта, следуя манере Ринка, пишет: «Это письмо кажется самым слабым произведением в этом томе» (Schubert, 1838, S. X). Следовательно, хотя текст и дополняет это издание, он не имеет большого философского значения. Однако Шуберт по крайней мере признает ценность «Мыслей...» как документального свидетельства духовного развития Канта и его взглядов на вопросы практической философии того времени. Сопоставление Шубертом этой работы с более поздними морально-философскими трактатами Канта, такими как «Метафизика нравов» или «Критика практического разума», является неверным подходом. Учитывая изложенное выше различие текстов для разных адресатов, придем к сравнению как в поговорке «Не яблоко ли груша» (Gottsched, 2023, S. 125).

⁶ О совокупности вопросов относительно личности Канта, в том числе о его эмоциональной жизни, которая в настоящее время, как правило, исключается из исследований по подозрению в психоаналитических спекуляциях, см. прежде всего: (Menzer, 1924), с определенными ограничениями (Heller, 1924) и особенно замечания психолога Карла Ясперса (Jaspers, 1956).

blick in Kants Gefühlsleben ist berechtigt: Kant selbst war vom frühzeitigen Tod, gemeinsam mit „all jenen, die ihn [Funk — M.W.] kannten“, tief berührt (GAJFF, AA 02, S. 44). Dass Kant die persönliche Verbundenheit mit Funk veranlasst haben wird, den Text zu verfassen, liegt in der Natur der Sache und bedarf keiner weiteren Rechtfertigung außer derjenigen von Kant selbst: „dadurch ich die Achtung auszudrücken trachte, die ich für diesen meinen ehemaligen Zuhörer gehegt habe“ (ebd., S. 41).

Die Nachzeichnung des Charakters und der Persönlichkeit großer Denker wie Kant scheint leider aus der philosophischen Forschung verdrängt worden zu sein und ist außer Mode geraten, weil sie oft subjektive Einsichten einfließen lassen muss. Es bleibt dennoch zu wünschen, dass dieser Themenkomplex in der Kantforschung erneut aufgegriffen wird.⁵

Von Gewicht in Fragen der Kantforschung waren im 19. Jahrhundert die oft vorschnellen Ausführungen der beiden Königsberger Professoren Rosenkranz und Schubert. Friedrich Wilhelm Schubert, der mit Karl Rosenkranz zusammen (Stark, 1993, S. 64) die erste Ausgabe von Kants *Sämtlichen Werken* veranstaltete, hält sich an Rinks Duktus und wertet: „Dieses Sendschreiben erscheint offenbar als das schwächste Product dieses Bandes“ (Schubert, 1838, S. X). Ergo vervollständige die Schrift eine Gesamtausgabe zwar, habe jedoch nur wenig philosophische Aussagekraft. Doch billigt Schubert den *Gedanken* immerhin einen dokumentarischen Wert für Kants geistige Entwicklung und für seinen damaligen Standpunkt in Fragen der praktischen Philosophie zu. Dabei ist die durch Schubert angedeutete vergleichende Bemessung der Schrift an Kants späteren moralphiloso-

⁵ Zu diesem Fragekomplex nach Kants Persönlichkeit unter Einbeziehung seines Gefühlslebens, der heute eher unter dem Verdikt psychoanalytisch angehauchter Spekulation aus der Forschung ausgeklammert wird, lese man vor allem Menzer (1924), sowie mit Abstrichen Heller (1924) und besonders die Ausführungen des Psychologen Karl Jaspers (1956).

Это связано с тем, что язык и уровень знаний должны быть уместны и соответствовать аудитории, к которой обращаются. Шуберт также отмечает, что текст основывается не столько на «частных обстоятельствах», сколько на «общих взглядах» (Schubert, 1838, S. X). Тем не менее на первый взгляд это было не научное, а изначально личное, риторически оформленное письмо, написанное по случаю. Если сравнение в рамках всех работ Канта вообще имеет смысл, было бы интересно сопоставить причины утешения и выбор выражений в тексте «Мыслей...» с черновиком личного утешительного письма к Марии фон Герберт, написанного весной 1792 г. (AA 11, S. 331–334; Кант, 1980).

Куно Фишер, который по праву называет «Мысли...» речью, в целом оценивает ситуацию более объективно. В то же время он видит в них возрожденную приверженность и признак продолжения размышлений Канта над лейбницеvской темой «наилучшим образом упорядоченного мира». Кант подробно рассмотрел эту тему незадолго до того в сочинении «Об оптимизме» (AA 02, S. 27–35; Кант, 1994a; Fischer, 1889, S. 108). Несмотря на то что Фишер не исследует исторические обстоятельства появления «Мыслей...», его классификация и предполагаемая философская мотивация служат важным ориентиром для дальнейшей интерпретации.

Примечательно, что соответствующие рассуждения некоторых более поздних кантоведов уступают выводам Фишера в отношении как определения текстовой формы, так и философской классификации. В лучшем случае эти рассуждения приводят к сходным результатам. Упоминание письма Манфредом Кюном производит впечатление, как будто он из-за затруднения или отсутствия интереса дает весьма общие пояснения: «Одна из самых необычных публикаций Канта посвящена его [Функа] безвременной кончине. Она была написана в виде письма матери Функа, в кото-

phischen Abhandlungen, wie der *Metaphysik der Sitten* oder der *Kritik der praktischen Vernunft*, ein verfehltter Ansatz. Hält man sich die soeben ausbuchstabierte Differenzierung von Texten für verschiedene Adressaten vor, führt dies zum sprichwörtlichen Vergleich, „ob nicht ein Apfel eine Birne sey“ (Gottsched, 2023, S. 125). Denn Sprache und Höhe der Fachlichkeit müssen dem angesprochenen Publikum angemessen und angepasst sein. Schubert konstatiert ferner, der Text rühre weniger von „Privatverhältnissen“ als von „allgemeinen Ansichten“ her (Schubert, 1838, S. X). Dennoch sei die Schrift *prima facie* keine gelehrte, sondern zunächst eine persönliche, rhetorisch aufbereitete Gelegenheitschrift. Wenn überhaupt ein Vergleich innerhalb des Kant'schen *Ceuvres* sinnvoll erscheint, wäre wohl reizvoll, Trostgründe und Wortwahl der *Gedanken* dem Entwurf eines persönlichen Trostschreibens an Maria von Herbert, Frühjahr 1792, gegenüberzustellen (*Br*, AA 11, S. 331-334).

Insgesamt gerechter beurteilt Kuno Fischer die Angelegenheit, der die *Gedanken* passend als „Redenschrift“ anspricht. Zugleich erkennt er in ihr eine erneute Zuwendung und ein Zeichen für das anhaltende Nachdenken Kants über das Leibniz'sche Motiv der „bestgeordnetsten Welt“. Kant habe dieses Thema kurz zuvor eingehend im *Optimismus*-Aufsatz diskutiert (*VBO*, AA 02, S. 27-35; s. Fischer, 1889, S. 108), obwohl Fischer die historischen Konstellationen um die Entstehung der *Gedanken* ausklammert, bilden seine Klassifizierung und die unterstellte philosophische Veranlassung einen wichtigen Hinweis zur ferneren Auslegung.

Einschlägige Erwägungen einiger neuerer Kantforscher bleiben erstaunlicherweise sowohl hinsichtlich der Bestimmung der Textform als auch der philosophischen Einordnung hinter Fischer zurück. Bestenfalls kommen sie zu ähnlichen Ergebnissen. Manfred Kühns Ausführungen zum Sendschreiben sind allgemein gehalten: „One of Kant's most peculiar publications deals with his [Funk's] untimely death. It was written in the form

ром Кант хвалил характер ее сына и использовал его смерть как повод для размышлений о смысле жизни» (Кюн, 2021, с. 181). Предваряющее утверждение Кюна о том, что это одна из самых необычных публикаций Канта, кажется ошибочным, поскольку текст представляет собой эпизодическое письмо, соответствующее требованиям времени и характерное для того места и сословия. Его указание, что в «Мыслях...» одновременно описывается жизнь умершего и ведутся размышления о смысле жизни, намекает на их двухчастную структуру. Однако помимо этого замечания возникает вопрос, почему Кант вообще создает свое произведение в дихотомическом ключе, чередуя описание жизни и философскую рефлексию. Является ли это причудой либо авторской манерой великого мыслителя, или Кант следует стилистическому руководству, некоей схеме? В случае с обычным, популярным, написанным по учебнику письмом исчез бы любой видимый ореол своеобразия кантовских «Мыслей...»⁷.

В многократно переизданной книге Герда Ирлица «Кантовский справочник» (Irlitz, 2015) «Мысли...» даже не упоминаются. Красноречивое молчание, из которого следует сделать вывод, что Ирлиц не придает тексту никакой философской значимости? Возможно, здесь он идет за Георгом Клаусом (Klaus, 1977), у которого «Мысли...» — при всей его манере вставлять многочисленные комментарии к Канту из Энгельса и Ленина — не имеют тематической привязки. И это несмотря на то, что Клаус со всей очевидностью обращается к изучению жизни молодого магистра (Ibid., S. 145–152).

Карл Форлендер, в свою очередь, признает

⁷ В этом смысле словарь Дудена приводит следующие синонимы для слова «своеобразный»: любопытный, странный, необычный, особый, экстравагантный и т.д. См.: <https://www.duden.de/synonyme/eigentuemlich> (дата обращения: 09.09.2023). В немецком издании (Kühn, 2003) эта оценка опущена. Здесь лишь упоминается — и вполне в духе Ринка и Шуберта, — что это эпизодические работы для использования в частных целях, которые вносят «едва ли сколько-нибудь значительный вклад» в философию (Ibid., S. 164).

of a letter to Funk's mother, in which Kant praised the character of her son and used the occasion to reflect on the meaning of life" (Kuehn, 2002, p. 126). Kühns Vordersatz, es handle sich um eine von Kants eigenartigsten oder eigentümlichsten („most peculiar“) Veröffentlichungen, erscheint verfehlt, da es sich bei dem Text um eine dem Zeitgeschmack angemessene sowie orts- und standesüblichen Gelegenheitsschrift handelt. Sein Hinweis, dass sowohl das Leben des Verstorbenen beschrieben als auch Reflexionen über den Sinn des Lebens angestellt werden, spielt auf die zweigeteilte Anlage der *Gedanken* an. Die Frage lautet jedoch, über dieses Statement hinausgehend, warum Kant seine Arbeit überhaupt im dichotomischen Modus aus ineinanderfließender Lebensbeschreibung und philosophischer Reflexion entworfen hat. Handelt es sich um eine subjektiv motivierte Entschädigung oder der folgt Kant einer stilistischen Orientierungshilfe, einem Muster? Im Falle eines konventionellen, populär gehaltenen, lehrbuchmäßig ausgearbeiteten Sendschreibens würde jede äußere Aura des Eigentümlichen von Kants *Gedanken* wegfallen.⁶

Das mehrfach aufgelegte *Kant-Handbuch* von Gerd Irlitz (2015) schweigt gar zu den *Gedanken*. Ein beredtes Schweigen, aus dem rückzuschließen ist, dass Irlitz dem Text keine philosophische Relevanz zubilligt? Vielleicht folgt er dem Vorbild von Georg Klaus (1977), bei dem die *Gedanken* — anders als seine Neigung, vielfache Kommentare von Engels und Lenin zu Kant einzubauen — anathematisch sind. Und dass, obwohl sich Klaus ganz explizit mit der Lebenswelt des jungen Magisters befasst (ebd., S. 145-152).

⁶ In diesem Sinne zählt der *Duden* folgende Synonyma zu ‚eigentümlich‘: kurios, absonderlich, sonderbar, seltsam, sonderlich, extravagant u.a.m. Vgl. <https://www.duden.de/synonyme/eigentuemlich> (Zuletzt aufgerufen am 09.09.2023). In der deutschen Ausgabe (Kühn, 2003) entfällt diese Beurteilung. Hier wird lediglich erwähnt — und zwar ganz im Anschluss an Rink und Schubert —, dass es sich um Gelegenheitsschriften zum örtlichen Gebrauch handle, die „kaum einen nennenswerten Beitrag“ zur Philosophie leisten (ebd., S. 164).

существование источника, позволяющего судить об эмоциональной жизни Канта. Философ не лишен и «тонких чувств». В то же время становится очевидным всеобщее уважение, которым пользовался Кант, поскольку именно от него ждали слов утешения (Vorländer, 1992, S. 88–89). Биография, написанная Форлендером, направляет нас на верный путь, так как он признает, что это письмо среди всех сочинений Канта демонстрирует «наиболее общий риторический стиль» (Ibid., S. 112). Даже если принять, что философское содержание здесь маргинализировано, все равно это кантовское сочинение будет, по крайней мере согласно компетентной оценке Форлендера, самым ценным с риторической точки зрения. Если углубиться в этот аспект, то короткий текст окажется свидетельством языкового мастерства, что с неизбежностью заставит нас вспомнить о большой популярности Канта как красноречивого и общительного хозяина и гостя (Malter, 1990, S. 626; см. фрагменты под названием «Общество»).

С литературно-исторической точки зрения Тобиас Розефельдт идентифицирует «Мысли...» исходя из выбранного самим Кантом названия «письмо» (AA 02, S. 37), которое «таким образом относится к жанру текста», где «частная и публичная речь сочетаются в манере, характерной для XVIII века» (Rosefeldt, 2015, S. 685). Но даже с учетом этого общего наблюдения удается достичь относительно немногого.

Мартин Шёнфельд, представивший широко цитируемую монографию о философии молодого Канта, лишь упоминает, что существует, как он говорит, «некролог» по поводу смерти Функа (Schönfeld, 2000, p. VI). Философского содержания он совершенно не касается. Мне кажется, стоит упомянуть его замечание о том, что Кант ничего не публиковал в течение двух лет после смерти Функа (Ibid., p. 185). Впрочем, он не пытается дать этому объяснение. Следует помнить, что Кант, вероятно, считал себя меланхоликом (Vaihinger, 1898) и поэтому вполне

Karl Vorländer erkennt gleichfalls ein Schriftstück, das Einblicke in Kants Gefühlsleben gewährt. Der Philosoph entbehre auch „weicherer Gefühle“ nicht. Zugleich werde die allgemeine Wertschätzung gegenüber Kant deutlich, da man ganz besonders von ihm Worte des Trostes erwartet habe (Vorländer, 1992, S. 88-89). Vorländers Lebensbild führt gleichfalls auf die richtige Spur, indem er zugesteht, dass dieses Sendschreiben von Kants Schriften das „allermeiste rhetorische Gepräge“ aufweise (ebd., S. 112). Stimmt man einer Marginalisierung des philosophischen Inhalts zwar zu, so wäre die Schrift dennoch, jedenfalls nach Vorländers berufener Einschätzung, unter rhetorischen Gesichtspunkten betrachtet, die wertvollste Kants. Führt man diesen Aspekt gedanklich weiter, so wäre der kurze Text also ein sprachkünstlerisches Zeugnis, bei dem man fast zwangsläufig an Kants große Beliebtheit als eloquenter und gesprächiger Gastgeber bzw. Gast denken muss (Malter, 1990, S. 626, die Stellen unter dem Stichwort „Gesellschaft“).

Literaturhistorisch ordnet Tobias Rosefeldt die *Gedanken* anhand der selbstgewählten Bezeichnung Kants als „Sendschreiben“ (GAJFF, AA 02, S. 37) ein, welches „somit in eine Textgattung“ fällt, „in der sich auf für das 18. Jahrhundert typischerweise private und öffentliche Redemischen“ (Rosefeldt, 2015, S. 685). Doch auch mit dieser allgemein gehaltenen Beobachtung ist noch nicht viel gewonnen.

Martin Schönfeld, der eine standardmäßig zitierte Monographie zur Philosophie des jungen Kant vorlegt, nennt lediglich, dass es den, wie er sagt, „Nekrolog“ auf Funk gibt (Schönfeld, 2000, S. VI). Zum philosophischen Gehalt schweigt er gänzlich. Erwähnenswert scheint mir seine Bemerkung, dass Kant nach Funks Tod zwei Jahre nichts mehr veröffentlicht habe (ebd., S. 185). Eine Erklärung dafür versucht er allerdings nicht zu geben. Zu bedenken gilt, dass Kant sich wohl selbst als Melancholiker betrachtet hat (Vaihinger, 1898) und deshalb vom Tod eines sei-

мог глубоко переживать смерть одного из своих любимых учеников. Сам Кант писал, что в ранние годы он не воспринимал потрясения и жизненные невзгоды с легкостью стоика: «У меня... была природная предрасположенность к ипохондрии, которая в молодости граничила с отвращением к жизни» (AA 07, S. 104; Кант, 2024б, с. 349). С учетом этого автобиографического высказывания «Мысли...» можно также рассматривать как практику или как писательскую самореализацию Кантом стоического идеала жизни, поскольку в традиции римской Стои было рассматривать письменную деятельность как терапию (Ackeren, 2011, S. 319).

Наконец, что не менее важно, особенно примечательна трактовка Вольфганга Ритцеля: «По своей тематике, структуре и красноречию этот короткий текст представляет собой погребальную речь, которая сделала бы честь любому выступающему с кафедры оратору» (Ritzel, 1985, S. 78). Так же, как Фишер и Форлендер, Ритцель сближает «Мысли...» с риторической практикой.

Проведенный обзор кантоведческих исследований дает неоднозначный результат, поскольку во вторичных источниках приводится целый ряд текстовых жанров: письмо, как называет его сам Кант, послание, речь, траурное послание, похоронная речь. Глубокая философская ценность «Мыслей...» почти всегда ставится под вопрос. Зато практически везде подчеркивается их популярный и биографический характер. Иногда отмечается тематическая дихотомия. В литературно-историческом плане утешительное письмо относится к категории текстов, написанных по случаю и типичных для данного региона, при этом по умолчанию предполагается, что читатель знает, что именно понималось под регионально типичными текстами по случаю в Кёнигсберге около 1760 г.

Часто остается совершенно непонятным, зачем Кант вообще напечатал эти «Мысли...». Как следует из вступительных замечаний

нер любимого студента schwer mitgenommen gewesen sein könnte. Dass Kant die Erschütterungen und Unwägbarkeiten des Lebens in seinen früheren Jahren keineswegs mit der Leichtigkeit des Stoikers nahm, schreibt er selbst: „Ich habe [...] eine natürliche Anlage zur Hypochondrie, welche in früheren Jahren bis an den Überdruß des Lebens gränzte“ (SF, AA 07, S. 104). Mit Blick auf diese autobiografische Angabe könnten die *Gedanken* auch als eine Einübung oder als schreibender Selbstvollzug eines stoischen Lebensideals durch Kant gelesen werden, insofern in der römisch-stoischen Tradition Schreiben als Therapieform galt (s. Ackeren, 2011, S. 319).

Zu guter Letzt ist Wolfgang Ritzels Lesart besonders bemerkenswert: „Die kleine Schrift ist nach Gegenstand, Anlage und Suada eine Leichenrede, die jedem Kanzelredner Ehre machen würde“ (Ritzel, 1985, S. 78). Ähnlich wie zuvor Fischer und Vorländer rückt damit auch Ritzel die *Gedanken* in die Nähe einer rhetorischen Praxis.

Der versuchte Überblick aus der Kantforschung hat ein heterogenes Ergebnis gezeitigt, da innerhalb der Sekundärliteratur eine ganze Anzahl von Textgattungen aufgezählt werden: Sendschreiben, wie Kant es selbst nennt, Brief, Redenschrift, Trauerschrift, Leichenrede. Der tiefere philosophische Wert der *Gedanken* wird dabei fast durchgängig mit einem Fragezeichen versehen. Dagegen wird der populäre und biografische Charakter fast stets unterstrichen. Eine thematische Zweiteilung wird gelegentlich bemerkt. Literaturhistorisch wird das Sendschreiben dem ortsüblichen Gelegenheitsschrifttum zugewiesen, wobei stillschweigend vorausgesetzt wird, dass der Leser Kenntnisse darüber besitzt, was in Königsberg um 1760 unter einem ortsüblichen Gelegenheitsschrifttum verstanden wurde.

Gänzlich unklar bleibt vielfach, weshalb Kant die *Gedanken* überhaupt abdrucken ließ. Schubert (1838, S. X), wie aus seinen einleitenden Bemerkungen weiter zu erfahren ist, überlegte zunächst, den Text in die Abteilung „Briefe“ einzurücken. Damit hätte er den Gesichtspunkt des

Шуберта, первоначально он собирался поместить этот текст в раздел «Письма» (Schubert, 1838, S. X). Это подчеркнуло бы аспект частного повода. В свою очередь, Розефельдт называет следующую причину публикации письма: «Публикация обоснована тем, что Кант рассматривает смерть Функа как повод для общих размышлений о том, как мы должны прожить свою жизнь, учитывая, что наши жизненные планы в любой момент могут быть нарушены безвременной смертью» (Rosefeldt, 2015, S. 685). И это может означать, что Кант решил опубликовать свои общие философские размышления на тему смерти, чтобы сделать их доступными для более широкой читательской аудитории. А оставленные для потомков воспоминания Канта о юном ученике и возможная дружба с его матерью отходят тогда на второй план.

Вероятно, доля истины есть и в том, и в другом объяснении. Текст является публичным наполовину. О редкости этого печатного текста, как это отмечалось еще до Второй мировой войны, свидетельствует тот факт, что лишь несколько экземпляров распространились за пределами Восточной Пруссии. Следовательно, текст, скорее всего, предназначался только для распространения среди ограниченной группы людей или для отправки тем, кто имел с местными жителями биографические связи. Например, было принято раздавать такие траурные письма после церковной службы в воскресенье перед похоронами. Предположительно, «Мысли...» нельзя было приобрести у торговцев книгами. Обычно авторы печатали такие тексты за свой счет и распространяли их бесплатно. Краткость текста объясняется прагматической причиной: скорбящие стояли у могилы. Это тексты, которые «не должны быть слишком длинными, потому что слушателям придется стоять и устанут ноги» (Berndt, Spalinger, 2023, S. 162). Вероятно, и публикация была вызвана прагматическими причинами: многие друзья и родственники умершего человека находились в

приватен Anlasses unterstrichen. Hingegen führt Rosefeldt (2015, S. 685) als Grund für die erfolgte Drucklegung an: „Die Veröffentlichung ist insofern gerechtfertigt, als Kant den Tod Funks zum Anlass für allgemeine Betrachtungen darüber nimmt, wie wir unser Leben angesichts der Tatsache führen sollten, dass unsere Lebenspläne jederzeit von einem frühzeitigen Tod durchkreuzt werden können.“ Dies würde bedeuten, dass Kant sich zur Drucklegung entschloss, um seine allgemeinen philosophischen Betrachtungen zum Thema ‚Tod‘ einem erweiterten Leserkreis zugänglich zu machen. Dem gegenüber würde dann das von Kant für die Nachwelt festgehaltene Gedenken an den jungen Schüler und eine eventuelle Freundschaft zur Mutter in den Hintergrund treten. Die Wahrheit liegt vermutlich auf beiden Seiten. Die Schrift ist halböffentlich. Die Seltenheit des Drucks, wie dies auch schon vor dem Zweiten Weltkrieg bemerkt wurde, belegt, dass nur wenige Exemplare außerhalb Ostpreußens verbreitet waren. Demzufolge sollte die Schrift vermutlich nur an einen vor allem lokal zusammengesetzten Personenkreis ausgegeben werden oder an solche mit einem biografischen Lokalbezug geschickt werden. Üblich war etwa, solche Trauerschriften am Sonntag vor der Beerdigung nach dem Gottesdienst verteilen zu lassen. Vermutlich waren die *Gedanken* nicht käuflich bei einem Buchhändler erhältlich. Die Autoren haben solche Schriften meist auf eigene Kosten drucken lassen und kostenlos verteilt. Die Kürze der Schrift ist dem pragmatischen Grund geschuldet, dass die Trauergäste am Grab stehen. Texte, die „nicht allzu lang sein sollten, weil die Zuhörenden schließlich stehen müssten und müde Beine kriegen würden“ (Berndt und Spalinger, 2023, S. 162). Auch der Druck hatte wohl eher pragmatische Gründe: Viele Freunde und Verwandte eines Verstorbenen lebten nicht am Heimatort. Sie konnten nur durch briefliche Schilderungen und gedruckte Trostschriften Anteil nehmen.

ли от дома. Они могли принять участие в этом процессе только посредством чтения писем и утешительных посланий.

Похоже, что изначально такие обычаи всячески поощрял Мартин Лютер (Schilling, 2017). Но Кант поразительным образом отходит от лютеровских христианских оснований для утешения, опиравшихся на догматически-библейские учения, и представляет Иоганна Фридриха фон Функа как своего рода стоика.

В конце этого раздела я хотел бы упомянуть небольшое, но, возможно, важное наблюдение Пауля Менцера. Он отредактировал «Мысли...» для издания Академии. Его примечание гласит: «На титульном листе есть декоративная рамка из черепов» (AA 02, S. 464)⁸. Исходя из этой детали оформления можно с уверенностью предположить, что у издателя было техническое оснащение для регулярной печати утешительных писем. Это обстоятельство, в свою очередь, показывает, что Кант мог выходить за привычные для Кёнигсберга рамки традиций. В этой связи следующим шагом будет рассмотрение вопроса о местном обычае написания утешительных писем.

4. Траурные послания в Кёнигсберге

В качестве примера *pars pro toto*⁹ приведем краткое сообщение Д. Х. Арнольдта о том, что профессор теологии Бернхард фон Занден Старший написал множество посмертных и утешительных писем (Arnoldt, 1746, S. 165). Как уже отмечалось, Лютер, чьи утешительные письма относятся к часто читаемым среди его произведений, безусловно, сыграл ключевую роль в формировании этого стиля (Schilling, 2017, S. 343). Тот факт, что в Кёнигсберге утешительные сочинения получили большее распространение, чем в других местах, возможно,

⁸ Можно увидеть в цифровой копии, упомянутой в примеч. 2.

⁹ Часть вместо целого (лат.).

Das angesprochene Brauchtum scheint zunächst durch Martin Luther sehr befördert worden zu sein (Schilling, 2017). Doch Kant weicht von Luthers christlichen Trostgründen auf der Grundlage dogmatisch-biblischer Lehren in frappierender Weise ab und stellt uns Johann Friedrich als eine Art Stoiker vor.

Am Ende dieses Abschnitts sei noch auf eine kleine, aber vielleicht bedeutsame Beobachtung Paul Menzers eingegangen. Dieser edierte die *Gedanken für die Akademie-Ausgabe*. Sein Hinweis lautet: „Auf dem Titelblatt findet sich eine Zierleiste von Totenschädeln“ (AA 02, S. 464).⁷ Anhand dieses Gestaltungsdetails lässt sich durchaus mutmaßen, dass der Verleger auf die regelmäßige Drucklegung von Trostschriften technisch eingerichtet war. Dieses kleine typographische Detail deutet darauf hin, dass Kant mit der Abfassung einer Trostschrift zunächst einmal auf dem Boden des damals ortsüblichen Brauchtums steht. Ungewöhnlich ist also nicht, dass es eine solche Schrift von Kant gibt; sondern die philosophischen Trostgründe, die er darin entwickelt. Da viele Forscher diese Frühschrift nicht recht einzuordnen wissen, wird in einem nächsten Schritt die damals ortsübliche Praxis erörtert, um zu zeigen, dass sich die Schrift ihrem Anlass und ihrer Form nach ganz in der damals üblichen Trauerkultur verorten lässt.

4. Trauerschriften in Königsberg

Als ein Beispiel *pars pro toto* sei zunächst Daniel Heinrich Arnoldts kleine Mitteilung angeführt, dass der Theologieprofessor Bernhard von Sanden d. Ä. zahlreiche Leich- und Trostschriften abgefasst habe (Arnoldt, 1746, S. 165). Stilvorgebend war dabei sicherlich – wie soeben gesagt – Luther, dessen Trostschriften zu den vielgelesenen unter seinen Werken gehören (Schilling, 2017, S. 343). Dass in Königsberg Trost-

⁷ Einzusehen im Digitalisat, auf das in ‚Fußnote 2‘ verwiesen wurde.

также объясняется влиянием Ф. Меланхтона, который писал свои «Обители утешения» в конце 1746 — 1747 г. в условиях гнетущей и тревожной осады Виттенберга. Это произошло в то время, когда как раз в Кёнигсберге умерла его дочь Анна (Stupperich, 1960, S. 104)¹⁰. Первые пять «Обителей» Меланхтона — это вовсе не христианские упования на утешение, которые можно найти в Катехизисе или Библии, а доводы разума: «Loci philosophici consolationis» («Обители философского утешения», 1547) (Melanchthon, 1839, col. 483–484)¹¹. Как известно, Меланхтон отнюдь не разделял антифилософскую позицию Лютера. Он (ч. II, раздел VII), как и впоследствии Кант, говорит об исцеляющем воздействии античной философии и риторики. Во всех случаях с указанием соответствующих «утешений» перекидывается мостик к «ораторскому искусству».

В этой связи нельзя не упомянуть о небольшом сочинении молодого Иоганна Георга Гамана. В 1752 г. он поручил Хартунгу напечатать «Траурное послание по случаю смерти знатной особы, Катарины Элизабет Рентцен, урожденной Затургус» (Hamann, 1952, S. 35). Только по счастливой случайности сохранились два экземпляра этой редкой публикации, один из них находится в архиве Иоганна Готфрида Гердера (Ibid., S. 465), другой — в мюнстерском собрании Гамана, которое, однако, относится к кёнигсбергским фондам¹². Гердер был родом из Морунгена и учился в Кёнигсберге. Поэтому вполне вероятно, что текст был предназначен для круга читателей из личного окружения автора или родственников покойной.

Семья Рентцен, нуждавшаяся в утешении, состояла в близких дружеских отношениях с семь-

сchriften vielleicht mehr als andernorts etabliert waren, mag zudem Melanchthons Einfluss geschuldet sein, der Ende 1746 und im Jahr 1747 seine *Loci consolationis* unter der drückenden und besorgniserregenden Belagerung Wittenbergs niederschrieb. Das geschah zu einer Zeit, in der zudem seine Tochter Anna in Königsberg verstarb (Stupperich, 1960, S. 104).⁸ Die ersten fünf *loci* Melanchthons schildern keine christlichen Hoffnungsaussichten auf Trost, wie sie dem Katechismus oder der Bibel zu entnehmen sind, sondern Vernunftgründe: „*Loci philosophici consolationis*“ (Melanchthon, 1547, col. 483-484).⁹ Bekanntlich teilte Melanchthon Luthers philosophiefindliche Haltung keineswegs. Ähnlich, wie später noch bei Kant zu beobachten, greift Melanchthon darin das therapeutische Moment antiker Philosophie und Rhetorik auf (vgl. Teil II, Abschnitt VII). Allenthalben ist mit der Angabe von entsprechenden *loci* die Brücke zur *ars rhetorica* geschlagen.

Nicht unerwähnt bleiben darf an dieser Stelle eine kleine Jugendschrift Johann Georg Hamanns. Er lässt 1752 bei Hartung eine *Trauerschrift auf den Tod der Hochedlen Frau, Katharina Elisabeth Rentzen, gebornen Saturgus* drucken (Hamann, 1952, S. 35). Nur durch glückliche Zufälle haben sich zwei Exemplare des seltenen Drucks erhalten, eines im Nachlass Johann Gottfried Herders (ebd., S. 465), eines in der Münsteraner Hamann-Sammlung, die aber auf Königsberger Bestände zurückgeht.¹⁰ Herder stammt aus Mohrungen und studierte in Königsberg. Deshalb ergibt sich auch hier der Fall, dass die Schrift eher für einen Leserkreis aus den persönlichen Umfeldern entweder des Verfassers oder der Verwandten des Verstorbenen bestimmt gewesen sein wird.

¹⁰ Высокообразованная Анна была замужем за Георгом Сабинусом, первым ректором Кёнигсбергского университета. См.: (Jung, 2010, S. 95–98).

¹¹ Понятие «утешение» играет ключевую роль в теологии Меланхтона. См.: (Freudenberg, 2017, S. 180).

¹² Эта другая копия находится в архиве Гильдемайстера: <https://sammlungen.ulb.uni-muenster.de/hd/content/pageview/4603187> (дата обращения: 07.09.2023).

⁸ Die hochgebildete Anna war mit Georg Sabinus verheiratet, dem ersten Rektor der Universität Königsberg. Vgl. Jung (2010, S. 95-98).

⁹ Der Begriff des Trostes spielt in Melanchthons Theologie eine tragende Rolle. Vgl. Freudenberg (2017, S. 180).

¹⁰ Diese weitere Kopie findet sich im Nachlass Gildemeisters: <https://sammlungen.ulb.uni-muenster.de/hd/content/pageview/4603187> (07.09.2023).

ей Гамана (Hamann, 1955, S. 14, 33, 68, 83, 98, 109). Рассуждения Гамана в значительной степени характеризуются христианскими, но отнюдь не философскими мотивами. Уже здесь очевидны различия во взглядах двух мыслителей: склонность Гамана к религиозной вере и чувству воспринимается как действенный мотив для критики в адрес просвещения (Hirschberger, 1958, S. 245). В отличие от «Мыслей...» Канта, рассуждения Гамана не содержат точной хронологической информации о биографии покойной. Общее в обоих случаях – описание характера умершего человека. Детально описан добродетельный, благородный и самоотверженный образ жизни Катарины, это позволяет и здесь заметить разделение на личностно-биографические и утешительные аспекты. Следующая стилистическая аналогия обнаруживается в цитировании отдельных стихов, что имеет место и в письме Канта. Однако Гаман называет этот текст не письмом, а именно «траурным посланием» (Hamann, 1952, S. 35–38).

В связи с этим сразу возникает дополнительный вопрос: может ли послание (Schrift) скорби или утешения быть также и письмом (Sendschreiben)? В частности, письмо отличается тем, что оно адресовано нескольким лицам (Adelung, 1801, col. 55). На данный вопрос уже был дан утвердительный ответ в предыдущем разделе, поскольку благодаря этому стало возможным участие друзей и родственников, которые находились далеко.

5. Язык и просвещение

Для того чтобы разобраться в социальной функции немецкоязычных текстов в контексте жизненной ситуации Канта, необходимо упомянуть несколько важных предварительных моментов: Канту в его роли приват-доцента открывается доступ в высшие слои общества; это привилегированный доступ, который в иных случаях регламентировался бы строгими правилами. Принадлежность к Альбертине позво-

Die trostbedürftige Familie Rentzen war mit der Familie Hamann eng befreundet (Hamann, 1955, S. 14, 33, 68, 83, 98, 109). Hamanns Ausführungen sind im hohen Maße von christlichen, keineswegs aber von philosophischen Überlegungen geprägt. Hier zeigt sich bereits die divergierende Schwerpunktsetzung beider Denker: Hamanns Zug zum religiösen Glauben und Gefühlsbetonten gilt als ein wirksamer Anstoß zur Kritik der Aufklärung (Hirschberger, 1958, S. 245). Hamanns Ausführungen enthalten im Gegensatz zu Kants Gedanken keine genauen zeitlichen Angaben zur Biografie der Verstorbenen. Gemeinsam ist beiden die Charakterschilderung der verstorbenen Person. Der tugendhafte, wohltätige und selbstlose Lebenswandel von Katharina wird ausführlich gewürdigt, sodass auch hier eine Zweiteilung in persönlich-biografische und tröstende Momente zu beobachten ist. Eine weitere stilistische Analogie zeigt sich in der Zitation einiger Verse, wie sie auch in Kants Sendschreiben erfolgt. Hamann bezeichnet den Text jedoch nicht als Sendschreiben, sondern explizit als Trauerschrift (Hamann, 1952, S. 35-38).

Daraus ergibt sich sogleich eine Nebenfrage: Kann eine Trauer- oder Trostschrift zugleich ein Sendschreiben sein? Ein Sendschreiben zeichnet sich insbesondere dadurch aus, dass es sich an mehrere Personen richtet (Adelung, 1801, col. 55). Diese Frage wurde bereits im letzten Abschnitt bejahend beantwortet, da die Anteilnahme von sich in der Ferne aufhaltenden Freunden und Verwandten so ermöglicht werden konnte.

5. Sprache und Aufklärung

Um die soziale Funktion von deutschsprachigen Texten in Verbindung mit Kants Lebenssituation zu verstehen, sei an wichtige Präliminarien erinnert: In seiner Funktion als Privatdozent erhält Kant Eingang in höhere Gesellschaftsschichten; ein privilegierter Zugang,

лила ему постепенно подняться по социальной лестнице: от студента и домашнего учителя до приват-доцента и в конце концов до ректора, который должен был представлять ученое сословие перед новым монархом Фридрихом Вильгельмом II на церемонии принесения присяги при вступлении на престол (Euler, 1994, S. 67–73).

В условиях постепенного отказа в школах от латинского языка и распространения немецкого языка лекционные аудитории становятся местом встреч представителей различных сословий. В академической среде с течением времени разрушались социальные барьеры: к ней принадлежали неимущие работающие студенты, небогатые стипендиаты, обеспеченные выходцы из буржуазии, аристократы¹³.

Философия просвещения сформулировала, как известно, максимум о равенстве всех людей, вытекающую из классического определения человека как разумного существа. Практическая реализация этого требования равенства, в свою очередь, подразумевала минимальный уровень общего образования и наличие соответствующих языковых средств выражения, процесс трансформации структур социальной власти, начатый Реформацией, который достиг определенной кульминации в эпоху Просвещения. Использование немецкого языка, социальные изменения и просвещение связаны между собой по причине взаимообусловленности.

В Кёнигсберге за все более широкое использование немецкого языка во всех областях в целях просвещения активно выступало Королевское немецкое общество, основанное в 1743 г. Флотвеллом при содействии Готшеда (Wald, 1793). Практическая реализация этой языковой политики заключалась в сочинении и исполнении речей и стихов, среди которых, конечно же, были и траурные или надгробные речи.

¹³ Популяризация философского дискурса и обращение к национальному языку позволили реализовать политико-просветительские цели просвещения: «Популярная философия подразумевает как содержательное, так и формальное отличие от школьной философии, выражающееся в отказе от силлогистического метода и латинского языка» (Kondylis, 2002, S. 485).

der sonst stärkeren Reglementierungen unterworfen gewesen wäre. Seine Zugehörigkeit zur Albertina ermöglichte ihm einen allmählichen sozialen Aufstieg, vom Studenten und Hauslehrer über den Privatdozenten bis hin zum Rektor, der anlässlich der Erbhuldigung den Gelehrtenstand vor dem neuen Monarchen Friedrich Wilhelm II. zu repräsentieren hatte (Euler, 1994, S. 67-73).

Mit dem gleichzeitigen Rückgang der lateinischen Schulsprache und der Ausweitung der deutschen Sprache, konnte der Hörsaal zudem zur Begegnungsstätte zwischen Menschen vieler Stände werden. Soziale Schranken wurden sukzessive auf akademischem Boden abgebaut: arme arbeitende Studenten, arme Stipendiaten, gutsituierte Bürgerssöhne, Adlige.¹¹

Die Aufklärungsphilosophie formulierte bekanntermaßen die Maxime der Gleichheit aller Menschen, hergeleitet aus der klassischen Definition des Menschen als Vernunftwesen. Die praktische Gestaltung dieses Gleichheitsanspruchs setzt wiederum eine Mindestebene gemeinsamer Bildung in Verbindung mit adäquaten sprachlichen Ausdrucksmitteln voraus, ein durch die Reformation eingeleiteter Prozess der Wandlung von gesellschaftlichen Machtstrukturen, der mit dem Zeitalter der Aufklärung einen gewissen Höhepunkt erreicht. Deutscher Sprachgebrauch, sozialer Wandel und Aufklärung gehören zusammen, indem sie sich wechselseitig bedingen.

In Königsberg wurde der zunehmende und in alle Bereiche Eingang findende Gebrauch der deutschen Sprache als Angelegenheit der Aufklärung durch die von Flottwell unter Mithil-

¹¹ Durch Popularisierung des philosophischen Diskurses und Hinwendung zur Landessprache konnten die politischen Bildungsziele der Aufklärung verwirklicht werden: „Mit Populärphilosophie wird sowohl der inhaltliche als auch formale Gegensatz zur Schulphilosophie gemeint, wie er in der Abkehr vom syllogistischen Verfahren und vom Latein zum Ausdruck kommt“ (Kondylis, 2002, S. 485).

Для проекта просвещения было важно, что бы благодаря созданию единых условий у аристократии и буржуазии была возможность вести дискуссии и обмениваться идеями на равных. Это притязание на равенство, покоящееся на фундаменте общей для всех языковой картины, Кант подчеркивает, формулируя вопрос: «Что такое просвещение?», используя при этом крылатое выражение: «Caesar non est supra grammaticos» (AA 08, S. 40; Кант, 2024a, с. 53)¹⁴.

Человеческая смерть побуждала античных философов выдвигать неоднократно повторяемое основание для утешения, о чем пойдет речь во второй части настоящего исследования. Перед лицом смерти все люди равны. Земная слава и богатство неважны после смерти. Сословные различия теряют значение, и в конечном счете устанавливается равенство людей. Можно сказать, что основная политическая задача просвещения негласно присутствует в утешительном тексте. Ведь смерть, согласно предостережению Сенеки, одинаково объявлена каждому человеку с момента его рождения (Seneca, 2008, S. 335). Так, смерть является, как Кант, вероятно, убедился, прочитав о самоубийстве Сенеки, в облике политической *jovi liberatori*¹⁵ (AA 07, S. 99; Кант, 2024b, с. 343). Ведь самоубийство Сенеки было вызвано не в последнюю очередь его политическими неурядицами.

У «управляющего пакгауза Гамана» (AA 10, S. 314)¹⁶, как иронически высказался Кант о своем пресловутом критике, сложилось впечатление, что профессор Кант, возможно, не так уж

¹⁴ Цезарь не выше грамматиков (лат.). См. на эту тему, в частности, размышления Йозефа Симона о Канте и языке: (Simon, 2003).

¹⁵ Избавительница от страданий (лат.), буквально — Юпитер-освободитель.

¹⁶ В 1777 г. Гаман получил должность управляющего пакгаузом. Добавление в письме Канта можно рассматривать как иронию или как обычное именование человека с добавлением названия должности для дальнейшего определения — в конце концов, в Кёнигсберге было несколько Гаманов. Товары поступали на кёнигсбергский пакгауз и временно хранились там. Гаман должен был вести реестр склада и получал ежегодное жалованье в 300 талеров и служебную квартиру. Он занимал эту должность до 1787 г. См.: (Nadler, 1949, S. 273–274).

фе Gottscheds gegründete Königlich Deutsche Gesellschaft im Jahr 1743 nachhaltig begünstigt (Wald, 1793). Die praktische Umsetzung dieser Sprachpolitik bestand etwa im Abfassen und Vortragen von Reden und Gedichten, zu denen freilich auch Trauer- oder Leichenreden gehörten.

Für das Projekt der Aufklärung war es unentbehrlich, dass Aristokratie und Bürgertum durch Schaffung einer gleichberechtigten Ausgangslage auf Augenhöhe miteinander diskutieren und Ideen austauschen konnten. In der Frage: *Was ist Aufklärung?* pointiert Kant diesen Gleichheitsanspruch, der auf dem Fundament einer gemeinsamen Sprachlichkeit ruht, mit Hilfe eines geflügelten Wortes: *Caesar non est supra grammaticos* (WA, AA 08, S. 40).¹²

Der menschliche Tod veranlasste die antiken Philosophen zu einem oft wiederholten Trostgrund, wie im zweiten Teil noch besprochen werden wird. Im Angesicht des Todes ist jeder Mensch gleich. Irdischer Ruhm und Reichtum sinken mit dem Sterben ins Bedeutungslose hinab. Auch Ständeunterschiede sind ohne Bedeutung. Vielmehr ist die Gleichheit der Menschen *in ultimo* durch den Tod erzwungen. In einer Trostschrift, könnte man sagen, wird zugleich ein politisches Grundanliegen der Aufklärung verdeckt tradiert. Denn der Tod, wie Seneca ermahnt, sei jedem Menschen gleichermaßen angekündigt worden, und zwar gleich zu jenem Zeitpunkt, als er zur Welt kam (Fink, 2008, S. 335). So tritt der Tod, wie Kant an anderer Stelle aus der Lektüre über Senecas Selbstmord möglicherweise erkannt hat, als politischer „Befreier (*Jovi liberatori*)“ auf (SF, AA 07, S. 99). Denn Senecas Selbstmord erfolgte nicht nur, aber auch aufgrund seiner politischen Verstrickungen.

¹² „Der Kaiser steht nicht über den Grammatikern“ (Lat.). Vgl. zu diesem Thema insbesondere Josef Simons Reflexionen zu Kant und Sprache (Simon, 2003).

серьезно относится к просвещению. В известной реплике на кантовский вопрос «Что такое просвещение?» он приводит такое сравнение: «Что толку в пышном платье свободы, если дома я сижу в одеянии раба?» (Hamann, 1965, S. 289). И Канту приходилось приспособлять идеалы торжественного облачения просвещения к рабскому одеянию экономических реалий приват-доцента и следить за тем, чтобы его аудитория всегда была заполнена платежеспособными студентами. В этом смысле деятельность каждого писателя в то время основывалась отнюдь не только на идеалистических установках, но и на профанных экономических соображениях.

6. Экономические мотивы Канта?

Что касается текстов программ и сочинений по случаю, в качестве дополнительного мотива в рассуждениях автора следует включить экономический фактор: будучи приват-доцентом, Кант зависел от гонораров, поступавших ему от студентов. А. Варда обобщает источники и выстраивает следующую картину экономического положения Канта в то время¹⁷: доход от лекций был мизерным; чтобы не притрагиваться к сэкономленному на случай болезни, Кант постепенно распродал свою библиотеку; у Канта под присмотром находились студенты-аристократы (Хюльзен, Бредерлов) (Warda, 1901, S. 406–407). Молодые дворяне, чьи дети составляли немалую часть студенчества Кёнигсберга (Stark, 1995, S. 57–59, 67–68), а вернее, их родители должны были, как правило, своевременно вносить вдвое большую плату за лекции. Студенты из более бедных слоев населения предлагали профессорам и преподавателям,

¹⁷ С другой стороны, Вернер Штарк недавно (4 августа 2024 г.) в разговоре отметил, что Кант смог заплатить высокую плату в 150 рейхсталеров за получение степени магистра в 1755 г. Источник можно найти здесь: <https://kant-in-olsztyn.ikgn.de/kant-an-der-universitaet/kant-als-magister-und-privatdozent/> (дата обращения: 29.08.2024).

Der „Packhoffverwalter Hamann“ (Br, AA 10, S. 314)¹³, wie sich Kant ironisch über seinen notorischen Kritiker äußert, hat den Eindruck gewonnen, dass Professor Kant es mit der Aufklärung vielleicht gar nicht so ernst nehme. In einer bekannten Replik auf Kants *Was ist Aufklärung?* hält er einen Vergleich vor Augen: „Was hilft mir das Feyerkleid der Freyheit, wenn ich daheim im Sclavenkittel?“ (Hamann, 1965, S. 289). – Die Ideale des Feierkleides der Aufklärung musste auch Kant mit dem Sklavenkittel der wirtschaftlichen Realitäten eines Privatdozenten in Einklang bringen und zusehen, dass er seinen Hörsaal mit zahlenden Studenten füllt. Insofern stehen damals hinter jeder Schriftstellertätigkeit keineswegs einzig und allein eine idealistische Haltung, sondern auch profane wirtschaftliche Überlegungen.

6. Wirtschaftliche Überlegungen Kants?

Bei Programm- und Gelegenheitsschriften ist ein wirtschaftlicher Faktor als zusätzliches Motiv des Autors in die Überlegungen miteinzubeziehen: Kant war als Privatdozent zwingend auf das Honorar seiner Studenten angewiesen.¹⁴ Arthur Warda (1901, S. 406-407) fasst die Quellen zusammen und entwirft folgendes Bild von Kants ökonomischer Lage in dieser Zeit¹⁵: Die Einnahmen aus den Vorlesungen waren spärlich;

¹³ Im Jahr 1777 nahm Hamann eine Stelle als Packhoffverwalter an. Der Zusatz in Kants Brief kann einmal ironisch gelesen werden oder als übliche Nennung einer Person, indem man die Berufsbezeichnung zur näheren Bestimmung hinzusetzt – es gab schließlich mehrere Hamanns in Königsberg. In den Königsberger Packhof (Warenlager) kamen Waren und wurden vorübergehend eingelagert. Hamann hatte darüber ein Depotregister zu führen und erhielt dafür 300 Taler Jahresgehalt sowie eine Dienstwohnung. Die Stelle hatte er bis 1787 inne. Vgl. Nadler (1949, S. 273-274).

¹⁴ Fünf Jahre später bewarb sich Kant zusätzlich auf die Stelle eines Subbibliothekars, um seine wirtschaftliche Situation aufzubessern (Benninghoven, 1974, S. 112).

¹⁵ Andererseits hat Werner Stark neulich (04.08.2024) gesprächsweise darauf aufmerksam gemacht, dass Kant 1755 die hohe Gebühr von 150 Reichstalern bei seiner Magisterpromotion bezahlen konnte. Die Quelle findet sich hier: <https://kant-in-olsztyn.ikgn.de/kant-an-der-universitaet/kant-als-magister-und-privatdozent/> (Zuletzt aufgerufen am 29.08.2024).

например, книги вместо денег, чтобы восполнить недостающую плату за лекции. Путтлих, впоследствии ставший пастором, вспоминает в дневнике, что он предложил Кристиану Якобу Краусу, коллеге и другу Канта, издание Опица, чтобы погасить долг за посещение лекций. Однако тот отказался, потому что оно у него уже было (Warda, 1905, S. 388). В случае неуплаты Кант часто посылал письма с напоминаниями (Ritzel, 1985, S. 533).

Из сказанного ни в коем случае не следует, что письмо Канта было написано исключительно или преимущественно из экономических соображений. Тем не менее небольшое сочинение давало возможность оставаться темой для разговора в аристократических кругах и приобретать большую известность и достойную репутацию за пределами университета. Тем более что Кант, должно быть, конкурировал по части популярности среди студентов с другими преподавателями того времени, такими как Даниэль Вейман (см.: Круглов, 2018, S. 20).

Поскольку Кант, очевидно, хотел или даже нуждался в том, чтобы завоевать внимание аристократии и богатой буржуазии, 6 июня 1760 г. он через Боровски передал «Мысли...» одной знатной даме и матери: «Если любезнейшие дамы чрезвычайно уважаемого мною дома Шулькайм сочтут этот листок достойным прочтения, это позволит мне составить об этом очень высокое мнение» (AA 10, S. 32)¹⁸, то есть от прочтения ими его утешительного текста Кант почувствует себя польщенным. Эти замечания позволяют сделать вывод, что ради продвижения самого себя философ распространял свои популярные, но при этом высоко-

¹⁸ Имеется в виду, что Кант чувствовал бы себя польщенным, если бы его утешительное письмо было прочтено. Шулькайм — в настоящее время пос. Алтайское. Там жила семья Knobloch. «По рекомендации Канта в 1758 году Боровски стал воспитателем и наставником младших сыновей генерала фон Knobloха» (Erbkam, 1876, S. 177).

анстелле das Ersparte für den Krankheitsfall anzutasten, verkaufte Kant nach und nach seine Bibliothek; Kant hatte adlige Studenten bei sich unter Aufsicht (von Hülsen, von Brederlow). Von jungen Adligen, oder besser deren Eltern, die einen nicht unbedeutenden Teil der Studentenschaft Königsbergs ausgemacht haben (Stark, 1995, S. 57-59, 67-68), war die rechtzeitige Begleichung des doppelt so hohen Hörgeldes in der Regel zu erwarten. Studenten aus ärmeren Verhältnissen boten den Professoren und Dozenten anstelle des Honorars beispielsweise Bücher zum Ersatz für das ausbleibende Hörgeld an. So erzählt der spätere Pfarrer Puttlich in seinem Tagebuch, dass er, um die Hörgeldschulden zu begleichen, Kants Kollegen und Freund Christian Jakob Kraus eine Opitz-Ausgabe offerierte. Dieser schlug jedoch ab, da er diese bereits besitzen würde (Warda, 1905, S. 388). Kant verschickte bei Zahlungsausfällen oftmals Mahnbrieife (Ritzel, 1985, S. 533).

Mit alldem ist keinesfalls unterstellt, dass das Sendschreiben Kants ausschließlich oder überwiegend aus wirtschaftlichem Kalkül heraus entstanden sei. Dennoch bot die Kleinschrift Gelegenheit, um in adligen Kreisen im Gespräch zu bleiben und sich außerhalb der Universität eine größere Bekanntheit und einen guten Ruf aufzubauen. Allzumal Kant damals mit anderen Dozenten, bekannt ist etwa Daniel Weymann (Krouglov, 2018, S. 20), in Konkurrenz um die Gunst der Studenten gestanden haben muss.

Da Kant offenbar die Aristokratie und die reicheren Bürger für sich einnehmen wollte oder musste, übermittelte er die *Gedanken* am 6. Juni 1760 über Borowski an eine adlige Frau und Mutter: „Wenn die gnädigste Dames des von mir äußerst verehrten Schulkeimschen Hauses dieses Blatt einiger Durchlesung würdig finden solten so wird mir dieses einen sehr hohen Begriff davon beybringen“ (Br, AA 10, S. 32).¹⁶ Aus diesen Bemerkungen ist zu schließen, dass Kant seine populär gehaltene, aber dennoch geistre-

¹⁶ Gemeint ist, dass Kant sich von der Lektüre seiner Trostschrift sehr geehrt fühlen würde. Schulkeim ist heute Алтайское (*Altaiskoje*). Dort lebte die Familie von Knobloch. „Auf Empfehlung Kant’s wurde Borowski im Jahre 1758 Hauslehrer und Führer der jüngeren Söhne des Generals von Knobloch“ (Erbkam, 1876, S. 177)

интеллектуальные произведения¹⁹. В конечном счете подобная стратегия распространения публикаций вполне могла способствовать привлечению таких студентов, как два брата фон Функ²⁰. Следует также отметить, что Боровски был активным членом Немецкого общества, о котором уже неоднократно упоминалось (Krause, 1893, S. 104–107). Это подводит нас к следующему разделу.

7. Кант и Королевское немецкое общество

Цель Немецких обществ²¹ заключалась в том, чтобы способствовать поддержанию, стилистическому и грамматическому совершенствованию, стандартизации и распространению немецкого языка. В основном это имело место в то время, когда Кант сам был студентом. Вернер Штарк пишет о молодом Канте: «Хотя на самом деле он не был членом Королевского немецкого общества, основанного в Кёнигсберге в 1743 г., будет правильно — в соответствии с его деятельностью — отнести его к числу этих молодых ученых²²» (Stark, 2023, S. 50–51). И, как будет показано ниже в контексте предположения Штарка, написание траурного письма следует рассматривать «в соответствии с его деятельностью».

¹⁹ В среде Немецких обществ женщины на равных правах должны были получать желаемый и открытый доступ к философскому и филологическому образованию и обмену научными знаниями (Erb, 2023, S. 284–293; Döring, 2002, S. VII, 145–147; Krause, 1893, S. 93–95).

²⁰ В качестве иллюстрации: список записавшихся к Канту в 1772 г. находится в Нью-Йоркской публичной библиотеке и доступен онлайн: <https://digitalcollections.nyu.org/items/8bc37932-6b74-868a-e040-e00a18063754> (дата обращения: 08.09.2023). Среди них пять студентов из числа дворян: д'Анреп, братья Хорновские из России, Брандт и Толкимит. После каждого из этих имен Кант пишет сокращение «ddt.», что означает *dedit* (лат. «он заплатил»).

²¹ О Немецких обществах см. монографии Дёринга (Döring, 2002) и Эрба (Erb, 2023).

²² Упоминание Штарком «этих молодых ученых» относится к многочисленным студентам и молодым выпускникам университетов, которые были членами Королевского немецкого общества.

иче Schrift zur Eigenwerbung weitergereicht hat.¹⁷ In letzter Konsequenz kann eine solche Publikationsstrategie zur Gewinnung von Studenten wie der beiden Brüder von Funk beigetragen haben.¹⁸ — Zu erwähnen bleibt noch, dass Borowski ein engagiertes Mitglied jener *Deutschen Gesellschaft* war (Krause, 1893, S. 104-107). Dies leitet zum nächsten Abschnitt über.

7. Kant und die Königliche Deutsche Gesellschaft

Ausgesprochene Zielsetzung der *Deutschen Gesellschaften*¹⁹ war, die Pflege, die stilistische und grammatikalische Verbesserung, die Vereinheitlichung und die Verbreitung der deutschen Sprache zu befördern. Dies geschah vorwiegend zu einer Zeit, als Kant selbst Student war. Werner Stark äußert über den jungen Kant: „So zutreffend es ist, dass er nicht zu den Mitgliedern einer 1743 in Königsberg gegründeten *Königlich Deutschen Gesellschaft* gehörte, so richtig ist es, ihn — seinem Verhalten gemäß — diesen jungen Akademikern²⁰ zuzurechnen“ (Stark, 2023, S. 50-51). Und, wie sogleich im Sinne von Starks Vermutung gezeigt werden wird, ist die Abfassung einer Trauerschrift als diesem „Verhalten gemäß“ einzustufen.

¹⁷ Im Umkreis der Deutschen Gesellschaften sollten Frauen gewünschten und explizit Zugang zu philosophischer und sprachwissenschaftlicher Bildung und wissenschaftlichem Austausch auf Augenhöhe erhalten (Erb, 2023, S. 284-293; Döring, 2002, S. VII, 145-147; Krause, 1893, S. 93-95).

¹⁸ Zur Veranschaulichung: Eine Subskribentenliste Kants aus dem Jahr 1772 findet sich in der *New York Public Library* und ist online abrufbar: <https://digitalcollections.nyu.org/items/8bc37932-6b74-868a-e040-e00a18063754> (08.09.2023). Darunter sind fünf adlige Studenten: d'Ahnrep, die russischen Brüder de Hornowsky, de Brandt und de Thollkimit. Hinter jedem dieser Namen schreibt Kant das Kürzel *ddt.* für „er hat bezahlt“ (*dedit*).

¹⁹ Vgl. zu den sogenannten *Deutschen Gesellschaften* die beiden Monographien von Döring (2002) und Erb (2023).

²⁰ Starks Hinweis auf „diese jungen Akademiker“ bezieht sich auf die zahlreichen Studenten und jungen Universitätsabsolventen, die Mitglieder in der *Königlich Deutschen Gesellschaft* waren.

Самуэль Готлиб Вальд первым изложил историю Королевского немецкого общества в Кёнигсберге: «М. Кёлестин Кристиан Флотвелл вместе с несколькими учениками занимался улучшением немецкого письменного языка и содействовал развитию немецкого ораторского искусства и поэзии» (Wald, 1793, S. 8)²³. В этом кратком перечислении изложен главный мотив Общества, основанного в 1743 г. при поддержке Готшеда (Gottsched, 2015, S. 219). Среди лиц, с которыми Кант тесно общался, были, например, такие члены Немецкого общества, как Иоганн Готфрид Линднер, Георг Кристоф Пизанский, Людвиг фон Бачко, упомянутый выше Людвиг Эрнст Боровски, который планировал читать биографию Канта в качестве лекции для Немецкого общества (Боровски, 2024, с. 49–50), Иоганн Готфрид Хассе, Кристоф Фридрих Гейльсберг, Иоганн Даниэль Мецгер, апологет Канта Иоганн Шульц и издатель его географии Фридрих Теодор Ринк (Wald, 1793, S. 21–28). Таким образом, Немецкое общество объединило социально разнородную, просвещенную группу людей, в числе которых были пасторы, учителя, государственные служащие, коммерсанты, независимые ученые, преподаватели университетов, студенты и аристократы (Otto, 2018, S. 22). Согласно уставу, Немецкое общество служило особой цели – наряду с развитием немецкого языка содействовать онемечиванию философии. Чтобы добиться поставленной цели, работы членов общества обсуждали, рецензировали, зачитывали как доклады и в отдельных случаях награждали призами (Wald, 1793, S. 38).

Важность влияния Готшеда на процесс совершенствования языка можно проиллюстрировать на примере перевода Гамана работы «За-

²³ Также известны «Памятная речь, посвященная Канту», которую Вальд произнес в 1804 г. (Wald, 1974), и его две речи о Канте, прочитанные в день рождения короля и в день памяти Шиммельпфеннинга (Stark, 2004). Р. Брандт и В. Штарк во введении к кантовским «Лекциям по антропологии» также отмечают, что для Канта были важны правила правописания, установленные при участии Немецкого общества Кёнигсберга. См.: (AA 25, S. CXVII–CXVIII).

Samuel Gottlieb Wald schildert erstmals die Geschichte der *Königlich Deutschen Gesellschaft in Königsberg*: „M. Cölestin Christian Flottwell verband sich mit einigen Studirenden zur Verbesserung der Deutschen Schreibart und Beförderung der Deutschen Beredsamkeit und Dichtkunst“ (Wald, 1793, S. 8).²¹ Mit dieser kurzen Aufzählung sind die Hauptmotive der 1743 unter Gottscheds Auspizien gegründeten Gesellschaft dargelegt (Gottsched, 2015, S. 219). Von den Männern, mit denen Kant näheren Umgang pflegte, waren beispielsweise Mitglieder: Johann Gottfried Lindner, Georg Christoph Pisanski, Ludwig von Baczko, der bereits genannte Ludwig Ernst Borowski – dessen Biographie Kants als Vorlesung für die *Deutsche Gesellschaft* geplant war (Borowski, 1804, S. 2) –, Johann Gottfried Hasse, Christoph Friedrich Heilsberg, Johann Daniel Metzger, Kants Apologet Johann Schultz oder der Herausgeber seiner *Geographie*, Friedrich Theodor Rink (Wald, 1793, S. 21–28). Der Verein versammelte also einen gesellschaftlich breitgestreuten, gebildeten Personenkreis, der Pfarrer, Lehrer, Beamte, Geschäftsleute, Privatgelehrte, Universitätsdozenten, Studenten und Aristokraten zusammenbrachte (Otto, 2018, S. 22). Laut Statuten verfolge die *Deutsche Gesellschaft* ganz besonders den Zweck, neben der deutschen Sprache die Verdeutschung der Philosophie voranzutreiben. Um die gestellte Zielsetzung zu erreichen, wurden Arbeiten von Mitgliedern besprochen, rezensiert, vorgetragen und gelegentlich preisgekrönt (Wald, 1793, S. 38).

Wie bedeutend Gottscheds tonangebender Einfluss auf die Sprachpflege war, veranschaulicht ein Vorgang um Hamanns Übersetzung

²¹ Berühmt sind zudem Walds *Gedächtnißrede auf Kant* aus dem Jahr 1804 (Wald, 1974) und seine beiden Kant-Reden zum Geburtstag des Königs sowie zum Schimmelpfenning-Gedächtnis (Stark, 2004). Dass die von der Deutschen Gesellschaft in Königsberg mitbestimmten Regeln für Rechtsschreibung auch für Kant wichtig waren, darauf weisen ferner R. Brandt und W. Stark in der Einleitung zu Kants *Vorlesungen über Anthropologie* hin (vgl. AA 25, S. CXVII–CXVIII).

метки господина Дангейла о преимуществах и недостатках Франции и Великобритании в отношении торговли и других источников могущества государств. Отрывок из сочинения о восстановлении мануфактур и торговли в Испании. Приложение немецкого переводчика» (Кёнигсберг, 1756). Гаман отправил рукопись своему брату, чтобы тот перед печатью откорректировал ее в соответствии с «Грамматикой» Готшеда (Nadler, 1949, S. 64). В мае 1749 г. Флотвелл послал Готшеду экземпляры нравоучительного еженедельника «Дафна», для которого в числе прочих писали молодые кёнигсбергские литераторы Гаман и Линднер (Gottsched, 2020, S. 391).

Для того чтобы понять, насколько важно было придать значение немецкому языку, необходимо вспомнить, что ученые того времени почти не говорили и не писали по-немецки, предпочитая французский язык. Французский тон задавало то обстоятельство, что король Пруссии Фридрих Великий пригласил в Потсдам и Берлин ученых из Франции, среди которых были Вольтер, де Ла Меттри, Формей и Мопертюи (см.: Harnack, 1901, S. 185–360). Академия в Берлине, президентом которой был Мопертюи, рассматривала себя как франкоязычное учреждение, созданное по образцу парижской Академии наук. Только благодаря усилиям министра фон Херцберга произошел решительный поворот в сторону немецкого языка (Ibid., S. 361–478). Приятельница Канта, графиня Кайзерлингк (Wolff, 1895, S. 49), переписывалась с Готшедом на французском языке²⁴. На нем же Лейбниц написал свою «Теодицею»; впоследствии Готшед опубликовал ее чрезвычайно удачный немецкий перевод, отредактированный и прокомментированный им самим. Для проекта просвещения, как уже говорилось выше, необходимо было создать общую прагматическую языковую основу.

²⁴ О возможных биографических сходствах у Канта и Готшеда см.: (Walter, 2023, S. 570–572; Hüttner, Walter, 2023, S. 15–33).

Des Herrn von Danguel Anmerkungen über die Vortheile und Nachtheile von Frankreich und Großbritannien in Ansehung des Handels und der übrigen Quellen von der Macht der Staaten. Auszug eines Werks über die Wiederherstellung der Manufacturen und des Handels in Spanien. Beylage des deutschen Uebersetzers (Königsberg, 1756). Hamann übersandte das Manuskript an seinen Bruder, der es vor der Drucklegung nach Gottscheds *Grammatik* korrigieren sollte (Nadler, 1949, S. 64). Exemplare der moralischen Wochenschrift *Daphne*, an der u.a. die jungen Königsberger Hamann und Lindner mitgearbeitet hatten, übersendet Flottwell im Mai 1749 an Gottsched (Gottsched, 2020, S. 391).

Um den ausgesprochenen Akzent und Wert, die auf die deutsche Sprache gelegt wurden, einordnen zu können, gilt es zu bedenken, dass damalige Gelehrte kaum Deutsch, sondern vorzugsweise Französisch sprachen und schrieben. Preußens König Friedrich der Große hatte Gelehrte aus Frankreich nach Potsdam und Berlin eingeladen und damit den französischen Ton vorgegeben. Zu nennen sind Männer wie Voltaire, de La Mettrie, Formey oder Maupertuis (vgl. Harnack, 1901, S. 185–360). Die Akademie in Berlin verstand sich mit ihrem Präsidenten Maupertuis als französischsprachende Institution nach dem Pariser Vorbild der *Académie des Sciences*. Erst Minister von Herzbergs Bestrebungen ist eine entschiedene Hinwendung zur deutschen Sprache zu verdanken (ebd., S. 361–478). Kants Freundin, die Gräfin Keyserlingk (Wolff, 1895, S. 49), korrespondierte mit Gottsched auf Französisch.²² Leibniz schrieb seine *Theodicée* in dieser Sprache; Gottsched gab dann eine überaus erfolgreiche, von ihm redigierte und kommentierte deutsche Fassung heraus. Für das Projekt der Aufklärung war, wie oben bereits erörtert, notwendig, ein gemeinsames und pragmatisches Sprachfundament aufzubauen.

²² Für mögliche biografische Nähen von Kant und Gottsched, vgl. Walter (2023, S. 570–572), Hüttner und Walter (2023, S. 15–33).

Не вызывает сомнений, согласно упомянутому выше замечанию Штарка, что сам Кант не был членом Немецкого общества (Krause, 1893, S. 117). Однако причины этого неизвестны. Тем не менее можно кратко осветить этот вопрос: вполне правдоподобное объяснение заключается в том, что членство Канта могло не состояться из-за взноса, который он не смог сделать. Как утверждается в монографии Г. Краузе, вступительный взнос в общество составлял три дуката. Кроме того, в библиотеку общества должна была быть передана книга на немецком языке стоимостью не менее «одной серебряной монеты номиналом девять талеров» (Ibid., S. 100). Уже упомянутое ранее исследование Варды о финансовых возможностях Канта свидетельствует о том, что в студенческие годы ему приходилось жить крайне экономно (Warda, 1901, S. 400–404).

К тому времени, когда ситуация для Канта несколько улучшилась, умирает Флотвелл (в 1758 г.). К тому же деятельность общества была практически прекращена с 1758 до 1762 г. в связи с русской оккупацией. Многие его члены «уехали в Германию», и «русский губернатор даже отобрал у них зал для собраний (конференц-зал в Кёнигсбергском замке. — М.В.), а их библиотеку внезапно пришлось вывозить в первые дни Рождества» (Wald, 1793, S. 16). Общество возобновило свою работу только в январе 1766 г. (Ibid., S. 17). Все упомянутые выше внешние стечения обстоятельств и препятствия вполне объясняют, почему Кант не был членом общества, но тем не менее мог разделять его цели и идейно находиться под влиянием его программы.

Второй причиной могли быть личные отношения между друзьями Готшеда в Кёнигсберге: если Кант, как иногда предполагают, в студенческие годы был особенно близок с Мартином Кнутценом (Waschkies, 1987, S. 34–45), то разногласия между Флотвеллом и Кнутценом могли привести к тому, что Гаман и Кант держались

Dass Kant selbst, wie Stark oben bemerkt, kein Mitglied der *Deutschen Gesellschaft* war (Krause, 1893, S. 117), ist sicher. Indes sind die Gründe hierfür unbekannt. Dennoch sei die Frage kurz erörtert: Möchte man eine plausible Erklärung liefern, so könnte Kants Eintritt am Mitgliedsbeitrag gescheitert sein, den er vielleicht nicht entrichten konnte. Der Monographie von Gottlieb Krause ist zu entnehmen, dass das Eintrittsgeld in die Gesellschaft drei Dukaten betragen habe. Zudem musste ein deutschsprachiges Buch, das wenigstens einen „Speciesthaler wert sei“, an die Bibliothek der Gesellschaft gespendet werden (ebd., S. 100). Wardas bereits zitierte Untersuchung der wirtschaftlichen Verhältnisse Kants legt nahe, dass er als Student äußerst sparsam leben musste (Warda, 1901, S. 400-404).

Als Kants Situation sich allmählich gebessert hatte, stirbt Flottwell im Jahr 1758. Hinzu kommt, dass in den Jahren von 1758 bis 1762 die Aktivität der Gesellschaft durch die russische Besatzung unterbrochen wurde. Viele Mitglieder gingen nach Deutschland und, „[d]er Rußische Gouverneur nahm ihr sogar ihre Sessionsstube [Tagungsraum im Königsberger Schloss; Anm. M.W.], und ihre Bibliothek mußte am ersten Weihnachtstage plötzlich weggebracht werden“ (Wald, 1793, S. 16). Erst im Januar 1766 wurde der Verein wiedereröffnet (ebd., S. 17). All die angeführten äußeren Zufälle und Widrigkeiten machen erklärlich, warum Kant der Gesellschaft nicht angehört hat, aber dennoch ihre Ziele geteilt haben kann oder von ihrem Programm ideell beeinflusst war.

Ein zweiter Grund könnte in persönlichen Händeln zwischen Gottscheds Königsberger Freunden untereinander zu suchen sein: Wenn Kant, wie gelegentlich angenommen wird, in seiner Studienzeit mit Martin Knutzen besonders verbunden war (Waschkies, 1987, S. 34-45), so könnte die Verstimmung zwischen Flottwell und Knutzen dafür gesorgt haben, dass Hamann und Kant ‚taktischen‘ Abstand von

на «тактическом» расстоянии от Немецкого общества. Согласно Рюдигеру Отто, Флотвелл и Кнутцен испытывали «взаимную неприязнь» друг к другу (Otto, 2018, S. 26). Не исключено, что оба студента к тому же были более активны в «физикотеологическом» сообществе, сложившемся вокруг Кнутцена и ориентированном на естественные науки (Waschkies, 1987, S. 46–74)²⁵. Данное объяснение подтверждает и циничный комментарий Флотвелла к магистерской диссертации Канта «Физическая монадология» (AA 01, S. 743–788), который одновременно выражал колкость по отношению к Кнутцену. Двадцатого апреля 1756 г. Флотвелл сообщал Готшеду о защите Кантом диссертации: «...теперь вся философия превращается в восковой нос. Один молодой магистр (Кант. — М.В.) уже доказал, что существует *simplex compositium*²⁶, не имеющее, однако, частей» (Krause, 1893, S. 47). Этот намек на пресловутый «восковой нос» означает, что Кант занимался изворотливой софистикой, не имевшей под собой никакой фактической основы. О «восковом носе» в данном контексте говорится потому, что воску можно придать какую угодно форму (Adelung, 1801, col. 1325–1326).

Духовный наставник всего предприятия и инициатор повсеместного объединения Немецких обществ Иоганн Кристоф Готшед поначалу вел дружескую переписку с обоими профессорами, Кнутценом и Флотвеллом. Кнутцен был согласен с Готшедом в вопросах *influxus physicus*²⁷ (Hüttner, Walter, 2023,

der *Deutschen Gesellschaft* hielten. Flottwell und Knutzen wären miteinander, so Rüdiger Otto, „in wechselseitiger Abneigung verbunden“ gewesen (Otto, 2018, S. 26). Die beiden Studenten waren zudem möglicherweise stärker in dem naturwissenschaftlich orientierten „physikotheologischen“ Zirkel um Knutzen aktiv (Waschkies, 1987, S. 46-74).²³ Für diese Erklärung spricht ferner Flottwells zynische Bemerkung gegenüber Kants Magisterpromotion *Monadologia physica* (AA 01, S. 743-788), die dann zugleich eine Spitze gegen Knutzen wäre. Über Kants Disputation berichtet Flottwell am 20. April 1756 an Gottsched, dass „nun mehr aus der ganzen Philosophie eine wächserne Nase gemacht wird. Ein junger Magister [Immanuel Kant – M.W.] hat schon bewiesen, daß ein *simplex compositium* sey, aber keine Theile habe“ (Krause, 1893, S. 47). Mit der Anspielung auf die sprichwörtliche ‚Wachsnase‘ wird unterstellt, dass Kant eine verfängliche Sophistik betreibe, die jedweder Tatsachengrundlage entbehre. Von einer Wachsnase spricht man in diesem Zusammenhang deshalb, weil sich Wachs beliebig verformen lässt (Adelung, 1801, col. 1325-1326).

Der *spiritus rector* des Unternehmens und der vorantreibende Vernetzer von Deutschen Gesellschaften allerorts, Johann Christoph Gottsched, korrespondierte zunächst freundschaftlich mit beiden Professoren, Knutzen und Flottwell. Knutzen war in Sachen *influxus physicus*²⁴ auf Gottscheds Linie (Hüttner

²⁵ Против участия Канта приводит аргументы Штарк, см. его введение к кантовским «Лекциям по физической географии» (AA 26.1, S. XXI).

²⁶ Простое соединение (лат.).

²⁷ *Influxus physicus* — это технический термин, обозначающий теорию «физического влияния». Это одна из трех гипотез о единстве души и тела, обсуждавшихся в то время. Если Вольф и большинство его последователей выступали за предустановленную гармонию Лейбница, то Готшед и Кнутцен придерживались аристотелевской гипотезы реального взаимодействия между телом и душой. Третий вариант — окказионализм, восходивший к Малебраншу и пропагандировавший божественную помощь во взаи-

²³ Gegen Kants Teilnahme argumentiert Stark, vgl. seine Einleitung zu Kants *Vorlesungen über Physische Geographie*, AA 26.1, S. XXI.

²⁴ *Influxus physicus* ist der Fachausdruck für die Theorie des ‚physikalischen Einflusses‘. Es handelt sich um eine der drei damals diskutierten Hypothesen für die Gemeinschaft von Leib und Seele. Während Wolff und die meisten seiner Anhänger sich für die prästabilisierte Harmonie nach Leibniz aussprachen, hielten Gottsched und Knutzen an der aristotelischen Hypothese einer realen Wechselwirkung zwischen Leib und Seele fest. Eine dritte Option ist der auf Malebranche zurückgehende Okkasionalismus, der eine göttliche Assistenz beim Zusammenspiel von Leib und Seele propagiert. In der ersten Auflage der *Kritik der reinen Vernunft* hat Kant die

S. 98–105). Флотвелл, в свою очередь, выступает в роли неутомимого пропагандиста языкового проекта Готшеда. Можно предположить, что общность взглядов молодых ученых Кёнигсберга на использование немецкого языка как эффективного средства высказывания для философии и на его внедрение в практику с помощью учебников Готшеда соответствовала духу времени при всем различии интересов, а также при всех личных разногласиях и конфликтах²⁸; это подтверждается и всеми ранними работами Канта, которые были написаны на немецком языке и до 1755 г. не имели никакого отношения к университету (если не считать обязательной цензуры). Лишь академические квалификационные работы были написаны им на латинском языке.

В Немецком обществе Кёнигсберга книги Готшеда «Критическое стихосложение» и «Подробная риторика» считались «евангелиями этого союза приверженцев немецкого языка» (Krause, 1893, S. 16). Такое отношение к ним не могло не отразиться на языковом развитии Канта. В этом смысле, когда речь идет об использовании Кантом термина «критика», Манфред Баум отмечает концептуально-историческое заимствование у Готшеда (Baum, 2019, S. 86–89).

8. Утешительное письмо в определении Готшеда

С учетом всего сказанного можно предположить, что Кант, вполне вероятно, был знаком с содержанием «Подробной риторики» Готше-

действия тела и души. В первом издании «Критики чистого разума» Кант завершает дискуссию, начав со следующего пункта: «Три обычные придуманные по этому поводу и в самом деле единственно возможные системы таковы: системы физического влияния, предустановленной гармонии и сверхъестественного содействия» (A 390; Кант, 2006, с. 487).

²⁸ О том, что учебники Готшеда для изучения языка в 1760 г. были критически восприняты в кантовском окружении, свидетельствуют и комментарии в письме Гамана к Линднеру (Hamann, 1956, S. 61–67).

und Walter, 2023, S. 98-105). Wiederum Flottwell tritt als unermüdlicher Propagator von Gottscheds Sprachprojekt auf. Eine gemeinsame Grundüberzeugung junger Akademiker in Königsberg bezüglich der Verwendung der deutschen Sprache als probates Ausdrucksmittel der Weltweisheit und deren Verbreitung unter Zuhilfenahme der Lehrbücher Gottscheds darf daher trotz jeweils andersgelagerter Interessenschwerpunkte und trotz persönlicher Differenzen und Konflikte wohl als im Zeitgeist liegend unterstellt werden;²⁵ dafür sprechen weiterhin Kants allesamt auf deutsch verfassten Frühschriften, die bis 1755 noch nichts mit der Universität (außer der obligatorischen Zensur) zu tun hatten. Erst die akademischen Qualifikationsschriften hat er dann in lateinischer Sprache verfasst.

In Königsbergs *Deutscher Gesellschaft* galten Gottscheds *Critische Dichtkunst* und *Ausführliche Redekunst* als die „Evangelien dieses deutschübenden Vereins“ (Krause, 1893, S. 16). Das wird nicht spurlos an Kants sprachlicher Entwicklung vorbeigegangen sein. In diesem Sinne, hinsichtlich Kants Verwendung von „Kritik“, weist übrigens bereits Manfred Baum (1990, S. 86-89) auf die begriffsgeschichtlichen Anleihen bei Gottsched hin.

8. Gottscheds Definition einer Trostschrift

Dass Kant mit dem Inhalt von Gottscheds *Ausführlicher Redekunst* vertraut war, darf nach dem Gesagten als sehr wahrscheinlich angenommen werden. Dies legt eine weitere Themen-

Diskussion beendet, beginnend an folgender Stelle: „Die gewöhnliche drei hierüber erdachte und wirklich einzig mögliche Systeme sind die, des *physischen Einflusses*, der *vorher bestimmten Harmonie* und der *übernatürlichen Assistenz*“ (KrV, A 390).

²⁵ Dass Gottscheds Lehrbücher über Sprache 1760 im Umkreis Kants kritisch rezipiert wurden, beweisen ferner Bemerkungen in einem Brief Hamanns an Lindner (Hamann, 1956, S. 61-67).

да. Это позволяет обнаружить еще одно тематическое совпадение, о котором можно судить по одному источнику о ранних работах Канта: Вернер Эйлер обнаружил свидетельство Канта, относящееся к 1758 г. Из документа следует, что Кант читал лекции о римском стиле, то есть о стилистике латинского языка. Кант сообщал, что «студент свободных искусств, который был вверен мне для научного руководства... принимал участие в моих частных семинарах по римскому стилю» (Euler, 2000, S. 140). «Подробная риторика» Готшеда имеет соответствующий подзаголовок: «По наставлениям греков и римлян» (Gottsched, 1975a). Таким образом, два мотива могли побудить Канта обратиться к учебнику Готшеда: во-первых, дидактический интерес, который сопутствовал его активной преподавательской деятельности, и, во-вторых, желание почерпнуть советы или рекомендации для своей собственной письменной практики.

Предыдущие замечания указывают, таким образом, на необходимость сравнительного исследования «Риторики» Готшеда. И действительно, для «Мыслей...» Канта есть идеальный теоретический образец определения утешительного письма. В восьмом разделе вышеупомянутой «Риторики» Готшед рассматривает проповеди, высказывания о частных лицах и утешения: «Ораторские речи», которые были «распространены во многих местах и от которых не стоит отказываться» (Gottsched, 1975b, S. 292). Параграф, в котором дается объяснение утешительному письму, содержит следующее определение:

Что же касается утешительных сочинений, которые легко можно отнести к этой главе, то... хочется лишь в какой-то мере поднять дух скорбящих близких с помощью всевозможных добрых размышлений. ...чтобы их посылали близким в случае смерти и печатали вместо похоронных стихов, выражая свое сочувствие. ...примеры этого мы находим у древних. Цицерон писал такие письма-утешения по поводу смерти своей Туллиолы, Плутарх — жене

überschneidung nahe, die sich aus einer Quelle zu Kants früher Lehre erschließen lässt. Werner Euler hat ein Zeugnis Kants aus dem Jahr 1758 entdeckt. Dem Dokument ist zu entnehmen, dass Kant ein Kolleg über römischen Stil hielt, d.h. über Stilistik der lateinischen Sprache. Kant attestierte, dass der „Student der freien Künste, der mir zur akademischen Anleitung anvertraut worden ist, [...] an meinem Privatkollegium über Römischen Stil teilgenommen“ habe (Euler, 2000, S. 140). Gottscheds *Ausführliche Redekunst* führt den passenden Untertitel: „nach Anleitung der Griechen und Römer“ (Gottsched, 1975a). Zwei Motive könnten Kant somit zum Blick in Gottscheds Lehrbuch verleitet haben: zum einen ein fachlich-didaktisches Interesse, das mit seiner aktiven Lehrtätigkeit einherging, und, um Hilfestellungen oder Anregungen für die eigene Schreibpraxis zu erhalten.

Die bisherigen Ausführungen legen also besonders nahe, einen vergleichenden Blick in Gottscheds *Redekunst* zu werfen. Und tatsächlich: Zu den *Gedanken* Kants findet sich das passende theoretische Gegenstück der Definition einer Trostschrift. Im achten Hauptstück der besagten *Redekunst* handelt Gottsched von Standreden, Personalien und Trostschriften: „[O]ratorische Vorträge“, die „in vielen Orten üblich, und nicht zu verwerfen“ seien (Gottsched, 1975b, S. 292). Der Paragraph, in dem die Trostschrift erklärt wird, enthält folgende Definition:

Was nun endlich die Trostschriften betrifft, die in dieses Capitel füglich gezählet werden können; [...] man will nur durch allerley gute Betrachtungen, das Gemüth der bekümmerten Hinterbliebenen einigermaßen aufrichten. [...] daß man sie bey Todesfällen an die Leidtragenden ergehen, und an statt eines Leichengedichtes drucken läßt, ihnen sein Mitleiden zu bezeigen. [...] finden wir Exempel bey den Alten. Cicero hat über den Tod seiner Tulliola, Plutarchus gleichfalls an seine Gattin über den Verlust seines kleinen Töchterchens, und

по поводу утраты маленькой дочери, а Сенека — не только своей матери Гельвидии, но и несколькими другим лицам. ...другое, однако, несколько свободнее и непринужденнее: здесь каждый сохраняет свободу говорить много или мало, в том или ином порядке. Но тот, кто желает знать, где ему искать основания для утешения, чтобы поддержать скорбящего, может, помимо вышеупомянутых авторов, обратиться к Боэцию, к книге об утешении философией... и другим подобным книгам, в которых говорится о стойкости в невзгодах (Ibid., S. 295).

Еще одним важным элементом утешительного письма является, согласно следующему параграфу, «описание жизни» умершего (Ibid., S. 296).

Все перечисленные Готшедом характеристики утешительных писем применимы к «Мыслям...» Канта: автор отдает в печать утешительное письмо и отправляет его близким покойного; речь идет о размышлениях, призванных поднять дух страдающих людей; о «размышлениях» пишет и Кант (AA 02, S. 42; Кант, 1994б, с. 16); в самом широком смысле речь идет об основаниях для утешения, при выборе которых можно опираться на античных авторов и — если именно таким образом понимать ссылки на Цицерона, Сенеку и Боэция — следовать философским размышлениям этих римских писателей. Вспомним еще раз о близости с философскими «Обителями» Меланхтона (Melanchthon, 1547, col. 483–484). Кант также следует совету Готшеда, упоминая Лукреция Каруса и Теренция. В целом все творчество Канта дышит духом стоиков.

Кант включает описание жизни молодого Функа в общие философские размышления об основаниях для утешения (AA 02, S. 41–44; Кант, 1994б, с. 16–18). Упомянутая черта его характера — «мягк[ий] и спокойн[ый] нрав» (AA 02, S. 43; Кант, 1994б, с. 21) — убедительно свидетельствует о духе стоиков в «Мыслях...», о котором написано выше. Трудно удержаться, чтобы не признать в часто цитируемом Кантом

Seneca theils an seiner Mutter Helvidia, theils an ein paar andre Personen solche Trostschriften abgefasst. [...] die andre aber etwas freyer und ungezwungener ist: indem ein jeder dasselbst seine Freyheit behält, viel oder wenig, in dieser oder jener Ordnung, zu sagen. Wer aber wissen will, wo er die Trostgründe hernehmen soll, einen Betrübten aufzurichten, der kann, außer den oben angegebenen Scribenten, noch den Boethius, vom Tröste der Weisheit, [...] nebst andern solchen Büchern nachschlagen, die von der Standhaftigkeit im Unglücke handeln (ebd., S. 295).

Ein weiterer essentieller Bestandteil der Trostschrift ist, wie im Folgeparagrafen ergänzt wird, die „Lebensbeschreibung“ des Verstorbenen (ebd., S. 296).

Alle von Gottsched genannten Merkmale von Trostschriften treffen auf Kants *Gedanken* zu: Man lässt die Trostschrift drucken und sendet sie an die Hinterbliebenen; es geht um Betrachtungen, die das Gemüt der Bekümmerten aufrichten sollen; von „Betrachtungen“ spricht auch Kant (GAJFF, AA 02, S. 42); im weitesten Sinne wird auf Trostgründe hingewiesen, bei deren Auswahl man sich mit antiken Autoren behelfen kann und — wenn man die Verweise auf Cicero, Seneca und Boethius so verstehen möchte — dabei den philosophischen Betrachtungen dieser römischen Schriftsteller folgt. Erinnerung sei hier nochmals auf die Verwandtschaft mit Melanchthons philosophischen *loci* (Melanchthon, 1547, col. 483–484). Auch diesem Ratschlag Gottscheds folgt Kant mit Verweisen auf Lucretius Carus und Terentius. Überhaupt atmet die ganze Schrift Kants stoischen Geist.

In die allgemeinen philosophischen Betrachtungen der Trostgründe arbeitet Kant die Lebensbeschreibung des jungen Funk ein (GAJFF, AA 02, S. 41–44). Seine genannte Charaktereigenschaft einer „gelassenen Gemüthsart“ (ebd., S. 43) gibt dabei einen entscheidenden Hinweis auf den soeben unterstellten stoischen Geist der

жизненном девизе стоиков *Sustine et abstinence*²⁹ опорную идею этого сочинения (AA 07, S. 100; Кант, 2024, с. 345)³⁰.

Разделение на размышление и жизнеописание, отмеченное Розефельдом (Rosefeldt, 2015), тоже было предписано «Риторикой» Готшеда. При этом Готшед и Кант следуют римской (утешительной) эпистолярной литературе, самым известным примером которой, вероятно, является «Утешение к Марции и другим» Сенеки (см. вторую часть настоящего исследования).

Утешительные письма «распространены во многих местах», особенно в Кёнигсберге. Готшед, который всегда подбирает для своих теоретических положений подходящие примеры, помещает в конец основного раздела «биографию» жены Кристиана Генриха Гюттера (1696–1755) (Gottsched, 1975b, S. 296–307)³¹. То обстоятельство, что этот текст («биография») Гюттера был напечатан Готшедом, следует подчеркнуть особо, ведь Гюттер был профессором красноречия (риторики) в Альбертине в те времена, когда там учился Кант, читал лекции по учебникам Готшеда и вел с ним оживленную переписку (Hüttner, Walter, 2023, S. 43).

Если говорить о распространении образцовых для траурных сочинений текстов, то Флотвелл снова сыграл ключевую роль в просветительском языковом проекте Готшеда. В сотрудничестве с Готшедом Немецкое общество в Кёнигсберге опубликовало весьма популярную, выдержавшую три издания³² книгу с образцами хвалебных и траурных речей

²⁹ Терпеть и воздерживаться (лат.).

³⁰ Об этом девизе имперской Стои, восходящем к Эпиктету, см. подробно: (Kant, 2004, S. 251–253).

³¹ Кроме того, Готшед поддерживал постоянную переписку с Гюттером. Он основал в Кёнигсберге «Свободное общество», конкурировавшее с обществом Флотвелла. См.: (Erb, 2023, S. 414).

³² Первое издание вышло в 1749 г., второе в 1755 г., третье в 1764 г. (ср.: Mitchell, 1987, S. 120, 161). Указание на третье издание отсутствует в биографии Готшеда за авторством Митчелла, экземпляр этого издания хранится в Баварской государственной библиотеке (Мюнхен).

Gedanken. Man ist fast geneigt, das von Kant oft heranzitierte stoische Lebensmotto *sustine et abstinence*²⁶ als tragendes Motiv zu erkennen (SF, AA 07, S. 100).²⁷

Die von Rosefeldt (2015) bemerkte Aufteilung in Betrachtung und Lebensbeschreibung ist ebenso mit Gottscheds *Redekunst* vorgezeichnet. Damit folgen Gottsched und Kant im Übrigen der römischen (Trost-)Briefliteratur, deren berühmtestes Beispiel wohl Senecas *Ad Marciam et alii* ist (vgl. den zweiten Teil).

Die Trostschriften sind „in vielen Orten üblich“, insbesondere in Königsberg. Gottsched, der stets geeignetes Beispielmateriale für seine Theorien herbeischafft, stellt ans Ende des Hauptstücks den „Lebenslauf“ von Christian Heinrich Gütthers (1696–1755) Ehefrau (Gottsched, 1975b, S. 296–307).²⁸ Der Umstand, dass dieser Text („Lebenslauf“) von Gütther bei Gottsched abgedruckt ist, ist eigens hervorzuheben. Denn Gütther war Professor für Beredsamkeit (Rhetorik) an der Albertina als Kant studierte, hielt über Gottscheds Lehrbücher Vorlesungen und korrespondierte eifrig mit ihm (Hüttner und Walter, 2023, S. 43).

Mit Blick auf die Verbreitung von geeigneten Mustertexten für Trauerschriften spielt wiederum Flottwell eine zentrale Rolle in Gottscheds aufklärerischen Sprachprojekt. Die *Deutsche Gesellschaft* in Königsberg gab im Verein mit Gottsched ein dreifach aufgelegtes,²⁹ sehr erfolgreiches Musterbuch für Lob- und Trauerreden heraus (s. Abb. 2). Übersetzt wurden die Reden

²⁶ „Ertrage und enthalte dich“ (Lat.).

²⁷ Zu diesem, auf Epiktet zurückgehenden Motto der imperialen Stoa, vgl. ausführlich Kant (2004, S. 251–253).

²⁸ Mit Gütther unterhielt Gottsched gleichfalls eine anhaltende Korrespondenz. Er gründete mit der *Freyen Gesellschaft* in Königsberg ein Konkurrenzunternehmen zu Flottwell. Vgl. Erb (2023, S. 414).

²⁹ ¹1749, ²1755, ³1764; vgl. Mitchell (1987, S. 120, 161). Die dritte Auflage fehlt in Mitchells Gottsched-Biographie, ein Exemplar findet sich in der Bayerischen Staatsbibliothek (München).

(рис. 2). Были переведены речи французского епископа Эсприта Флешье. К 1700 г. он приобрел репутацию одного из лучших и умнейших ораторов Европы (Stockinger, 2023, S. 142).

des französischen Bischofs Esprit Fléchier. Um 1700 stand er im Ruf, einer der besten und geistreichsten Kanzelredner Europas zu sein (Stockinger, 2023, S. 142).

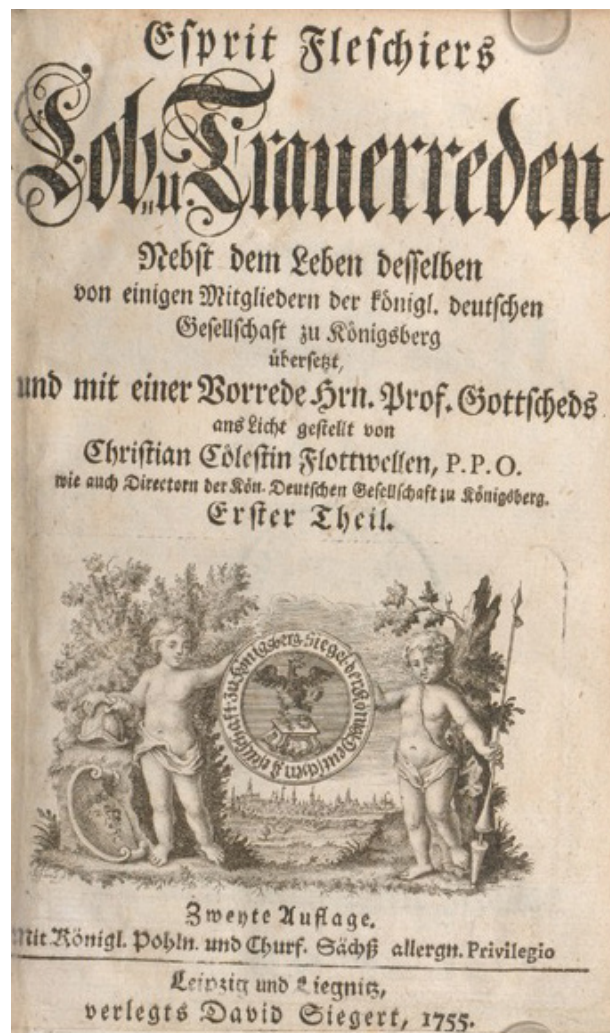

Рис. 2. Титульный лист
«Хвалебных и траурных речей» Флешье

Abb. 2: Titelblatt von Flechiers
Lob- und Trauerreden

9. Вывод

Оглядываясь назад, мы понимаем, что Готшед и его окружение оказали языковое и стилистическое влияние на манеру письма и язык Канта: имя Готшета, связываемое с немецкой теорией языка и риторикой, Кант слышал

9. Fazit

Rückblickend ist also klar, es gibt eine sprachlich-stilistische Einflussnahme von Gottsched und seinem Umkreis auf Kants Sprach- und Schreibweise: In Verbindung mit deutscher Sprachtheorie und Rhetorik vernahm Kant in den 1750er Jahren den Namen Gottsched in allen gebildeten Kreisen

во всех образованных кругах Кёнигсберга в 1750-х гг. Достаточно вспомнить переписку Готшеда с приятельницей Канта, графиней фон Кайзерлингк, которая даже хотела перевести учебник Готшеда «Первоосновы всей философии» на французский язык (Wolff, 1895, S. 49; Hüttner, Walter, 2023, S. 22–26). Это по меньшей мере свидетельствует о том, что Готшед должен был произвести неизгладимое впечатление на молодого Канта. Как уже упоминалось, Готшед в философском плане стоял в одном ряду с Кнутценом в противовес другим вольфианцам (Watkins, 1995). Учитывая структуру кантовских «Мыслей...» и биографическую близость двух кёнигсбержцев, можно с большой долей вероятности исходить из того, что основополагающие труды Готшеда несомненно повлияли на эту работу.

Находясь в Лейпциге, Готшед оказывал сильное влияние на интеллектуальную жизнь Кёнигсберга. Однако его влияние на Канта следует рассматривать дифференцированно: Готшед в сотрудничестве с издательством Брайткопфа инициировал и широко пропагандировал рецепцию многочисленных французских (Бейль, Фонтенель и др.), английских («Зритель» и др.) и латинских сочинений (Цицерон, Марк Аврелий и др.) посредством собственных переводов и путем издания чужих. Своей обширной перепиской с Кёнигсбергом он способствовал ослаблению там пиетизма (Fehr, 2000). Акцент Готшеда на популярном изложении новых для того времени естественных наук, вероятно, оказал сильное влияние на Канта. Новые взгляды ньютоновской физики дополнялись стоическими и эпикурейскими натурфилософиями. В результате их теории о душе и образе жизни вновь начинают занимать сознание читательской аудитории того времени. Таким образом, Готшед помогал утвердить просвещение в Кёнигсберге. Лейпцигская образовательная программа Готшеда и английская физическая теология объединяются на берегах кёнигсбергского Прегеля.

Кант особенно преуспел, возрождая стоицизм в своеобразной форме. Именно этот момент открывает подлинную ценность текста

Кёнигсберга. Remembered sei nur an den Briefwechsel, den Gottsched mit Kants Freundin, der Gräfin von Keyserlingk, unterhielt, die sogar Gottscheds Philosophielehrbuch (*Erste Gründe der gesamten Weltweisheit*) ins Französische übertragen wollte (Wolff, 1895, S. 49; Hüttner und Walter, 2023, S. 22-26). Damit ist zumindest nachgewiesen, dass Gottsched einen bleibenden Eindruck auf den jungen Kant hinterlassen haben muss. Mit Knutzen war Gottsched, wie gesagt, philosophisch gegen die übrigen Wolffianer zu einer Partei verbunden (Watkins, 1995). Aufgrund der Anlage von Kants *Gedanken* und aufgrund der biografischen Nähe zwischen den beiden Königsbergern darf daher mit großer Wahrscheinlichkeit von einer wie auch immer gearteten Ausstrahlung von Gottscheds richtungweisenden Büchern ausgegangen werden.

Gottsched nahm von Leipzig ausgehend starken Einfluss auf das geistige Leben in Königsberg. Den Einfluss Gottscheds auf Kant muss man dabei aber differenziert betrachten: Gottsched hat in Zusammenarbeit mit dem Verlagshaus Breitkopf die Rezeption zahlreicher französischer (Bayle, Fontenelle, etc.), englischer (Der Zuschauer, etc.) und lateinischer Schriften (Cicero, Marc Aurel, etc.) durch eigene Übersetzungen oder durch Herausgabe von Übersetzungen angeregt und breitenwirksam gefördert. Durch seine umfangreiche Korrespondenz nach Königsberg, half er, den dortigen Pietismus abzuschwächen (Fehr, 2000). Gottscheds Schwerpunktsetzung auf die populäre Präsentation der damals neuen Naturwissenschaften hat auf Kant wahrscheinlich stark gewirkt. Die neuen Perspektiven der Newton'schen Physik werden durch die stoischen und epikureischen Naturphilosophen ergänzt. Damit treten auch wieder ihre Theorien über Seele und Lebensführung mehr ins Bewusstsein der damaligen Leserschaft. Auf diese Weise hilft Gottsched, die Aufklärung in Königsberg zu etablieren. Gottscheds Leipziger Bildungsprogramm und die englische

«Мыслей...», ибо он свидетельствует о глубокой привязанности и любви Канта к философским мыслителям римской Стои: Горацию, Сенеке, Цицерону, Лукрецию, Марку Аврелию и всем другим, от которых он почерпнул полезные советы о ведении философского образа жизни³³. Разница между Кантом и Готшедом становится очевидной: Готшед — проводник знаний, у которого иногда возникают собственные мысли. Он учит не более чем тому содержанию, которое извлекает из трудов Квинтилиана или Горгия, Цицерона или Аристотеля. Его заслуга в том, что он позволяет этим авторам говорить на языке своего времени.

Кант мыслит через античных авторов независимо и творчески. В этом отношении он отличается от Готшеда. Он значительно превосходит его по глубине мысли. Хотя Кант, как представляется, придерживается программы, инициированной Готшедом, его утешительное письмо демонстрирует более глубокую вовлеченность в темы смерти и жизни. Его характеристика умершего уже намекает на позднюю тенденцию его практической философии. Только свободное действие на основе морального закона, рационально признанного необходимым, придает глубокий и постоянный смысл чисто случайному ходу и столь же чисто случайной продолжительности человеческой жизни.

Список литературы

Боровски Л.Э. Описание жизни и характера Иммануила Канта // Ранние биографии Канта: Л. Э. Боровски, Р.Б. Яхман, Э.А. Кр. Васиански, Ф.Т. Ринк и «Кантиана» Р. Райке / пер. с нем. А.Н. Саликова под ред. А.Г. Жаворонкова. Калининград ; М. ; СПб. : Изд-во БФУ им. И. Канта ; Центр гуманитарных инициатив, 2024. С. 49–190.

Кант — Марии фон Герберт [весна 1792 г.] // Трактаты и письма. М. : Наука, 1980. С. 582–585.

³³ Вторую часть этого исследования планируется опубликовать в 4-м выпуске «Кантовского сборника» за 2024 г.

Physikotheologie treffen am Königsberger Prengel zusammen.

Kant gelingt es dabei im besonderen Maße, den Stoizismus unter einer eigentümlichen Gestalt zu beleben. Dieses Moment ist es, was den eigentlichen Wert seiner *Gedanken*-Schrift ausmacht, denn er offenbart Kants große Nähe und Liebe zu den philosophischen Denkern der römischen Stoa, zu Horaz, Seneca, Cicero, Lukrez, Marc Aurel und all den anderen, aus denen er brauchbare Anhaltspunkte zur philosophischen Lebensführung herauslesen konnte.³⁰ Ein Unterschied zwischen Kant und Gottsched wird dabei deutlich: Gottsched ist ein Wissensvermittler, bei dem gelegentlich eigene Gedanken auftauchen. Gottsched lehrt kaum mehr, als die Inhalte, die er aus den Schriften Quintilians oder Gorgias', Ciceros oder Aristoteles' herausarbeitet. Sein Verdienst ist, dass er diese Autoren in der Sprache seiner Zeit sprechen lässt.

Kant durchdenkt die antiken Autoren eigenständig und kreativ. In dieser Hinsicht unterscheidet er sich von Gottsched. Er überragt ihn weit an gedanklicher Tiefe. Obwohl Kant dem von Gottsched begonnen Programm also verpflichtet scheint, zeigt seine Trostschrift eine tiefere Auseinandersetzung mit den Themen Tod und Leben. In seiner Charakteristik des Verstorbenen deutet sich bereits die spätere Tendenz seiner praktischen Philosophie an. Nur die freiheitliche Handlung auf der Grundlage des vernunftmäßig als Notwendig erkannten Sittengesetzes, verleiht dem rein zufälligen Verlauf und der ebenso rein zufälligen Dauer des menschlichen Lebens einen tiefen und bleibenden Sinn.

Literatur

Ackeren, M. van, 2011. *Die Philosophie Marc Aurels. Band 1: Textform – Stilmerkmale – Selbstdialog*. Berlin & Boston: De Gruyter.

³⁰ Siehe den zweiten Teil dieser Studie im 4. Heft von *Kantian Journal* 2024.

Кант И. Опыт некоторых рассуждений об оптимизме // Собр соч. : в 8 т. М. : Чоро, 1994а. Т. 2. С. 5–14.

Кант И. Мысли, вызванные безвременной кончиной высокородного господина Иоганна Фридриха фон Функа // Собр соч. : в 8 т. М. : Чоро, 1994б. Т. 2. С. 15–22.

Кант И. Критика чистого разума. 1-е издание (А) // Соч. на рус. и нем. яз. М. : Наука, 2006. Т. 2, ч. 2.

Кант И. Ответ на вопрос: что такое просвещение? / пер. А. Н. Саликова под ред. Н. А. Дмитриевой // Соч. по антропологии, философии политики и философии религии : в 3 т. Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2024а. Т. 2: Соч. по философии политики. С. 48–55.

Кант И. Спор факультетов / пер. А. С. Зильбера под ред. П. В. Резвых // Соч. по антропологии, философии политики и философии религии : в 3 т. Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2024б. Т. 2 : Соч. по философии политики. С. 250–361.

Круглов А. Н. Кант в споре с крузианцами об оптимизме // Кантовский сборник. 2018. Т. 37, № 2. С. 7–31.

Кюн М. Кант: биография / пер. с англ. А. Васильевой под науч. ред. К. Чепурина. М. : ИД «Дело» РАНХиГС, 2021.

Ackeren M. van. Die Philosophie Marc Aurels. Berlin ; Boston : De Gruyter, 2011. Bd. 1 : Textform – Stilmerkmale – Selbstdialog.

Adelung J. C. Grammatisch-kritisches Wörterbuch der hochdeutschen Mundart. Leipzig : Breitkopf, 1801. Bd. 4.

Adickes E. Kant als Naturforscher. Leipzig ; Berlin : De Gruyter, 1924. Bd. 1.

Anonym [Mellin G. S. A.]. Immanuel Kant's Biographie. Leipzig : E. G. Weigel, 1804. Bd. 2.

Arnoldt D. H. Ausführliche und mit Urkunden versehene Historie der Königsberger Universität. Königsberg : J. H. Hartung, 1746. Bd. 2.

Baum M. Kritik // Kleine Schriften 1. Arbeiten zu Kants theoretischer Philosophie / hrsg. von M. Heinz. Berlin ; Boston: De Gruyter, 2019. S. 83–103.

Berndt F., Spalinger R. Rhetorik: Ausführliche Redekunst // Gottsched Handbuch. Leben – Werk – Wirkung / hrsg. von S. Meixner, C. Rocks. Stuttgart : J. B. Metzler, 2023. S. 139–176.

Döring D. Die Geschichte der Deutschen Gesellschaft in Leipzig. Tübingen : Max Niemeyer, 2002.

Erb A. Deutsche Gesellschaften des 18. Jahrhunderts. Ein Gruppenbild. Berlin ; Boston : De Gruyter, 2023.

Erbkam W. H. Borowski, Ludwig Ernst // Allgemeine Deutsche Biographie. Leipzig : Duncker & Humblot, 1876. Bd. 3. S. 177–178.

Erler G. Die Matrikel der Albertus-Universität zu Königsberg i. Pr. Leipzig : Duncker & Humblot, 1911/1912. Bd. 2.

Adelung, J. C., 1801. *Grammatisch-kritisches Wörterbuch der hochdeutschen Mundart*. Band 4. Leipzig: Breitkopf.

Adickes, E., 1924. *Kant als Naturforscher*. Band 1. Leipzig & Berlin: De Gruyter.

Anonym [Mellin, G. S. A.], 1804. *Immanuel Kant's Biographie*. Bd. 2. Leipzig: E. G. Weigel.

Arnoldt, D. H., 1746. *Ausführliche und mit Urkunden versehene Historie der Königsberger Universität*. Band 2. Königsberg: J. H. Hartung.

Baum, M., 1990. Kritik. In: M. Heinz, Hg. 2019. *Kleine Schriften 1. Arbeiten zu Kants theoretischer Philosophie*. Berlin & Boston: De Gruyter. S. 83-103.

Benninghoven, F., Hg. 1974. *Immanuel Kant. Leben, Umwelt, Werk*. Berlin: Geheimes Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz.

Berndt, F. und Spalinger, R., 2023. Rhetorik: Ausführliche Redekunst. In: S. Meixner und C. Rocks, Hg. 2023. *Gottsched Handbuch. Leben – Werk – Wirkung*. Stuttgart: J. B. Metzler, S. 139-176.

Borowski, L. E., 1804. *Darstellung des Lebens und Charakters Immanuel Kant's*. Königsberg: Nicolovius.

Döring, D., 2002. *Die Geschichte der Deutschen Gesellschaft in Leipzig*. Tübingen: Max Niemeyer.

Erb, A., 2023. *Deutsche Gesellschaften des 18. Jahrhunderts. Ein Gruppenbild*. Berlin & Boston: De Gruyter.

Erbkam, W. H., 1876. Borowski, Ludwig Ernst. In: *Allgemeine Deutsche Biographie*. Band 3. Leipzig: Duncker & Humblot, S. 177-178.

Erler, G., 1911/1912. *Die Matrikel der Albertus-Universität zu Königsberg i. Pr.* Band 2. Leipzig: Duncker & Humblot.

Euler, W., 1994. Immanuel Kants Amtstätigkeit. Aufgaben und Probleme einer Gesamtdokumentation. In: R. Brandt und W. Stark, Hg. 1994. *Autographen, Dokumente und Berichte. Zu Edition, Amtsgeschäften und Werk Immanuel Kants*. Hamburg: Felix Meiner, S. 58-90.

Euler, W., 2000. Kants Briefwechsel und „Amtlicher Schriftverkehr“. Mit einem Anhang über Kants Vorlesung über römischen Stil. *Kant-Studien*, 91 (Sonderheft), S. 106-142.

Fehr, J. J., 2000. *Ein wunderlicher Nexus rerum. Aufklärung und Pietismus in Königsberg*. Hildesheim: Georg Olms.

Fischer, K., 1889. *Immanuel Kant und seine Lehre. Erster Theil. Entstehung und Grundlegung der kritischen Philosophie*. 3. Auflage. Heidelberg: Carl Winter.

Euler W. Immanuel Kants Amtstätigkeit. Aufgaben und Probleme einer Gesamtdokumentation // Autographen, Dokumente und Berichte. Zu Edition, Amtsgeschäften und Werk Immanuel Kants / hrsg. von R. Brandt, W. Stark. Hamburg : Felix Meiner, 1994. S. 58–90.

Euler W. Kants Briefwechsel und "Amtlicher Schriftverkehr". Mit einem Anhang über Kants Vorlesung über römischen Stil // Kant-Studien. 2000. Bd. 91 (Sonderheft). S. 106–142.

Fehr J. J. Ein Wunderlicher Nexus Rerum. Aufklärung und Pietismus in Königsberg. Hildesheim : Georg Olms, 2000.

Fischer K. Immanuel Kant und seine Lehre. 3. Aufl. Heidelberg : Carl Winter, 1889. Thl. 1 : Entstehung und Grundlegung der kritischen Philosophie.

Freudenberg M. Melanchthon und die Bekenntnisbildung. 2. Reformiertentum // Philipp Melanchthon. Der Reformator zwischen Glauben und Wissen. Ein Handbuch / hrsg. von G. Frank und A. Lange. Berlin & Boston: De Gruyter, 2017. S. 179–191.

Goldbeck J.F. Nachrichten von der Königlichen Universität zu Königsberg in Preußen und den daselbst befindlichen Lehr-, Schul- und Erziehungsanstalten. Königsberg ; Leipzig ; Dessau : im Selbstverlag des Verfassers, 1782.

Gottsched J.G. Versuch einer critischen Dichtkunst: Erste allgemeiner Theil / hrsg. von J. Birke, B. Birke // Johann Christoph Gottsched Ausgewählte Werke / hrsg. von P.M. Mitchell. Berlin ; N.Y. : De Gruyter, 1973. Bd. 6, Tl. 1.

Gottsched J.G. Ausführliche Redekunst / hrsg. von R. Scholl // Johann Christoph Gottsched Ausgewählte Werke / hrsg. von P.M. Mitchell. Berlin ; N.Y. : De Gruyter, 1975a. Bd. 7, Tl. 1.

Gottsched J.G. Ausführliche Redekunst / hrsg. von R. Scholl // Johann Christoph Gottsched Ausgewählte Werke / hrsg. von P.M. Mitchell. Berlin ; N.Y. : De Gruyter, 1975b. Bd. 7, Tl. 2.

Gottsched J.G. Briefwechsel. Historisch-kritische Ausgabe / hrsg. von D. Döring, F. Menzel, R. Otto, M. Schlott. Berlin ; Boston : De Gruyter, 2015. Bd. 9 : 1742–1744.

Gottsched J.G. Briefwechsel. Historisch-kritische Ausgabe / hrsg. von C. Köhler, F. Menzel, R. Otto, M. Schlott. Berlin ; Boston : De Gruyter, 2020. Bd. 14 : November 1748 – September 1749.

Gottsched J.G. Erste Gründe der gesamten Weltweisheit. Die Kant-Auflage. Theoretischer Teil (1748) / hrsg. von J. Hüttner, M. Walter. Wiesbaden : Georg Olms, 2023.

Hamann J.G. Werke. Historisch-kritische Ausgabe / hrsg. von J. Nadler. Wien : Herder & Thomas-Morus-Presse, 1952. Bd. 2.

Freudenberg, M., 2017. Melanchthon und die Bekenntnisbildung. 2. Reformiertentum. In: G. Frank und A. Lange, Hg., 2017. *Philipp Melanchthon. Der Reformator zwischen Glauben und Wissen. Ein Handbuch*. Berlin & Boston: De Gruyter, S. 179-191.

Goldbeck, J.F., 1782. *Nachrichten von der Königlichen Universität zu Königsberg in Preußen und den daselbst befindlichen Lehr-, Schul- und Erziehungsanstalten*. Königsberg & Leipzig & Dessau: im Selbstverlag des Verfassers.

Gottsched, J.G., 1973. *Versuch einer critischen Dichtkunst: Erster allgemeiner Theil*. Hg. von J. Birke und B. Birke. In: *Johann Christoph Gottsched Ausgewählte Werke*. Hg. von P.M. Mitchell. Band VI, Teil 1. Berlin & New York: De Gruyter.

Gottsched, J.G., 1975a. *Ausführliche Redekunst*. Hg. von R. Scholl. In: *Johann Christoph Gottsched Ausgewählte Werke*. Hg. von P.M. Mitchell. Band VII, Teil 1. Berlin & New York: De Gruyter.

Gottsched, J.G., 1975b. *Ausführliche Redekunst*. Hg. von R. Scholl. In: *Johann Christoph Gottsched Ausgewählte Werke*. Hg. von P.M. Mitchell. Band VII, Teil 2. Berlin & New York: De Gruyter.

Gottsched, J.G., 2015. *Briefwechsel. Historisch-kritische Ausgabe. Band 9: 1742–1744*. Hg. von D. Döring, F. Menzel, R. Otto und M. Schlott. Berlin & Boston: De Gruyter.

Gottsched, J.G., 2020. *Briefwechsel. Historisch-kritische Ausgabe. Band 14: November 1748 – September 1749*. Hg. von C. Köhler, F. Menzel, R. Otto und M. Schlott. Berlin & Boston: De Gruyter.

Gottsched, J.G., 2023. *Erste Gründe der gesamten Weltweisheit. Die Kant-Auflage. Theoretischer Teil (1748)*. Hg. von J. Hüttner und M. Walter. Wiesbaden: Georg Olms.

Hamann, J.G., 1952. Trauerschrift auf den Tod der Frau Rentzen [1752]. In: J.G. Hamann, 1952. *Werke. Historisch-kritische Ausgabe. Band IV*. Herausgegeben von J. Nadler. Wien: Thomas-Morus-Presse im Herder-Verlag, S. 35-39.

Hamann, J.G., 1955. *Briefwechsel*. Herausgegeben von W. Ziesemer und A. Henkel. Band 1. Wiesbaden: Insel-Verlag.

Hamann, J.G., 1956. *Briefwechsel*. Herausgegeben von W. Ziesemer und A. Henkel. Band 2. Wiesbaden: Insel-Verlag.

Hamann, J.G., 1965. *Briefwechsel*. Herausgegeben von W. Ziesemer und A. Henkel. Band 5. Wiesbaden: Insel-Verlag.

Harnack, A. von, 1901. *Geschichte der Königlichen Akademie der Wissenschaften zu Berlin*. Berlin: Georg Stilke.

Hamann J. G. Briefwechsel / hrsg. von W. Ziesemer und A. Henkel. Wiesbaden : Insel-Verlag, 1955. Bd. 1.

Hamann J. G. Briefwechsel / hrsg. von W. Ziesemer und A. Henkel. Wiesbaden : Insel-Verlag, 1956. Bd. 2.

Hamann J. G. Briefwechsel / hrsg. von W. Ziesemer und A. Henkel. Wiesbaden: Insel-Verlag, 1965. Bd. 5.

Harnack A. von. Geschichte der Königlichen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Berlin : Verlag von Georg Stilke, 1901.

Heller R. Kants Persönlichkeit und Leben. Versuch einer Charakteristik. Berlin : Pan-Verlag, 1924.

Hirschberger J. Geschichte der Philosophie. Neuzeit und Gegenwart. Freiburg i.Br. : Herder, 1958.

Hüttner J., Walter M. Einleitung // Gottsched J. G. Erste Gründe der gesamten Weltweisheit. Die Kant-Auflage. Theoretischer Teil (1748). Wiesbaden : Georg Olms Verlag, 2023. S. 9–147.

Immanuel Kant. Leben, Umwelt, Werk / hrsg. von F. Benninghoven. Berlin : Geheimes Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz, 1974.

Irlitz G. Handbuch Immanuel Kant. Leben – Werk – Wirkung. 3. Aufl. Stuttgart : J.B. Metzler, 2015.

Jaspers K. Die großen Philosophen. München : Verlag R. Pieper & Co, 1956. Bd. 1.

Jung M. H. Philipp Melanchthon und seine Zeit. Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht, 2010.

Kant I. Vorlesung zur Moralphilosophie / hrsg. von W. Stark. Berlin ; N.Y. : De Gruyter, 2004.

Klaus G. Die Frühschriften Immanuel Kants // Klaus G. Philosophisch-historische Abhandlungen. Kopernikus – D'Alembert – Condillac – Kant. Berlin : Akademie-Verlag, 1977. S. 139–220.

Kondylis P. Die Aufklärung im Rahmen des neuzeitlichen Rationalismus. Hamburg : Felix Meiner, 2002.

Krause G. Gottsched und Flottwell. Die Begründer der Deutschen Gesellschaft in Königsberg. Leipzig : Duncker & Humblot, 1893.

Kühn M. Immanuel Kant. Eine Biographie / aus dem Englischen von M. Pfeiffer. München : C.H. Beck, 2003.

Lenz R. Leichenpredigten. Eine bisher vernachlässigte Quellengattung. Geschichte, Forschungsstand, methodologische Probleme, Bibliographie // Archiv für Kulturgeschichte. 1974. Bd. 56. S. 296–312.

Malter R. Immanuel Kant in Rede und Gespräch. Hamburg : Felix Meiner, 1990.

Marti H. Immanuel Kant und die Disputation als traditionelle Unterrichtsform // Immanuel Kant und sein Wirkungsort Königsberg / hrsg. von J. Mähnert und J. Sarnowsky. Göttingen : V & R unipress, 2023. S. 65–98.

Heller, R., 1924. *Kants Persönlichkeit und Leben. Versuch einer Charakteristik*. Berlin: Pan-Verlag.

Hirschberger, J., 1958. *Geschichte der Philosophie. Neuzeit und Gegenwart*. Freiburg i.Br.: Herder.

Hüttner, J. und Walter, M., 2023. Einleitung. In: Gottsched, J. G., 2023. *Erste Gründe der gesamten Weltweisheit. Die Kant-Auflage. Theoretischer Teil (1748)*. Wiesbaden: Georg Olms, S. 9-147.

Irlitz, G., 2015. *Handbuch Immanuel Kant. Leben – Werk – Wirkung*. 3. Aufl. Stuttgart: J.B. Metzler.

Jaspers, K., 1956. *Die großen Philosophen. Band 1*. München: R. Pieper & Co.

Jung, M. H., 2010. *Philipp Melanchthon und seine Zeit*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.

Kant, I., 2004. *Vorlesung zur Moralphilosophie*. Herausgegeben von W. Stark. Berlin & New York: De Gruyter.

Klaus, G., 1977. Die Frühschriften Immanuel Kants. In: G. Klaus, 1977. *Philosophisch-historische Abhandlungen. Kopernikus – D'Alembert – Condillac – Kant*. Berlin: Akademie-Verlag, S. 139-220.

Kondylis, P., 2002. *Die Aufklärung im Rahmen des neuzeitlichen Rationalismus*. Hamburg: Felix Meiner.

Krause, G., 1893. *Gottsched und Flottwell. Die Begründer der Deutschen Gesellschaft in Königsberg*. Leipzig: Duncker & Humblot.

Krouglov, A. N., 2018. Kant and the Crusians in the Debate of Optimism. *Kantian Journal*, 37(2), S. 7-31.

Kuehn, M., 2002. *Immanuel Kant. A Biography*. Cambridge: Cambridge University Press.

Kühn, M., 2003. *Immanuel Kant. Eine Biographie*. Aus dem Englischen von M. Pfeiffer. München: C. H. Beck.

Lenz, R., 1974. Leichenpredigten. Eine bisher vernachlässigte Quellengattung. Geschichte, Forschungsstand, methodologische Probleme, Bibliographie. *Archiv für Kulturgeschichte*, 56, S. 296-312.

Malter, R., 1990. *Immanuel Kant in Rede und Gespräch*. Hamburg: Felix Meiner.

Marti, H., 2023. Immanuel Kant und die Disputation als traditionelle Unterrichtsform. In: J. Mähnert und J. Sarnowsky, Hg. 2023. *Immanuel Kant und sein Wirkungsort Königsberg*. Göttingen: V & R unipress, S. 65-98.

Melanchthon, P., 1547. *Loci consolationis*. In: C. G. Breitschneider, Hg. 1839. *Philipi Melanchthonis Opera quae supersunt omnia. Corpus Reformatorum*. Volumen VI. Halle: Schwetschke & Sohn, col. 483-488.

Menzer, P., 1911. Vorwort. In: P. Menzer, Hg. 1911. *Kants Populäre Schriften*. Berlin: Georg Reimer, S. III-VI.

Menzer, P., 1924. Kants Persönlichkeit. *Kant-Studien*, 29, S. 1-20.

Melanchthon P. Loci consolationis [1547] // *Philipi Melanchthonis Opera quae supersunt omnia. Corpus Reformatorum* / hrsg. von C. G. Breitschneider. Halle : Schwetschke & Sohn, 1839. Vol. 6.

Menzer P. Vorwort // *Kants Populäre Schriften* / hrsg. von P. Menzer. Berlin : Georg Reimer, 1911. S. III–VI.

Menzer P. Kants Persönlichkeit // *Kant-Studien*. 1924. Bd. 29. S. 1–20.

Mitchell P.M. Gottsched-Bibliographie // *Johann Christoph Gottsched Ausgewählte Werke* / hrsg. von P. M. Mitchell. Berlin ; N. Y. : De Gruyter, 1987. Bd. 12.

Nadler J. Johann Georg Hamann. 1730–1788. Der Zeuge des Corpus Mysticum. Salzburg : Otto Müller, 1949.

Otto R. Band 10 der Gottschedkorrespondenz – Inhalt und Beobachtungen // *Denkströme. Journal der Sächsischen Akademie der Wissenschaften*. 2018. H. 19. S. 16–28.

Paulsen F. Geschichte des gelehrten Unterrichts auf den deutschen Schulen und Universitäten vom Ausgang des Mittelalters bis zur Gegenwart. 3., erweiterte Aufl. Berlin ; Leipzig : De Gruyter, 1921.

Pufelska A., Barelkowski M. Kant in Olsztyn. 2024. URL: <https://kant-in-olsztyn.ikgn.de> (дата обращения: 29.08.2024).

Reicke J. Zu Johann Christoph Gottsched's Lehrjahren auf der Königsberger Universität : Dissertation. Königsberg : R. Leupold, 1892. Thl. 1.

Rieck R. Johann Christoph Gottsched. Eine kritische Würdigung seines Werkes. Berlin : Akademie-Verlag, 1972.

Rink F.Th. [Vorrede des Herausgebers. ohne Titel; Anm. M.W.] // *Immanuel Kant's vermischte Schriften*. Königsberg : Friedrich Nicolovius, 1807. Bd. 4 : Sammlung einiger unbekannt gebliebenen kleinen Schriften von Immanuel Kant / hrsg. von F.Th. Rink und F. Nicolovius. Zweyte sehr vermehrte Auflage.

Ritzel W. Immanuel Kant. Eine Biographie. Berlin ; N. Y. : De Gruyter, 1985.

Rosefeldt T. Gedanken bei dem frühzeitigen Ableben des Herrn Johann Friedrich von Funk // *Kant-Lexikon* / hrsg. von M. Willaschek, J. Stolzenberg, G. Mohr und S. Bacin. Berlin ; Boston : De Gruyter, 2015.

Rosenkranz K. De varia philosophiae ante Kantium in Academia Albertina vicisstudiene (1846) // *Neue Studien* / hrsg. von K. Rosenkranz. Leipzig : Erich Koschny, 1878. Bd. 4 : Zur Literaturgeschichte. S. 241–250.

Schilling J. Erbauungsschriften // *Luther Handbuch* / hrsg. von A. Beutel. 3., überarbeitete u. erweiterte Aufl. Tübingen : Mohr & Siebeck, 2017. S. 336–347.

Mitchell, P.M., 1987. Gottsched-Bibliographie. In: P. M. Mitchell, Hg. 1987. *Johann Christoph Gottsched Ausgewählte Werke. Band XII*. Berlin & New York: De Gruyter.

Nadler, J., 1949. *Johann Georg Hamann. 1730–1788. Der Zeuge des Corpus Mysticum*. Salzburg: Otto Müller.

Otto, R., 2018. Band 10 der Gottschedkorrespondenz – Inhalt und Beobachtungen. *Denkströme. Journal der Sächsischen Akademie der Wissenschaften*, 19, S. 16–28.

Paulsen, F., 1921. *Geschichte des gelehrten Unterrichts auf den deutschen Schulen und Universitäten vom Ausgang des Mittelalters bis zur Gegenwart*. 3., erweiterte Aufl. Berlin & Leipzig: De Gruyter.

Pufelska, A., Barelkowski, M. 2024. *Kant in Olsztyn*. Verfügbar unter: <https://kant-in-olsztyn.ikgn.de> (Zuletzt aufgerufen am 29.08.2024).

Reicke, J., 1892. *Zu Johann Christoph Gottsched's Lehrjahren auf der Königsberger Universität. Erster Theil* (Dissertation). Königsberg: R. Leupold.

Rieck, R., 1972. *Johann Christoph Gottsched. Eine kritische Würdigung seines Werkes*. Berlin: Akademie-Verlag.

Rink, F.Th., 1807. [Vorrede des Herausgebers]. In: F. Th. Rink und F. Nicolovius, Hg. 1807. *Immanuel Kant's vermischte Schriften. Vierter Band. Sammlung einiger bisher unbekannt gebliebenen kleinen Schriften von Immanuel Kant*. Zweyte sehr vermehrte Auflage. Königsberg: Friedrich Nicolovius.

Ritzel, W., 1985. *Immanuel Kant. Eine Biographie*. Berlin & New York: De Gruyter.

Rosefeldt, T., 2015. Gedanken bei dem frühzeitigen Ableben des Herrn Johann Friedrich von Funk. In: M. Willaschek, J. Stolzenberg, G. Mohr und S. Bacin, Hg. 2015: *Kant-Lexikon*. Berlin & Boston: De Gruyter, S. 685–686.

Rosenkranz, K., 1846. De varia philosophiae ante Kantium in Academia Albertina vicisstudiene. In: K. Rosenkranz, Hg. 1878. *Neue Studien. Vierter Band. Zur Literaturgeschichte*. Leipzig: Erich Koschny, S. 241–250.

Schilling, J., 2017. Erbauungsschriften. In: A. Beutel, (Hg.) 2017. *Luther Handbuch*. 3., überarbeitete und erweiterte Auflage. Tübingen: Mohr & Siebeck, S. 336–347.

Schönfeld, M., 2000. *The Philosophy of the Young Kant. The Precritical Project*. Oxford: Oxford University Press.

Schubert, F.W., 1838. Vorrede. In: K. Rosenkranz und F.W. Schubert, Hg. 1838. *Immanuel Kant's Sämtliche Werke. Siebter Theil, Abteilung 1. Kleine anthropologisch-praktische Schriften*. Leipzig: Leopold Voss, S. V–XVIII.

Schönfeld M. The Philosophy of the Young Kant. The Precritical Project. Oxford : Oxford University Press, 2000.

Schubert F. W. Vorrede // Immanuel Kant's Sämtliche Werke / hrsg. von K. Rosenkranz und F. W. Schubert. Leipzig : Leopold Voss, 1838. Thl. 7, Abteil. 1 : Kleine anthropologisch-praktische Schriften. S. V–XVIII.

Seneca. Gespräche. Die kleinen Dialoge. Lateinisch-deutsch / hrsg. von G. Fink. Düsseldorf ; Zürich : Artemis & Winkler, 2008.

Simon J. Kant, die fremde Vernunft und die Sprache der Philosophie. Berlin ; N. Y. : De Gruyter, 2003.

Stark W. Nachforschungen zu Briefen und Handschriften Immanuel Kants. Berlin : Akademie-Verlag, 1993.

Stark W. Kant als akademischer Lehrer // Zentren der Aufklärung, Königsberg und Riga / hrsg. von H. Ischreyt. Tübingen : Max Niemeyer, 1995. S. 51–68.

Stark W. Immanuel Kant – ein Dichter? // Kant-Studien. 2000. Bd. 91 (Sonderheft). S. 143–147.

Stark W. Zur Erinnerung an den 200. Todestag von Immanuel Kant. Zwei Dokumentenfunde // literaturkritik.de [Druckfassung]. 2004. Jg. 6, № 2. S. 14–17.

Stark W. Zu Kants Mitwirkung an der Drucklegung seiner Schriften // Kants Rechtslehre / hrsg. von B. Ludwig. Hamburg : Felix Meiner, 2005. S. 7–38.

Stark W. Ein historischer Blick auf die ersten Jahre des Privatdozenten Immanuel Kant // Immanuel Kant und sein Wirkungsort Königsberg / hrsg. von J. Mähnert, J. Sarnowsky. Göttingen: V & R unipress, 2023. S. 47–64.

Stark W. Kant als Student, Magister und Privatdozent // Kant in Olsztyn / hrsg. von A. Pufelska und M. Barelkowski. 2024. URL: <https://kant-in-olsztyn.ikgn.de/kant-an-der-universitaet/kant-als-magister-und-privatdozent/> (дата обращения: 23.03.2024).

Stockinger L. Rhetorik und Metarhetorik in Aufklärung und Romantik. Berlin ; Boston : De Gruyter, 2023.

Stupperich R. Melanchthon. Berlin : De Gruyter, 1960.

Vaihinger H. Kant als Melancholiker // Kant-Studien. 1898. Bd. 2. S. 139–141.

Vorländer K. Immanuel Kant. Der Mann und das Werk / hrsg. von R. Malter, H. Klemme. Hamburg : Felix Meiner, 1992.

Wald S. G. Geschichte der Verfassung der König[lichen] Deutschen Gesellschaft zu Königsberg in Preußen. Königsberg : G. L. Hartung, 1793.

Wald S. G. Gedächtnißrede auf Kant // Immanuel Kant zu ehren / hrsg. von J. Kopper, R. Malter. Frankfurt a/M : Suhrkamp, 1974. S. 50–74.

Seneca, 2008. *Gespräche. Die kleinen Dialoge. Lateinisch-deutsch.* Herausgegeben von G. Fink. Düsseldorf & Zürich: Artemis & Winkler.

Simon, J., 2003. *Kant, die fremde Vernunft und die Sprache der Philosophie.* Berlin & New York: De Gruyter.

Stark, W., 1993. *Nachforschungen zu Briefen und Handschriften Immanuel Kants.* Berlin: Akademie-Verlag.

Stark, W., 1995. Kant als akademischer Lehrer. In: H. Ischreyt, Hg. 1995. *Zentren der Aufklärung. Königsberg und Riga.* Tübingen: Max Niemeyer, S. 51-68.

Stark, W., 2000. Immanuel Kant – ein Dichter? *Kant-Studien*, 91 (Sonderheft), S. 143-147.

Stark, W., 2004. Zur Erinnerung an den 200. Todestag von Immanuel Kant. *Zwei Dokumentenfunde. literaturkritik.de* [Druckfassung], 6(2), S. 14-17.

Stark, W., 2005. Zu Kants Mitwirkung an der Drucklegung seiner Schriften. In: B. Ludwig, Hg. 2005. *Kants Rechtslehre.* Hamburg: Felix Meiner, S. 7-38.

Stark, W., 2023. Ein historischer Blick auf die ersten Jahre des Privatdozenten Immanuel Kant. In: J. Mähnert und J. Sarnowsky, Hg. 2023. *Immanuel Kant und sein Wirkungsort Königsberg.* Göttingen: V & R unipress, S. 47-64.

Stark, W., 2024. Kant als Student, Magister und Privatdozent. In: A. Pufelska und M. Barelkowski, Hg. 2024. *Kant in Olsztyn.* Verfügbar unter: <https://kant-in-olsztyn.ikgn.de/kant-an-der-universitaet/kant-als-magister-und-privatdozent/> (Zuletzt aufgerufen am 23.03.2024).

Stockinger, L., 2023. *Rhetorik und Metarhetorik in Aufklärung und Romantik.* Berlin & Boston: De Gruyter.

Stupperich, R., 1960. *Melanchthon.* Berlin: De Gruyter.

Vaihinger, H., 1898. Kant als Melancholiker. *Kant-Studien*, 2, S. 139-141.

Vorländer, K., 1992. *Immanuel Kant. Der Mann und das Werk. I. u. II. Teil.* Herausgegeben von R. Malter und H. Klemme. Hamburg: Felix Meiner.

Wald, S. G., 1793. *Geschichte der Verfassung der König[lichen] Deutschen Gesellschaft zu Königsberg in Preußen.* Königsberg: G. L. Hartung.

Wald, S. G., 1974. Gedächtnißrede auf Kant. In: J. Kopper und R. Malter, Hg. 1974. *Immanuel Kant zu ehren.* Frankfurt a.M.: Suhrkamp, S. 50-74.

Walter, M., 2023. „Ein unbegreiflich zahlreiches Sternenheer“ – Eine Kupfertafel, ergänzend zu Kants Maupertuis-Rezeption in der NTH (1755). *Kant-Studien*, 114, S. 565-578.

Walter M. "Ein unbegreiflich zahlreiches Sterneneer" – Eine Kupfertafel, ergänzend zu Kants Maupertuis-Rezeption in der NTH (1755) // Kant-Studien. 2023. Bd. 114. S. 565–578.

Warda A. Ergänzungen zu E. Fromms zweitem und drittem Beitrage zur Lebensgeschichte Kants (II) // Altpreußische Monatsschrift. 1901. Bd. 38. S. 398–432.

Warda A. Aus dem Leben des Pfarrers Christian Heinrich Puttlich. Thl. 1 : 1763–1799 // Altpreußische Monatsschrift. 1905. Bd. 47. S. 253–304.

Waschkies H.-J. Physik und Physikotheologie beim jungen Kant. Amsterdam : B. R. Grüner, 1987.

Watkins E. The Development of Physical Influx in Early Eighteenth-Century Germany: Gottsched, Knutzen, and Crusius // The Review of Metaphysics. 1995. Bd. 49, № 2. P. 295–339.

Wolff E. Gottscheds Stellung im deutschen Bildungsleben. Kiel ; Leipzig : Lipsius und Tischer, 1895. Bd. 1.

Об авторе

Мартин Вальтер, доктор философии, Институт теологии, Университет им. Викентия Паллотти, Фаллендар, Германия.

E-mail: martin.m.walter@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2787-2960>

О переводчике

Ирина Геннадьевна Черненко, кандидат филологических наук, доцент, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: ichernenok@kantiana.ru

Для цитирования:

Вальтер М. Письмо Канта на смерть студента Иоганна Фридриха фон Функа (1760): литературно-историческая идентификация. Часть 1: Готшед и Королевское немецкое общество Кёнигсберга // Кантовский сборник. 2024. Т. 43, № 2. С. 7–49.

doi: [10.5922/0207-6918-2024-2-1](https://doi.org/10.5922/0207-6918-2024-2-1)

© Вальтер М., 2024.

Warda, A., 1901. Ergänzungen zu E. Fromms zweitem und drittem Beitrage zur Lebensgeschichte Kants (II). *Altpreußische Monatsschrift*, 38, S. 398-432.

Warda, A., 1905. Aus dem Leben des Pfarrers Christian Heinrich Puttlich. Theil I: 1763–1799. *Altpreußische Monatsschrift*, 47, S. 253-304.

Warda, A., 1919. *Die Druckschriften Immanuel Kants*. Wiesbaden: Heinrich Staadt.

Waschkies, H.-J., 1987. *Physik und Physikotheologie beim jungen Kant*. Amsterdam: B. R. Grüner.

Watkins, E., 1995. The Development of Physical Influx in Early Eighteenth-Century Germany: Gottsched, Knutzen, and Crusius. *The Review of Metaphysics*, 49(2), S. 295-339.

Wolff, E., 1895. *Gottscheds Stellung im deutschen Bildungsleben. Band 1*. Kiel & Leipzig: Lipsius und Tischer.

The author

Dr Martin Walter, Vinzenz Pallotti University, Germany.

E-mail: martin.m.walter@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2787-2960>

To cite this article:

Walter, M., 2024. Kants Sendschreibens zum Tod des Studenten Johann Friedrich von Funk (1760). Zur literaturhistorischen Einordnung – Teil 1: Gottsched und die Königliche Deutsche Gesellschaft zu Königsberg. *Kantian Journal*, 43(2), pp. 7-49.

<http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2024-2-1>

© Walter M., 2024.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://creativecommons.org/licenses/by/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://creativecommons.org/licenses/by/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

ОСОБЕННОСТИ ТОЛКОВАНИЯ ТЕРМИНА «СЛЕДОВАНИЕ» У И. КАНТА

*А. В. Петровская*¹

Современная формальная логика, имеющая свое основание в логическом проекте И. Канта, интерпретирует логическое следование как формальное, что приводит к содержательным парадоксам соединения любых мыслей и потере следования как такового. Начиная с А. Тарского современная история логики возвращает проблему логического следования в русло поиска отношения следствий, или обоснования. В своей докторской работе о природе логической формальности Дж. Макфарлейн отстаивает точку зрения, согласно которой парадоксы формальных теорий логического следования связаны с потерей трансцендентальной философской системой логики обоснования в послекантовской логической традиции. Можно полагать, что обращение к анализу логической терминологии следования в фундаментальных работах Канта «Критика чистого разума» и «Критика способности суждения», в сравнении с терминологией в ранних произведениях («Прологоменах» и приписываемых его авторству лекциях по логике), позволит внести ясность в понимание отношения логического следования в формальном и неформальном смысле. В качестве основного понятия «следование» в терминологии Канта рассмотрено понятие *Folgerung*, которое имеет значение следования в логических и нелогических контекстах. Проанализированы родственные понятия: *Folge*, *Abfolge*, *folglich* и т.д., установлены различия с ближайшими им по смыслу логическими терминами «умозаключение» (*Schluss*) и «заключение» (*Konklusion*). Наконец, предпринята попытка интерпретировать постановку проблемы логического следования в формальной логике через анализ логических терминов *Schlussfolge*, *Folgerung* и *Konsequenz* (консеквенция). В результате анализа автор предлагает рассматривать «следование» (*Folgerung*) у Канта как понятие трансценден-

¹ Российский государственный гуманитарный университет, Россия, 125993, Москва, Миусская пл., д. 6.
Поступила в редакцию: 05.02.2024 г.
doi: 10.5922/0207-6918-2024-2-2

PECULIARITIES OF KANT'S INTERPRETATION OF THE TERM 'CONSEQUENCE'

*A. V. Petrovskaya*¹

Modern formal logic, which is based on Kant's logical project, interprets logical consequence as formal, which leads to substantive paradoxes that combine any thoughts at all and so to the loss of consequence as such. Beginning with A. Tarski, modern history of logic brings the problem of logical consequence into the realm of search for the relation of consequence, or grounding. In his doctoral dissertation on the nature of logical formality J. MacFarlane claims that the paradoxes of formal theories of logical consequence stem from the loss of grounding by the transcendental system of logic in the post-Kantian logical tradition. Arguably, analysis of logical terminology of consequence in Kant's seminal works – *Critique of Pure Reason*, *Critique of the Power of Judgment* – in comparison with the terminology of earlier works, *Prolegomena* and lectures on logic attributed to him will clarify the question of the relation of logical consequence in the formal and non-formal sense. The key concept of consequence in Kant's terminology is *Folgerung*, which denotes 'following' in logical and non-logical contexts. I have also analysed related concepts: *Folge*, *Abfolge*, *folglich* etc., established differences between logical terms with similar meaning 'inference' (*Schluss*) and 'conclusion' (*Konklusion*). Finally, I make an attempt to formulate the problem of logical consequence in formal logic through the logical terms *Schlussfolge*, *Folgerung* and *Konsequenz*. On the strength of my analysis I propose to consider Kant's consequence (*Folgerung*) to be a concept of transcendental logic that reflects the relation of consequence and grounds formal consequence.

Keywords: logical following, consequence, Kant, general logic, transcendental logic, formal logic

¹ Russian State University for the Humanities.
6 Miusskaya sq., Moscow, 125993, Russia.
Received: 05.02.2024.
doi: 10.5922/0207-6918-2024-2-2

тальной логики, отражающее отношение следования и обосновывающее формальную консеквенцию.

Ключевые слова: логическое следование, консеквенция, Кант, общая логика, трансцендентальная логика, формальная логика

Введение

Экспликацию отношения логического следования, или консеквенции (*consequentia*), по праву считают одной из центральных задач логики. Согласно определению А. Тарского, данному в классической для современной логики статье (Tarski, 1936)², логическое следование — это отношение необходимого и *формального* следования, или же «что из чего правильно следует» (Read, 1994, p. 1). Проблема следования поднималась с античных времен в контексте доказательных рассуждений, посылки и заключение которых связаны отношением логического следования (например, в «Аналитиках» Аристотеля), и при изучении импликации, где отношение следования определяет непосредственную связь антецедента и консеквента (особенно широко проблема формальных и материальных консеквенций обсуждается в схоластической логике). В логических штудиях эпохи Просвещения логическое следование стало предметом рассмотрения практической (рассуждение и доказательство) и теоретической (импликативные суждения и дедуктивные умозаключения) логик. В наши же дни логическое следование в строгом смысле изучается в рамках формальных логических теорий, а дисциплины логического толка (теория аргументации, эпистемология, философия языка и т.д.) смотрят на проблему шире, поднимая вопросы релевантности, достаточности, обоснованности перехода от А к В.

Современные логические теории рассматривают отношение логического следования как

² Позднее статья была переведена на английский язык: (Tarski, 1956).

Introduction

Explication of the relation of logical following which for a long time was a synonym of the term *consequentia*, is rightly considered to be one of the central tasks of logic. According to Alfred Tarski (1936), in his article regarded as a classic in modern logic,² logical consequence is the relation of necessary and *formal* consequence, or “**what follows correctly from what**” (Read, 1994, p. 1). The problem of consequence had been mooted since ancient times in the context of proving reasoning, whose premises and conclusions are associated with the relation of logical consequence (e.g. in Aristotle’s *Analytica*) and in the study of implication where the relation of consequence determines the immediate link of the antecedent and consequent (the problem of formal and material consequences looms large in scholastic logic). In the Enlightenment logical studies logical consequence became the subject of practical logic (reasoning and proof) and theoretical logic (implied judgments and deductive conclusions). In our day the logical consequence in the rigorous sense is studied in formal logical theories, while the near-logical disciplines (theory of argumentation, epistemology, philosophy of language etc.) take a broader view, raising the questions of relevance, sufficiency and the grounding of transition from A to B.

Contemporary logical theories consider the relation of logical consequence to be “formal” (neutral toward content) and universal, hence “necessary”. However, this approach leads to a paradoxical situation: by putting aside content, logical consequence makes it possible to link anything with anything, thus losing con-

² The article was later translated into English (Tarski, 1956).

«формальное» (нейтральное к содержанию) и универсальное, а значит, и «необходимое». Однако такое понимание ведет к парадоксальной ситуации: абстрагируясь от содержания, логическое следование позволяет соединять все со всем, теряя, по сути, собственно следование, то есть обосновывающую связь одной мысли с другой. Еще в схоластической традиции, господствовавшей на заре Нового времени, формальное следование во многом определялось онтологическими интуициями сверхчувственной сферы гипотетического бытия возможных сущностей, но уже несколько столетий логика лишена такого обоснования. В связи с этим Тарский, подчеркивает Дж. Этчемэнди, возвратился в русло поиска интуиций³ соотношения следствий и соответствующих свойств логической истины (Etchemendy, 1990, p. 1–2). Однако ни решение Тарского, ни последующие интерпретации логического следования в теоретико-модельных и теоретико-доказательственных подходах не предложили убедительного ответа. Проблема обоснования формального следования остается, и она особенно заметна, когда средствами логических теорий мы пытаемся эксплицировать рассуждения обыденного языка. Полагаю, что для понимания природы логического следования полезно обратиться к истокам становления логики как формальной науки.

Одним из таких истоков современной формальной логики является логический проект Канта, который в свое время вызвал значительный интерес у преподавателей этой дисциплины, что способствовало его последующим упрощению и популяризации. Эту точку зрения отстаивает докторская работа Дж. Макфарлей-

³ Термин «интуиция» здесь и далее будет употребляться не в кантовском, а в современном смысле, который можно обнаружить, например, в теории П. Богоссяна: интуиция – это интеллектуальная видимость (*intellectual seeming*), которая дана каждому человеку в качестве необходимой, очевидной или простой истины. В такой трактовке интуиция рассматривается как априорное обоснование, само находящееся при этом за пределами обоснования. Подробнее см.: (Boghossian, 2016).

sequence proper, i.e. the grounding connection of one thought to another. As late as in the scholastic tradition, which held sway at the dawn of the Modern age, formal consequence was largely determined by ontological intuitions of the supra-sensible sphere of hypothetical being of possible entities, but for several centuries now logic has been deprived of such justification. In this connection John Etchemendy (1990, p. 1-2) stressed that Tarski reverted to the search for intuitions³ of the relation of consequences and the corresponding properties of logical truth. However, neither Tarski's solution, nor the subsequent interpretations of logical consequence in the model theory or the proof theory produced a convincing answer. The problem of grounding formal consequence remains, becoming particularly noticeable when logical theories are used to explicate the reasoning of daily language. I submit that to understand the nature of logical consequence it would be helpful to turn to the sources of logic as a formal science.

One such source of modern formal logic is Kant's logical project which in its time attracted wide interest among teachers of this discipline, subsequently contributing to its simplification and popularisation. This is the view promoted in John MacFarlane's doctoral dissertation on the nature of logical formality.⁴ It argues that the formality of Kant's logic

³ Here and elsewhere the term "intuition" is used not in the Kantian but in the modern meaning which we find, for example, in Paul Boghossian's theory: intuition is intellectual seeming, given to human beings as a necessary, evident and simple truth. This interpretation sees intuition as *a priori* grounding which itself is outside grounding. For more see Boghossian (2016).

⁴ Thus, MacFarlane (2000, p. II) argues that Kant's logical theory can be considered as strictly formal ("topic-neutral") in three meanings of formality: (1) it provides constituent norms for thought as such, (2) it is indifferent to concrete identities of objects and (3) it totally abstracts from the semantic content of thought: "[...] these three notions [of formality – A. P.] come together in the context of Kant's transcendental philosophy."

на о природе логической формальности⁴. В ней доказывалось, что формальность логики у Канта была обоснована его трансцендентальной философией, а не просто постулирована как таковая (MacFarlane, 2000). Логический проект Канта — общая (чистая) и трансцендентальная логика. Предметом общей логики оказываются всеобщие, формальные (в смысле несодержательности), следовательно, универсальные структуры мысли. А в трансцендентальной логике проблематизируются их онтологические и эпистемологические основания. Всеобщие логические формы и формальное отношение следования получают свое обоснование в качестве необходимых способов отношения к объекту представления и ограничиваются трансцендентальной логикой, которая, в свою очередь, ограничивается пределами возможного опыта.

Кантовский логический проект выступил некоторым интегратором схоластической традиции. Он развивал логическую парадигму своего времени (Хр. Вольф, Г.Ф. Майер и др.⁵) и сделал возможным поворот от традиционной логики к логике современной. В общей логике Кант работал в рамках подстановочной трактовки формальных консеквенций схоластической традиции, не обсуждая вопрос границ такого формального приложения. Однако вместо онтологических оснований, принятых в схоластической традиции, в трансцендентальной логике Кант утверждает эпистемологический статус конститутивных принципов мышления (суждений) и доказательного рассуждения, а также универсальность априорных понятий, которые «всегда имеют место лишь как формальные и объективные условия опыта вообще» (B 271; Кант, 2006, с. 365).

⁴ Так, Макфарлейн доказывает, что логическая теория Канта может считаться строго формальной, «нейтральной к содержанию» в трех смыслах формальности: (1) обеспечивает конститутивные нормы для мышления как такового, (2) безразлична к конкретным идентичностям объектов и (3) полностью абстрагируется от семантического содержания мысли: «...эти три понятия (формальности. — А.П.) объединяются в контексте трансцендентальной кантовской философии» (MacFarlane, 2000, p. II).

⁵ См. об этом подробнее в предисловии к изданию «Венской логики» (Кант, 2022, с. 5–194).

was grounded by his transcendental philosophy and not merely posited. Kant's logical project is general (pure) transcendental logic. The object of general logic is general, formal (in terms of having no content) and consequently universal thought structures. Transcendental logic problematises their ontological and epistemological foundations. Universal logical forms and the formal relation of consequence are grounded as necessary means of relation to the object of representation and are limited by transcendental logic which, in turn, is limited by possible experience.

Kant's logical project was an integrator of the scholastic tradition. It developed the logical paradigm of his time (Christian Wolff, Georg Friedrich Meier et al.⁵) and enabled a turn to be made from traditional logic to modern logic. In general logic Kant worked in the framework of substitutive interpretation of formal consequences of the scholastic tradition without discussing the limits of such formal application. However, instead of ontological grounding accepted in the scholastic tradition, Kant in transcendental logic affirms the epistemological status of constituting principles of thought (judgments) and proof-oriented reasoning as well as the universality of *a priori* concepts which are "[...] always only formal and objective conditions of an experience in general" (*KrV*, B 271; Kant, 1998, p. 324).

In the opinion of Conrad Asmus and Greg Restall (2012, p. 28), the main significance of Kant is that he considered logic to be a science of forms of judgment and formal rules of any thought. It was this that "broadened the characteristic of *formal* consequence beyond the study of schemes" (which was the case in the scholastic tradition) and as a result extended

⁵ For more detail see the preface to the Russian edition of *The Vienna Logic* (Kant, 2022, pp. 5-194).

Главная заслуга Канта, по мнению К. Асмуса и Г. Ресталла, заключается в том, что он считал логику наукой о формах суждений и формальных правилах всякой мысли. Именно это «расширило характеристику формального следования за пределы изучения схем» (как это было в схоластической традиции) (Asmus, Restall, 2012, p. 28) и в результате вывело логику на новые рубежи, хотя и не позволило ей четко очертить свои границы и решить проблему своего предмета. Макфарлейн подчеркивает, что в дальнейшем логики были вынуждены отказаться от строгой формальности кантианской логики, чтобы попытаться решить проблему логического следования. Трудно сказать, связан ли такой поворот со становлением символической логики или с тем, что постепенно послекантовская формальная логика отказалась от значимости философского обоснования следования. Возможно, обращение к основам логической терминологии следования позволит прояснить этот вопрос.

Вопрос толкования следования Кантом требует обращения к его логической терминологии. Ее нюансы могут внести искомую ясность и в современное словоупотребление. О логической терминологии Канта, как и о его логическом проекте в целом можно сказать, что здесь новаторство соседствует с наследием схоластической традиции. Для передачи отношения логического следования философ как прибегает к традиционному термину «консеквенция», так и использует понятие *Folgerung* («следствие») или другие понятия, производные от слова *Folge* («последовательность»). Это наглядно свидетельствует о неоднозначности трактовки логического следования, для которого еще не существует строгого терминологического аппарата⁶.

⁶ Логическим термином я буду далее называть понятие с устойчивым логическим значением и определением внутри теории; логическим буду считать понятие, которое получает определенное логическое содержание. Поскольку логические понятия являются производными от понятий обыденного языка (не-логическое употребление), я считаю возможным и необходимым коснуться их грамматических характеристик и в этом контексте оставляю за собой право называть их «словом».

the frontiers of logic, though it did not enable it to define clearly its boundaries and solve the problem of its object. Macfarlane stresses that subsequently logicians had to give up the strict formality of logic to try to solve the problem of logical consequence. It is hard to say whether this development was brought about by the emergence of symbolic logic or by the fact that post-Kantian formal logic gradually began to attach less importance to philosophical grounding of consequence. Perhaps a look at the foundations of logical terminology may shed some light on the issue.

The question of Kant's interpretation of consequence cannot be answered without turning to his logical terminology. Its nuances may clarify modern usage as well. It can be said about Kant's logical terminology and his logical project as a whole that here innovation goes hand-in-hand with the legacy of the scholastic tradition. Kant refers to the relation of logical following variously by the traditional term "consequence", i.e. the concept of *Folgerung*, and other derivatives of the word *Folge*, or "sequence". This demonstrates the ambiguity of the interpretation of logical consequence for which there is no rigorous terminological apparatus.⁶

In my article I examine Kant's interpretation of consequence and look at the terminology he uses. The article has four parts. The first part considers the semantic sources of Kant's logical term "consequence" (*Folgerung*), for which purpose I consider a number of everyday words

⁶ Elsewhere by 'logical term' I mean a concept with an established logical meaning and definition within the theory; that concept is logical which has logical content. Because logical concepts are derivatives of daily language concepts (non-logical use) I believe it is possible and necessary to touch upon their grammatical features and in this context I reserve the right to call them 'words'.

В своей статье я предлагаю обратиться к анализу понимания следования Кантом и рассмотреть терминологию, которую он при этом использовал. Работа разделена на четыре части. В первой части рассматриваются смысловые истоки кантовского логического термина «следствие» (*Folgerung*), для чего я анализирую ряд понятий обыденного языка, используемых философом: *Folge*, *Abfolge* и *folglich*. Во втором разделе я показываю различия между пересекающимися понятиями *Folgerung* (следствие, вывод), *Schluss* (заключение, вывод) и *Konklusion* (заключение, вывод). Третий раздел отвечает на вопрос об акте следования, демонстрируя, почему *Folgerung* не сводится к *Konsequenz*. Этот раздел отражает основную идею статьи: кантовская логика рассматривает следование не только как формальную связь мыслей, но и как рациональный акт, отражающий отношение следования. В четвертом разделе показывается, что понятие *Folgerung* может употребляться как отдельный рациональный акт, осуществляемый в практике рассуждений и несводимый к формальной консеквенции.

1. Истоки логической терминологии: *Folgerung, Folge, Abfolge* и *folglich*

В качестве основного понятия следования в логических работах Канта рассматривается *Folgerung*. На русский язык оно в зависимости от контекста переводится как «вывод», «следствие», «следование», «заключение» и даже «умозаключение»⁷. Такое разнообразие пере-

⁷ Умозаключение как устойчивое понятие в логике скорее соответствует немецкому *Schluss / Vernunftschluss*, заключение — *Konklusion*, что будет подробнее обсуждаться во втором разделе статьи. Понятия вывода и следствия (или следования) употребляются в переводах как синонимичные, поскольку для Канта еще не актуально их различие, принятое в современных теоретико-модельных и теоретико-доказательных подходах. Чтобы не перегружать статью лишней терминологией, мы также будем подразумевать, что за ними стоит один и тот же смысл следования или вывода одной мысли из другой.

the philosopher uses: *Folge*, *Abfolge* and *folglich*. In the second part I show the differences between overlapping concepts of *Folgerung* (consequence, inference), *Schluss* (conclusion, inference) and *Konklusion* (conclusion, inference). The third part answers the question of the act of consequence and demonstrates why *Folgerung* is not reducible to *Konsequenz*. This part reflects the main message of the article: Kant's logic sees consequence not only as formal connection of thoughts, but as a rational act reflecting the relation of consequence. The fourth part shows that the concept *Folgerung* may refer to a rational act performed in the practice of reasoning and not reducible to formal consequence.

1. The Sources of Logical Terminology: *Folgerung, Folge, Abfolge* and *folglich*

The main concept of logical following in Kant's logical works is denoted by *Folgerung*. Depending on the context it is variously translated as 'conclusion', 'consequence', 'following' and even 'inference'.⁷ Such diversity of translations of one and the same word suggests, on the one hand, that *Folgerung* is not used in Kant's logic and philosophy as a rigorous term and, on the other hand, it may be due to imperfect Russian translation. I will show below that Kant's use of *Folgerung* is far more

⁷ 'Inference' as an established logical concept corresponds rather to the German *Schluss / Vernunftschluss*, 'conclusion' corresponds to the German *Konklusion*, which will be discussed in more detail in the second part of the article. The concepts of conclusion and consequence (or logical following) are used in translations as synonyms because for Kant the distinction accepted in modern theoretical modeling and theoretical proofing approaches is not yet important. Not to overload the article with excessive terminology I will assume that they have the same meaning of logical following or inference of one thought from another.

водов одного слова, с одной стороны, косвенно говорит о том, что в логике и философии Канта *Folgerung* не используется в виде строгого термина, а с другой — может объясняться и проблемами не всегда корректного русскоязычного перевода. Далее будет показано, что кантовское употребление *Folgerung* гораздо последовательнее, чем это может показаться, если опираться только на пеструю терминологию в переводах его работ на русский язык. Оригинальное употребление на порядок строже, и оно может быть истолковано как устойчивый термин для обозначения следования в кантовском логическом проекте.

Как и большинство современных логических понятий, *Folgerung* является производным от слова обыденного языка⁸: *Folge* (или *folgen*), что переводится на русский язык как «последовательность», «последствие» (или «следовать»). За примерами можно обратиться к работам Канта:

Три модуса времени — это *постоянность*, *последовательность* (*Folge*) и *одновременность* [*бытия*] (В 219; Кант, 2006, с. 305; здесь и далее в цитатах сохраняется курсив Канта, выделения полужирным принадлежат автору статьи. — А. П.).

...есть ли данное многообразное как предмет опыта нечто одновременно существующее или **последовательное** (*folge*) [во времени] (В 225; Кант, 2006, с. 313).

Представления о частях [явления] **следуют** (*folgen*) друг за другом. *Следуют* (*folgen*) ли они друг за другом также в предмете... (В 234; Кант, 2006, с. 323).

В **дальнейшем** (*Folge*) будет показано... (В 144–145; Кант, 2006, с. 217).

Здесь следует обратить внимание на значение слов «последовательность», «следуют друг за другом», «дальнейшее». Именно этот смысл, как будет показано далее, сохраняют логические понятия. Современное понимание следо-

⁸ Эту проблему в контексте логического следования поднимают А. Тарский и Дж. Этчемэнди.

consistent than it may seem if one proceeds from the variegated terminology used in the Russian translations of his works. The original usage is far more rigorous and can be regarded as an established term to denote *following* in the Kantian logical project.

Like the majority of modern logical concepts, *Folgerung* is derived from a word of daily language:⁸ *Folge* (or *folgen*), which translates as ‘sequence’, ‘consequence’ (or ‘to follow’). Examples can be drawn from Kant’s works:

The three modi of time are *persistence*, ***succession*** (*Folge*), and *simultaneity* [of being] (*KrV*, В 219, Kant, 1998, p. 296; hereinafter, Kant’s italics are retained in the quotations, boldface emphasis belongs to the author of the article — А. П.).

[...] this manifold, as object of experience, is simultaneous or **successive** (*folge*) [in time] [...] (*KrV*, В 225; Kant, 1998, p. 300).

The representations of the parts [of a phenomenon] **succeed** (*folgen*) one another. Whether they also **succeed** (*folgen*) in the object [...] (*KrV*, В 234; Kant, 1998, p. 305).

In the **sequel** (*Folge*) it will be shown [...] (*KrV*, В 144-145; Kant, 1998, p. 253).

Attention should be paid to the meaning of the words “succession,” “succeed” and “sequel”. This is the meaning that logical concepts preserve, as will be shown below. The modern meaning of “logical following” evolved gradually, not least under the influence of Kant’s philosophy. *Folge* is the preferred term for conveying the meaning of consequence in the transcripts of Kant’s lectures on logic. For example, in the Jäsche edition it crops up with reference

⁸ This problem is raised in the context of logical following by Tarski and Etchemendy.

вания формировалось постепенно. Вероятно, не последнюю роль в этом процессе сыграла и философия Канта. В конспектах кантовских лекций по логике понятие *Folge* является основным для передачи значения следствия. Например, в издании Г. Б. Йеше оно появляется для передачи связки «основание — следствие / последующее» (*der Grund — die Folge*) в гипотетическом суждении: «Материя *гипотетических* суждений состоит из двух суждений, соединенных одно с другим как основание (*Grund*) и следствие (*Folge*)» (AA 09, S. 105; Кант, 1994б, с. 360). Далее можно обратить внимание, что гипотетическое суждение «содержит» (*enthält*) основание и следствие, или две части, которые «ведут себя» (*verhält sich*) как основание и следствие (*Ibid.*; Там же). Также *Folge* употребляется и в более широком значении — следствие при обосновании знаний. Например, содержательная значимость или логическая важность знания обосновывается тем, что такое знание рассматривается «как основание (*Grund*) для многочисленных и значительных **следствий** (*Folgen*)» с примечанием «*non multa sed multum*»⁹ (AA 09, S. 40; перевод мой. — А. П.)¹⁰.

В «Критике чистого разума» и в работе «О единственно возможном доказательстве бытия Бога» докритического периода несколько раз встречается понятие *Abfolge*, которое на русский язык опять же уместно переводить как отношение следования. Таким образом поступает Б. И. Федоров, когда переводит этот термин у Б. Больцано (Больцано, 2003)¹¹. На английский *Abfolge* тоже можно перевести как *consequence* или *entailment*, хотя в новейшей переводческой традиции преобладает перевод

⁹ «Не много, но многое» (лат.).

¹⁰ В переводе И. К. Маркова и В. А. Жучкова: «... поскольку оно рассматривается как основание для многочисленных и существенных выводов» (Кант, 1994б, с. 296).

¹¹ Так, название § 162 «*Verhältniß der Abfolge*» из «Наукоучения» («*Wissenschaftslehre*») Б. Больцано (том 2) переводится Б. И. Федоровым как «Отношение следования» (Больцано, 2003, с. 185).

to “ground — consequence / successive” (*der Grund — die Folge*) in the hypothetical judgment: “The matter of *hypothetical* judgments consists of two judgments (*Urtheilen*) that are connected with one another as ground (*Grund*) and **consequence** (*Folge*)” (*Log*, AA 09, p. 105; Kant, 1992, p. 601 (§ 25)). Further, one could note that the hypothetical judgment “contains” ground and consequence, or two parts which “behave” (*verhält sich*) as ground and consequence (*ibid.*). Also, *Folge* is used in the broader meaning of “consequence grounding knowledge”. For example, the content or logical importance of knowledge is justified by considering such knowledge to be the ground (*Grund*) for numerous and significant **consequences** (*Folgen*)”⁹ with the note “*non multa sed multum*”¹⁰ (*Log*, AA 09, p. 40; my transl. — A. P.).

In the *Critique of Pure Reason* and in the work of the pre-critical period, *The Only Possible Argument in Support of a Demonstration of the Existence of God*, the concept *Abfolge* occurs several times and this can also be translated into English as “consequence”. Rolf George acts likewise in translating this term in Bernard Bolzano as “ground and consequence”.¹¹ *Abfolge* can also be translated as “entailment”, although in the translation of Bolzano’s works the preferred term is “grounding”,¹² which is closer to the way Bolzano himself interprets the term (Dragalina-Chernaya, 2020, p. 87). Kant does not use *Abfolge* in the strictly logical sense even when he explains the work of “logical following” in a hypothetical judgment compared with

⁹ Cf. “[...] as ground of many and great consequences” (Kant, 1992b, p. 550).

¹⁰ “not many things, but a large quantity” (Lat.).

¹¹ Thus George translates the title of § 162 “*Verhältniß der Abfolge*” in Bolzano’s *Theory of Science (Wissenschaftslehre)* as “The Relation of Ground and Consequence” (Bolzano, 2022, p. 245).

¹² See: Tatzel (2002), Rumberg (2013), Poggiolesi (2016).

*grounding*¹², или обоснование, что оказывается «ближе [к] авторской (т.е. Больцано. — А. П.) трактовке этого термина» (Драгалина-Черная, 2020, с. 87). У Канта *Abfolge* в строго логическом смысле не употребляется даже в случае пояснения работы следования в гипотетическом высказывании по сравнению с дизъюнктивным: «...дизъюнктивное суждение содержит отношение двух или более положений друг к другу, но не **отношение** (*Verhältnis*) **следования** (*Abfolge*), а отношение логической противоположности» (В 98—99; перевод мой. — А. П.)¹³. Однако напрашивается вопрос, почему Кант в этих редких случаях прибегает к понятию *Abfolge*, а не удовлетворяется *Folge*¹⁴.

Общий лексический смысл *ab-* означает *из-, вы-*, поэтому при сравнении понятий *Folge* и *Abfolge* можно предположить отличие простого следствия от вытекания следствия / последовательности. Другими словами, *Folge* может пониматься как нечто единичное, а *Abfolge* неявно говорит о каком-то порождающем принципе последовательности или чередования. В вышеприведенной цитате *Abfolge* усложняет понятие следования: речь идет не просто о следствии (*Folge*), а о принципе отношения следования. Дальнейшие редкие примеры употребления Кантом *Abfolge* подтверждают эту тенденцию к пониманию данного понятия в смысле последовательности:

...между тем все последующие состояния можно принять за **последовательность / череду следствий** (*Abfolge*) по одним лишь законам природы (В 477—478; перевод мой. — А. П.)¹⁵.

¹² См.: (Tatzel, 2002; Rumberg, 2013; Poggiolesi, 2016).

¹³ Ср. с переводом в редакции Н. В. Мотрошиловой и Т. Б. Длугач: «...дизъюнктивное (разделительное) суждение содержит отношение двух или больше посылок друг к другу, но не отношение следования, а отношение логической противоположности...» (Кант, 2006, с. 165).

¹⁴ У Канта по собранию сочинений Прусской академии *Folge* употребляется 1777 раз, *Abfolge* — всего 7 раз, из них 1 — в черновиках и по 3 раза в «Критике чистого разума» и в «Единственно возможном основании для бытия Бога».

¹⁵ Ср.: «...между тем как все последующие состояния можно рассматривать как следование по одним лишь законам природы» (Кант, 2006, с. 601).

a disjunctive one: “[...] a disjunctive judgment contains the relation of two or more judgments to each other, but not the **relation** (*Verhältnis*) of **sequence** (*Abfolge*), but the relation of logical opposition” (*KrV*, В 98-99; my transl. — А. П.)¹³ However, the question suggests itself: Why does Kant in such rare cases resort to the concept of *Abfolge*, not being content with *Folge*?¹⁴

The general lexical meaning of “*ab-*” is “from”, “out of”, such that a comparison of the concepts of *Folge* and *Abfolge* suggests a difference of simple consequence from the flow of consequence/sequence. In other words, *Folge* may be understood as something singular and *Abfolge* implicitly refers to some generative principle of sequence or alternation. In the above quotation *Abfolge* complicates the concept of “following”. Other rare examples of Kant’s use of the concept of following confirm the tendency to interpret this concept in the sense of sequence:

[...] since one can take all subsequent states for a **sequence / series of consequences** (*Abfolge*) according to mere natural laws (*KrV*, В 477-478; my transl. — А. П.);¹⁵

[...] this resolution and this act do not lie at all in the **sequence** (*Abfolge*) of mere natural effects and are not a mere continuation of the same [...].” (*KrV*, В 478; my transl. — А. П.);¹⁶

¹³ Cf. in translation by Paul Guyer and Allen W. Wood: “[...] the disjunctive judgment contains the relations of two or more propositions to one another, though not the relation of sequence, but rather that of logical opposition [...]” (Kant, 1998, p. 208).

¹⁴ In the collected works published by the Prussian Academy Kant uses *Folge* 1777 times, *Abfolge* only 7 times, of which one is in the rough draft, and three times apiece in the *Critique of Pure Reason* and *The Only Possible Argument*.

¹⁵ Cf. “[...] since one can take all the subsequent states to be a result of mere natural laws” (Kant, 1998, p. 486).

¹⁶ Cf. “[...] this decision and deed do not lie within the

...это решение и этот поступок вовсе не лежат в **последовательности** (*Abfolge*) одних лишь действий природы и не являются одним лишь их продолжением... (В 478; перевод мой. — А. П.)¹⁶.

...**последовательность** (*Abfolge*) изменений в мире... (...*Abfolge der Weltveränderungen*...) (AA 02, S. 124; Кант, 1994а, с. 452).

...в естественном **проистекании** (*ungekünstelten Abfolge*) столь разнообразной красоты... (AA 02, S. 132; перевод мой. — А. П.)¹⁷.

Восхищение **вытеканием** (*Abfolge*) следствия из причины прекращается... (AA 02, S. 152; перевод мой. — А. П.)¹⁸.

Все то, чья внутренняя возможность состоит в отношении, имеет основание. Это тождественное положение. Все составное. Всякая **последовательность** (*abfolge*). Что происходит. Все целесообразное (AA 28, S. 115 (№ 5198); перевод мой. — А. П.)¹⁹.

В отличие от *Abfolge*, при употреблении *Folge* речь идет о самом положении или предположении, которое выступает следствием, а не о принципе следования. Возможно, именно этот контекст и подтолкнул Больцано к тому, чтобы сделать из понятия *Abfolge* логический термин «следование», понимаемый как «основание». Сам же Кант для отражения отношения следования чаще прибегает к употреблению производного от *Folge* — *Folgerung*, а не к *Abfolge*.

У Канта встречается не только само понятие *Folgerung*, но и однокоренные с ним слова — *folgern* (следовать / выводиться), *folglic* (следовательно). *Folgerung*, *folgern* и *folglic* употребляются в логических контекстах рассуждения неформально: например, «...логическое рассмотрение со-

¹⁶ Ср.: «...это решение и этот поступок вовсе не составляют следствия и простого продолжения одних только природных действий...» (Кант, 2006, с. 603).

¹⁷ Ср. с переводом Б. А. Фохта: «...в естественной последовательности столь многообразной само собой раскрывающейся красоты...» (Кант, 1994а, с. 462).

¹⁸ Ср.: «Я перестаю удивляться следованию действия из причины, как только я отчетливо и легко понимаю достаточность причины для этого действия» (Кант, 1994а, с. 485—486).

¹⁹ Здесь вновь подчеркивается универсальность, закономерность последовательности: «всякая последовательность» («alle abfolge»).

[...] the **series** (*Abfolge*) of modifications which the world undergoes [...] (*Abfolge der Weltveränderungen*) (BDG, AA 02, p. 124; Kant, 1992c, p. 165);

[...] of the unsophisticated **sequence** (*Abfolge*) of such manifold beauty [...] (BDG, AA 02, p. 132; my transl. — А. П.);¹⁷

Admiration about the **sequence** (*Abfolge*) of an effect from a cause ceases [...] (BDG, AA 02, p. 152; my transl. — А. П.);¹⁸

Everything whose inner possibility consists in relation has a ground. This is an identical sentence. All the composition. All the **sequence**. What is happening. Everything is expedient" (*Refl* 5198, AA 28, p. 115; my transl. — А. П.)¹⁹

As distinct from *Abfolge*, *Folge* refers to the proposition or sentence that is a consequence, and not to the principle of consequence. Perhaps this context prompted Bolzano to turn the concept of *Abfolge* into the logical term "logical following" in the sense of ground. Kant himself more often than not expresses the relation of logical following by a derivative of *Folge* — *Folgerung*, and not *Abfolge*.

Kant uses not only *Folgerung*, but words of the same root, *folgern* (to follow logically / derive), *folglic* (consequently). *Folgerung*, *folgern* and *folglic* are used in logical contexts of reasoning in a non-formal way: for example, "[...] logical judging according to concepts (from which no direct **inference** (*Folgerung*) can ever be drawn to the feeling of pleasure and displeasure) [...]" (*KU*, AA 05, p. 170; Kant, 1987, p. 7). Occasionally, *folgern* and *folglic* are used

succession of merely natural effects and are not a mere continuation of them" (Kant, 1998, p. 488).

¹⁷ Cf. "[...] of the natural sequence of beauty, which is so manifold [...]" (Kant, 1992c, p. 173).

¹⁸ Cf. "My amazement at the succession of an effect upon its cause ceases [...]" (Kant, 1992c, p. 192).

¹⁹ Here the universality and consistency of the sequence are again emphasised: "all the sequence" ("alle abfolge").

гласно понятиям (от которых нельзя **заключать** (Folgerung) непосредственно к чувству удовольствия и неудовольствия)...» (AA 05, S. 170; Кант, 2001, с. 75). Но изредка *folgern* и *folglic* употребляются строже в связи с силлогизмами: «... все разумное есть дух, душа человека разумна; **следовательно** (folglic), душа человека есть дух» (AA 02, S. 48; Кант, 1994в, с. 25) или с другими умозаключениями: «Если к понятию (Begriff) присоединяется действие рассудка (Urtheilskraft), то из данного познания **выводится** (folgert) познание другой вещи, например “Все люди смертны, **следовательно** (folglic), некоторые [смертные] являются людьми”...» (AA 16, S. 692 (№ 3168); перевод мой. — А. П.).

Между тем в ряде случаев вместо *folglic* употребляется *also*. Большое количество таких случаев в различных вариантах встречается в кантовских лекциях по логике²⁰. Лекции имеют, конечно, более упрощенный терминологический аппарат, поскольку решают исключительно учебные задачи, да и их авторство до определенной степени спорно. Тем не менее в других работах Канта также часто встречается *also* — самостоятельно или в соседстве с *folglic*. Например, в «Критике чистого разума»: «...я осознаю только то, что есть во мне... **следовательно** (folglic), [проблема] все еще остается неразрешенной... Только я осознаю свое существование во времени (**следовательно** (folglic), и определенность его в нем)... Это осознание моего существования во времени связано, **таким образом** (also), с осознанием отношения к чему-то кроме меня, и, **следовательно** (also), это опыт, а не выдумка...» (В XXXIX—XL Anm.; перевод мой. — А. П.)²¹. Такое различие не всегда в полной мере может передать русский пе-

²⁰ Напр.: «Итак (= следовательно. — А. П.), логика есть нечто большее, чем только критика» (AA 09, S. 16; Кант, 1994б, с. 270), или «Следовательно, умозаключение вообще есть выведение одного суждения из другого» (AA 09, S. 114 (§ 41); Кант, 1994б, с. 368).

²¹ Ср.: «...ведь непосредственно сознаю только то, что находится во мне... Следовательно, все еще остается нерешенным [вопрос]... Таким образом, это сознание моего бытия во времени точно так же связано с сознанием отношения к чему-то находящемуся вне меня, следовательно, опыт, а не выдумка...» (Кант, 2006, с. 43, примеч.).

in a more rigorous sense in connection with syllogisms: “[...] all that is rational is a mind; the soul of man is rational; **therefore** (folglic), the soul of man is a mind” (DfS, AA 02, p. 48; Kant, 1992a, p. 90) or with other inferences: “If the subsumption of a concept (Begriff) is added by the power of judgment (Urtheilskraft), then the cognition of another thing is **inferred** (gefollert) from a given cognition, e.g. ‘All men are mortal, **consequently** (folglic) some [mortals] are men’ [...]” (RefI 3168, AA 16, p. 692; my transl. — A. P.).

Meanwhile *also* is used in some cases instead of *folglic*. Variants of such cases occur in large numbers in Kant’s lectures on logic.²⁰ Lectures, of course, have simpler terminology because their purpose is exclusively educational, and indeed, their attribution is to some extent debatable. Even so, *also* occurs frequently, alone or along with *folglic*, for example, in the *Critique of Pure Reason*: “[...] I am only aware of what is in me [...] **consequently** (folglic), it [the problem] still remains unresolved [...]. But I am aware of my existence in time (**consequently** (folglic), and the determinability of it in this) [...]. This consciousness of my existence in time is **therefore** (also) identically connected with the consciousness of a relation to something other than me, and it is **therefore** (also) experience and not fiction [...]” (KrV, B XXXIXn-XLn; my transl. — A. P.).²¹ The distinction cannot al-

²⁰ For example, “Logic is *thus* more than mere critique” (Log, AA 09, p. 16; Kant, 1998, p. 530; my italics — A. P.), or “An inference is *thus* in general the derivation of one judgment from the other” (Log, AA 09, p. 114 (§ 41); Kant, 1998, p. 609; my italics — A. P.).

²¹ Cf. “I am immediately conscious to myself only of what’s in me [...] consequently it still remains undecided [...]. Yet I am conscious through inner experience of my existence in time (and consequently also of its determinability in time) [...]. This consciousness of my existence in time is thus bound up identically with the consciousness of a relation to something outside me, and so it is experience and not fiction [...]” (Kant, 1998, p. 121).

ревод: «В дальнейшем / впоследствии (Folge) я покажу, что абсолютная необходимость отнюдь не во всех случаях зависит от внутренней [необходимости] и, следовательно (also), не должна рассматриваться как равнозначная ей» (B 381; перевод мой. — А. П.)²². Можно предположить, что за таким словоупотреблением *folglich* стоит все же интуиция некоторого логического (рационального) действия, в то время как *also* употребляется формально при изложении примеров умозаключений, по смыслу скорее как наречие «так» или союз «итак», «так что», то есть в виде некоей констатации.

2. Различия между логическими терминами *Folgerung*, *Schluss*, *Konklusion*

Обращает на себя внимание то, что в кантовских сочинениях *Folgerung* употребляется не так часто, особенно в сравнении с *Folge* или *folgen*. Чаще всего *Folgerung* встречается в «Ложном мудрствовании о четырех фигурах силлогизма», «Единственно возможном основании...», «Критике чистого разума» и «Критике способности суждения», то есть в произведениях логического характера. В остальных текстах, включая лекции по логике (sic!), употребления единичные. В абсолютном большинстве случаев *Folgerung* употребляется Кантом или как понятие непосредственного следствия в умозаключении, или как вывод, поддерживаемый доказательствами. В первом случае *Folgerung* указывает и на понятие «непосредственное следствие» (*consequentia immediata* / *unmittelbarer Schluss*), и на само отношение непосредственного следования. Оба употребления не противоречат друг другу, а являются взаимодополняющими. В «Ложном мудрствовании...» понятие «следования» обосновывается теоретически в связи с основной идеей — сведения всех фигур силло-

ways be fully conveyed in the translation: “I will show in the **following** (*Folge*) that an absolute necessity by no means depends on the inner [necessity] in all cases and **therefore** (*also*) does not have to be regarded as equivalent with it” (*KrV*, B 381; my transl. — A. P.)²². It is possible that the use of *folglich* is prompted by intuition of some logical (rational) act whereas *also* is used formally in examples of inferences, more in the sense of the adverb “thus” or the conjunctions *so that*, i.e. in the sense of a statement.

2. Differences between the Logical Terms *Folgerung*, *Schluss*, *Konklusion*

It is noteworthy that in his works Kant uses *Folgerung* less frequently than, for example, *Folge* or *folgen*. It occurs most frequently in “The False Subtlety of the Four Syllogistic Figures”, *The Only Possible Argument*, *Critique of Pure Reason* and *Critique of the Power of Judgment*, i.e. in works of a logical character. In the other texts, including lectures on logic (sic!), these words are used sporadically. In the absolute majority of cases Kant uses *Folgerung* either in the meaning of an immediate conclusion in an entailing, or as proof-backed conclusion. In the former case *Folgerung* points both to the concept “*consequentia immediata*” (*unmittelbarer Schluss*), and to the relation of immediate consequence. The two cases do not contradict, but complement each other. In “The False Subtlety” the concept of following is grounded theoretically in connection with the main idea, reduction of syllogistic figures to the first one with the help of immediate syllogisms. Already in that work we

²² Ср.: «Более того, в дальнейшем я покажу, что абсолютная необходимость отнюдь не во всех случаях зависит от внутренней необходимости и, следовательно, не должна рассматриваться как равнозначная ей» (Кант, 2006, с. 491).

²² Cf. “Indeed, in what follows I will show about absolute necessity that it by no means depends in all cases on what is internal, and so must not be regarded as signifying the same as what is internal” (Kant, 1998, p. 401).

гизма к первой с помощью непосредственных силлогизмов. Уже в этой работе прослеживается строгая терминология:

...правильная **последовательность** (Folge) [в силлогизме] возможна... посредством... обращения большей посылки...: ничто тленное не просто, **следовательно** (folglich), ничто простое не тленно; тогда умозаключение (Schluß) остается смешанным, потому что сила умозаключения (Schlußkraft) в нем основывается на молчаливом присовокуплении этого **непосредственного заключения** (unmittelbaren Folgerung)...» (AA 02, S. 51; перевод уточнен. — А. П.)²³.

...я заключаю правильно, благодаря только силе умозаключения (Schlußkraft), поскольку из предложения ни один дух не делим путем **непосредственного заключения** (unmittelbare Folgerung) вытекает: **следовательно** (folglich), ничто делимое не есть дух, отсюда **следует** (folgt)... (AA 02, S. 52; перевод мой. — А. П.)²⁴.

В «Критике чистого разума» Кант определяет *Folgerung* как положение, следующее из того, что положено в основу²⁵. Он приводит следующий пример: «В положении (Sätze) *все люди смертны* уже содержатся положения (Sätze) *некоторые люди смертны, некоторые смертны суть люди, ничто не смертное не есть человек*, и потому все они суть **непосредственные следствия** (unmittelbare Folgerungen) из перво-

²³ Ср.: «...правильный вывод возможен... посредством... обращения большей посылки...: ничто тленное не просто; следовательно, ничто простое нетленно; тогда умозаключение остается смешанным, потому что сила вывода в нем основывается на молчаливом присовокуплении этого непосредственного заключения...» (Кант, 1994в, с. 28).

²⁴ Ср.: «...то я заключаю правильно, но вывод имеет здесь силу только потому, что из первого предложения *ни один дух не делим* путем непосредственного заключения вытекает: *следовательно, ничто делимое не есть дух*, а отсюда все уже следует согласно общему правилу всех умозаключений совершенно правильно» (Кант, 1994в, с. 30).

²⁵ См.: «В каждом умозаключении есть положение, положенное в основу, затем положение, вытекающее из него, т.е. вывод...» (В 359–360; Кант, 2006, с. 467).

can trace rigorous terminology:

... “[...] the valid **sequence** (Folge) [in the syllogism] is possible [...] by [...] inversion of a larger premise [...]: nothing perishable is simple, **consequently** (folglich), nothing simple is perishable; so the conclusion (Schluß) remains mixed, because the power of the inference (Schlußkraft) is based on the silent addition of this **immediate conclusion** (unmittelbaren Folgerung) [...]” (DfS, AA 02, p. 51; my transl. — A. P.)²³.

[...] I conclude correctly, thanks only to the power of inference (Schlußkraft), since from a proposition no spirit is divisible by **immediate conclusion** (unmittelbare Folgerung) flows through: **consequently** (folglich), nothing divisible is spirit, hence **follows** (folgt) [...] (DfS, AA 02, p. 52; my transl. — A. P.)²⁴.

In the *Critique of Pure Reason* Kant defines *Folgerung* as a statement that follows from the initial statement.²⁵ He cites the following example: “In the statement (Sätze) *all people are mortal*, there are already statement (Sätze) *some people are mortal, some mortals are people, nothing immortal is men*, and therefore they are all **immediate conclusions** (unmittelbare Folgerungen) from the first sentence” (KrV, B 360; my transl. — A. P.)²⁶ As pointed out above, *Fol-*

²³ Cf. “[...] the conclusion is valid only [...] in virtue of a [...] conversion of the main premise: nothing perishable is simple, so nothing simple is perishable; the syllogism is still a mixed inference, for its power to establish a conclusion depends upon the tacit addition of this immediate inference [...]” (Kant, 1992a, p. 93).

²⁴ Cf. “My inference is valid, but what gives it its power to establish the conclusion is this: from the first proposition: no mind is divisible, there follows by means of an immediate inference the proposition: so nothing divisible is a mind; after that everything validly follows in accordance with the universal rule governing all syllogisms” (Kant, 1992a, p. 95).

²⁵ Cf. “In every inference there is a proposition that serves as a ground, and another, namely the conclusion, that is drawn from the former [...]” (KrV, B 359–360; Kant, 1998, p. 389).

²⁶ Cf. “In the proposition **All humans are mortal** there lie already the propositions ‘Some humans are mortal,’

го положения» (В 360; перевод мой. — А. П.)²⁶. Как отмечалось выше, в кантовских лекциях по логике *Folgerung* почти не встречается²⁷. В разделе об умозаклчениях «Логики» Йеше читаем следующее: «Все умозаклчения (Schlüsse) являются или непосредственными (*unmittelbare*), или опосредованными (*mittelbare*). Непосредственное умозаклчение (*unmittelbarer Schluß*) (*consequentia immediata*) есть выведение (*Ableitung*) (*deductio*) одного суждения (*Urtheils*) из другого без посредующего суждения (*judicium intermedium*)» (AA 09, S. 114 (§ 42); Кант, 1994б, с. 368). Употребление *Ableitung* (*deductio*) как «выведение» вместо «следование» заслуживает отдельного исследования.

К сожалению, в монументальной «Венской логике» нет раздела об умозаклчениях, который смог бы прояснить различие между употреблением *Folgerung* и *Ableitung*. Возможно, термин *Folgerung* не остался в студенческих рукописях, поскольку Кант не акцентировал внимание на таких терминологических тонкостях. Другое возможное объяснение: понятие *Folgerung* не употребляет в своем «Извлечении из учения разума» Г. Ф. Майер²⁸, а именно на этот учебник опирался Кант при чтении лекций по логике. В вольфианской традиции, в которой происходило философское становление Майера, аналогом для *Folgerung* выступало латинское понятие *consequentia*²⁹. Наконец, можно вы-

gerung is almost never used in Kant's lectures on logic.²⁷ In the part of *The Jäsche Logic* on inferences we read: "All inferences (*Schlüsse*) are either *immediate* (*unmittelbare*) or *mediate* (*mittelbare*). An *immediate* inference (*unmittelbarer Schluß*) (*consequentia immediata*) is the derivation (*Ableitung*) (*deductio*) of one judgment (*Urtheils*) from the other without a mediating judgment (*judicium intermedium*)" (*Log*, AA 09, p. 114 (§ 42); Kant, 1992b, p. 609). The use of *Ableitung* (*deductio*) as "derivation" instead of "consequence" calls for a separate study.

Unfortunately, the monumental *The Vienna Logic* does not have a section on inferences that could clarify the difference between the use of *Folgerung* and *Ableitung*. Perhaps the term *Folgerung* did not find its way into students' notes because Kant did not dwell on such terminological niceties. Another possible explanation is that the word *Folgerung* is not used by Georg Friedrich Meier in his *Auszug aus der Vernunftlehre*,²⁸ the textbook on which Kant based his lectures on logic. In the Wolffian tradition in which Meier was steeped the analog of *Folgerung* was the Latin concept *consequentia*.²⁹

'Some mortal beings are human beings,' 'Nothing immortal is a human being,' and these propositions are thus immediate conclusions from the first one" (Kant, 1998, p. 390).

²⁷ The only exception is the first note to § 44 (*Log*, AA 09, p. 115; Kant, 1992b, p. 610).

²⁸ In the more voluminous, but less popular *Vernunftlehre* Meier occasionally does use this term. On the difference between the two variants of his doctrine of reason see: (Kharitonova, 2022, pp. 83-86).

²⁹ See the dictionary of German-Latin correspondences in Christian Wolff's philosophical language compiled by his follower Carl Günther Ludovici (1737, pp. 239, 253). Interestingly, Ludovici cites two derivatives from *Folgerung*: *Folgerungsmeister*, or *consequentarius* (in modern German a person stubbornly upholding principles is more often called not *Folgerungsmeister*, but *Prinzipienreiter*, literally "principle rider"), and *Folgerungsurtheil* as *iudicium discursivum*. In the latter case discursiveness of a judgment is opposed to intuitiveness. See also Meier's *Auszug aus der Vernunftlehre*, § 319: "Proofing judgments are valid only through experience or they are not. The former are intuitive judgments (*iudicium intuitivum*), and

²⁶ Ср.: «В суждении *все люди смертны* уже содержатся суждения *некоторые люди смертны*, *некоторые смертны суть люди*, *ничто не смертное не есть человек*, и потому все эти суждения суть непосредственные выводы из первого положения» (Кант, 2006, с. 467).

²⁷ Исключение составляет лишь первое примечание к § 44 (AA 09, S. 115; Кант, 1994б, с. 369).

²⁸ В более обширном, но и более популярном «Учении разума» Майер все же изредка использует этот термин. О разнице между двумя вариантами «Учения о разуме» Майера см.: (Харитоновна, 2022).

²⁹ См. словарь немецко-латинских соответствий философского языка Христиана Вольфа, составленный его последователем К. Г. Людовици: (Ludovici, 1737, S. 239, 253). Представляют интерес и два производных от *Folgerung* понятия, приводимых Людовици: *Folgerungsmeister*, или *consequentarius* (в современном немецком языке упрямого в отстаивании принципов человека чаще называют не *Folgerungsmeister*, а *Prinzipienreiter*,

двинуть предположение, что Кант не относил *Folgerung* к понятиям формальной логики, поскольку подчеркивал непосредственную природу выведения в таком умозаключении и употреблял его преимущественно в терминологии трансцендентальной логики.

Можно утверждать, что Кант подчеркивает терминологическое отличие *Folgerung* как непосредственного (возможно, неформального) следствия от других смежных логических понятий — *Schluss*, которое он понимает как умозаключение, и *Conclusion* (*Konklusion*) — заключение. Оба последних термина используются значительно чаще, чем *Folgerung*. Самое яркое высказывание о различии понятий *Schluss* и *Folgerung*, которые в логической терминологии имеют пересекающиеся значения, Кант сделал в «Трансцендентальной логике» в «Критике чистого разума»: «В каждом **умозаключении** (*Schlusse*) есть положение (*Satz*), положенное в основание, затем другое, вытекающее из него, т.е. **вывод** (*Folgerung*), и, наконец, **консеквенция** (*Schlussfolge*, *Konsequenz*), которая неизбежно связывает истинность последнего с истинностью первого» (В 360; перевод мой. — А. П.)³⁰. Этот пассаж примечателен сразу несколькими моментами. Прежде всего он указывает на важность понятий *следствия* и *умозаключения*, а также дает им определения. Умозаключение — это логическая операция,

буквально: «всадник на принципах»), и *Folgerungsurtheil* как *iudicium discursivum*. В последнем случае дискурсивность суждения есть его противопоставление интуитивности. См. также «Извлечение из учения разума» Майера, § 319: «Доказательные суждения достоверны либо только через опыт, либо нет. Первые являются *интуитивными суждениями* (*iudicium intuitivum*), вторые же — *дискурсивными суждениями* (*iudicium discursivum*). Созерцающее суждение состоит исключительно из эмпирических понятий и является непосредственным опытом и единичным суждением» (AA 16, S. 674). Подробнее об этом противопоставлении см.: (Круглов, 2023).

³⁰ Ср.: «В каждом умозаключении есть положение, положенное в основу, затем положение, вытекающее из него, т.е. вывод, и, наконец, заключение (*Schlussfolge*, *Konsequenz*), которое неизбежно связывает истинность вывода с истинностью основного положения» (Кант, 2006, с. 467).

Finally, we can surmise that Kant did not consider *Folgerung* to be a concept of formal logic because he stressed the immediate nature derivation in such inference and used it mainly in the terminology of transcendental logic.

Arguably, Kant stresses the terminological difference of *Folgerung* as the immediate (possibly informal) consequence from other related logical concepts, i.e. *Schluss*, which he interprets as inference, and *Konklusion* as conclusion. Both terms are used much more frequently than *Folgerung*. Kant's most succinct statement on the difference between *Schluss* and *Folgerung*, which have overlapping meanings in logical terminology, was made in "Transcendental Logic" in the *Critique of Pure Reason*: "In every **inference** (*Schlusse*) there is one statement (*Satz*) laid down in the ground, then another that flows from it, namely the **conclusion** (*Folgerung*), and finally the **consequence** (*Schlussfolge*) (*Konsequenz*), according to which the truth of the latter is inevitably linked with the truth of the former" (*KrV*, B 360; my transl. — A. P.)³⁰. This passage is remarkable on several counts. First of all, it points to the importance of the concepts of *consequence* and *inference*, and defines them. Inference is a logical operation consisting of the grounding proposition, the following proposition and consequentia.³¹ There-

the latter *discursive judgments* (*iudicium discursivum*). Intuitive judgment consists exclusively of empirical concepts and is immediate experience, and a singular judgment" (cf. "Die erweislichen Urtheile sind entweder bloss durch die Erfahrung gewiss, oder nicht. Jene sind *anschauende Urtheile* (*iudicium intuitivum*), diese aber *Nachurtheile* (*iudicium discursivum*). Das anschauende Urtheil besteht aus lauter Erfahrungsbegriffen, und ist eine unmittelbare Erfahrung, und ein einzelnes Urtheil") (AA 16, p. 674; my transl. — A. P.). For more on this contradistinction see: (Krouglov, 2023).

³⁰ Cf. "In every inference there is a proposition that serves as a ground, and another, namely the conclusion, that is drawn from the former, and finally the inference (consequence) according to which the truth of the conclusion is connected unfailingly with the truth of the first proposition" (Kant, 1998, p. 389).

³¹ The question of the preservation of the truth in the inference will be discussed in the following part.

которая состоит из обосновывающего положения, вытекающего положения и консеквенции³¹. Тем самым *Folgerung* оказывается структурно подчиненным умозаключению: входит в форму умозаключения в качестве самого «вытекающего» вывода, то есть не только вытекающего положения, но и той силы, которая заставляет переходить от посылок к заключению.

В «Ложном мудрствовании...» можно все же обнаружить пример различия *Konklusion* и *Folgerung*: «...получаем либо само заключение (Conclusion), либо положение (Satz), из которого оно вытекает как **непосредственное следствие** (*unmittelbare Folgerung*)...» (AA 09, S. 58; перевод мой. — А. П.)³², то есть *Konklusion* непосредственно следует как *Folgerung*, являясь его следствием. *Folgerung* — это не просто получившееся положение, но и *логическое действие по его выведению*, то есть *некоторая интуиция следования*. Напомню, что я использую термин «интуиция» в современном понимании (см. примеч. 3 к настоящей статье), а не в его кантовском смысле созерцания, поскольку в контексте философии кёнигсбергского мыслителя *Folgerung* является рациональным действием. Косвенным подтверждением сказанного может служить следующая примечательная мысль из лекций по логике под редакцией Йеше: «...заключение (*Konklusion*) **дается тотчас же** (*sogleich gegeben*), как только даны (*gegeben*) предпосылки и **консеквенция** (*Konsequenz*)» (AA 09, S. 121 (§ 59); перевод мой. — А. П.)³³. Здесь подчеркивается в некотором смысле автоматический, производный характер опосредованного заключения, а механизм собственно следования (выведения) опускается (дается (*gegeben*), а не следует). По этой причине не употребляется и *Folgerung*.

³¹ Вопрос сохранения истины в умозаключении будет рассмотрен в следующем разделе.

³² Ср.: «...так что получаем либо само заключение, либо предложение, из которого оно вытекает как непосредственное следствие...» (Кант, 1994в, с. 37).

³³ Ср.: «Во всяком умозаключении разума следствие дается тотчас же, как только даны предпосылки и способ вывода» (Кант, 1994б, с. 374).

by *Folgerung* becomes structurally subordinate to inference: it is part of the form of inference as the conclusion that “flows”, i.e. not only the proposition that follows, but the impulse for transition from premises to the conclusion.

“The False Subtlety” still contains an example of the difference between *Konklusion* and *Folgerung*: “[...] so that either the conclusion (*Conclusion*) itself, or the statement (*Satz*) from which it flows though **immediate consequence** (*unmittelbare Folgerung*) [...]” (*DfS*, AA 02, p. 58; my transl. and italics — A. P.)³² i.e. *Konklusion* immediately follows as *Folgerung*, being its consequence. *Folgerung* is not simply the resulting proposition, but also a *logical act of deriving it*, i.e. *an intuition of consequence*. A reminder would not come amiss here that I am using the term “intuition” in its modern meaning (see footnote 3 herein), and not in the Kantian meaning of contemplation because in the context of Kant’s philosophy *Folgerung* is a rational act. Indirect proof of this is the following remarkable idea expressed in *The Jäsche Logic*: “[...] the conclusion (*Konklusion*) is **given immediately** (*sogleich gegeben*), as soon as the premises and the **consequence** (*Konsequenz*) are given (*gegeben*)” (*Log*, AA 09, p. 121 (§ 59); my transl. — A. P.)³³ This stresses the somewhat automatic, derivative character of mediated conclusion while the mechanism of consequence (derivation) is dropped, it is given (*gegeben*), and does not follow). This is why *Folgerung* is not used.

This supports the surmise expressed earlier in this part of the article. With Kant, the concept of *Folgerung*, in spite of having a defini-

³² Cf. “[...] so that either the conclusion itself or a proposition from which the conclusion follows by immediate inference [...]” (Kant, 1992a, p. 102).

³³ Cf. “In every inference of reason the conclusion is given as soon as the premises and the *consequentia* are given” (Kant, 1992b, p. 616).

Таким образом, предположение, выдвинутое ранее в этом разделе, получает обоснование. Понятие *Folgerung* у Канта хоть и имеет единичное определение и контекст употребления в качестве понятия «непосредственного заключения», не является строгим логическим термином формальной (общей) логики. Оно толкуется как рациональное действие и оставляет открытым вопрос своей природы внутри и за пределами логики, а также в системе познавательных способностей, разработанной Кантом. К схожим заключениям пришел Ч. С. Пирс еще в конце XIX в. В Кембриджских лекциях 1898 г. он следующим образом отзывается об анализе рассуждений (силлогизмов) Кантом в «Ложном мудрствовании...»: «Кант никогда не задумывался над тем, какова может быть природа *непосредственных выводов*: он скрыл этот вопрос от себя самого с помощью словесного ухищрения, назвав эти выводы *Folgerungen* (следствия) и отрицая за ними право называться *Schlüsse* (умозаключения)» (Пирс, 2005, с. 160).

Пирс считает, что Кант придерживался такой позиции, чтобы подкрепить свою классификацию: умозаключения разума (*Schlüsse*) и непосредственные выводы рассудка (*Folgerungen*). Однако против этого косвенно могут свидетельствовать лекции по логике Йеше, в которых *Folgerung* отсутствует: «Непосредственные умозаключения (*unmittelbaren Schlüsse*) называются также *умозаключениями рассудка (Verstandesschlüsse)*...» (AA 09, S. 114 (§ 43); Кант, 1994б, с. 368). В этих лекциях *Folgerung* встречается лишь однажды — в примечании к разделу о непосредственных умозаключениях, о чем уже говорилось выше. При этом в примере фигурирует не непосредственное, а опосредованное умозаключение: «Ибо здесь я нуждаюсь для *вывода (Folgerung)* еще в посредствующем суждении: Кай человек; а благодаря этому новому понятию материя суждения изменяется» (AA 09, S. 115 (§ 44); Кант, 1994б, с. 369). Похожая ситуация наблюдается и в «Критике чистого разума», когда Кант задает классификацию непосредственных и опосредованных умозаключений и рекомендует считать первые умозаключени-

tion and usage context, is not a rigorous logical term of formal (general) logic. It is interpreted as a rational act and leaves open the question of its nature within and without logic, as well as in the system of cognitive powers developed by Kant. A similar conclusion was arrived at by Charles Sanders Peirce in the late nineteenth century. In his 1898 Cambridge lectures he made this observation on Kant's analysis of reasoning (syllogisms) in "The False Subtlety": "[...] Kant had never thought of inquiring what the nature of those immediate inferences might be; but had hidden the question from himself by a verbal device consisting in calling them *Folgerungen* and denying to them the title of *Schlüsse*" (Peirce, 1992, p. 133).

Peirce thinks that Kant takes this stance to shore up his classification: inferences of reason (*Schlüsse*) and immediate conclusions of understanding (*Folgerungen*). However, this view is indirectly challenged in *The Jäsche Logic* which do not have *Folgerung*: "Immediate inferences (*unmittelbaren Schlüsse*) are also called *inferences of the understanding (Verstandesschlüsse)* [...]" (Log, AA 09, p. 114 (§ 43); Кант, 1992b, p. 609). In these lectures *Folgerung* crops up only once, in a footnote to the chapter on immediate inferences, as has been mentioned earlier. And the example contains not immediate but mediated inference: "For here I need for the *deduction (Folgerung)* the mediating judgment, Caius is a man; through this new concept, however, the matter of the judgments is altered" (Log, AA 09, p. 115 (§ 44); Кант, 1992b, p. 610). A similar situation is observed in the *Critique of Pure Reason* when Kant offers a classification of immediate and mediated inferences and recommends considering the former to be inferences of understanding and the latter inferences of reason already after the general formula of inferences with *Folgerung*, referred to in the above quota-

ями рассудка, а вторые — разума уже после общей формулы умозаключений с *Folgerung*, обсуждаемой в цитате выше. Тем самым *Folgerung* оказывается общим термином отношения следования в обоих типах умозаключения. Это может свидетельствовать о том, что *Folgerung* у Канта обозначает не только форму умозаключения рассудка, как считал Пирс, но и некую познавательную операцию, в которой акцентируется свойство непосредственной выводимости, или следования. Именно такую непосредственную выводимость он хотел подчеркнуть в строгом терминологическом противопоставлении «Ложного мудрствования...». Впрочем, возможно, там использовался ранний, еще не до конца сформированный понятийный аппарат.

3. Акт следования: почему *Folgerung* не сводится к *Konsequenz*

Настала очередь обратить внимание на словоупотребление «*Schlussfolge* (*Konsequenz*)», которое встретилось нам во фрагменте В 360. Слово *Schlussfolge* образовано из слов *Schluss* и *Folge*, и его можно понимать, на мой взгляд, буквально как последовательность умозаключения. В логическом смысле оно может выступать синонимом консеквенции (*Konsequenz*), или логического следования. Слово *Schlussfolge* еще несколько раз встречается в «Критике чистого разума», в контексте рассуждений типа «вывод таков» или «отсюда следует» («*und die Schlussfolge ist*»), «этот вывод слишком хорошо известен» («*Diese Schlussfolge ist zu bekannt*»), «вывод из этого не так легко понять» («*davon ist die Schlussfolge nicht so leicht einzusehen*»). Во всех подобных случаях речь идет о рассуждении в целом, то есть подразумевается последовательность умозаключений.

Schlussfolge встречается и в «Ложном мудрствовании...» в контексте непосредственного вывода. Например, «каждый раз за большей посылкой [я могу] мыслить непосредственно вытекающий из нее вывод (*unmittelbare Schlussfolge*), так что

tion. Thus, *Folgerung* turns out to be the general term of the relation of following in both types of inference. This may be seen as evidence that for Kant *Folgerung* is not so much a designation of the form of inferences of understanding, as Peirce believed, but a cognitive operation in which the feature of immediate derivation, or logical following, is stressed. This is the point of the terminological juxtaposition in “The False Subtlety”. Having said that, the terminological system used in this early work had not yet jelled.

3. The Act of Logical Following: Why Is *Folgerung* Not Reducible to *Konsequenz*

Now the time has come to pay attention to the word use *Schlussfolge* (*Konsequenz*), encountered in fragment B 360. The word *Schlussfolge* is formed from the words *Schluss* and *Folge*, and can be literally interpreted as the sequence of inference. In the logical sense it may be a synonym of consequence (*Konsequenz*). The word *Schlussfolge* is used several more times in the *Critique of Pure Reason* in the context of reasoning of the kind “the conclusion is as follows”, “hence” (“*und die Schlussfolge ist*”), “this is known all too well” (“*Diese Schlussfolge ist zu bekannt*”), “the conclusion from this is not that easy to see” (“*davon ist die Schlussfolge nicht so leicht einzusehen*”). All such cases refer to reasoning as a whole, which implies a sequence of references.

Schlussfolge occurs also in “The False Subtlety” in the context of immediate inference. For example: “I am thus enabled to think after each premiss its immediate **implication** (*unmittelbare Schlussfolge*). In this way, the **sequences of inferences** (*Schlussfolgen*) acquire the relation which they must have in a syllogism, according to the general rule” (*Dfs*, AA 02, p. 53; Kant,

эти выводы (*Schlussfolgen*) оказываются поставленными в те отношения, которые они вообще должны иметь согласно общему правилу» (AA 09, S. 53; Кант, 1994в, с. 31). Как было показано в предыдущем разделе, в контексте непосредственных выводов Кант чаще прибегает к термину *Folgerung*. Различия между *Schlussfolge* и *Folgerung* при противопоставлении непосредственных и опосредованных выводов кажутся более контекстуальными или же могут свидетельствовать о становлении логической терминологии. Тем сложнее оказывается вопрос о понимании логического следования Кантом, поскольку последнее является органичной частью умозаключения как рационального действия, или обоснованного рассуждения, и расширяет круг смежных по смыслу логических понятий, включая, конечно, понятие консеквенции.

В «Логике» Йеше *Konsequenz* употребляется в двух случаях: применительно к гипотетическим суждениям и в умозаключениях. В первом случае понятие *Konsequenz* определяется как представление (*Vorstellung*) о гипотетическом виде связи суждений (*antecedens* и *consequens*³⁴) в сознании (точнее, направленное к единству сознания или образующее его: «zur Einheit des Bewusstseins»), которое «образует форму гипотетических суждений», «форму консеквенции» («die Form der hypothetischen Urtheile», «die Form der Konsequenz»). В лекциях имеется примечание, что *Konsequenz* в гипотетических суждениях является тем же, чем является связка (*Copula*) в категорических суждениях, то есть формой (*Form*); можно добавить, формой связи, материей которой выступают два суждения (*Urtheile*). В самих лекциях эта мысль выражена буквально: «...die Richtigkeit (правильность) der Verknüpfung (связи) – die Form der Konsequenz (форма консеквенции)...» (AA 02, S. 105–106 (§ 25); Кант, 1994б, с. 360). Это основное значение

³⁴ *Consequens* или *posterius* (*Nachsatz*) обозначает суждение, которое содержит *Folge* или относится к суждению основания как *Folge*, то есть последующее положение. См.: (AA 02, S. 105–106 (§ 25); Кант, 1994б, с. 360).

1992а, р. 96). As shown in the preceding part, in the context of immediate inferences Kant more often uses the term *Folgerung*. The differences between *Schlussfolge* and *Folgerung* in the juxtaposition of immediate and mediated inferences seem to be more contextual or may attest to logical terminology in the process of being formed. This complicates the issue of Kant's interpretation of logical following because the latter is an organic part of inference as a rational act or a grounded reasoning and extends the range of related logical concepts, including, of course, the concept of *consequence*.

In *The Jäsche Logic* *Konsequenz* is used in two cases: with reference to hypothetical judgments and to inferences. In the first case *Konsequenz* is defined as representation (*Vorstellung*) of the hypothetical type of connection between judgments (*antecedens* and *consequens*³⁴) in consciousness (more precisely, directed toward “the unity of consciousness” (“zur Einheit des Bewusstseins”), which “constitutes the form of hypothetical judgments” (“die Form der hypothetischen Urtheile”), “the form of the consequentia” (“die Form der Konsequenz”). A footnote in the lectures says that *Konsequenz* in hypothetical judgments is what the connection (*Copula*) is in categorical statements, i.e. Form, it may be added, the form of connection, whose matter is two judgments (*Urtheile*). In the lectures this idea is expressed literally: “[...] die Richtigkeit (correctness) der Verknüpfung (of the connection) – die Form der Konsequenz (the form of the consequentia) [...]” (*Log*, AA 02, pp. 105-106 (§ 25); Kant, 1992b, p. 602). This is the core meaning of *Konsequenz*, implication, the following of one judgment from another and the form of the connection between judgments and propositions. However, it does not mean the act of logical fol-

³⁴ *Consequens*, or *posterius* (*Nachsatz*) denotes a judgment which contains *Folge* or relates to the first proposition as *Folge*, i.e. the following proposition. See *Log*, AA 02, pp. 105-106 (§ 25); Kant, 1992b, pp. 601-602.

Konsequenz — импликация, следование одного суждения из другого (за другим) и форма связи суждений или положений. Однако оно не означает акта следования³⁵ или выведения одной мысли из другой, поскольку не раскрывает характера связи между основанием и следствием, которая состоит, собственно, в следовании или выведении последнего из первого.

В умозаклечениях (второй случай применения) *Konsequenz* употребляется тоже как форма вывода (следования): «В первых положениях (*Vordersätzen*), или предпосылках (*Prämissen*), состоит материя [умозаклчений]; в заключении (*Konklusion*) же, поскольку оно содержит (*enthält*) *Konsequenz*, состоит форма умозаклчений разума³⁶ (*die Form der Vernunftschlüsse*)» (AA 02, S. 121 (§ 59); перевод мой. — А. П.)³⁷. Другими словами, формой умозаклечения является вывод (заключение), поскольку он содержит консеквенцию как способ связи суждения (следствия) и суждений основания. Такая терминология переключается с комментариями Канта к логике Майера: «Все умозаклчения (*Vernunft schlüsse*) содержат (*enthalten*) консеквенции (*consequenz*) одного суждения (*Urtheils*) из другого...» (AA 16, S. 707 (№ 3195); перевод мой. — А. П.).

Возвращаясь к смыслу *Schlussfolge*, можно отметить его некоторое смысловое отличие от *Konsequenz* и *Folgerung*. Несмотря на то что под консеквенцией понимается интуиция следования от суждения к суждению, последова-

lowing³⁵ or derivation of one thought from another because it does not show the character of the connection between the ground and the consequence, which consists in fact in the logical following or derivation of the latter from the former.

In inferences (the second use) *Konsequenz* is also used as a form of conclusion (following): “The matter [of conclusions — A. P.] consists of the premises (first propositions) (*Vordersätzen*), or presuppositions (*Prämissen*); in the conclusion (*Konklusion*) consists the form of inferences of reason (*die Form der Vernunftschlüsse*), insofar as it contains (*enthält*) the consequence (*Konsequenz*)” (*Log*, AA 09, p. 121 (§ 59); my transl. — A. P.).³⁶ In other words, the form of inference is conclusion insofar as it contains consequence as a means of connecting the judgment (consequence) to the grounding judgment. This terminology echoes Kant’s comments on Meier’s logic: “All inferences (*Vernunftschlüsse*) contain (*enthalten*) consequences (*consequenz*) of one judgment (*Urtheils*) from another [...]” (*Refl* 3195, AA 16, p. 707; my transl. — A. P.).

Going back to the meaning of *Schlussfolge*, we should note its semantic difference from *Konsequenz* and *Folgerung*. Although consequentia denotes intuition of following from judgment to judgment, the sequence of judgments in it formalises the means of connection or points to the same (“*die Form der Konsequenz*”). It is the form of connection that is grounds for dividing inferences by types (categorical, hypothetical, disjunctive): [...] the consequence (*Konsequenz*) of one judgment (*eines Urtheils*) from another. This is the basis for the division of all inferences of reason

³⁵ В данном контексте я использую оборот «акт следования», чтобы отделить рассматриваемую интуицию следования от известных терминов современной логики с их смысловыми нагрузками (логическое следование, вывод).

³⁶ Или просто «умозаклчений», поскольку, вероятно, именно этот термин — *Vernunftschluss* — и послужил основой для русской кальки понятия «умозаклчение» (если опустить то обстоятельство, что в критической философии ум ближе к рассудку, чем к разуму).

³⁷ Ср.: «В посылах, или предпосылках, состоит материя умозаклчений разума; в следствии же, поскольку оно содержит способ вывода, состоит форма умозаклчений разума» (Кант, 1994б, с. 374).

³⁵ In this context I use the word combination “act of following” to separate the intuition of following from the terms of modern logic with their implications (logical following, conclusion).

³⁶ Cf. “The matter of inferences of reason consists in the antecedent propositions or premises, the form in the conclusion insofar as it contains the consequentia” (Kant, 1992b, p. 616).

тельность суждений в ней формализует способ связи или указывает на него («die Form der Konsequenz»). Именно способ связи и является основанием для деления умозаключений по видам (категорические, гипотетические, дизъюнктивные): «...вывод (Konsequenz) одного суждения (Urtheils) из другого. На этом и основывается деление всех умозаключений (Vernunftschlüsse) на категорические, гипотетические и дизъюнктивные» (AA 02, S. 122 (§ 60); перевод мой. — А. П.)³⁸. Folgerung же относится прежде всего к непосредственной консеквенции, неформализуемому типу следования. В черновых заметках к учебнику логики Майера есть такая фраза: «Consequentiae immediatae. Демонстрация одной только **формы умозаключения** (Form des Schlusses) или **следствия** (Folgerung) одного суждения из другого» (AA 02, S. 691 (№ 3168); перевод мой. — А. П.). Таким образом, форма умозаключения отражает следствие одного суждения из другого, но не синонимична этому действию (Folgerung). Особенности такого словоупотребления и понимания вывода, или следования, как ментальной операции — непосредственность, естественность, интуитивность, а не формальность как схематичность. Тем самым установлено сущностное отличие формального контекста *Schlussfolge* и неформального *Folgerung*, а также отличие последнего от консеквенции.

4. *Folgerungen* как следствия в рассуждении

Понятие *Folgerung* в логическом проекте Канта может употребляться и как отдельный рациональный акт, осуществляемый в практике рассуждений и несводимый к формальной консеквенции. *Schlussfolge* сближает зна-

³⁸ Ср.: «...вывод одного суждения из другого. На этом и основывается деление всех умозаключений разума на категорические, гипотетические и дизъюнктивные» (Кант, 1994б, с. 375).

(*Vernunftschlüsse*) into *categorical, hypothetical and disjunctive*” (Log, AA 09, p. 122 (§ 60); my transl. — А. П.)³⁷. *Folgerung* refers first and foremost to immediate consequence, the non-formalisable type of following. In the rough notes to Meier’s textbook of logic we come across this phrase: “*Consequentiae immediatae*. Demonstrate only the **form of conclusion** (*Form des Schlusses*) or **consequence** (*Folgerung*) of one judgement from the other” (Refl 3168, AA 26, p. 691; my transl. — А. П.). Thus, the form of inference reflects the following of one judgment from another, but is not synonymous with this action (*Folgerung*). This use of words and interpretation of the conclusion, or logical following as a mental operation highlights such properties as spontaneity, naturalness and intuitiveness and *not formality as schematicism*. This establishes the essential difference of the formal context of *Schlussfolge* from the informal *Folgerung*, and the difference of the latter from consequence.

4. *Folgerungen* as Consequence in Reasoning

The concept of *Folgerung* in Kant’s logical project may refer to a single rational act in the practice of reasoning not reducible to formal consequence, i.e. in practical philosophy. *Schlussfolge* brings the meanings of logical following and conclusion closer together in the concept of consequence which may in the future play a role in blurring their meanings in modern logic. One notes its similarity to the more modern concept of *Schlussfolgerung*,³⁸ which can be translated as logical conclusion or

³⁷ Cf. “[...] the *consequentia* of one judgment from another [...]. And on this is grounded the division of all inferences of reason into *categorical, hypothetical, and disjunctive*” (Kant, 1992b, p. 616).

³⁸ Kant does not use it, but it is used in Andrey K. Sudakov’s translation of the Russian publisher’s foreword to the *Critique of the Power of Judgment* into German in a bilingual publication of Kant (2001, p. 52).

чение следования и заключения в понятии консеквенции, что, возможно, в дальнейшем сыграет свою роль в размывании их значений в современной логике. Любопытно и его сходство с более современным понятием *Schlussfolgerung*³⁹, которое можно перевести как «логический вывод» или «логическое рассуждение». Это обосновано более широким контекстом употребления понятия *Folgerung* в практике научного доказательства и в работах Канта.

Во введении к «Критике чистого разума» встречается пассаж о значении философии Вольфа для научного исследования, который заканчивается словами: «...как именно следует вступать на надежный путь науки с помощью законосообразного установления принципов, отчетливого определения понятий, испытанной строгости доказательств и предотвращения смелых скачков в **выводах** (*Folgerungen*)» (В XXVI; Кант, 2006, с. 39). В данном случае Кант перефразировал формулировку знаменитого философско-математического метода Вольфа, который был положен последним в основу его философии и следование которому было решающим свидетельством того, что тот или иной мыслитель принадлежит школе вольфианцев⁴⁰. Так *Folgerung* оказывается в ряду основных действий научного познания (практического приложения логики): определения понятий, установления законов и принципов, строгих доказательств и последовательных выводов (*Folgerungen*). Если в теоретической логике *Folgerung* указывает на утверждение, которое следует или выводится по форме из данного основания, то в практической логике речь идет о приложении теории к практике исследования, то есть о заключениях, обоснованных доказательствами.

³⁹ Оно не употребляется Кантом, но встречается в переводе А. К. Судаковым «Введения» русских издательств к «Критике способности суждения» на немецкий язык в двуязычном издании Канта (см.: Кант, 2001, с. 52).

⁴⁰ См. об этом подробнее: (Круглов, 2022).

logical reasoning. This is justified by the broader context of the use of the concept *Folgerung* in the practice of scientific proof and in Kant's works.

The introduction to the *Critique of Pure Knowledge* has a passage on the significance of Wolff's philosophy which ends with the words: "[...] the way in which the secure course of a science is to be taken, through the regular ascertainment of the principles, the clear determination of concepts, the attempt at strictness in the proofs, and the prevention of audacious leaps in **inferences** (*Folgerungen*) [...]" (*KrV*, В XXVI; Kant, 1998, p. 120). Kant paraphrased the formulation of Wolff's famous philosophical-mathematical method that formed the basis of his philosophy and was a sure sign that the philosopher who followed it belonged to the Wolffian school.³⁹ Thus, *Folgerung* turns out to be one of the main acts of scientific cognition (practical application of logic): definition of concepts, establishment of laws and principles, rigorous proofs and consistent conclusions (*Folgerungen*). While in theoretical logic *Folgerung* refers to a proposition that formally follows or is derived from the first proposition, in practical logic we are looking at the application of theory to research practice, i.e. at proof-grounded conclusions.

Kant revisits this theme in the *Critique of the Power of Judgment* in which he argues that because the will is associated with freedom, the principles of will [...] are called laws, and alone constitute, together with their **consequences** (*Folgerungen*), the second part of philosophy, namely the practical" (*KU*, AA 05, p. 172; Kant, 2000, p. 60). Such conclusions for rational cognition of nature are drawn through inferences from principles given by understanding: "[the reason] can only [...] draw inferences (*Schlüsse*) from given laws (*Gesetzen*) to conclusions (*Fol-*

³⁹ See more on this in Krouglov (2022).

В «Критике способности суждения» Кант возвращается к обсуждению этой темы, утверждая, что, поскольку воля подпадает под понятие свободы, то принципы воли «называются законами и вместе со своими **следствиями** (*Folgerungen*) только и составляют вторую часть философии, а именно практическую» (AA 05, S. 172; Кант, 2001, с. 83). Такие выводы для разумного познания природы получаются путем умозаключений из принципов, поставляемых рассудком: «...путем умозаключений (*Schlüsse*) делать из данных законов (*Gesetzen*) **выводы** (*Folgerungen*), которые никогда не выходят за пределы природы» (AA 05, S. 175; Кант, 2001, с. 87). Это важное замечание философа, которое убедительно показывает, насколько единообразна его терминология в логике и философии.

В «Единственно возможном основании...» *Folgerung* употребляется в контексте доказательства бытия Бога: «...приводил доказательства (*Beweistümer*), не претендуя на то, чтобы уже теперь отчетливо показать их связь (*Verknüpfung*) с **выводами** (*Folgerung*)» (AA 02, S. 67; Кант, 1994а, с. 386), и далее по тексту Кант в этом же смысле говорит о следствиях, которые вытекают из положений, и выводах из рассуждений о создателе мира.

В контексте доказательства *Folgerung* довольно часто встречается и в «Критике чистого разума», логические цитаты из которой уже обсуждались выше. В дополнение к ним стоит указать на то, что при обсуждении оснований различения предметов на *Phaenomena* и *Noumena* в «Трансцендентальной аналитике» Кант заявляет: «...отсюда нельзя извлечь никакого **вывода** (*Folgerung*)» (B 301; перевод мой. — А. П.)⁴¹. Или, обсуждая чистое применение разума, он подчеркивает: «...какие **следствия** (*Folgerungen*) вытекают из него для эмпирического употребления рассудка» (B 355;

⁴¹ Ср.: «...не в состоянии... извлечь отсюда какие-либо выводы» (Кант, 2006, с. 399).

gerungen) that still always stop at nature" (*KU*, AA 05, p. 175; Kant, 2000, p. 62). This is an important remark which shows convincingly the uniformity of his terminology in logic and philosophy.

In *The Only Possible Argument, Folgerung* is used in the context of proof of the existence of God: "[...] adduced arguments (*Beweistümer*) without presuming to claim to be able, for the moment, to show distinctly their connection (*Verknüpfung*) with the **conclusion** (*Folgerung*)" (*BDG*, AA 02, p. 67; Kant, 1992c, p. 112), and further Kant speaks in the same vein about the consequences that flow from the propositions and conclusions of the discourse about the Creator.

In the context of proof *Folgerung* is not infrequently used in the *Critique of Pure Reason*, the logical quotations from which have been discussed above. Additionally, it should be noted that in discussing grounds for dividing objects into *phaenomena* and *noumena* in the *Transcendental Analytic* Kant declares: "[...] not even the least **consequence** (*Folgerung*) is to be drawn from it" (*KrV*, B 301; Kant, 1998, p. 357). Or, discussing pure application of reason, he stresses "[...] what **consequences** (*Folgerungen*) flow from it for the empirical use of the understanding" (*KrV*, B 355; Kant, 1998, p. 392); or in discussing the transcendental ideal he writes: "[...] just as none of the *consequences* (*Folgerungen*) flowing from such an ideal" (*KrV*, B 608; Kant, 1998, p. 558). Similar use of *Folgerung* occurs in other works, for example in the statement, "As premature and erroneous as his (Hume's — A. P.) **conclusion** (*Folgerung*) was, nevertheless it was at least founded on inquiry [...]" (*Prol*, AA 04, p. 258; Kant, 2002a, p. 55). Thus, Kant uses *Folgerung* in the context of his own reasoning and applies to his reasoning the same rigorous rules on which logical conclusions are based.

Кант, 2006, с. 473); или же при обсуждении трансцендентального идеала пишет: «...точно так же и все **следствия** (Folgerungen), вытекающие из такого идеала...» (В 608; Кант, 2006, с. 751). Аналогичное употребление имеет *Folgerung* и в других сочинениях, например: «Как бы ни был опрометчив и неверен **вывод** (Folgerung) Юма, он был основан по крайней мере на исследовании...» (АА 04, S. 258; Кант, 1994г, с. 9). Тем самым Кант употребляет *Folgerung* в контексте собственных рассуждений и применяет к своим рассуждениям те же строгие правила, на которых строятся логические выводы.

В практической философии Кант с помощью понятия *Folgerung* подчеркивает разницу между действием принципа или закона (Gesetz), предписания (Vorschrift), положения (Satz) и чистыми или простыми выводами (Folgerungen) из них. В «Первом введении в “Критику способности суждения”», когда речь идет о геометрической задаче построения квадрата, Кант отмечает, что такое построение «представляет собой практическое положение, но он[о] есть **чистое следствие** (reine Folgerung) из теории» (АА 20, S. 198; Кант, 2001, с. 843). Про понятие объекта воли (высшее благо) он замечает, что оно «лишь косвенно, как **следствие** (Folgerung), принадлежит к практическому предписанию» (АА 20, S. 197; Кант, 2001, с. 845). Относительно разделов философии в целом как системы Кант заявляет, что с ними нельзя путать «лишь **следствие** (Folgerung) или применение философии к данным случаям, не требующее особых принципов» (АА 20, S. 199; Кант, 2001, с. 841). Более того, здесь даже встречается такой кантовский пассаж: «Суждение о красоте [произведений] искусства должно рассматриваться затем **просто как вывод** (bloÙe Folgerung) из тех же принципов, которые лежат в основе суждения о красоте в природе» (АА 20, S. 251; Кант, 2001, с. 955). *Folgerung* употребляется и буквально, в качестве доказанных положений: «последний *вывод* (letzte Folgerung) из все-

In practical philosophy Kant uses the concept of *Folgerung* to stress the difference between the effect of a principle or law (Gesetz), precept (Vorschrift), statement (Satz) and pure or simple conclusions (Folgerungen) from them. In the “First Introduction to the *Critique of the Power of Judgment*”, speaking about the geometrical problem of building a square, Kant notes that such building “[...] is a practical proposition, but a **pure consequence** (reine Folgerung) of the theory” (EEKU, AA 20, p. 198; Kant, 2000, p. 5). Referring to the concept of the object of will (the supreme good), he remarks: “[...] still this belongs only indirectly, as a *consequence* (Folgerung), to the practical precept” (EEKU, AA 20, p. 199; Kant, 2000, p. 6). Referring to the sections of philosophy as a whole system, Kant writes that they should not be confused with “[...] that which is merely a *consequence* (Folgerung) or an application of it to given cases, requiring no special principles” (EEKU, AA 20, p. 197; Kant, 2000, p. 5). Furthermore, there is the following passage: “The judging of artistic beauty will subsequently have to be considered as a **mere consequence** (bloÙe Folgerung) of the same principles which ground the judgment of natural beauty” (EEKU, AA 20, p. 251; Kant, 2000, p. 50). *Folgerung* is also used literally as proven proposition: “The final *conclusion* (letzte Folgerung) of this entire section (Abschnitt) [...]” (KrV, B 294; Kant, 1998, p. 337); and even as the title of the “Corollary” section in the *Critique of Practical Reason* (KpV, AA 05, p. 22; Kant, 2002b, p. 34).

To sum up, consequences (Folgerungen) in practical philosophy are applications of the laws, principles, precepts and propositions to concrete cases. The use of the word stresses their secondary, derivative character, immediate logical following of rational phenomena of a higher level, even value judgments (Beurteilung).

го этого раздела (Abschnitte)» (В 294; Кант, 2006, с. 391) и даже как заглавие для раздела «Вывод» в «Критике практического разума» (АА 05, S. 22; Кант, 1997, с. 329).

Итак, следствия (Folgerungen) в практической философии оказываются приложениями законов, принципов, предписаний и положений к конкретным случаям. В употреблении понятия подчеркивается их вторичность, производность, непосредственное следование рациональным феноменам более высокого уровня, даже суждениям-оценкам (Beurteilung).

Заклучение

Кажется, что логическая традиция кантианства укореняет в формальной логике единственный термин для обозначения логического следования — консеквенцию (Konsequenz, Schlussfolge), указывающую на форму связи мыслей в умозаключении. Однако на деле Кант принципиально разводит понятие консеквенции как формального следования и понятие непосредственного следования *Folgerung* как неформальной интуиции в смысле отражения ее в схематичной структуре вывода. В узком контексте общей логики Канта *Folgerung* выступает буквально — как термин для обозначения непосредственных умозаключений в противовес опосредованным, а также как вывод умозаключений, вытекающий из посылки / посылок. В более широком же контексте обоснования общей логики *Folgerung* отражает неформальную идею вывода или следования и может пониматься как трансцендентальное основание формальной консеквенции. Такое положение дел можно интерпретировать как важное условие проблематизации логического следования в современной логике рассуждений. Тем самым понимание особенностей употребления *Folgerung* Кантом получает свою актуальность.

Понятие *Folgerung* в логической системе Канта используется как минимум двояко. Прежде

Conclusion

The logical tradition of Kantianism seems to embed in formal logic a single term to denote logical following, and that is consequence (*Konsequenz, Schlussfolge*), which points to the form of the connection of thoughts in an inference. But in reality Kant distinguishes in principle the concept of consequence as formal following and the concept of immediate following, *Folgerung* as an informal intuition in the sense of its reflection in the schematic structure of the inference. In the narrow context of Kant's general logic *Folgerung* is literally a term denoting immediate inferences as opposed to mediated ones, and as the conclusion of inferences flowing from the premise / premises. In the broader context of grounding of general logic *Folgerung* reflects the informal idea of conclusion or logical following and can be seen as the transcendental ground of formal consequence. This state of affairs is arguably an important condition of problematisation of logical following in the modern logic of reasoning. This highlights the relevance of understanding the nuances of Kant's use of *Folgerung*.

The concept of *Folgerung* in Kant's logical system is used in at least two ways. First of all, being subordinated to inference and consequence, *Folgerung* does not lend itself to problematisation and apparently cannot be expressed in formal logic. Kant stresses that the logical conclusion happens "immediately" or is "tacitly added" and is contained in the conclusion itself. It goes without saying that intuitions of following are outside the rigorous formal logical system. However, being embedded in the inference or reasoning, *Folgerung* is recognised as a necessary and organic condition of the rational cognitive process. Obviously, *Folgerung* can be seen as a concept of logical

всего, как подчиненное умозаключению и консеквенции, *Folgerung* не проблематизируется (и, видимо, не может быть выражено) в формальной логике. Кант подчеркивает, что логический вывод происходит «мгновенно» или «молчаливо присовокупляется» и находится в самом заключении. Как само собой разумеющееся или очевидное, интуиции следования оказываются вне строго формальной логической системы. Однако именно как встроенное, укорененное в умозаключение или рассуждение, *Folgerung* признается необходимым органическим условием рационального познавательного процесса. Очевидно, *Folgerung* можно считать понятием логического следования как познавательной операции, отражающей интуицию следования, или рациональный акт непосредственного выведения одной мысли из другой либо их связи. Становление такого понимания термина очевидно демонстрирует смещение акцента с онтологии предыдущей схоластической традиции на эпистемологию, реализующую Кантом в его логическом проекте.

То, что Кант сохраняет неформальное понимание логического следования в системе логики и создает условия для его дальнейшей философской проблематизации, не является только моим предположением. Так, несмотря на очевидно устаревшее содержание общей логики Канта для современных логических теорий, в XXI в. уже предпринимались попытки формализации «трансцендентальной логики» и даже пересмотра оснований его общей логики такими авторами, как Т. Ачуроти и М. ван Ламбалген, Р. Эванс, А. Стефенсон, М. Сергот, С. Ковач и другими (Achourioti, van Lambalgen, 2011; 2017; Evans, Sergot, Stephenson, 2019; Kovač, 2020). В частности, разрабатывая формальное доказательство полноты кантовской логики суждений, Ачуроти и ван Ламбалген интерпретируют гипотетические суждения (самостоятельно и в структуре умозаключений) как «лицензию на вывод» (Achourioti, van

following as a cognitive operation reflecting the intuition of following, or a rational act of immediate derivation of one thought from the other or their connection. The emergence of such interpretation of the term demonstrates the shift of emphasis from the ontology of the previous scholastic tradition toward epistemology in Kant's logical project.

I am not alone in suggesting that the fact that Kant retains the informal notion of logical following in the system of logic and creates conditions for its further philosophical problematisation. Thus, despite the obviously outdated content of Kant's general logic for modern logical theories, the twenty-first century has already seen attempts to formalise "transcendental logic" and even revise the grounds for Kant's general logic by such authors as Theodora Achourioti and Michel van Lambalgen (2011; 2017), Richard Evans, Marek Sergot and Andrew Stephenson (2019), Srećko Kovač (2020) and others. For example, in developing the formal proof of the completeness of Kant's logic of judgments, Achourioti and van Lambalgen (2017, p. 856) interpret hypothetical judgments (alone or in the structure of inferences) as "a licence for inferences". This raises the question, what is logical following in Kant's system? They believe that "Kant does not have a single entailment relation, as in modern logic, but only local entailment relations defined by specific inferences" (*ibid.*, p. 867) The logical properties of the hypothetical judgment, Achourioti and van Lambalgen continue, "change when it is considered in a causal context, i.e. in transcendental logic" (*ibid.*, p. 857). All this highlights the terminological and substantive importance of the interpretation of entailment in Kant's logical project.

Lambalgen, 2017, p. 856). В связи этим возникает вопрос о том, что собой представляет логическое следование в системе Канта. Они полагают, что «у Канта нет единого отношения логического следования, как в современной логике, а имеют место лишь локальные отношения, определяемые конкретными умозаключениями» (Ibid., p. 867). Логические же свойства гипотетического суждения, продолжают Ачуриоти и ван Ламбалген, «меняются, когда оно рассматривается в причинно-следственном контексте, то есть в трансцендентальной логике» (Ibid., p. 857). Все это свидетельствует о том, насколько важным с терминологической и содержательной сторон оказывается вопрос понимания следования в логическом проекте Канта.

Список литературы

- Больцано Б. Учение о науке / пер. с нем. Б. И. Федорова. СПб. : Наука, 2003.
- Драгалина-Черная Е. Г. Материальное следование и формальное обоснование // Эпистемология и философия науки. 2020. Т. 57, № 2. С. 79–95.
- Кант И. Единственно возможное основание для доказательства бытия Бога // Собр. соч. : в 8 т. М. : Чоро, 1994а. Т. 1. С. 383–498.
- Кант И. Логика // Собр. соч. : в 8 т. М. : Чоро, 1994б. Т. 8. С. 266–398.
- Кант И. Ложное мудрствование в четырех фигурах силлогизма // Собр. соч. : в 8 т. М. : Чоро, 1994в. Т. 2. С. 23–40.
- Кант И. Прологомены ко всякой будущей метафизике, могущей возникнуть в смысле науки // Собр. соч. : в 8 т. М. : Чоро, 1994 г. Т. 4. С. 5–152.
- Кант И. Критика практического разума // Соч. на нем. и рус. яз. М. : Наука, 1997. Т. 3. С. 277–733.
- Кант И. Критика способности суждения // Соч. на нем. и рус. яз. М. : Наука, 2001. Т. 4. С. 69–970.
- Кант И. Критика чистого разума // Соч. на нем. и рус. яз. М. : Наука, 2006. Т. 2, ч. 1.
- Кант И. Венская логика / под общ. ред. А. Н. Круглова. М. : Канон+, 2022.
- Круглов А. Н. «Немецкая логика» Христиана Вольфа // Кант И. Венская логика. М. : Канон+, 2022. С. 30–48.

References

- Achourioti, T. and van Lambalgen, M., 2011. A Formalization of Kant's Transcendental Logic. *The Review of Symbolic Logic*, 4(2), pp. 254-289.
- Achourioti, T. and van Lambalgen, M., 2017. Kant's Logic Revisited. *Journal of Applied Logics – IfCoLog Journal*, 4(4), pp. 845-865.
- Asmus, C. and Restall, G., 2012. History of Logical Consequence. In: D. Gabbay, F. J. Pelletier, J. Woods, eds. 2012. *Logic: A History of Its Central Concepts, Volume 11*. Amsterdam: Elsevier.
- Boghossian, P., 2016. Intuitions and the Understanding. In: M. Á. Fernández Vargas, ed. 2016. *Performance Epistemology: Foundations and Applications*. New York: Oxford University Press, pp. 137-150.
- Bolzano, B., 2022. *Theory of Science: Attempt at a Detailed and in the Main Novel Exposition of Logic with Constant Attention to Earlier Authors*. Edited by R. George. Oakland: University of California Press.
- Dragalina-Chernaya, E., 2020. Material Consequence and Formal Grounding. *Epistemology & Philosophy of Science*, 57, pp. 79-95. (In Rus.)
- Etchemendy, J., 1990. *The Concept of Logical Consequence*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
- Evans, R., Sergot, M. and Stephenson, A., 2019. Formalizing Kant's Rules. *Journal of Philosophical Logic*, 48, pp. 1-68. <https://doi.org/10.1007/s10992-019-09531-x>.
- Kant, I., 1992a. The False Subtlety of the Four Syllogistic Figures. In: I. Kant, 1992. *Theoretical Philosophy, 1755-1770*. Translated by D. Walford. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 85-106.
- Kant, I., 1992b. The Ja'sche Logic. In: I. Kant, 1992. *Lectures on Logic*. Translated and edited by J. M. Young. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 521-630.
- Kant, I., 1992c. The Only Possible Argument in Support of a Demonstration of the Existence of God. In: I. Kant, 1992. *Theoretical Philosophy, 1755-1770*. Translated by D. Walford. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 107-202.
- Kant, I., 1998. *Critique of Pure Reason*. Translated and edited by P. Guyer and A. W. Wood. Cambridge: Cambridge University Press.
- Kant, I., 2000. *Critique of the Power of Judgment*. Edited by P. Guyer. New York: Cambridge University Press.
- Kant, I., 2002a. Prolegomena to Any Future Metaphysics That Will Be Able to Come Forward as Science. Translated by G. C. Hatfield. In: I. Kant, 2002. *Theoretical Philosophy after 1781*. Edited by H. Allison, P. Heath. New York: Cambridge University Press, pp. 29-170.

Круглов А. Н. Фигурное, символическое и созерцающее познание. Ч. II: От Хр. А. Крузия к И. Канту // История философии. 2023. Т. 28, № 1. С. 18–28.

Пирс Ч. С. Рассуждение и логика вещей: Лекции для Кембриджских конференций 1898 года / под ред. Д. Г. Лахути, В. К. Финна. М.: РГГУ, 2005.

Харитоновна А. М. Учение разума Г. Ф. Майера // Кант И. Венская логика. М.: Канон+, 2022. С. 83–86.

Achourioti T., Lambalgen M. van. A Formalization of Kant's Transcendental Logic // The Review of Symbolic Logic. 2011. Vol. 4, № 2. P. 254–289.

Achourioti T., Lambalgen M. van. Kant's Logic Revisited // Journal of Applied Logics – IfCoLog Journal. 2017. Vol. 4, № 4. P. 845–865.

Asmus C., Restall G. History of Logical Consequence // The Handbook of the History of Logic / ed. by D. Gabbay, F. J. Pelletier, J. Woods. Amsterdam: Elsevier, 2012. Vol. 11. P. 11–62.

Boghossian P. Intuitions and the Understanding // Performance Epistemology: Foundations and Applications / ed. by M. Á. Fernández Vargas. N. Y.: Oxford University Press, 2016. P. 137–150.

Etchemendy J. The Concept of Logical Consequence. Cambridge: Harvard University Press, 1990.

Evans R., Sergot M., Stephenson A. Formalizing Kant's Rules: A Logic of Conditional Imperatives and Permissives // Journal of Philosophical Logic. 2019. Vol. 48. P. 1–68. doi: 10.1007/s10992-019-09531-x.

Kovač S. Logical Foundations and Kant's Principles of Formal Logic // History and Philosophy of Logic. 2020. Vol. 41, № 1. P. 48–70.

Ludovici C. G. Ausführliche Entwurff einer vollständigen Historie der Wolffischen Philosophie, zum Gebrauch seiner Zuhörer. Leipzig: Johann Georg Löwe, 1737. Bd. 2.

MacFarlane J. G. What Does It Mean to Say That Logic is Formal?: PhD dissertation. Pittsburgh: University of Pittsburgh, 2000.

Poggiolesi F. On Defining the Notion of Complete and Immediate Formal Grounding // Synthese. 2016. Vol. 193, № 10. P. 3147–3167.

Read S. Thinking About Logic: An Introduction to the Philosophy of Logic. N. Y.: Oxford University Press, 1994.

Rumberg A. Bolzano's Concept of Grounding against the Background of Normal Proofs // Review of Symbolic Logic. 2013. Vol. 6, № 3. P. 424–459.

Tarski A. Über den Begriff der logischen Folgerung // Actes du Congrès International de Philosophie Scientifique. Sorbonne, Paris 1935. P.: Hermann & Cie, 1936. Vol. 7. P. 1–11.

Kant, I., 2002b. *Critique of Practical Reason*. Translated by W. S. Pluhar. Indianapolis: Hackett Publishing Company, Inc.

Kant, I., 2022. *Venskaya logika [The Vienna Logic]*. Translated (into Russian) by A. M. Kharitonova and L. E. Kryshtop, edited by A. N. Krouglov. Moscow: Kanon+. (In Rus.)

Kharitonova, A. M., 2022. The Doctrine of Reason by G. F. Mayer. In: I. Kant, 2022. *Venskaja logika [The Vienna Logic]*. Translated (into Russian) by A. M. Kharitonova and L. E. Kryshtop, edited by A. N. Krouglov. Moscow: Canon+, 2022, pp. 83–86. (In Rus.)

Kovač, S., 2020. Logical Foundations and Kant's Principles of Formal Logic. *History and Philosophy of Logic*, 41(1), pp. 48–70.

Krouglov, A. N., 2022. "German Logic" by Christian Wolff. In: I. Kant, 2022. *The Vienna Logic*. Moscow: Canon+, pp. 30–48. (In Rus.)

Krouglov, A. N., 2023. Figurative, Symbolic and Contemplative Cognition. Part II: From Chr. A. Crusius to I. Kant. *History of Philosophy*. 28(1), pp. 18–28. (In Rus.)

Ludovici, C. G., 1737. *Ausführliche Entwurff einer vollständigen Historie der Wolffischen Philosophie, zum Gebrauch seiner Zuhörer. Volume 2*. Leipzig: Johann Georg Löwe.

MacFarlane, J. G., 2000. *What Does It Mean to Say That Logic is Formal?* Dissertation, University of Pittsburgh.

Peirce, C. S., 1992. *Reasoning and the Logic of Things: The Cambridge Conferences Lectures of 1898*. Edited by K. L. Ketner, Introduction by K. L. Ketner and H. Putnam. Cambridge, Mass. & London: Harvard University Press.

Poggiolesi, F., 2016. On Defining the Notion of Complete and Immediate Formal Grounding. *Synthese*, 193(10), pp. 3147–3167.

Read, S., 1994. *Thinking About Logic: An Introduction to the Philosophy of Logic*. New York: Oxford University Press.

Rumberg, A., 2013. Bolzano's Concept of Grounding against the Background of Normal Proofs. *The Review of Symbolic Logic*, 6(3), pp. 424–459.

Tarski, A., 1936. Über den Begriff der logischen Folgerung. In: *Actes du Congrès International de Philosophie Scientifique*. Sorbonne, Paris 1935. Volume 7. Paris: Hermann & Cie, pp. 1–11.

Tarski A. On the Concept of Logical Consequence // Tarski A. Logic, Semantics, Metamathematics: Papers from 1923 to 1938 / transl. by J. H. Woodger. Oxford : Clarendon Press, 1956. P. 409–420.

Tatzel A. Bolzano's Theory of Ground and Consequence // Notre Dame Journal of Formal Logic. 2002. Vol. 43, № 1. P. 1–25.

Об авторе

Анастасия Владимировна Петровская, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия.

E-mail: a5316028@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-7409-6484>

Для цитирования:

Петровская А. В. Особенности толкования термина «следование» у И. Канта // Кантовский сборник. 2024. Т. 43, № 2. С. 50–78.

doi: 10.5922/0207-6918-2024-2-2

© Петровская А. В., 2024.

Tarski, A., 1956. On the Concept of Logical Consequence. In: A. Tarski, 1956. Logic, Semantics, Metamathematics. Translated by J. H. Woodger. Oxford: Clarendon Press, pp. 409-420.

Tatzel, A., 2002. Bolzano's Theory of Ground and Consequence. Notre Dame Journal of Formal Logic, 43, pp. 1-25.

Translated from the Russian by Evgeni N. Filippov

The author

Anastasia V. Petrovskaya, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia.

E-mail: a5316028@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-7409-6484>

To cite this article:

Petrovskaya, A. V., 2024. Peculiarities of Kant's Interpretation of the Term 'Consequence'. Kantian Journal, 43(2), pp. 50-78.

<http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2024-2-2>

© Petrovskaya A. V., 2024.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

КАНТОВСКИЕ «КАТЕГОРИИ СВОБОДЫ» КАК ФУНКЦИИ ЖЕЛАНИЯ ОБЪЕКТА

Ш. Циммерман¹

В статье рассматривается «Таблица категорий свободы» из второй главы «Критики практического разума» Канта и дается представление о роли, которую должны играть эти категории, а также об их концептуальном содержании. Ключ к их правильному пониманию лежит в осознании того, что они вытекают из так называемой таблицы суждений «Критики чистого разума» и функций мышления, которые в ней собраны посредством метафизической дедукции. Поэтому я интерпретирую категории свободы последовательно, исходя из таблицы суждений, и реконструирую их концептуальное содержание из функций мышления, лежащих в основе каждой категории. Кроме того, Кант обосновывает с помощью трансцендентальной дедукции, что категории свободы обязательно относятся ко всем объектам воли. Я утверждаю, что категории являются понятиями, конститутивными для объекта воли: роль, которую они играют, — это функции желания объекта. Наконец, я показываю, что категории свободы выходят за пределы кантовского фундамента моральной философии. Они указывают на позднюю «Метафизику нравов» тем, что Кант связывает с ними амбициозное требование построения системы. Таким образом, идея состоит в том, что таблица категорий организует систему моральной философии.

Ключевые слова: Кант, категории свободы, «Критика практического разума», моральная философия, трансцендентальная дедукция, суждение, желание объекта

1. Введение

Когда Кант представляет таблицу категорий свободы (AA 05, S. 66; Кант, 1997, с. 449) во второй главе «Критики практического разума»,

¹ Галле-Виттенбергский университет имени Мартина Лютера, Германия, 06099, Галле-на-Заале.
Поступила в редакцию: 15.11.2022 г.
doi: 10.5922/0207-6918-2024-2-3

KANT'S "CATEGORIES OF FREEDOM" AS THE FUNCTIONS OF WILLING AN OBJECT

S. Zimmermann¹

This paper deals with the "Table of the Categories of Freedom" in the second main chapter of Kant's Critique of Practical Reason. It provides an account of the role these categories are supposed to play and also of their conceptual content. The key to a proper understanding lies in the realisation that they are derived from the so-called table of judgements in the Critique of Pure Reason and the functions of thinking, which it compiles by means of a metaphysical deduction. I therefore interpret the categories of freedom consistently from the table of judgements and reconstruct their conceptual content from the functions of thinking underlying each category. Furthermore, Kant justifies by means of a transcendental deduction the fact that the categories of freedom necessarily relate to all objects of the will. I argue that the categories are concepts constitutive for the object of the will: the role they play is that of the functions of willing an object. Finally, I show that the categories of freedom reach beyond Kant's foundation of moral philosophy. They point to the later Metaphysics of Morals in that Kant associates an ambitious system-building claim with them. The idea is therefore that the table of the categories organises the system of moral philosophy.

Keywords: Kant, categories of freedom, Critique of Practical Reason, moral philosophy, practical judgement, willing an object

1. Introduction

When Kant presents the "Table of the Categories of Freedom" (KpV, AA 05, p. 66; Kant, 1996a, p. 193) in the second main chapter of his

¹ Martin Luther University Halle-Wittenberg.
Seminar für Philosophie, Halle / Saale, 06099, Germany.
Received: 15.11.2022.
doi: 10.5922/0207-6918-2024-2-3

он заверяет читателя, что ему не нужно «ничего прибавлять для пояснения этой таблицы, так как она сама по себе достаточно понятна» (AA 05, S. 67; Кант, 1997, с. 451). Действительно, он посвящает объяснению этих категорий *только* четыре абзаца. По сравнению с его обстоятельным описанием категорий природы в «Критике чистого разума» (AA 05, S. 65; Кант, 1997, с. 447) (так он теперь называет чистые понятия рассудка), такое объяснение кажется довольно скудным. Это создает впечатление, что Кант не придает большой ценности этим категориям, которое усугубляется тем, что категории свободы больше не упоминаются где-либо в основном тексте второй «Критики»².

Однако это впечатление ошибочно. В настоящей статье охарактеризованы категории практического разума, раскрывается их концептуальное содержание и та роль, которую они призваны играть. Ключ к правильному пониманию заключается в осознании того, что, так же как и в случае категорий теоретического разума, Кант опирается на так называемую *таблицу суждений* из первой «Критики» и на функции мышления, которые в ней представлены. Эта таблица со времен первой «Критики» дает Канту опору для ответа на вопрос о правильном использовании нашей интеллектуальной способности не только в теоретическом смысле, но и в практическом.

Хотя комментаторы иногда (если вообще когда-нибудь) ссылаются на таблицу суждений, рассматривая категории свободы, полного описания того, как именно нужно их последовательно интерпретировать на основе этой таблицы, до сих пор не было. Я сделаю это в настоящей работе, реконструируя каждую категорию исходя из лежащей в ее основе функции мышления, и докажу, что они являются категориями в полном смысле слова, то есть понятиями, конституирующими объекты воли. Они

² Только в сноске к Предисловию второй «Критики» Кант бегло обращается к модальным категориям свободы (см.: AA 05, S. 11 Anm.; Кант, 1997, с. 303, примеч.).

Critique of Practical Reason, he assures the reader that he has to “add nothing further here to elucidate the present table” since it is “intelligible enough in itself” (*KpV*, AA 05, p. 67; Kant, 1996a, p. 194). In fact, he devotes *only* four paragraphs to explaining these categories. Compared to his thorough discussion of the “categories of nature” (*KpV*, AA 05, p. 65; Kant, 1996a, p. 193) in the *Critique of Pure Reason* (as he now calls the pure concepts of the understanding), this seems rather sparse. It gives the impression that Kant does not place much value on the categories – which is compounded by the fact that they are not mentioned again anywhere else in the main text of the second *Critique*.²

This impression, however, is wrong. This paper provides an account of the categories of practical reason, of the role they are supposed to play, as well as their conceptual content. The key to a proper understanding lies in the realisation that, like the categories of theoretical reason, Kant derives them from the so-called *table of judgements* in the first *Critique* and the functions of thinking which it compiles. This table forms the cornerstone of Kant’s preoccupation with the respective use of our intellect since the first *Critique*, not only with its theoretical use but also with its practical one.

While commentators occasionally (if ever) refer to the table of judgements when dealing with the categories of freedom, a full account of how they have to be interpreted consistently from that table has not yet been given. I will do so in this paper by reconstructing each category from the underlying function of thinking, and I will argue that they are categories in the full-blown sense, concepts constitutive for the will’s objects. The role they play is that of the *func-*

² Only in a footnote in the “Preface” of the second *Critique* does Kant briefly touch upon the modal categories of freedom (*cf.* *KpV*, AA 05, p. 11n; Kant, 1996a, p. 145n).

играют роль *функций желания объекта*, а не восприятия объекта (как в случае с категориями природы).

Я начинаю с описания некоторых сходств между обоими типами категорий, а также с разбора кантовской концепции интеллекта, на которую они в равной степени опираются (раздел 2). Затем я демонстрирую, что практические категории также происходят из *метафизической дедукции* (3); в этой дедукции появляется «многообразное [содержание] желаний» (AA 05, S. 65; Кант, 1997, с. 446) (4). Затем я показываю, что результатом *трансцендентальной дедукции* является то, что практические категории априори соотносятся с объектами воли (5). И наконец, я разрабатываю концептуальное содержание каждой категории, исходя из лежащей в ее основе функции мышления (6), рассматриваю их связь с «Метафизикой нравов» (7) и завершаю кратким заключением (8).

2. Сходство между категориями свободы и природы

Между «Аналитиками» из первой и второй «Критик» наблюдается поразительное сходство, или, как говорит Кант, «аналогия» (AA 05, S. 91; Кант, 1997, с. 525). В обоих случаях соответствующие категории рассматриваются посредством *аналитики понятий* (AA 05, S. 16, 90; Кант, 1997, с. 317, 521). Данная аналитика дополняется аналитикой принципов и учением о чувственности (эстетикой), расположенными, однако, в противоположном порядке. В этом состоит одно из «различий» (AA 05, S. 91; Кант, 1997, с. 523) между «Аналитиками» первой и второй «Критик». Причина данного различия заключается в том, что в них описываются различные применения разума — теоретическое и практическое (AA 05, S. 16, 89–90; Кант, 1997, с. 317)³.

³ Кант часто говорит об использовании интеллекта (см.: В XXV, В 4–5, А 52 / В 76, А 63 / В 88, А 66 / В 90, А 67 / В 92, А 298 / В 355; Кант, 2006, с. 27, 139, 151–153, 155, 157, 461; AA 05, S. 15, 90; Кант, 1997, с. 313, 521).

tions not of experiencing an object (as is the case with the categories of nature) but of willing an object.

I begin with some similarities between both types of categories, as well as Kant's conception of our intellect that they equally rest on (2). I then argue that the practical categories also originate from a *metaphysical deduction* (3); in this deduction, the "manifold of desires" (*KpV*, AA 05, p. 65; Kant, 1996a, p. 192) comes into play (4). Afterwards, I point out that the result of the *transcendental deduction* is that the practical categories relate *a priori* to objects of the will (5). Finally, I develop the conceptual content of each category from the underlying function of thinking (6), consider their relation to the *Metaphysics of Morals* (7), and end with a brief conclusion (8).

2. Similarities Between the Categories of Freedom and the Categories of Nature

There are striking similarities between the "Analytic" of the first and the second *Critique* or, as Kant says, an "analogy" (*KpV*, AA 05, p. 91; Kant, 1996a, p. 213). In both cases, the respective categories are examined by way of an *analytic of concepts* (cf. *KpV*, AA 05, pp. 16, 90; Kant, 1996a, pp. 149, 212). This analytic is framed by an analytic of principles and a doctrine of sensibility (aesthetic), but in *opposite* order. This is one of the "differences" (*KpV*, AA 05, p. 91; Kant, 1996a, p. 213) between the "Analytic" of the first and the second *Critique*. The reason for this lies in the different *uses* of reason being examined, reason's theoretical use and its practical one (cf. *KpV*, AA 05, pp. 16, 89–90; Kant, 1996a, pp. 149, 212).³

³ Kant often speaks of a use of the intellect (see *KrV*, В XXV, В 4–5, А 52 / В 76, А 63 / В 88, А 66 / В 90, А 67 / В 92, А 298 / В 355; Kant, 1998, pp. 114, 138, 194, 200, 202, 204, 387; *KpV*, AA 05, pp. 15, 90; Kant, 1996a, pp. 148, 212).

Кант также подчеркивает поразительное сходство между категориями свободы и природы. Во-первых, он называет те и другие одним и тем же термином, а именно категориями. Но если первые являются «практическими... понятиями», то вторые — «теоретическими» (AA 05, S. 66; Кант, 1997, с. 445). Во-вторых, те и другие понятия являются фундаментальными. Категории свободы — это «первоначальные понятия [Elementarbegriffe]» (AA 05, S. 65; Кант, 1997, с. 447) практического разума, а категории природы — «основные [родовые] понятия [Stamm-begriffe]» (A 81 / B 107; Кант, 2006, с. 175) теоретического разума.

В-третьих, Кант объясняет оба типа категорий в понятиях синтеза, многообразия и единства. Задача теоретических категорий — «многообразное содержание (чувственного) созерцания a priori подводить под сознание» (AA 05, S. 65; Кант, 1997, с. 445). Напротив, задача практических категорий — «многообразное [содержание] желаний a priori подчинить единству сознания практического разума, повелевающего в моральном законе, или единству сознания чистой воли» (Ibid.; Там же). Здесь Кант имеет дело с явно параллельными формулировками. В обоих случаях категории совершают синтез многообразия в единство.

В-четвертых, таблицы имеют одинаковую структуру. Они содержат одинаковое количество категорий и делятся на четыре группы, каждую из которых Кант обозначает «суждениями» (A 70 / B 95; Кант, 2006, с. 159; AA 05, S. 11 Anm.; Кант, 1997, с. 303, примеч.) — количества, качества, отношения и модальности. Кроме того, каждая группа содержит три категории соответствующего использования разума — Кант называет их «моментами» (A 71 / B 96; Кант, 2006, с. 161) и три пары их противоположностей в четвертой группе. Наконец, в таблицах содержится одна и та же фигура — квадрат, стоящий на одном из своих углов.

Причину всех этих сходств (как между «Аналитиками» первой и второй «Критик», так и

Kant also emphasises striking similarities between the categories of freedom and that of nature. First, he discusses both under the *same* name, namely as categories. But while the former are “practical [...] concepts”, the latter are “theoretical concepts” (*KpV*, AA 05, p. 66; Kant, 1996a, p. 193). Second, both are *fundamental* concepts. The categories of freedom are the “elementary concepts [*Elementar-begriffe*]” (*KpV*, AA 05, p. 65; Kant, 1996a, p. 193) of practical reason, and the categories of nature are the “ancestral concepts [*Stamm-begriffe*]” (*KrV*, A 81 / B 107; Kant, 1998, p. 213) of theoretical reason.

Third, Kant explains both types of categories in terms of *synthesis*, *manifold* and *unity*. The task of the theoretical categories is “to *a priori* bring the manifold of (sensible) *intuition* under one consciousness” (*KpV*, AA 05, p. 65; Kant, 1996a, p. 192). In contrast, the task of the practical categories is “to subject *a priori* the manifold of *desires* to the unity of consciousness of a practical reason commanding in the moral law, or of a pure will”. Kant is obviously concerned with parallel formulations here. The categories in both cases synthesise a manifold into unity.

Fourth, their tables have the same *structure*. They contain the same number of categories and are divided into four groups, each of which Kant puts under a “title” (*KrV*, A 70 / B 95; Kant, 1998, p. 206; *KpV*, AA 05, p. 11n; Kant, 1996a, p. 145n), namely quantity, quality, relation and modality. Furthermore, each group contains three categories — Kant calls them “moments” (*KrV*, A 71 / B 96; Kant, 1998, p. 206) of reason’s respective use — and three pairs of opposites in the fourth group, respectively. Finally, the tables show the same figure of a square standing on one of its corners.

The reason for all these similarities (both those between the “Analytic” of the first and the second *Critique* as well as those between the categories of freedom and the categories of nature) can be gathered from several passages

между категориями свободы и природы) можно найти в нескольких фрагментах из второй «Критики». Согласно им, интеллект — один и тот же, просто он используется по-разному (см.: AA 04, S. 391; Кант, 1994д, с. 159; AA 05, S. 7, 16, 55, 89; Кант, 1997, с. 293, 317, 517). Трансцендентальная философия и моральная философия опираются на общую концепцию разумности. В первой «Критике» рассматривается теоретическое применение разума, а во второй — его практическое применение.

Сходство между практическими и теоретическими категориями указывает на их единое происхождение. По-видимому, в основе и тех, и других лежит нечто, передающее им свою структуру, и это что-то должно быть связано с концепцией разума как *такового* у Канта: между теоретическим и практическим использованием разума существует «аналогия», потому что это один и тот же разум, который используется либо теоретически, либо практически⁴.

Это приводит к вопросу о том, что именно характеризует разум как таковой. Ответ на него можно найти в первой «Критике». В разделе, который Кант апострофически называет «*метафизической дедукцией*» (B 159; Кант, 2006, с. 235) чистых понятий рассудка, он развивает свою концепцию разума. При этом он вскрывает исток, на который опираются не только теоретические, но и практические категории, а именно так называемую *таблицу суждений* (сам Кант не обращается к ней как к таковой). Метафизическая дедукция может быть сведена к трем основным этапам.

В самом начале Кант утверждает, что *суждение* является центральной функцией нашего рассудка: «Все действия рассудка мы можем свести к суждениям, следовательно, *рассудок* можно во-

in the second *Critique*. According to these passages, the intellect is *one and the same* and is merely employed differently (cf. *GMS*, AA 04, p. 391; Kant, 1996b, p. 47; *KpV*, AA 05, pp. 7, 16, 55, 89; Kant, 1996a, p. 142, 149, 211). Transcendental philosophy and moral philosophy are grounded in a common conception of reason. The first *Critique* examines the theoretical employment of reason and the second *Critique* its practical employment.

The similarities between the practical and the theoretical categories indicate that their tables have the same origin. There seems to be something underlying both that passes on its structure to them, and this must have something to do with Kant's conception of reason *as such*: there is an "analogy" between the theoretical and the practical use of the intellect, because it is one and the same intellect that is used either theoretically or practically.⁴

This leads to the question of what characterises reason as such. The answer to this can be found in the first *Critique*. In the section Kant apostrophises as the "*metaphysical deduction*" (*KrV*, B 159; Kant, 1998, p. 261) of the pure concepts of the understanding, he develops his conception of reason. There, he uncovers the origin that not only the theoretical categories but also the practical categories equally rest on, namely the so-called *table of judgements* (Kant himself does not address this table as such). The metaphysical deduction can be reduced to three essential steps.

At the beginning Kant argues that *judging* is the central function of our intellect: "We can [...] trace all actions of the understanding back to judgments, so that the *understanding* in gen-

⁴ Говоря о разуме вообще, я имею в виду весь интеллект субъекта в противовес его чувственности. Сам Кант иногда называет высшую способность познания рассудком (A 15 / B 29, A 51 / B 75, A 52 / B 76, A 69 / B 94; Кант, 2006, с. 83, 139, 159; AA 07, S. 196–197; Кант, 1994а, с. 259; AA 20, S. 223; Кант, 2001б, с. 875), а иногда — разумом (A 835 / B 863; Кант, 2006, с. 1013).

⁴ Speaking of reason as such, I mean the *entire* intellect of the subject in contrast to its sensibility. Kant himself sometimes refers to the higher faculty of cognition as understanding (cf. *KrV*, A 15 / B 29, A 51 / B 75, A 52 / B 76, A 69 / B 94; Kant, 1998, pp. 135, 193, 194, 205; *Anth*, AA 07, pp. 196–197; Kant, 2007, p. 304; *EEKU*, AA 20, p. 223; Kant, 2000, p. 26) and sometimes as reason (cf. *KrV*, A 835 / B 863; Kant, 1998, p. 693).

обще представить как *способность [составлять] суждения*» (A 69 / B 94; Кант, 2006, с. 159)⁵. Суждение заключается в синтезе представлений. Каждый акт нашего рассудка либо сам является актом суждения, либо *участвует* в таком акте. Отсюда следует, что понятия могут использоваться (в том числе определяться и объясняться) исключительно в суждениях (A 68 / B 93; Кант, 2006, с. 158) и что умозаключение также является суждением, однако состоящим не из понятий, а из других суждений (A 307 / B 364, A 330 / B 386; Кант, 2006, с. 471, 497).

Вторым шагом Кант обосновывает, что действия интеллекта совершаются закономерно. То, что он называет «функциями рассудка» (A 69 / B 94; Кант, 2006, с. 159), и есть законы мышления⁶. Таблица суждений раскрывает четыре основные функции — количества, качества, отношения и модальности, а также три элементарные функции для каждой из этих групп. Наш рассудок судит, используя по меньшей мере один «момент» с названием «количество» и как минимум по одному с названием «качество», «отношение» и «модальность».

Наконец, Кант утверждает, что по этим законам в суждениях синтезируются не только представления, но и соответствующие им *объекты* в пространстве и времени: «Этим путем возникает ровно столько чистых понятий рассудка, *a priori* относящихся к предметам созерцания вообще, сколько в предыдущей таблице было перечислено логических функций во всех возможных суждениях» (A 79 / B 105; Кант, 2006, с. 173). Категории природы — это «функции мышления (суждения), уже примененные к нашему чувственному созерцанию» (B 429; Кант, 2006, с. 545).

⁵ См.: (A 80–81 / B 106; Кант, 2006, с. 173; AA 04, S. 300, 304, 323; Кант, 1994ж, с. 57, 62, 83; AA 20, S. 271; Кант, 1994е, с. 392; AA 24, S. 662–663; AA 29, S. 802).

⁶ См. письмо Канта к Герцу от 21 февраля 1772 г., которое принято считать зарождением первой «Критики». В нем Кант говорит о «фундаментальных законах рассудка» (AA 10, S. 132).

eral can be represented as a *faculty for judging*» (KrV, A 69 / B 94; Kant, 1998, p. 205).⁵ Judging consists in synthesising representations. Every act of our intellect is either *itself* an act of judgement or it *participates* in such an act. This implies that concepts can be used (including defined and explained) solely in judgements (*cf.* KrV, A 68 / B 93; Kant, 1998, p. 205) and that an inference is also a judgement, albeit one that is composed of other judgements instead of concepts (*cf.* KrV, A 307 / B 364, A 330 / B 386; Kant, 1998, pp. 392, 403).

By the second step Kant argues that the actions of the intellect take place in a lawful way. What he apostrophises as the “functions of the understanding” (KrV, A 69 / B 94; Kant, 1998, p. 206) are the *laws* of thinking.⁶ The table of judgements exposes four basic functions: quantity, quality, relation and modality, and it exposes three elementary functions per group. Our intellect judges by employing at least one “moment” under the “title” of quantity, and at least one each under that of quality, relation and modality as well.

Finally, Kant argues that according to these laws, not only representations are synthesised in judgement but also the corresponding *objects* in space and time: “there arise exactly as many pure concepts of the understanding, which apply to objects of intuition in general *a priori*, as there were logical functions of all possible judgements in the previous table” (KrV, A 79 / B 105; Kant, 1998, p. 212). The categories of nature are the “functions of thinking (of judging) applied to our sensible intuition” (KrV, B 429; Kant, 1998, p. 456).

⁵ Cf. KrV, A 80-81 / B 106; Kant, 1998, p. 213; Prol, AA 04, pp. 300, 304, 323; Kant, 2002c, pp. 94, 98, 115; FM, AA 20, p. 271; Kant, 2002b, p. 363; V-Lo/Busolt, AA 24, pp. 662-663; V-Met/Mron, AA 29, p. 802; Kant, 1997d, p. 155.

⁶ See Kant’s letter to Herz from 21 February 1772, which is considered to be the birth of the first *Critique*. There, Kant speaks of the “fundamental laws of the understanding” (Br, AA 10, p. 132; Kant, 1999, p. 134).

3. Метафизическая дедукция категорий свободы

Во второй «Критике» категории свободы развиваются аналогичным образом. Наш разум должен быть «способностью суждения» и в своей практической деятельности, поскольку если каждый случай мышления есть случай суждения, то это должно быть верно и в отношении практической деятельности разума. В результате одно из центральных понятий моральной философии Канта, которое он, однако, нигде не разъясняет, следует понимать именно в этих терминах. Речь идет о понятии *направленности* воли (*Willensbestimmung*)⁷.

Кант неоднократно *приравнивает* волю к практическому разуму⁸. Его понятие воли включает в себя интеллект и способность желания (*Begehrungsvermögen*) как свойства, подобно тому как его понятие опыта содержит разум и способность разумного созерцания как свойства. Как таковая, воля имеет рациональный аспект. Практическое применение разума сводится к тому, что разум направляет способность желания к действию, а рациональный аспект желания действия состоит в том, что это определение принимает форму суждения⁹.

Желание объекта подразумевает не меньший акт суждения, чем опыт объекта. И первое является таким же «пропозициональным отношением» (Willaschek, 1992, S. 54), как и второе. Разум определяет способность желания, представляя объект желания; он не может сделать это иначе, чем посредством суждения, то есть синтеза представлений. Именно в теоре-

⁷ Хорн дает объяснение центральных аспектов этой концепции, не прибегая, однако, к концепции Канта об интеллекте как «способности суждения» (см.: Horn, 2002).

⁸ См.: (AA 04, S. 412, 441, 448; Кант, 1994д, с. 185, 207, 227; AA 05, S. 55, 89; Кант, 1997, с. 415, 517; AA 06, S. 213, 226; Кант, 2014, с. 41, 77).

⁹ См.: (AA 04, S. 427; Кант, 1994д, с. 163; AA 05, S. 32, 55, 89; Кант, 1997, с. 353, 415, 518; AA 05, S. 172, 209; Кант, 2001а, с. 82, 165).

3. The Metaphysical Deduction of the Categories of Freedom

The second *Critique* develops the categories of freedom in an analogous way. Our intellect must be a “*faculty for judging*” in its practical employment too, for if every case of thinking is a case of judging, then this must also be true of reason’s practical employment. As a result, one of the central concepts of Kant’s moral philosophy – which he nevertheless nowhere clarifies – must be understood in these terms. I am referring to the concept of a *determination of the will* (*Willensbestimmung*).⁷

Kant repeatedly *equates* the will with practical reason.⁸ His notion of the will contains the intellect and the faculty of desire (*Begehrungsvermögen*) as features, just as his notion of experience contains the intellect and the faculty of sensible intuition as features. As such, the will has a rational moment. The practical use of reason consists in its determining the faculty of desire to an action, and the rational moment of willing an action is that this determination has the shape of a judgement.⁹

Willing an object implies no less an act of judgement than experiencing an object. The former is as much a “propositional attitude”¹⁰ (Willaschek, 1992, p. 54) as the latter. Reason determines the faculty of desire by representing an object of desire; it cannot do so in any other way than by judging, i.e. by synthesising representations. It is in theoretical judgements that we experience something, just as it is in *practi-*

⁷ Horn (2002) provides an explanation of the central aspects of this concept, although without recourse to Kant’s conception of the intellect as the “*faculty for judging*”.

⁸ Cf. *GMS*, AA 04, pp. 412, 441, 448; Kant, 1996b, pp. 66, 90, 96; *KpV*, AA 05, pp. 55, 89; Kant, 1996a, pp. 184, 212; *MS RL*, AA 06, pp. 213, 226; Kant, 1996d, p. 375, 380.

⁹ Cf. *GMS*, AA 04, p. 427; Kant, 1996b, p. 78; *KpV*, AA 05, pp. 32, 55, 89; Kant, 1996a, pp. 165, 184, 212; *KU*, AA 05, pp. 172, 209; Kant, 2000, pp. 59-60, 94; *MS RL*, AA 06, p. 213; Kant, 1996d, p. 375.

¹⁰ Cf. “*propositionale Einstellung*”.

тических суждениях мы что-то воспринимаем, точно так же как в *практических суждениях* мы что-то желаем. Определение способности желания к действию составляет содержание практического суждения¹⁰.

Разум, когда он действует практически и определяет способность желания к действию, подчинен *тем же* функциям, что и при его теоретическом применении. Ведь если наш рассудок «совершенно исчерпывается этими функциями и его способность вполне измеряется ими» (В 105; Кант, 2006, с. 173), то они должны действовать и при практическом применении нашего интеллекта. Поскольку Кант отождествляет волю с практическим разумом и поскольку разум действует в соответствии со своими функциями как законами мышления, практическое применение разума также должно быть подчинено этим законам. Определение воли, содержащееся в практических суждениях, возникает в результате практического использования законов мышления.

Поскольку практические суждения возникают в результате выполнения тех же функций, что и теоретические, они должны обладать *теми же* формальными свойствами, что и последние, а именно количеством и качеством, отношением и модальностью. Тем не менее Г. Патциг утверждает, что «логические термины могут найти применение в области кантовской этики только в ограниченном, аналогичном смысле» (Patzig, 1965, S. 237). Напротив, таблица суждений является точкой соприкосновения кантовских теорий теоретических и практических суждений.

Категории свободы также должны выводиться путем *метафизической дедукции*. Разу-

¹⁰ В §1 второй «Критики» Кант пишет: «Практические основоположения суть положения, содержащие в себе всеобщее определение воли» (AA 05, S. 19; Кант, 1997, с. 321). Кант не говорит о практических предложениях вообще, а только о принципах. Однако степень абстракции не меняет того, чем является практическая пропозиция, а именно — практической пропозицией. Практические предложения как таковые содержат определение воли.

cal judgements that we will something. A determination of the faculty of desire to an action is the content of a practical judgement.¹¹

Reason, when exercised practically and determining the faculty of desire to an action, is subject to the *same* functions as in its theoretical exercise. For, insofar as our intellect is “completely exhausted and its capacity entirely measured by these functions” (*KrV*, B 105; Kant, 1998, p. 212), which are compiled in the table of judgements, they must also be at work in the practical exercise of our intellect. Since Kant equates the will with practical reason, and since reason is exercised in accordance with its functions as the laws of thinking, reason’s practical use must be subject to these laws too. A determination of the will, contained in practical judgements, arises from the practical use of the laws of thinking.

Since practical judgements arise from the exercise of the same functions as theoretical judgements, they must have the *same* formal properties as the latter, namely a quantity and quality, a relation and modality. Günther Patzig (1965, p. 237), however, maintains that “logical terms can find application in the field of Kantian ethics only in a restricted, analogical sense”.¹² Quite on the contrary, the table of judgements forms the point of convergence of Kant’s theory of theoretical and practical judgements.

The categories of freedom must also be derived by a *metaphysical deduction*. To be sure, Kant does not discuss or even mention such a

¹¹ As Kant writes in §1 of the second *Critique*: “Practical principles are propositions that contain a general determination of the will” (*KpV*, AA 05, p. 19; Kant, 1996a, p. 153). Kant does not speak of practical propositions in general but specifically of principles. However, the degree of abstraction does not change what a practical proposition is, namely a practical proposition. Practical propositions *as such* contain a determination of will.

¹² “[...] *logische Termini im Bereich der Kantischen Ethik nur in einem eingeschränkten, analogischen Sinn Anwendung finden können [...]*”

меется, Кант не обсуждает такую дедукцию и вообще не упоминает о ней. Но отнюдь не само собой разумеется, что практический разум также обладает такими фундаментальными понятиями. Необходимо представить доказательство этого факта, и это доказательство должно также установить (как Кант утверждает в первой «Критике» в отношении чистых понятий рассудка), что «априорное происхождение категорий вообще было доказано их полным совпадением со всеобщими логическими функциями мышления» (B 159; Кант, 2006, с. 235).

Кант намекает на такую дедукцию, поскольку утверждает, что категории свободы имеют «очевидное преимущество» (AA 05, S. 66; Кант, 1997, с. 445–447) перед категориями природы. Они «не должны дожидаться созерцаний, чтобы приобрести значение», но имеют смысл, поскольку «сами порождают действительность того, к чему они относятся (намерения воли [Willensgesinnung])» (AA 05, S. 66; Кант, 1997, с. 447). Метафизическая дедукция происходит в рамках аналитики понятий и, значит, до эстетики. В то время как чувственное созерцание необходимо для выведения теоретических категорий, практические категории могут быть выведены и без ощущений; функции мышления не должны быть объективно обоснованы моральным чувством. Напротив, они объективно действительны в том смысле, что они определяют волю.

Таким образом, невозможно переоценить значимость таблицы суждений для таблицы категорий свободы. Она содержит то же число функций мышления, те же четыре группы (количества, качества, отношения и модальности), по три функции на группу, в четвертой группе три пары противоположностей и ту же фигуру квадрата, стоящего на одном из своих углов. Таблица практических категорий должна быть *реконструирована из таблицы суждений*.

Категории свободы — это, если воспользоваться словами Канта, «функции мышления (суждения), приложенные к желанию». Они

deduction. But it is by no means self-evident that practical reason also possesses such fundamental concepts. A proof to this effect is to be provided, and the said proof has to also establish (as Kant says in the first *Critique* in regard to the pure concepts of the understanding) the “origin of the *a priori* categories in general [...] through their complete coincidence with the universal logical functions of thinking” (*KrV*, B 159; Kant, 1998, p. 261).

Kant hints at such a deduction insofar as the categories of freedom are said to have an “obvious advantage” (*KpV*, AA 05, p. 66; Kant, 1996a, p. 193) over the categories of nature. They “do not have to wait for intuitions in order to receive meaning” but have meaning since “they themselves produce the reality of that to which they refer (the disposition of the will [*Willensgesinnung*])” (*ibid.*). The metaphysical deduction takes place in the analytic of concepts and hence before the aesthetic. While sensible intuition is indispensable for the derivation of the theoretical categories, the practical categories can be derived *without* feelings; the functions of thinking do not owe their objective validity to the moral feeling. Rather, they are objectively valid in that they determine the will.

Hence, the importance of the table of judgments for the table of the categories of freedom cannot be overestimated. It contains the same number of functions of thinking, the same division into four groups (quantity, quality, relation and modality), three functions per group, three pairs of opposites in the fourth group, and the same figure of a square standing on one of its corners. The table of the practical categories must be *reconstructed from the table of judgments*.

The categories of freedom are — to take up and modify Kant’s own words — the “functions of thinking (of judging) applied to our desire”. They too are functions of the unity of a synthesis of a manifold, but the manifold here

также являются функциями единства синтеза многообразия, но многообразие в данном случае *иное*. Это «многообразное содержание желаний [Mannigfaltige der Begehrungen]» (вместо разумного созерцания), которые эти функции синтезируют в единство объекта воли (вместо объекта опыта).

4. «Многообразное содержание желаний»

«Многообразное содержание желаний» появляется в метафизической дедукции категорий свободы. К сожалению, Кант не объясняет, что это такое, и не упоминает о нем ни в одном из разделов второй «Критики», не говоря об остальных работах. Здесь необходимо учитывать два момента. Во-первых, «многообразное содержание желаний» не следует понимать как производное количества, как это делают А. Пипер и Р. М. Бадер (см.: Pieper, 2002, S. 120; Bader, 2009, p. 801; см. также: Beck, 1960, p. 139; Haas, 1997, S. 52; Graband, 2005, S. 49). Подобная производная форма выделяет ряд элементов из общего количества (например, «младший из коллег»). Если «многообразное содержание желаний» понимается таким образом, то в данном случае имеется в виду множество желаний, то есть совокупность различных желаний.

Вместо этого мы должны считать «многообразное содержание желаний» производным от обладания. Данная форма указывает на отношение принадлежности (например, «книга коллеги»), и именно таким образом уже в первой «Критике» понимается «многообразие (чувственного) созерцания». Имеется в виду не множественность созерцаний, то есть различные созерцания, а то многообразие, которое принадлежит каждому созерцанию: множество аспектов созерцаемого (A 78–79 / B 104, B 132, 137, 145, 153, 164, A 305 / B 362; Кант, 2006, с. 171, 203, 211, 219, 229, 227, 391). Хотя Кант говорит о «многообразном содержании желаний» во множественном числе, это многообразие отно-

is a *different* one. It is the “manifold of *desires* [Mannigfaltige der Begehrungen]” (instead of sensible intuition) which the functions synthesise into the unity of an object of the will (instead of experience).

4. The “Manifold of *Desires*”

The “manifold of *desires*” comes into play in the metaphysical deduction of the categories of freedom. Unfortunately, Kant does not explain what it is, nor does he speak of it in any other passage of the second *Critique*, let alone in his other writings. Two things have to be taken into account here. First, the “manifold of *desires*” must *not* be read as a genitive of quantity, as Annemarie Pieper (2002, p. 120) and Ralf M. Bader (2009, p. 801) do.¹³ This genitive singles out a number of elements from a total quantity (e.g. ‘the younger of the colleagues’). If the “manifold of *desires*” was understood in this way, a multiplicity of desires would be meant, i.e. manifold desires.

Instead, we have to read the “manifold of *desires*” as a *genitive of possession*. This genitive indicates a relation of belonging (e.g. ‘the book of a colleague’), and this is how the first *Critique* already understands the “manifold of (sensible) intuition”. What is meant is not a multiplicity of intuitions, i.e. manifold intuitions, but the manifold which belongs to *each* intuition: the many aspects of the intuited (cf. *KrV*, A 78-79 / B 104, B 132, 137, 145, 153, 164, A 305 / B 362; Kant, 1998, pp. 211, 246-247, 249, 253, 257, 263, 391). Although Kant speaks of the “manifold of *desires*” in the plural, the manifold in question belongs to *each* desire: it consists in the many aspects of the desired (see also Benton, 1980, pp. 193-195).

¹³ See also Beck (1960, p. 139), Haas (1997, p. 52) and Graband (2005, p. 49).

сится к *каждому* желанию: оно состоит из множества аспектов желаемого (см. также: Benton, 1980, p. 193–195).

Далее, Кант различает теоретический и практический разум в соответствии с их *объектной референцией* (B IX–X; Кант, 2006, с. 11). Если «многообразие (чувственного) *созерцания*» *дается* интеллекту как материал, на котором он применяет свои функции¹¹, то «многообразное содержание *желаний*» происходит из самого интеллекта. Такой материал *создается* разумом, применяющим свои функции. Например, если я хочу пить и намереваюсь выпить стакан воды, стакан воды не должен быть предоставлен мне посредством чувственного созерцания. Я пришел к этому намерению благодаря спонтанности моего интеллекта и предшествующему опыту о том, что утоляет жажду.

Однако метафизическая дедукция категорий свободы опирается на дополнительное требование. Как и в случае с категориями природы, они возможны как априорные понятия только при наличии априорного множества, к которому могут быть применены функции интеллекта. Эти функции должны применяться к априорному «многообразию содержания *желаний*». И хотя Кант не формулирует это дополнительное требование, оно подразумевается в его концепции, в соответствии с которой категории теоретического разума имеют приоритет над категориями практического разума: последние предполагают первые.

Предваряя таблицу категорий, Кант пишет: «А так как поступки... как события в чувственно воспринимаемом мире принадлежат к явлениям, — то определения практического разума могут иметь место только по отношению к последним, следовательно... *сообразно с категориями рассудка...* (курсив мой. — Ш.Ц.)» (AA 05, S. 65; Кант, 1997, с. 445). И вновь после таблицы категорий: «Легко заметить, что в этой табли-

¹¹ Способность чувственного созерцания — это «способность (восприимчивость) получать представления тем способом, каким предметы воздействуют на нас» (A 19 / B 33; Кант, 2006, с. 89).

Second, Kant distinguishes between theoretical and practical reason according to their *object reference* (cf. *KrV*, B IX–X; Kant, 1998, p. 107). While the “manifold of (sensible) *intuition*” is *given* to the intellect as the material on which it employs its functions,¹⁴ the “manifold of *desires*” has its origin in the intellect itself. This material is *made* by reason employing its functions. For instance, if I am thirsty and intend to drink a glass of water, a glass of water does not have to be given to me through sensible intuition. I happen on this idea by virtue of the spontaneity of my intellect and previous experiences of what quenches thirst.

The metaphysical deduction of the categories of freedom is, however, based on an additional requirement. As with the categories of nature, they are possible as *a priori* concepts only if there is an *a priori* manifold which the functions of the intellect can be applied to. The functions must be applied to an *a priori* “manifold of *desires*”. Although Kant does not make this additional requirement explicit, it is implicit in his view, according to which the categories of theoretical reason have *primacy* over the categories of practical reason: the latter presuppose the former.

Before the table of the categories, Kant writes: “However, since actions [...] as also events in the sensible world yet belong to appearances, the determinations of a practical reason *can take place only with reference to the latter and therefore, indeed, conformably with the categories of the understanding*” (*KpV*, AA 05, p. 65; Kant, 1996a, p. 192; italics added — S. Z.). And again following the table of the categories: “One quickly sees that in this table freedom is regarded [...] with respect to actions possible through it as appearances in the sensible world,

¹⁴ The faculty of sensible intuition is the “capacity (receptivity) to acquire representations through the way in which we are affected by objects” (*KrV*, A 19 / B 33; Kant, 1998, p. 155).

це свобода... рассматривается в отношении возможных через нее поступков как явлений в чувственно воспринимаемом мире, следовательно, соотносится с категориями их естественной возможности (курсив мой. — Ш.Ц.)» (AA 05, S. 67; Кант, 1997, с. 451).

Определение разумом способности желания подчиняется определенным требованиям. Среди них — требования, предъявляемые формальной логикой (хотя Кант их здесь не упоминает). Разум не может определить волю к действию, которая является невозможной с точки зрения формальной логики. Поскольку и в теоретическом, и в практическом отношении интеллект является одним и тем же, законы формальной логики одинаково применимы к обоим его проявлениям. Каждый объект воли должен соответствовать этим законам (например, я не могу стремиться нарисовать круглый квадрат).

Однако Кант фокусируется здесь на требованиях, предъявляемых *трансцендентальной* логикой. Разум не может определить волю к действию, невозможному согласно трансцендентальной логике. Поскольку наши «действия» — это не что иное, как «явления в чувственном мире», определение разумом способности желания подчиняется и категориям природы. Каждый объект воли должен соответствовать «категориям рассудка», то есть требованиям его «естественной возможности» (см.: Beck, 1960, p. 137; Bobzien, 1988, S. 194–195; Graband, 2005, S. 51)¹².

То, что нельзя считать содержанием опыта, не может быть и содержанием воли. Только объект возможного опыта возможен как объект воли. То, что подчиняется практическим категориям, *eo ipso* подчиняется и теоретическим: как «события чувственного мира», наши «действия» относятся «к явлениям». Но если объекты воли — это явления, то необходимое априорное множество есть не что иное, как множество

¹² Как отмечает Контос, это относится не только к действиям, которые я совершаю, но и к тем, которые я еще намереваюсь совершить (см.: Kontos, 2011, p. 229–230).

and that consequently *it is referred to the categories of their natural possibility*” (KpV, AA 05, p. 67; Kant, 1996a, p. 194; italics added — S. Z.).

Reason’s determination of the faculty of desire is subject to certain requirements. Among them are those set by *formal* logic (though Kant does not mention them here). Reason cannot determine the will to an action that is impossible according to formal logic. Since it is one and the same intellect that is theoretically and practically exercised, the laws of formal logic equally apply to both its exercises. Every object of the will must be in accordance with these laws (e.g., I cannot intend to draw a round square).

Kant’s focus here, however, is on the requirements set by *transcendental* logic. Reason cannot determine the will to an action that is impossible according to transcendental logic. Since our “actions” are nothing other than “appearances in the sensible world”, reason’s determination of the faculty of desire is subject to the categories of nature. Every object of the will must be in accordance with the “categories of the understanding”, i.e. the requirements of its “natural possibility” (cf. Beck, 1960, p. 137; Bobzien, 1988, pp. 194–195; Graband, 2005, p. 51).¹⁵

What cannot be the content of experience also cannot be the content of the will. Only an object of possible experience is possible as an object of the will. What is subject to the practical categories is *eo ipso* subject to the theoretical categories as well: as “events in the sensible world”, our “actions” belong “to appearances”. But if the objects of the will are appearances, the required manifold *a priori* is none other than that of sensible intuition *insofar* as it is related to the faculty of desire. By linking the *a priori* manifold of sensible intu-

¹⁵ As Kontos points out, this applies not only to actions insofar as I perform them, but to those that I already intend also (cf. Kontos, 2011, pp. 229–230).

чувственного созерцания *в той мере*, в какой она связана со способностью желания. Связывающая априорное многообразие чувственного созерцания с единством объекта воли, категории свободы делают его и априорным многообразным содержанием желаний¹³.

5. Трансцендентальная дедукция категорий свободы

Хотя Кант не обсуждает *трансцендентальную дедукцию* категорий свободы и даже не упоминает о ней, тем не менее они требуют такой дедукции — как и все понятия, берущие свое начало в нашей субъективности¹⁴. Необходимо доказать, что, хотя категории свободы имеют субъективное происхождение, они *a priori* относятся к объектам воли. Но, в отличие от теоретических категорий, в отношении практических категорий демонстрация априорной объективности кажется возможной без затруднений.

Цель трансцендентальной дедукции категорий природы — доказать, что не может существовать никакого многообразия чувственного созерцания, которое *не* мыслилось бы в соответствии с функциями нашего интеллекта. «Трудность» (A 88 / B 121; Кант, 2006, с. 191) в доказательстве этой мысли заключается в том, что предметы могут быть даны нам «без необходимого отношения к функциям рассудка и, следовательно, рассудок *a priori* не содержит условий [их]» (A 89 / B 122; Кант, 2006, с. 191). В результате этой дедукции теоретические категории становятся субъективными законами, по которым происходит постижение объектов (B 128, 143, A 321 / B 377, A 348–349; Кант, 2006, с. 199, 217, 487; AA 04, S. 302; Кант, 1994ж, с. 58; AA 04, S. 475; Кант, 1994в, с. 256; AA 20, S. 272; Кант, 1994е, с. 393).

¹³ Согласно первой «Критике», априорное многообразие чувственного созерцания состоит из определенных пространства и времени, так называемых форм (см.: A 139 / B 178; Кант, 2006, с. 257).

¹⁴ «Нельзя с уверенностью пользоваться понятием *a priori*, не осуществляя трансцендентальной дедукции его» (A 669 / B 697; Кант, 2006, с. 855; см. также: A 85 / B 117; Кант, 2006, с. 185).

ition to the unity of an object of the will, the categories of freedom make it the *a priori* manifold of desires.¹⁶

5. The Transcendental Deduction of the Categories of Freedom

Although Kant does not discuss or even mention a *transcendental deduction* of the categories of freedom, they also require such a deduction — as is the case for all concepts that have their origin in our subjectivity.¹⁷ It has to be proven that, although the categories of freedom have a subjective origin, they relate *a priori* to objects of the will. But unlike the theoretical categories, the demonstration of the *a priori* objectivity seems to be possible without difficulty in the case of the practical categories.

The aim of the transcendental deduction of the categories of nature is to prove that there can be no manifold of sensible intuition that is *not* thought in accordance with the functions of our intellect. The “difficulty” (*KrV*, A 88 / B 121; Kant, 1998, p. 222) in proving this, however, is that objects might be given to us “without necessarily having to be related to functions of the understanding, and therefore without the understanding containing their *a priori* conditions” (*KrV*, A 89 / B 122; Kant, 1998, p. 222). The result of this deduction is that the theoretical categories are the subjective laws according to which experience of objects takes place (*cf.* *KrV*, B 128, 143, A 321 / B 377, A 348–349; Kant, 1998, pp. 226, 252, 399, 416; *Prol*, AA 04, p. 302; Kant, 2002c, p. 96; *MAN*, AA 04, p. 475; Kant, 2002a, p. 189; *FM*, AA 20, p. 272; Kant, 2002b, p. 363).

¹⁶ According to the first *Critique*, the *a priori* manifold of sensible intuition consists in the determinations of space and time, the so-called schemata (*cf.* *KrV*, A 139 / B 178; Kant, 1998, p. 272).

¹⁷ “One cannot avail oneself of a concept *a priori* with any security unless one has brought about a transcendental deduction of it” (*KrV*, A 669 / B 697; Kant, 1998, p. 605; see also *KrV*, A 85 / B 117; Kant, 1998, p. 220).

В случае с категориями свободы соответствующая цель должна заключаться в демонстрации невозможности существования многообразного содержания желаний, которое бы *не* мыслилось в соответствии с функциями нашего интеллекта¹⁵. Это можно сделать без особых усилий, поскольку категории «сами порождают реальность того, к чему они относятся (диспозиция воли)» (AA 05, S. 66; Кант, 1997, с. 447). Поскольку воля не может быть определена к объекту без этих категорий, всякое желание объекта должно *ex hypothesi* соответствовать им. Таким образом, многообразие желаний обязательно подчиняется функциям нашего интеллекта. И здесь метафизическая и трансцендентальная дедукция *совпадают*. Результат этой дедукции состоит в том, что практические категории оказываются субъективными законами, в соответствии с которыми реализуется желание объектов.

В данном контексте мы не должны упускать из виду, что Кант неоднократно осуществляет трансцендентальную дедукцию еще в первой «Критике». Например, он производит подобную дедукцию и в отношении «понятий пространства и времени» (A 89 / B 121; Кант, 2006, с. 153), обнаруживаемых в трансцендентальной эстетике. Эта дедукция, как утверждается, осуществляется также «без особых усилий». Поскольку пространство и время являются формами чувственного созерцания к объекту, то отсюда следует, что всякое чувственное созерцание к объекту должно *ex hypothesi* соответствовать этой дедукции. Таким образом, многообразие чувственного созерцания обязательно подчиняется указанным формам¹⁶.

Это объясняет, почему во второй «Критике» нет системы принципов, следующих за трансцендентальной дедукцией категорий свободы и характеризующих структуру объекта практи-

In the case of the categories of freedom, the corresponding aim must be to show that there can be no manifold of desire that is *not* thought in accordance with the functions of our intellect.¹⁸ This can be accomplished with little effort, since the categories “themselves produce the reality of that to which they refer (the disposition of the will)” (*KpV*, AA 05, p. 66; Kant, 1996a, p. 193). Since the will cannot be determined to an object without these categories, all willing of an object must *ex hypothesi* be in accordance with them. Thus, the manifold of desires is necessarily subject to the functions of our intellect. Here, the metaphysical and the transcendental deduction *coincide*. The result of this deduction is that the practical categories are the subjective laws according to which the willing of objects takes place.

In this context, we must not overlook the fact that Kant already performs a transcendental deduction more than once in the first *Critique*. For example, he also performs such a deduction with respect to the “concepts of space and time” (*KrV*, A 89 / B 121; Kant, 1998, p. 222), which can be found in the transcendental aesthetics. This deduction is said to be accomplished “with little effort” too. Since space and time are the forms of sensibly intuiting an object, it follows that all sensible intuition of an object must *ex hypothesi* be in accordance with them. Thus, the manifold of sensible intuition is necessarily subject to these forms.¹⁹

This explains why, in the second *Critique*, there is no system of principles following the transcendental deduction of the categories of freedom and characterising the structure of practical reason’s object. There cannot be such an analogy to the “System of all principles of

¹⁵ Я рассматриваю это более подробно в работе: (Zimmermann, 2011, p. 176–178).

¹⁶ Кант также говорит о трансцендентальной дедукции в отношении идей разума (A 669–670 / B 697–698; Кант, 2006, с. 823; см.: Zimmermann, 2016b, S. 70–72).

¹⁸ I deal with this in more detail in Zimmermann (2011, pp. 176–178).

¹⁹ Kant also speaks of a transcendental deduction with respect to the ideas of reason (*cf.* *KrV*, A 669–670 / B 697–698; Kant, 1998, p. 605). See Zimmermann (2016b, pp. 70–72).

ческого разума. Аналогии с «Системой всех основоположений чистого рассудка» (A 148 / B 187; Кант, 2006, с. 267) из первой «Критики» быть не может. В этой «Системе...» категории природы применяются к понятию явления, характеризуя структуру объекта теоретического разума. Л. У. Бек и С. Бобзиен сформулировали недостающую, по их мнению, систему принципов (см.: Beck, 1960, p. 145–147; Bobzien, 1988, S. 207).

Если же нечто может быть конституировано как объект воли лишь постольку, поскольку оно выступает как объект возможного опыта, то объект воли полностью определяется «основоположениями чистого рассудка». Категории свободы — это категории в полном смысле слова: понятия, конституирующие объекты воли. Но их материал — это объект теоретического разума, и он не приобретает новой структуры, будучи конституирован как объект практического разума. Если теоретические категории являются не просто «условиями *возможности опыта* вообще», но и «в то же время *условиями возможности предметов опыта*» (A 158 / B 197; Кант, 2006, с. 279), то к практическим категориям подобное не относится.

Кроме того, существует еще одно ограничение аналогии между двумя типами категорий. Прежде чем привести таблицу категорий свободы, Кант заявляет, что они «имеют отношение только к практическому разуму вообще» (AA 05, S. 66; Кант, 1997, с. 447) и «в своей последовательности идут от морально еще не определенных и чувственно обусловленных к тем, которые не обусловлены чувственностью и определяются только моральным законом» (Ibid.; Там же). И в продолжение таблицы Кант утверждает, что «категории модальности не совершают перехода — но только *проблематически* — от практических принципов вообще к принципам нравственности, которые лишь потом могут быть представлены *догматически* посредством морального закона» (AA 05, S. 67; Кант, 1997, с. 451).

pure understanding” (*KrV*, A 148 / B 187; Kant, 1998, p. 278) in the first *Critique*. In this “System”, the categories of nature are applied to the concept of an appearance characterising the structure of theoretical reason’s object. Lewis White Beck and Susanne Bobzien formulate what they believe is the missing system of principles on their own (cf. Beck, 1960, pp. 145-147; Bobzien, 1988, p. 207).

If, however, something can only be constituted as an object of the will insofar as it is constituted as an object of possible experience, then the object of the will is completely determined by the “principles of pure understanding”. The categories of freedom are categories in the full-blown sense: concepts constitutive for the will’s objects. But their material is an object of theoretical reason, and it does not acquire a new structure by being constituted as an object of practical reason. While the theoretical categories are not merely “conditions of the *possibility of experience* in general” but are “at the same time conditions of the *possibility of the objects of experience*” (*KrV*, A 158 / B 197; Kant, 1998, p. 283), something similar does not apply to the practical categories.

Moreover, there is another limit to the analogy between the two types of categories. Before providing the table of the categories of freedom, Kant states “that these categories concern only practical reason in general” (*KpV*, AA 05, p. 66; Kant, 1996a, p. 193). They “proceed in their order from those which are as yet morally undetermined and sensibly conditioned to those which, being sensibly unconditioned, are determined only by the moral law” (*ibid.*). And following the table, Kant states that “the categories of modality introduce, but only *problematically*, the transition from practical principles in general to those of morality, which can only afterwards be presented *dogmatically* through the moral law” (*KpV*, AA 05, p. 67; Kant, 1996a, p. 194).

Это существенное отличие от категорий природы. В рамках их таблицы (будь то под каждым названием или между ними) нет ни прогресса, ни перехода от одного типа категорий к другому. Следовательно, этот прогресс или переход должны быть обусловлены особенностью практического разума, а именно тем, что разум имеет *двойное* практическое применение. Разум может определять волю к действию либо в соответствии с предпосылками ощущения удовольствия или неудовольствия, либо в соответствии с моральным законом. Это двустороннее применение влияет и на категории, поскольку они, похоже, охватывают не только чистую волю, но и эмпирическую, то есть практический разум *как таковой* (см.: Michaelis, 1796, S. 197)¹⁷.

6. Концептуальное содержание категорий свободы

6.1. Категории количества

Первый квадрант таблицы суждений, из которой выводятся категории количества, озаглавлен «Количество суждений» (A 70 / B 95; Кант, 2006, с. 161). Под этим заголовком Кант перечисляет три момента: «всеобщие», «частные» и «единичные». По своему логическому количеству суждение является всеобщим, частным или единичным. В каждом соединении представлений должна быть указана сфера соединенных представлений, то есть множество «того, что подчинено понятию субъекта» (A 71 / B 96; Кант, 2006, с. 161). Как много эле-

¹⁷ Комментаторы неправильно понимают Канта, когда считают, что он рассматривает категории свободы как «*modi* одной-единственной категории, а именно категории причинности» (AA 05, S. 65; Кант, 1997, с. 445) и, следовательно, только как категории чистой воли. Ведь субъектом предложения являются «понятия добра и зла»; именно эти понятия, как считается, «предполагают... причинность чистого разума». Об этом недоразумении см. напр.: (Bendavid, 1796, S. 25; Mellin, 1800, S. 600; Beck, 1960, p. 145; Kobusch, 1990, S. 27; Fulda, 2006, S. 199).

This is a significant difference to the categories of nature. There is no progress or transition from one type of category to another within their table (be that under each title or amongst them). This progress or transition must hence be due to the peculiarity of practical reason, namely that reason has a *twofold* practical use. Reason can determine the will to an action either under the presupposition of a feeling of pleasure and displeasure, or under that of the moral law. This twofold use also affects the categories as they seem to cover not only the pure will but also the empirical, i.e. practical reason *as such* (see already Michaelis, 1796, p. 197).²⁰

6. The Conceptual Content of the Categories of Freedom

6.1. The Categories of Quantity

The first quadrant of the table of judgments from which the categories of *quantity* are derived is entitled “Quantity of Judgments” (*KrV*, A 70 / B 95; Kant, 1998, p. 206). Under this title Kant lists three moments: “Universal”, “Particular” and “Singular”. In terms of its logical quantity, a judgement is a universal, a particular or a singular one. In every connection of representations, the domain of the connected representations must be specified, the set of “what is contained under the concept of the subject” (*KrV*, A 71 / B 96; Kant, 1998, p. 207). How many elements of this set are concerned? The domain is either not restricted so that all elements are

²⁰ Commentators misunderstand Kant when they think he considers the categories of freedom to be “*modi* of a single category, namely that of causality” (*KpV*, AA 05, p. 65; Kant, 1996a, p. 192) and hence as categories of the pure will only. For the subject of the sentence is “the concepts of good and evil”; it is *these concepts* which are considered to “presuppose [...] a causality of pure reason”. For this misunderstanding, see e.g. Bendavid (1796, p. 25), Mellin (1800, p. 600), Beck (1960, p. 145), Kobusch (1990, p. 27) and Fulda (2006, p. 199).

ментов охватывает это множество? Либо область не ограничена, так что речь идет обо всех ее элементах, либо она ограничена, так что речь идет либо о некоторых, либо только об одном элементе¹⁸.

Кант не дает четкого описания категорий свободы, вытекающих из этих логических функций. В отличие от первой «Критики», для обозначения чистых понятий рассудка он использует более длинные формулировки, снабженные дополнениями в скобках. В этом квадранте он отмечает на первом месте «Субъективно, согласно максима́м (индивидуальные мнения воли [Willensmeinungen])», на втором месте «Объективно, согласно принципам (предписания)» и на третьем месте «Как *a priori* объективные, так и субъективные принципы свободы (законы)» (AA 05, S. 66; Кант, 1997, с. 449).

Хотя Кант почти не комментирует таблицу категорий, количественные категории являются единственным исключением. Вслед за таблицей, в самом последнем абзаце главы, он замечает: «Так, например, из приведенной таблицы, из ее первого номера, сразу видно, с чего надо начинать в практических исследованиях — с максим, которые каждый основывает на своей склонности, [затем переходить] к предписаниям, которые имеют силу для известного рода разумных существ, поскольку они сходятся в каких-то склонностях, и, наконец, к закону, который имеет силу для всех безотносительно к их склонностям и т.д.» (AA 05, S. 67; Кант, 1997, с. 451). Поскольку Кант использует в своем комментарии только термины «максимы», «предписания» и «законы», мы можем предположить, что это и есть надлежащие категории. Эти термины также присутствуют в таблице, а читателю они знакомы по первой «Критике»

¹⁸ Например, понятия «человек» и «смертный» с точки зрения количества могут быть связаны тремя способами: «Все люди смертны», «Некоторые люди смертны» или «Кай смертен». Такой пример приводится также в § 21 руководства к лекциям Канта по логике под редакцией Йеше (см.: AA 09, S. 102; Кант, 1994б, с. 357).

concerned, or it is restricted so that either some or only one element is concerned.²¹

Kant does not clearly denominate the categories of freedom derived from these logical functions. Unlike in the first *Critique* for the pure concepts of the understanding, he uses longer formulations supplemented by additions in brackets. In this quadrant, he notes in the first place “Subjective, in accordance with maxims (*intentions of the will* [Willensmeinungen] of the individual)”, in the second place “Objective, in accordance with principles (*precepts*)” and in the third place “*A priori* objective as well as subjective principles of freedom (*laws*)” (KpV, AA 05, p. 66; Kant, 1996a, p. 193).

Although Kant leaves the table of categories almost uncommented on, the quantitative categories are the only exception. Following the table, in the very last paragraph of the chapter, he remarks: “Thus, for example, one knows at once from the above table and its first number where one has to set out from in practical considerations: from the maxims that each bases on his inclination, from the precepts that hold for a species of rational beings insofar as they agree in certain inclinations, and finally from the law that holds for all without regard for their inclinations, and so forth” (KpV, AA 05, p. 67; Kant, 1996a, p. 194). Since Kant only uses the terms “maxims”, “precepts” and “laws” in his commentary, we may assume that these are the proper categories. These terms also appear in the table, and the reader will know them from the first *Critique* and the *Groundwork*. Furthermore, the second *Critique* engages with these terms from the beginning (cf. KpV, AA 05, p. 19; Kant, 1996a, p. 153); later the *Metaphysics of Morals* does this also. I therefore assume that

²¹ In terms of quantity, e.g. the concepts human and mortal can be connected in three ways: ‘All humans are mortal’, ‘Some humans are mortal’, or ‘This human is mortal’. This is also the example in §21 of the manual for Kant’s lectures on logic edited by Jäsche (cf. *Log*, AA 09, p. 102; Kant, 1992b, p. 599).

и «Основоположению...». Более того, во второй «Критике» эти термины привлекаются с самого начала (AA 05, S. 19; Кант, 1997, с. 321); позднее это происходит и в «Метафизике нравов». Таким образом, я предполагаю, что категориями количества являются *максимы, предписания* и законы. Хотя Кант перечисляет эти категории во множественном числе, сами категории — это не множество максим, предписаний и законов. Скорее, они регулируют процесс формирования максим, предписаний и законов. Сами они существуют только в *единственном* числе: из первой категории возникает множество максим, из второй — множество правил, из третьей — множество законов¹⁹.

Категории количества указывают возможные ответы на вопрос, скольким субъектам будет принадлежать рассматриваемый объект: они количественно определяют *субъект* практического разума. Категория максимы представляет собой функцию единичных практических суждений, категория предписаний — функцию частных практических суждений, а категория закона — функцию универсальных практических суждений. Максимы содержат определение воли, действительное для *одного* субъекта («Я хочу вернуть депозит»), предписания — для *некоторых* («Некоторые хотят вернуть депозит»), а законы — для всех субъектов («Все хотят вернуть депозиты»)²⁰.

В практическом суждении синтезируются субъект воли и ее объект. В отличие от теоретических суждений, они включают в себя и *самосознание*. Если субъект имеет опыт, он обязательно уже осознает этот опыт как свой собственный, ему достаточно просто быть способным осознать его как свой собственный. На-

¹⁹ Здесь, как и везде у Канта, предписание — это гипотетический императив (см.: AA 05, S. 20, 26, 33, 62; Кант, 1997, с. 325, 337, 355, 437; AA 06, S. 221; Кант, 2014, с. 65).

²⁰ Существует полное согласие в толковании первого квадранта среди комментаторов (Mellin, 1800, S. 599–601; Pieper, 1973, S. 149; Bobzien, 1988, S. 211; Kobusch, 1990, S. 28; Simon, 1990, S. 125; Graband, 2005, S. 54–56; Bader, 2009, p. 807; Puls, 2013, S. 93–94; Bojanowski, 2015, p. 214; Zimmermann, 2016в, S. 230–232).

the categories of quantity are *maxim, precept* and *law*. Although Kant lists these categories in the plural, the categories themselves are not many maxims, precepts and laws. Rather, they regulate the formation of maxims, precepts and laws. They themselves exist only in the *singular*: from the first category arise the many maxims, from the second the many rules, and from the third the many laws.²²

The categories of quantity state the possible answers to the question of how many subjects will the object in question: They quantify the *subject* of practical reason. The category of maxim is the function for singular practical judgements, that of precept is the function for particular practical judgements, and the category of law that for universal practical judgements. Maxims contain a determination of the will which is valid for *one* subject ('I want to return deposits'), precepts contain one which is valid for *some* ('Some want to return deposits'), and laws contain one which is valid for *all* subjects ('All want to return deposits').²³

In a practical judgement, the subject of the will and its object are synthesised. Unlike theoretical judgements, they include *self-consciousness*. When a subject has an experience, it need not already be conscious of that experience as its own experience; it only needs to be able to become conscious of it as its own experience. On the contrary, when a subject determines its will to an action, it already has reflexive consciousness of itself as determining its will.²⁴

In this quadrant a *progress* or *transition* takes place "from those [categories – S.Z.] which are

²² Here, as elsewhere for Kant, a precept is a hypothetical imperative (cf. *KpV*, AA 05, pp. 20, 26, 33, 62; Kant, 1996a, pp. 154, 159, 166, 190; *MS RL*, AA 06, p. 221; Kant, 1996d, p. 376).

²³ There is broad agreement among commentators on the interpretation of the first quadrant (cf. Mellin, 1800, pp. 599-601; Pieper, 1973, p. 149; Bobzien, 1988, p. 211; Kobusch, 1990, p. 28; Simon, 1990, p. 125; Graband, 2005, pp. 54-56; Bader, 2009, p. 807; Puls, 2013, pp. 93-94; Bojanowski, 2015, p. 214; Zimmermann, 2016c, pp. 230-232).

²⁴ For practical self-consciousness, see Allison (1995, p. 40).

против, когда субъект определяет свою волю к действию, он уже обладает рефлексивным сознанием себя как определяющего свою волю²¹.

В этом квадранте происходит *прогресс* или же *переход* категорий «от морально еще не определенных и чувственно обусловленных к тем, которые не обусловлены чувственностью и определяются только моральным законом» (AA 05, S. 66; Кант, 1997, с. 447). Каждая из категорий максим и предписаний является функцией *эмпирической* воли. Их применение прямо или косвенно предполагает чувство удовольствия или неудовольствия. Однако категория законов является функцией *чистой* воли. Хотя Р. Дж. Бентон выступает за неморальное понимание этой категории (Benton, 1980, p. 187; см. также: Bobzien, 1988, S. 211), ее применение предполагает свободу; хотя Кант все еще говорит о законах в неморальном смысле в первой «Критике» (см.: А 800 / В 828, А 806 / В 834; Кант, 2006, с. 973, 1013) и снова во второй «Критике» (см.: AA 05, S. 33, 44; Кант, 1997, с. 357, 381), согласно его комментарию к первому квадранту, закон «имеет силу для всех безотносительно к их склонностям» (AA 05, S. 67; Кант, 1997, с. 451) и, следовательно, является законом свободы.

6.2. Категории качества

Кант также не дает четкого обозначения категориям качества. В этом квадранте на первом месте находятся «Практические правила *действия*», на втором — «Практические правила *недеяния*», на третьем — «Практические правила *исключений*» (AA 05, S. 66; Кант, 1997, с. 449). В скобках Кант добавляет латинские выражения из немецкой философской школы. Эти выражения призваны облегчить понимание того нового, что есть в его моральной философии, связывая его с уже привычным для читателя его времени (см., напр.: Wolff, 1754, § 2; Baumgarten, 1760, § 68).

²¹ О практическом самосознании см.: (Allison, 1995, p. 40).

as yet morally undetermined and sensibly conditioned categories to those which, being sensibly unconditioned, are determined only by the moral law” (KpV, AA 05, p. 66; Kant, 1996a, p. 193). Each of the categories for maxims and precepts are a function of the *empirical* will. Their application directly or indirectly presupposes a feeling of pleasure or displeasure. The category for laws, however, is a function of the *pure* will. While Robert J. Benton (1980, p. 187) advocates for a non-moral sense of this category (see also Bobzien, 1988, p. 211), its application presupposes freedom; although Kant still speaks of laws in a non-moral sense in the first *Critique* (cf. KrV, A 800 / B 828, A 806 / B 834; Kant, 1998, pp. 674, 677) and again in the second *Critique* (cf. KpV, AA 05, pp. 33, 44; Kant, 1996a, pp. 166, 175), according to his commentary on the first quadrant, a law “holds for all without regard for their inclinations” (KpV, AA 05, p. 67; Kant, 1996a, p. 194) and is thus one of freedom.

6.2. The Categories of Quality

Kant also does not clearly denominate the categories of quality. In this quadrant we find in the first place “Practical rules of *commission*”, in the second place “Practical rules of *omission*”, and in the third place “Practical rules of *exceptions*” (KpV, AA 05, p. 66; Kant, 1996a, pp. 193-194). In brackets, Kant adds Latin expressions from German school philosophy. These expressions are meant to facilitate the understanding of what is new in his moral philosophy by linking it to what is already familiar to his contemporary reader (e.g. see Wolff, 1754, §2; Baumgarten, 1760, §68).

We may assume that the proper categories are *commission*, *omission* and *exception*, for Kant often uses the contrast between committing and omitting to express a difference concerning that which is intended (cf. *GMS*, AA 04, pp. 405, 406; Kant, 1996b, pp. 59, 61; *ZeF*, AA 08, p. 370; Kant, 1996e, p. 339; *MS RL*, AA 06, pp. 213, 215;

Мы можем предположить, что надлежащими категориями являются *действие*, *недеяние* и *исключение*, поскольку Кант часто использует контраст между действованием и недеянием, чтобы выразить различие относительно намерения (AA 04, S. 405, 406; Кант, 1994д, с. 166–167; AA 08, S. 370; Кант, 1994и, с. 429; AA 06, S. 213, 215; Кант, 2014, с. 41, 47). Это справедливо и в отношении предписаний долга; долг тоже обязывает делать что-то или воздерживаться от чего-то²². Исключение (*Ausnahme*) здесь не следует понимать в смысле дозволения, как утверждают Л. У. Бек и Б. Хаас (см.: Beck, 1960, p. 146; Haas, 1997, S. 60), поскольку дозволенное *само* является категорией, хотя и находящейся в квадранте модальности.

Тот факт, что Кант снова говорит о «практических правилах» во множественном числе, не означает, что категории качества сами являются такими правилами. Напротив, они регулируют формирование практических правил. Сами категории существуют только в *единственном числе*: из первой категории возникают «Практические правила *действия*», из второй — «Практические правила *недеяния*», из третьей — «Практические правила *исключений*».

Логические функции, стоящие за этими категориями свободы, находятся во втором квадранте таблицы суждений. Он называется «Качество» (A 70 / B 95; Кант, 2006, с. 161) и обозначает качество суждений. Под этим названием перечислены три аспекта: «утвердительное», «отрицательное» и «бесконечное» (суждение), то есть по своему логическому качеству суждение является утвердительным, отрицательным или бесконечным.

При соединении представлений необходимо определить, относится ли то, что относится ко второму из соединяемых представле-

Kant, 1996d, pp. 374, 370). This is equally true of that which duty prescribes; duty too prescribes that one do something or refrain from doing something.²⁵ An exception (*Ausnahme*) here is not to be understood in the sense of a permission, as Beck (1960, p. 146) and Bruno Haas (1997, p. 60) maintain, because the permitted is *itself* a category, albeit one in the quadrant of modality.

The fact that Kant again speaks of “Practical rules” in the plural does not mean that the qualitative categories are themselves such rules. Rather, they regulate the formation of practical rules. The categories themselves exist only in the *singular*: from the first category arise “Practical rules of *commission*”, from the second “Practical rules of *omission*”, and from the third “Practical rules of *exceptions*”.

The logical functions standing behind these categories of freedom are located in the second quadrant of the table of judgements. This quadrant is entitled “Quality” (*KrV*, A 70 / B 95; Kant, 1998, p. 206) and signifies the quality of judgements. Under this title, three moments are listed: “Affirmative”, “Negative”, and “Infinite”. In terms of its logical quality, a judgement is an affirmative, a negative, or an infinite one.

Whenever representations are connected, it must be specified whether that which falls under the second of the connected representations also falls under the first one. Is this element “attributed to the subject or opposed to it” (*KrV*, A 72 / B 97; Kant, 1998, p. 207)? Our intellect either attributes a feature to the subject (is x) or opposes a feature to it (is not x). Or our intellect affirms the negation; a certain feature is negated and an indefinite other one affirmed (is not-x).²⁶

²⁵ Cf. *NG*, AA 02, p. 183; Kant, 1992a, p. 221; *KrV*, A 807 / B 835, A 841 / B 869; Kant, 1998, pp. 678, 696; *GMS*, AA 04, pp. 413, 455–456; Kant, 1996b, pp. 66, 102; *MS RL*, AA 06, p. 223; Kant, 1996d, p. 378; *MS TL*, AA 06, pp. 419, 433n; Kant, 1996d, pp. 545, 556n; *RGV*, AA 06, pp. 5, 103, 176; Kant, 1996c, pp. 58, 137, 195.

²⁶ In terms of quality, e.g. the concepts ‘human’ and ‘mortal’ can be connected in three ways: ‘The soul is mortal’, ‘The soul is not mortal’, and ‘The soul is non-mortal’. See *KrV*, A 72–73 / B 97–98; Kant, 1998, pp. 207–208; *Log*, AA 09, pp. 104; Kant, 1992b, p. 600.

²² См.: (AA 02, S. 183; Кант, 1994г, с. 59; A 807 / B 835, A 841 / B 869; Кант, 2006, с. 1015, 1053; AA 04, S. 413, 455; Кант, 1994д, с. 199, 249; AA 06, S. 223; Кант, 2014, с. 69; AA 06, S. 419, 433 Anm.; Кант, 2019, с. 105–107, 137; AA 06, S. 5, 103, 176; Кант, 1994з, с. 7, 107, 190).

ний, также и к первому. «Приписывается ли... [этот элемент] субъекту или противопоставляется ему?» (А 72 / В 97; Кант, 2006, с. 163). Наш интеллект либо приписывает субъекту свойство (есть *x*), либо противопоставляет ему свойство (не есть *x*). Или же наш рассудок производит отрицание; определенный признак отрицается, а другой, неопределенный, утверждается (не является *x*)²³.

Как объясняет Кант, в бесконечном суждении мыслится «исключение [*Ausnahme*]». Элемент, который относится к сфере одного представления, оказывается вне области другого; он исключается из нее. Однако это происходит таким образом, что данный элемент попадает в сферу некоторого другого представления, хотя и остается неустановленным, какого именно. Таким образом, возможности остаются бесконечными.

Категории качества определяют возможные ответы на вопрос о том, желает ли субъект объект. Приписывается ли данное намерение субъекту или противопоставляется ему? Они квалифицируют субъект практического разума, утверждая или отрицая его. Категория действия — это функция утвердительных практических суждений, а категория недеяния — функция отрицательных практических суждений. Намерение *приписывается* субъекту («Я хочу вернуть депозит») или *противопоставляется* ему («Я не хочу возвращать депозит»).

Категория исключения — это функция для бесконечных практических суждений. Важно отметить, что Кант по-разному использует немецкий термин *Ausnahme*. В большинстве случаев он применяет его в устоявшемся значении, которое является переносным: отступление от

As Kant explains, with an infinite judgement an “exception [*Ausnahme*]” is thought. The element which belongs to the sphere of one representation is placed outside the sphere of the other representation; it is excluded from it. Yet, this happens in such a way that the element in question is put into the sphere of some other representation, though it remains unspecified which representation that is. Thus, the possibilities remain infinite.

The categories of quality state the possible answers to the question of whether the subject wills the object. Is the intention in question “attributed to the subject or opposed to it”? They qualify the *subject* of practical reason by affirming or negating its object. The category of commission is the function for affirmative practical judgements and that of omission is the function for negative practical judgements. An intention is *attributed* to the subject (‘I want to return deposits’) or *opposed* to it (‘I do not want to return deposits’).

The category of exception is the function for infinite practical judgements. It is important to note that Kant employs the German term *Ausnahme* in different ways. In most cases, he uses it by the established meaning, which is its figurative one: a deviation from a rule, a special case. Here, however, the term is used in its literal meaning, that being the act of taking something out of something else (see also *MS RL*, AA 06, p. 233; Kant, 1996d, p. 390).²⁷ A certain determination of the will is *negated* and another indefinite one is *affirmed*; the subject remains open to infinitely many other determinations (‘I want to do everything except to return deposits’).²⁸

In this quadrant *no* progress or transition takes place. Due to a different interpretation of ‘exception’ (without recourse to the table of judgements), Bader (2009, p. 810) maintains

²³ С точки зрения качества, например, понятия «человек» и «смертный» могут быть связаны тремя способами: «Душа есть нечто смертное», «Душа бессмертна» и «Душа есть нечто несмертное». См.: (А 72–73 / В 97–98; Кант, 2006, с. 163; АА 09, S. 104; Кант, 1994б, с. 358–359).

²⁷ This is also the etymology of the English ‘exception’, which comes from the Latin *exceptio* (*ex*, out, and *capere*, to take). See in detail Zimmermann (2023).

²⁸ Although Puls (2013, pp. 94–95) also draws on the underlying thinking function, he comes to a different conclusion.

правила, особый случай. Однако в данном случае термин употребляется в буквальном значении, а именно как акт изъятия чего-либо из чего-то (см. также: AA 06, S. 233; Кант, 2014, с. 97)²⁴. Некоторое определение воли *отрицается* и *утверждается* другое, неопределенное; субъект остается открытым для бесконечно многих других определений («Я хочу делать все, кроме возвращения депозита»)²⁵.

В этом квадранте *нет* ни прогресса, ни перехода. В силу иной интерпретации исключений (без обращения к таблице суждений) Бадер утверждает, что третья категория является функцией чистой воли (Bader, 2009, p. 810; см. также: Graband, 2005, S. 57); но также она может быть функцией эмпирической воли. Все категории относятся к «практическому разуму вообще» или «практическим принципам вообще». Действование или недеяние, а также исключение (в кантовском понимании) могут происходить либо под влиянием предпосылок свободы, либо под влиянием ощущения удовольствия и неудовольствия (см. также: Mellin, 1800, S. 602; Benton, 1980, p. 185).

6.3. Категории отношения

Как и прежде, Кант не обозначает категорию отношения четко. Он снова использует более пространственные и на этот раз даже фрагментарные формулировки. В этом квадранте мы находим на первом месте «К личности», на втором — «К состоянию лица», на третьем — «Обоюдно одной личности к состоянию другой» (AA 05, S. 66; Кант, 1997, с. 449). Остается невысказанным то, что стоит в отношении «К личности» или «К состоянию лица».

Понятия «личность» и «лицо» возникают в первой «Критике». Они появляются в споре

²⁴ Такова же этимология английского «exception» (исключение), которое происходит от латинского *exceptio* (*ex* «из» и *capere* «брать»). См. подробнее: (Zimmermann, 2023).

²⁵ Пульс приходит к другому выводу, хотя тоже опирается на базовую функцию мышления (Puls, 2013, S. 94–95).

that the third category is a function of the pure will (see also Graband, 2005, p. 57); but it can also be a function of the empirical will. All of the categories concern “practical reason in general” or “practical principles in general”. The commission or omission of an action as well as an exception (in Kant’s sense of the word) can take place either under the presupposition of freedom or under that of a feeling of pleasure and displeasure (see also Mellin, 1800, p. 602; Benton, 1980, p. 185).

6.3. The Categories of Relation

As before, Kant does not denominate the categories of relation clearly. He again uses longer and this time even fragmentary formulations. In this quadrant we find in the first place “To personality”, in the second place “To the state of the person” and in the third place “Reciprocally, of one person to the state of others” (*KpV*, AA 05, p. 66; Kant, 1996a, pp. 193-194). What remains unsaid is that which stands in relation to “personality” or “the state of the person”.

The concepts of “personality” and “person” have their origin in the first *Critique*. They occur in Kant’s argument against rational psychology. According to the second *Critique*, the subject of thinking has personality if it is the “subject of the moral law” (*KpV*, AA 05, p. 87; Kant, 1996a, p. 210).²⁹ And the subject of thinking is a person if it is also subject to impulses of sensibility. A person is, as it were, personality under finite conditions.³⁰

The logical functions standing behind these categories of freedom are located in the third quadrant of the table of judgements. This quad-

²⁹ For more detail on this point, see Zimmermann (2016a).

³⁰ In this sense, Kant speaks of the humanity *in my person* (cf. *GMS*, AA 04, pp. 429-430; Kant, 1996b, pp. 80-81; *KpV*, AA 05, pp. 87, 88, 131; Kant, 1996a, pp. 210, 245; *ZeF*, AA 08, p. 345; Kant, 1996e, p. 318; *MS RL*, AA 06, pp. 236, 270; Kant, 1996d, pp. 392, 421). For this, see Ne-non (1993).

Канта с рациональной психологией. В соответствии со второй «Критикой», субъект мышления является личностью, если он является «субъектом морального закона» (AA 05, S. 87; Кант, 1997, с. 513)²⁶. Субъект мышления является лицом, если он также подвержен импульсам чувственности. Лицо — это своего рода личность в конечных условиях²⁷.

Логические функции, стоящие за этими категориями свободы, расположены в третьем квадранте таблицы суждений. Он озаглавлен «Отношение» (A 70 / B 95; Кант, 1997, с. 161) и обозначает связь суждений. Под этим названием перечислены три аспекта: «категорическое», «гипотетическое» и «дизъюнктивное» (суждение), то есть с точки зрения логического отношения суждение является категорическим, гипотетическим или дизъюнктивным.

Всякий раз, когда представления связаны между собой, необходимо определить отношения между связанными представлениями, а заодно и отношения между соответствующими объектами. Как они соотносятся друг с другом? Согласно Канту, репрезентации суждения и соответствующие объекты образуют «корреляты» (B 110). Оба коррелята применяются одновременно и указывают на внутреннее отношение суждения: они являются взаимодополняющими детерминациями суждения. В случае категорического суждения «два понятия» соотносятся как «субъект» и «предикат» (A 73 / B 98; Кант, 2006, с. 164)²⁸, в случае гипотетического суждения — «два суждения» как «основание» и «следствие»²⁹, а в случае дизъюнктивного суждения — «несколько суждений» как «члены» «деления»³⁰.

²⁶ Более подробно об этом см.: (Zimmermann, 2016a).

²⁷ В этом смысле Кант говорит о человечестве в моем лице (см.: AA 04, S. 429–430; Кант, 1994д, с. 167–173; AA 05, S. 87, 88, 131; Кант, 1997, с. 513, 645; AA 08, S. 345; Кант, 1994и, с. 389; AA 06, S. 236, 270; Кант, 2014, с. 441; Кант, 2019, с. 25). См. об этом: (Nenon, 1993).

²⁸ «Все тела делимы» (AA 09, S. 106; Кант, 1994б, с. 360).

²⁹ «Если все тела сложны, то они делимы» (AA 09, S. 106; Кант, 1994б, с. 360).

³⁰ «Ученый есть ученый или исторических, или рациональных наук» (AA 09, S. 107; Кант, 1994б, с. 362).

rant is entitled “Relation” (*KrV*, A 70 / B 95; Kant, 1998, p. 206) and signifies the relation of judgements. Under this title, three moments are listed: “Categorical”, “Hypothetical” and “Disjunctive”. In terms of its logical relation, a judgement is a categorical, a hypothetical or a disjunctive one.

Whenever representations are connected, the relation between the connected representations must be specified — and, at the same time, that between the corresponding objects. How do they relate to one another? As Kant puts it, the representations of the judgement and the corresponding objects form “correlates” (*KrV*, B 110). Both correlates are applied simultaneously and specify the internal relation of a judgement: they are *complementary* determinations of a judgement. In the case of a categorical judgement, “two concepts” are related as “subject” and “predicate” (*KrV*, A 73 / B 98; Kant, 1998, p. 208),³¹ in the case of a hypothetical judgement “two judgments” as “ground” and “consequence”,³² and in that of a disjunctive judgement “several judgments” as “members” of a “division”.³³

A relation is also indicated by the preposition “to”, which Kant uses to formulate the first two relational categories. Although he does not mention the second *relatum*, it must be the *object* of practical reason: it is this object which is related to the subject of practical reason, more precisely to the personality or to the state of the person. While Simon (1990, p. 126) holds (without recourse to the table of judgements) that these categories establish relations between persons, they state the possible answers to the question of how the subject and the object of the will relate to *one another*. While Graband

³¹ “All bodies are divisible” (*Log*, AA 09, p. 106; Kant, 1992b, p. 602).

³² “If all bodies are composite, then they are divisible” (*Log*, AA 09, p. 106; Kant, 1992b, p. 602).

³³ “A learned man is learned either historically or in matters of reason” (*Log*, AA 09, p. 107; Kant, 1992b, p. 603).

Отношение также обозначается предлогом «к», который Кант использует в формулировке первых двух категорий, составляющих отношение. Хотя он не упоминает второй релатум, последний должен быть *объектом* практического разума: именно этот объект связан с субъектом практического разума, а именно с личностью или состоянием лица. Вопреки утверждению Саймона (которое не опирается на таблицу суждений), что эти категории устанавливают отношения между людьми (Simon, 1990, S. 126), они указывают возможные ответы на вопрос о том, как субъект и объект воли соотносятся друг с другом. И хотя Грабанд (который также не опирается на таблицу суждений) полагает, что речь идет об отношении практического суждения к чему-то другому (Graband, 2005, S. 57), это отношение внутри такого суждения³¹.

Первая категория является функцией для категорических практических суждений, вторая — для гипотетических практических суждений. В одном случае субъект определяется как личность и связан с объектом категорически («Я хочу вернуть депозит»), в другом случае субъект определяется как лицо и связан с объектом гипотетически. В отличие от Грабанда и Бобзиен (см.: Graband, 2005, S. 59–60; Bobzien, 1988, S. 211–212), релевантное состояние человека — это состояние чувствования. Удовольствие или неудовольствие является основанием для желания объекта как следствия («Поскольку я заинтересован в возвращении депозита, я хочу это сделать») (см.: AA 02, S. 181; Кант, 1994г, с. 57; AA 05, S. 60, 116; Кант, 1997, с. 429, 599; AA 04, S. 454; Кант, 1994д, с. 241–243; см.: Beck, 1960, p. 148).

Что касается второго релатума, то мы можем думать о добре (*Gute*) и зле (*Böse*), а также о благе (*Wohl*) и несчастье (*Übel*) (см. также: Bobzien, 1988, S. 211). Собственно, именно с анализа этих понятий и начинается вторая большая глава

³¹ Желаящее «я» неоднозначно и должно быть прояснено. Это делается с помощью категорий отношения. Кому адресовано высказывание «я хочу» в каждом конкретном случае? Какой субъект желает? Субъект как *личность* или как *лицо*? Чистый субъект или эмпирический субъект?

(2005, p. 57) maintains (also without recourse to the table of judgements) that the relation in question is that of a practical judgement to something else, it is the relation *within* such a judgement.³⁴

The first category is the function for categorical practical judgements and the second for hypothetical practical judgements. In one case, the subject is specified as personality and related to the object in a categorical way ('I want to return deposits'), in the other case, the subject is specified as a person and related to the object in a hypothetical way. Contrary to Graband (2005, pp. 59-60) and Bobzien (1988, pp. 211-212), the relevant state of the person is a state of feeling. A pleasure or displeasure is the ground for willing the object as consequence ('Because I am interested in returning deposits, I want to do so') (cf. NG, AA 02, p. 181; Kant, 1992a, p. 220; KpV, AA 05, p. 60, 116; Kant, 1996a, pp. 188, 233; GMS, AA 04, p. 454; Kant, 1996b, p. 101; see also Beck, 1960, p. 148).

Concerning the second relatum, we might think of the good (*das Gute*) and evil (*das Böse*), as well as the well-being (*Wohl*) and woe (*Übel*) (see also Bobzien, 1988, p. 211). For, after all, the second main chapter of the second *Critique* begins with an analysis of these very concepts. Although they are not categories themselves, it could be possible that they belong to the categories. Good and evil are "concept[s] of an object of pure practical reason" (KpV, AA 05, p. 57; Kant, 1996a, p. 186), while well-being and woe are concepts of an object of empirical practical reason (cf. KpV, AA 05, pp. 59-60; Kant, 1996a, p. 188). Good and evil are the correlates to the concept of personality, while well-being and woe are the correlates to the concept of a person.

³⁴ The 'I' that desires is ambiguous and has to be *disambiguated*. This is done by the categories of relation. For whom is meant in each case when we say 'I will'? Which subject is desiring? The subject as *personality* or as *person*? The pure subject or the empirical subject?

второй «Критики». Хотя сами они не являются категориями, вполне возможно, что они относятся к категориям. Добро и зло — это «поняти[я] предмета чистого практического разума» (AA 05, S. 57; Кант, 1997, с. 421), а благо и несчастье — понятия предмета эмпирического практического разума (AA 05, S. 59–60; Кант, 1997, с. 429). Добро и зло — это корреляты понятия личности, а благо и несчастье — понятия лица.

Третья категория отношений — это функция дизъюнктивных практических суждений. Как пишет Кант, она обращена только к объекту воли. Однако могу ли я предполагать, что другой человек намеревается что-то сделать? Согласно лежащей в основе логической функции, деление должно касаться субъекта воли; это должен быть именно субъект воли, подлежащий делению. Отношение «либо-либо» устанавливает ограничение на то, что субъект намерен сделать, и в то же время выражает неопределенность в отношении выбора намерения, которое субъект реализует: «Я хочу либо то, либо это» («Либо я просто хочу вернуть депозит, либо я хочу вернуть депозит, потому что я в этом заинтересован»).

Такая интерпретация, хотя и противоречит таблице категорий в том виде, в каком ее представляет Кант, согласуется с соответствующей логической функцией в таблице суждений. Так, первая категория отношения является функцией чистой воли, вторая — эмпирической воли, а последняя категория (в моей интерпретации) — функция сразу и чистой, и эмпирической воли. Воля субъекта здесь может быть направлена и на добро, и на зло, и на благо, и на несчастье.

6.4. Категории модальности

Категории модальности — единственные, которые Кант определяет четко. Как и в случае чистых понятий рассудка в первой «Критике», он описывает их, не прибегая к пространственным или фрагментарным формулировкам, без дополнений в скобках или латинских вы-

The third relational category is the function for disjunctive practical judgements. As Kant describes it, it addresses only the object of the will. However, can I intend that another person intends something? According to the underlying logical function, the division should address the subject of the will; it must be the will's subject which is divided. The either-or creates a restriction as to what the subject intends but, at the same time, an indecision is expressed as to which of these intentions the subject realises: 'I want either this or that' ('Either I simply want to return deposits, or I want to return deposits because I am interested in doing so').

This interpretation, although contrary to the table of categories as Kant presents it, is consistent with the respective logical function in the table of judgements. Thus, the first category of relation is a function of the *pure* will, the second of the *empirical* will, and the last category (as I interpret it) is a function of *both* the pure and the empirical will. The subject's will here can be directed towards both something good and evil, as well as well-being and woe.

6.4. The Categories of Modality

The categories of *modality* are the only ones that Kant denominates clearly. Like the pure concepts of the understanding in the first *Critique*, he describes them without longer or even fragmentary formulations, without additions in brackets, or Latin expressions from German school philosophy. In this quadrant Kant notes in the first place "The *permitted* and the *forbidden*", in the second place "Duty and what is *contrary to duty*", and in the third place "Perfect and *imperfect duty*" (KpV, AA 05, p. 66; Kant, 1996a, p. 194).

In general, these categories possess several *peculiarities* that set them apart from the other categories of freedom. However, the peculiarities in question have nothing to do with their denomination but rather with the fact that they are modal categories.

ражений из немецкой философской школы. В этом квадранте Кант помещает на первое место «Дозволенное и недозволенное», на второе — «Долг и противное долгу», на третье — «Совершенный и несовершенный долг» (AA 05, S. 66; Кант, 1997, с. 449).

В целом эти категории обладают рядом особенностей, которые отличают их от других категорий свободы. Однако данные нюансы связаны не с их деноминацией, а скорее с тем, что они являются модальными категориями.

Во-первых, данные категории образуют противопоставления. Даже если Кант не говорит об этом, второй элемент является отрицанием первого (x и не-x), так что не может быть никакого дополнительного элемента, и оппозиция является полной. Таким образом, всего насчитывается шесть модальных категорий. В немецком оригинале первая оппозиция звучит *das Erlaubte* и *das Unerlaubte*. В буквальном переводе последнее — это не «запрещенное» (forbidden), как переводит «Кембриджское издание сочинений Иммануила Канта», а «недозволенное». Так же выглядит и третья оппозиция: совершенный и несовершенный долг. Не совсем ясна в этом отношении только вторая оппозиция: по-немецки она звучит как *die Pflicht* и *das Pflichtwidrige*. К ней я вернусь чуть позже.

Четвертый квадрант таблицы суждений, из которой выводятся эти категории, озаглавлен «Модальность» (A 70 / B 95; Кант, 2006, с. 161) и обозначает модальность суждений. Под этим названием Кант перечисляет три аспекта: «проблематическое», «ассерторическое» и «аподиктическое» (суждение), то есть по своей логической модальности суждение является проблематическим, ассерторическим или аподиктическим³². Однако, как и в случае с катего-

³² Проблематические суждения, как поясняет Кант, — это те, «в которых утверждение или отрицание принимается только как возможное (по усмотрению). Ассерторическими называются суждения, в которых утверждение или отрицание рассматривается как действительное (истинное), а аподиктическими — те, в которых оно рассматривается как необходимое» (A 74 — 75 / B 100; Кант, 2006, с. 167; см. также: AA 04, S. 303; Кант, 1994ж, с. 61).

First, these categories form *contradictory* oppositions. Even if Kant does not say so, the second member is the negation of the first (x and non-x), so that there can be no additional member and the respective opposition is complete. Hence, there are six modal categories in total. In the German original, the first opposition reads “*das Erlaubte*” and “*das Unerlaubte*”. Literally translated, the latter is not the forbidden — as the *Cambridge Edition of the Works of Immanuel Kant* translates — but the *non-permitted*. This is also the case with the third opposition: perfect and *imperfect* duty. Only the second opposition is not quite clear in this respect; in German it reads “*die Pflicht*” and “*das Pflichtwidrige*”. I will return to this shortly.

The fourth quadrant of the table of judgements from which these categories are derived is entitled “Modality” (*KrV*, A 70 / B 95; Kant, 1998, p. 206) and signifies the modality of judgements. Under this title, Kant lists three moments: “Problematic”, “Assertoric”, and “Apodictic”. In terms of its logical modality, a judgement is a problematic, an assertoric, or an apodictic one.³⁵ However, as with the categories based on these functions, we are already dealing with “correlates” here. In the problematic judgement something is thought as *either possible or impossible*, in the assertoric judgement as *either actual or non-actual*, and in the apodictic judgement as *either necessary or contingent*.

Second, the modal functions are characterised by the fact that they “contribute nothing to the content of the judgment (for besides quantity, quality, and relation there is nothing more that constitutes the content of a judgment)” (*KrV*, A 74 / B 100; Kant, 1998, p. 209). Instead, they “concern only the value of the copula in

³⁵ “Problematic judgments”, as Kant explains, “are those in which one regards the assertion or denial as merely *possible* (arbitrary). Assertoric judgments are those in which it is considered *actual* (true). Apodictic judgments are those in which it is seen as *necessary*” (*KrV*, A 74-75 / B 100; Kant, 1998, p. 209; cf. *Prol*, AA 04, p. 303; Kant, 2002c, p. 96).

риями, опирающимися на эти функции, здесь мы также имеем дело с «коррелятами». В проблематическом суждении нечто мыслится или как возможное, или как невозможное, в ассерторическом — как действительное или недействительное, в аподиктическом — как необходимое или случайное.

Во-вторых, модальные функции характеризуются тем, что они ничего не прибавляют «к содержанию суждения (ибо кроме количества, качества и отношения нет ничего, что составило бы содержание суждения)» (А 74 / В 100; Кант, 2006, с. 165). Вместо этого они «касаются только значения связки по отношению к мышлению вообще» (А 74 / В 100; Кант, 2006, с. 165—167; см.: АА 09, S. 108; Кант, 1994б, с. 363). Эти функции определяют не содержание мысли, а скорее то, как именно она мыслится.

В каждом соединении представлений наш интеллект должен указать, как это соединение соотносится с другими. «Значение связки» является относительным; мысль приобретает логическую модальность, когда вступает в отношение с другой мыслью. Однако одновременно может применяться только один из коррелятов. Он определяет внешнее отношение суждения: корреляты здесь являются *взаимоисключающими* определениями суждения. Одно суждение мыслится как возможное или невозможное, действительное или недействительное, необходимое или случайное в свете некоторого предполагаемого суждения (см.: Abaci, 2019, p. 162—164).

Даже если Кант не высказывается именно так, модальные категории свободы должны характеризоваться тем фактом, что они ничего не вносят в содержание воли. Они определяют не ее объект, а то, как он волеизъявляется. С точки зрения практической модальности определение воли происходит по отношению к причине. Модальность практического суждения является относительной: практические суждения содержат определение воли, а их модальность уточняется в отношении причины, в соответствии с которой определяется воля.

relation to thinking in general” (*ibid.*; cf. *Log*, AA 09, p. 108; Kant, 1992b, p. 604). These functions do not specify the content of a thought but rather *how* it is thought.

In every connection of representations our intellect must specify how this connection relates to *others*. The “value of the copula” is a relative one; a thought is logically modalised when brought into a relation with another one. However, only one of the correlates is applied at a time. It specifies the external relation of a judgement: the correlates here are *mutually exclusive* determinations of a judgement. One judgement is thought to be possible or impossible, actual or non-actual, necessary or contingent in the light of some presupposed judgement (see Abaci, 2019, pp. 162-164).

Even if Kant does not say so, the modal categories of freedom must be characterised by the fact that they contribute nothing to the content of the will. They do not specify its object but rather *how* it is willed. In terms of its practical modality, a determination of the will takes place with regard to a reason. The modality of a practical judgement is a relative one: practical judgements contain a determination of the will, and their modality is specified with regard to the reason according to which the will is determined. The modal categories relate a practical judgement to the *determining ground* of the will.

More precisely, a practical judgement is morally modalised by being brought into a relation to a “moral law” as the determining ground of the “pure will” (*KpV*, AA 05, p. 65; Kant, 1996a, p. 192). Although Heiko Puls (with recourse to the table of judgements) as well as Mellin and Benton (without recourse to the table of judgements) argue for a non-moral sense of duty,³⁶ the categories of modality are

³⁶ Cf. Puls (2013, p. 101), Mellin (1802, p. 534) and Benton (1980, pp. 186, 189). See also Graband (2005, p. 62) and Bader (2009, pp. 815-816). The fact that there is no evidence for this reading in Kant is already considered by Beck to be a “fatal objection” (Beck, 1960, p. 150) for that reading.

Модальные категории относят практическое суждение к определяющему основанию воли.

А точнее, практическое суждение морально модализируется, будучи поставлено в отношение к «моральному закону» как определяющему основанию «чистой воли» (AA 05, S. 65; Кант, 1997, с. 443). Хотя Х. Пульс (ссылаясь на таблицу суждений), а также Меллин и Бентон (без опоры на таблицу) отстаивают неморальное чувство долга³³, категории модальности в целом являются функциями *чистой* воли. Ведь в конце концов Кант нигде не говорит о долге в неморальном смысле. В этом квадранте не происходит *никакого* прогресса или перехода от одного типа категорий к другому (см.: Bobzien, 1988, S. 212–213; Kobusch, 1990, S. 29; Pieper, 2002, S. 123; Wojanowski, 2015, p. 225).

Наконец, пары категорий располагаются в определенном *порядке*. Этот порядок можно обнаружить уже в модальных функциях. В первой «Критике» Кант замечает, что мы можем «спрашивать» о предмете суждения, — «только ли возможный он или действительный, и в последнем случае, не есть ли он также необходимый предмет?» (A 219 / B 266; Кант, 2006, с. 359). Только то, что логически возможно, может, кроме того, быть действительным, и только то, что логически действительно, может, кроме того, быть необходимым. Здесь есть последовательность условий. Если добавить соответствующую противоположность, то логическая возможность *переходит* в действительность и недействительность, а затем логическая действительность *переходит* в необходимость и случайность.

Поскольку модальные категории свободы основаны на этих функциях, то и в данном случае речь должна идти о той же последовательности условий: в каждой паре категорий первый элемент переходит в следующий. Кате-

³³ См.: (Puls, 2013, S. 101; Mellin, 1802, S. 534; Benton, 1980, p. 186, 189). См. также: (Graband, 2005, S. 62; Bader, 2009, p. 815–816). Тот факт, что у Канта нет доказательств в пользу этого толкования, Бек уже считает «фатальным аргументом против» (Beck, 1960, p. 150) такой интерпретации.

altogether functions of the *pure* will. For, after all, nowhere does Kant speak of duty in a non-moral sense. In this quadrant *no* progress or transition takes place from one type of category to another (cf. Bobzien, 1988, pp. 212-213; Kobusch, 1990, p. 29; Pieper, 2002, p. 123; Wojanowski, 2015, p. 225).

Finally, the pairs of categories are arranged in a certain *order*. This order can already be found in the modal functions. In the first *Critique* Kant remarks that we can “ask” about the object of a judgement “whether it is merely possible, or also actual, or, if it is the latter, whether it is also necessary” (*KrV*, A 219 / B 266; Kant, 1998, p. 322). Only what is logically possible can, in addition, be actual, and only what is logically actual can, in addition, be necessary. There is a sequence of conditions here. If we add the respective opposite, it is the logical possibility which *branches* into actuality and non-actuality, and then it is the logical actuality which *branches* into necessity and contingency.

Because the modal categories of freedom are based on these functions, the same sequence of conditions must be at stake here: it is the first member of each pair of categories that branches into the next one. The category of the permitted branches into the opposition of duty and what is contrary to duty, and the category of duty branches into the opposition of perfect and imperfect duty. Only what is permitted can, in addition, be duty or contrary to duty, and only what is duty can, in addition, be perfect or imperfect duty.

a) The Permitted and the Forbidden (Non-Permitted)

The category of the *permitted* arises from the function of “logical possibility” (*KrV*, A 75 / B 101; Kant, 1998, p. 209). Permitted is what is

гория дозволенного разветвляется на оппозицию между долгом и противным долгом, а категория долга — на оппозицию совершенного и несовершенного долга. Только то, что дозволено, может, кроме того, быть долгом или быть противным долгом, и только то, что является долгом, может, помимо этого, быть совершенным или несовершенным долгом.

А. Дозволенное и недозволенное

Категория дозволенного возникает из функции «логической возможности» (А 75 / В 101; Кант, 2006, с. 167). Дозволенное — это то, что морально возможно³⁴. Логически возможным, по Канту, является суждение, которое не противоречит уже предполагаемому суждению. Например, если мы «определим» понятие «холостяк» как неженатый мужчина, то можно будет заключить, что конкретный холостяк — мужчина³⁵. Следовательно, практическое суждение морально возможно, если оно не противоречит предполагаемому моральному закону. Например, желание вернуть депозит не противоречит закону, согласно которому депозиты возвращаются.

Категория запрещенного или, точнее, недозволенного возникает из функции логически невозможного; недозволенное — это то, что морально невозможно³⁶. Согласно Канту, логиче-

³⁴ Так говорит сам Кант во Введении к «Метафизике нравов» (AA 06, S. 221; Кант, 2014, с. 65). В сноске к Предисловию во второй «Критике» он также объясняет «дозволенное» как «практически объективно возможное» (AA 05, S. 11 Anm.; Кант, 1997, с. 303, примеч.).

³⁵ У человека есть «возможность по свободному выбору допускать, чтобы такое суждение было значимым»; это «чтобы рассудок понимал его лишь произвольно» (А 75 / В 101; Кант, 2006, с. 167). Согласно Канту, различие между логически возможным и невозможным основано на законе формальной логики, а именно на законе запрета противоречий (см.: AA 02, S. 278; Кант, 1994е, с. 400; AA 09, S. 52–53; Кант, 1994б, с. 307; AA 11, S. 45; AA 16, S. 257; AA 11, S. 260).

³⁶ Так говорит сам Кант во Введении к «Метафизике нравов» (AA 06, S. 221; Кант, 2014, с. 65). В сноске в Предисловии ко второй «Критике» он также объясняет «недозволенное» как «практически объективно... невозможное» (AA 05, S. 11; Кант, 1997, с. 303).

morally possible.³⁷ Logically possible, according to Kant, is a judgement which does *not* contradict a presupposed judgement. For instance, if we 'define' 'bachelor' as 'an unmarried man', it is possible to judge that a given bachelor is a man.³⁸ Consequently, a practical judgement is morally possible if it does *not* contradict a presupposed moral law. For instance, wanting to return a deposit does not contradict the law according to which deposits are returned.

The category of the forbidden or, more precisely, *non-permitted* arises from the function of the logically impossible; non-permitted is what is *morally impossible*.³⁹ Logically impossible, according to Kant, is a judgement which *does* contradict a presupposed judgement. For instance, if we define 'bachelor' as 'an unmarried man', it is impossible to judge that a given bachelor is not a man. Consequently, a practical judgement is morally impossible if it *contradicts* a presupposed moral law. For instance, not wanting to return a deposit contradicts the law according to which deposits are returned.

b) Duty and What Is Contrary to Duty

The category of *duty* originates from the function of "logical actuality or truth" (*KrV*,

³⁷ As Kant himself puts it in the "Introduction" to the *Metaphysics of Morals* (cf. MS RL, AA 06, p. 221; Kant, 1996d, p. 376). In a footnote of the "Preface" to the second *Critique*, he also explains "the permitted" as "the practically objectively possible" (*KpV*, AA 05, p. 11n; Kant, 1996a, p. 145n).

³⁸ One has the "free choice to allow such a proposition [a problematic proposition — S. Z.] to count as valid"; it is a "merely arbitrary assumption of it in the understanding" (*KrV*, A 75 / B 101; Kant, 1998, p. 209). According to Kant, the difference between the logically possible and impossible is based on a law of formal logic, namely the principle of contradiction (see FM, AA 02, p. 278; Kant, 2002b, pp. 368-369; *Log*, AA 09, pp. 52-53; Kant, 1992b, p. 560; Br, AA 11, p. 45; Kant, 1999, pp. 307-308; Refl 2167, AA 16, p. 257; Refl 2178, AA 11, p. 260).

³⁹ As Kant himself puts it in the "Introduction" to the *Metaphysics of Morals* (cf. MS RL, AA 06, p. 221; Kant, 1996d, p. 376). In the footnote of the "Preface" to the second *Critique*, he also explains the "forbidden [or non-permitted — S. Z.]" as "the practically objectively [...] impossible" (*KpV*, AA 05, p. 11; Kant, 1996a, p. 145n).

ски невозможным является суждение, которое *противоречит* предполагаемому. Например, если мы определяем «холостяка» как неженатого мужчину, то невозможно сделать вывод, что конкретный холостяк — не мужчина. Соответственно, практическое суждение является морально невозможным, если оно противоречит предполагаемому моральному закону. Например, нежелание возвращать депозит противоречит закону, по которому депозиты возвращают.

Б. Долг и противное долгу

Категория *долга* возникает из функции «логической действительности или истинности» (А 75 / В 101; Кант, 2006, с. 167). Для Канта суждение является логически действительным или истинным, если оно не только согласуется с другим суждением и тем самым является логически возможным, но, кроме того, в нем одно представление уже подразумевается в другом в соответствии с предполагаемым суждением. Например, в суждении «Этот холостяк — мужчина» второе отношение (мужчина) уже содержится в первом посредством определения «холостяк»³⁷.

Следовательно, долг — это то, что является морально действительным. Практическое суждение морально действительно, если оно не только согласуется с моральным законом и тем самым морально возможно (дозволено), но и если в нем, кроме того, одно представление уже подразумевается в другом согласно этому предполагаемому закону. Объект воли, например возвращение депозита, содержится в понятии

³⁷ Кант называет такое суждение *аналитическим*, поскольку его истинность может быть установлена только путем логического анализа (А 6–8 / В 10–12; А 150–152 / В 189–191; Кант, 2006, с. 61–63, 271; АА 04, S. 266–268; Кант, 1994ж, с. 17–19; АА 09, S. 111; Кант, 1994б, с. 365–366). Согласно Канту, различие между логически действительным и недействительным основано на законе формальной логики, а именно на принципе достаточного основания (АА 02, S. 278; Кант, 1994е, с. 400; АА 09, S. 52–54; Кант, 1994б, с. 307; АА 11, S. 45; АА 16, S. 257; АА 11, S. 260).

А 75 / В 101; Кант, 1998, p. 209). For Kant, a judgement is logically actual or true if it not only agrees with another judgement and is thus logically possible, but in which, moreover, one representation is already *implied* in the other according to that presupposed judgement. For instance, in the judgement ‘This bachelor is a man’, the latter representation (man) is already contained in the former due to the definition of ‘bachelor’.⁴⁰

Consequently, duty is what is *morally actual*. A practical judgement is morally actual if it not only agrees with a moral law and is thus morally possible (permitted), but in which, moreover, one representation is already *implied* in the other according to that presupposed law. The object of the will, e.g. to return a deposit, is contained in the concept of the will’s subject. The concept of the subject of will always already contains the moral laws that are only retroactively revealed to us through duty.⁴¹

The category of *what is contrary to duty* originates from the function of the logically non-actual. For Kant, a judgement is logically non-actual if it does not contradict another judgement and is thus logically possible, but in which, moreover, one representation is *not* already implied in the other according to that presupposed judgement. For instance, in the judgement ‘This bachelor is rich’, the latter

⁴⁰ Kant calls such a judgement *analytic* because its truth can be determined only by logical analysis (cf. *KrV*, A 6-8 / B 10-12; A 150-152 / B 189-191; Kant, 1998, pp. 141-143, 279-281; *Prol.*, AA 04, pp. 266-268; Kant, 2002c, pp. 62-64; *Log.*, AA 09, p. 111; Kant, 1992b, pp. 606-607). According to Kant, the difference between the logically actual and non-actual is based on a law of formal logic, namely the principle of sufficient reason (see *FM*, AA 02, p. 278; Kant, 2002b, pp. 368-370; *Log.*, AA 09, pp. 52-54; Kant, 1992b, p. 560; *Br.*, AA 11, p. 45; Kant, 1999, pp. 307-308; *Refl* 2167, AA 16, p. 257; *Refl* 2178, AA 11, p. 260).

⁴¹ In the footnote of the “Preface” to the second *Critique*, Kant explains duty as that “which is [...] related to a law *actually* present in reason as such [*ein in der Vernunft überhaupt wirklich liegendes Gesetz*]” (*KpV*, AA 05, p. 11n; Kant, 1996a, p. 145n).

субъекта воли. В понятии субъекта воли всегда уже присутствуют моральные законы, которые лишь постфактум проявляются для нас через долг³⁸.

Категория того, что *противоречит долгу*, возникает из функции логически недействительного. Для Канта суждение является логически недействительным, если оно не противоречит другому суждению и, таким образом, является логически возможным, но, помимо этого, в нем какое-либо представление не подразумевается в другом в соответствии с предполагаемым суждением. Например, в суждении «Этот холостяк богат» второе отношение (богатый) не содержится в первом — «холостяк»³⁹.

Следовательно, то, что противоречит долгу, *морально недействительно*. Практическое суждение является морально недействительным, если оно не противоречит моральному закону и, следовательно, является морально возможным (дозволенным), но в нем одно из представлений не подразумевается в другом в соответствии с этим предполагаемым законом. Объект воли — к примеру, спеть песню после пробуждения или нет — не содержится в понятии субъекта воли, поскольку для этого не существует морального закона. Это «морально безразличный поступок (*adiaphoron morale*)» (AA 06, S. 23 Anm.; Кант, 1994з, с. 22, примеч.)⁴⁰.

Выбор слов у Канта здесь не вполне корректен. Немецкий суффикс *-widrig* в образовании

representation (rich) is not already contained in the former due to the definition of 'bachelor'.⁴²

Consequently, what is contrary to duty is *morally non-actual*. A practical judgement is morally non-actual if it does not contradict a moral law and is thus morally possible (permitted), but in which, moreover, one representation is *not* already implied in the other according to that presupposed law. The object of the will, e.g. to sing a song after getting up or not, is not contained in the concept of the will's subject because there is no moral law for this. It is a "morally indifferent action (*adiaphoron morale*)" (RGV, AA 06, p. 23n; Kant, 1996с, p. 72n).⁴³

Kant's choice of words is not quite adequate here. The German suffix *-widrig* in formations with nouns expresses that a person or thing is in contradiction with something, that it violates it. Accordingly, *pflichtwidrig* actually means contrary to duty, but that is *not* what is meant. Furthermore, it *cannot* be meant, since this category would otherwise be identical with that of the forbidden or non-permitted. However, since the former is different from the latter for Kant, its meaning cannot be that something is in contradiction with a duty and violates it (*cf.* Bobzien, 1988, p. 218).

Schütz already suggested a different expression in his letter from 23 June 1788. Negating the concept of duty, he arrives at the term "Non-duty [*Nichtpflicht*]" (*Br*, AA 10, p. 542; Kant, 1999, p. 274). This term may sound a little

³⁸ В сноске к Предисловию ко второй «Критике» Кант объясняет долг как «то, что находится... в отношении к закону, *действительно* заключающемуся в разуме вообще [*ein in der Vernunft überhaupt wirklich liegendes Gesetz*]» (AA 05, S. 11 Anm.; Кант, 1997, с. 303, примеч.).

³⁹ Кант называет такое суждение *синтетическим*, поскольку его истинность может быть установлена только при условии, что человек перейдет к чувственному созерцанию рассматриваемого холостяка и синтезу этого созерцания с другим.

⁴⁰ Как объясняет Кант во Введении к «Метафизике нравов», такой поступок «не предписывается и не запрещается», а «только *дозволен*, потому что в отношении его нет никакого закона, ограничивающего свободу (правомочие), и, следовательно, нет никакого долга» (AA 06, S. 223; Кант, 2014, с. 69; см.: AA 06, S. 409; Кант, 2019, с. 97; AA 27, S. 512).

⁴² Kant calls such a judgement *synthetic* because its truth can only be determined if one proceeds to the sensible intuition of the bachelor in question and its synthesis with another.

⁴³ As Kant explains in the "Introduction" to the *Metaphysics of Morals*, such an action "is neither commanded nor prohibited" but "merely *permitted*, since there is no law limiting one's freedom (one's authorization) with regard to it and so too no duty" (*MS RL*, AA 06, p. 223; Kant, 1996d, pp. 377-378; *cf.* *MS TL*, AA 06, p. 409; Kant, 1996d, p. 536; *V-MS/Vigil*, AA 27, p. 512; Kant, 1997b, p. 276).

ях с существительными выражает, что человек или предмет противоречит чему-то, нарушает нечто. Соответственно, *pflichtwidrig* фактически означает «противное долгу», однако это не то, что имеется в виду. Кроме того, оно и не может быть понято таким образом, поскольку в противном случае эта категория оказалась бы идентичной категории запретного или недозволенного. Однако, поскольку для Канта первая категория отличается от второй, ее значение не может сводиться к тому, что нечто противоречит долгу и нарушает его (см.: Bobzien, 1988, S. 218).

Шютц в своем письме от 23 июня 1788 г. предлагает другое выражение. Отрицая понятие долга, он приходит к термину «не-долг [*Nichtpflicht*]» (AA 10, S. 542). Этот термин может звучать несколько неуклюже по-немецки (не будучи грамматически правильным), но по существу он вполне уместен. Кант и сам отрицает как понятие дозволенного (*Erlaubte*), отрицанием которого является понятие недозволенного (*Unerlaubte*), так и понятие совершенного (*vollkommene*) долга, отрицанием которого является несовершенный (*unvollkommene*) долг. Благодаря такому поиску лучшего выражения вторая пара категорий приобретает лингвистическую очевидность в виде противоречивой оппозиции.

В. Совершенный и несовершенный долг

Категория *совершенного долга* вытекает из функции «логической необходимости» (A 76 / B 101; Кант, 2006, с. 167). Для Канта суждение является логически необходимым, если оно не только логически возможно в том смысле, что согласуется с другим суждением, но и логически действительно в том смысле, что, согласно предполагаемому суждению, одно представление подразумевается в другом, и, кроме того, его *контрадикторная противоположность* ло-

awkward in German (without being grammatically incorrect), but in substance is quite appropriate. Kant himself negates both the concept of the permitted (*Erlaubte*), whose negation is that of the *non*-permitted (*Unerlaubte*), and the concept of perfect (*vollkommene*) duty, whose negation is that of *imperfect* (*unvollkommene*) duty. By this suggestion for a better expression, the second pair of categories becomes linguistically evident as a contradictory opposition.

c) Perfect and Imperfect Duty

The category of *perfect duty* stems from the function of the “logical necessity” (*KrV*, A 76 / B 101; Kant, 1998, p. 210). For Kant, a judgement is logically necessary if it is not only logically possible in that it agrees with another judgement, and even logically actual in that, according to that presupposed judgement, one representation is implied in the other, but, moreover, whose *contradictory opposite* is logically impossible.⁴⁴ For instance, the judgement ‘This bachelor is a man’ admits no alternatives; the bachelor in question cannot also not be a man, for that contradicts his concept.⁴⁵

Consequently, perfect duty is what is *morally necessary*. A practical judgement is morally necessary if it is not only morally possible (permitted) in that it agrees with a moral law, and even morally actual (duty) in that, according to that presupposed law, one representation is already implied in the other, but, moreover,

⁴⁴ “Necessary is that of which the opposite is impossible” (*V-Met-L./Pölitz*, AA 28, p. 557; Kant, 1997c, p. 322; cf. *KrV*, A 592-593 / B 620-621; Kant, 1998, p. 564; *Refl* 6393, AA 18, p. 704).

⁴⁵ The “apodictic proposition” thinks something “to be inseparably connected with the understanding” (*KrV*, A 76 / B 101; Kant, 1998, p. 210). According to Kant, the difference between the logically necessary and contingent is based on a law of formal logic, namely the principle of the excluded middle (see *FM*, AA 02, p. 278; Kant, 2002b, pp. 368-369; *Log*, AA 09, pp. 52-53; Kant, 1992b, p. 560; *Br*, AA 11, p. 45; Kant, 1999, pp. 307-308; *Refl* 2167, AA 16, p. 257; *Refl* 2178, AA 11, p. 260).

гически невозможна⁴¹. Например, суждение «Этот холостяк — мужчина» не допускает альтернатив; рассматриваемый холостяк не может одновременно быть и не мужчиной, так как это противоречит самому его понятию⁴².

Следовательно, совершенный долг — это то, что морально необходимо. Практическое суждение морально необходимо, если оно не только морально возможно (дозволено) в том смысле, что согласуется с моральным законом, но и морально действительно (долг) в том смысле, что, согласно этому предполагаемому закону, одно представление уже подразумевается в другом, и, более того, его *контрадикторная противоположность* морально невозможна (недопустима). Долг права, согласно которому мы должны вернуть депозит, например, не допускает альтернатив. Этот долг может быть реализован только путем возвращения депозита, все остальное противоречит лежащему в его основе моральному закону.

Категория *несовершенного долга* вытекает из функции логически обусловленного. Для Канта суждение является логически обусловленным, если оно не только логически возможно в том смысле, что согласуется с другим суждением, и даже логически действительно, так как, согласно предпосылочному суждению, одно представление подразумевается в другом, но к тому же его *контрадикторная противоположность* логически невозможна⁴³.

⁴¹ «Необходимым является то, противоположное чему невозможно» (AA 28, S. 557; A 592–593 / B 620–621; Кант, 2006, с. 733; AA 18, S. 704).

⁴² Аподиктическая пропозиция полагает, что нечто «неразрывно связано с рассудком» (A 76 / B 101; Кант, 2006, с. 169). Согласно Канту, различие между логически необходимым и контингентным основано на законе формальной логики, а именно на законе исключенного третьего (см.: AA 02, S. 278; Кант, 1994е, с. 400; AA 09, S. 52–53; Кант, 1994б, с. 370; AA 11, S. 45; AA 16, S. 257; AA 11, S. 260).

⁴³ В первой «Критике» мы находим две концепции случайного. С одной стороны, категория модальности: «Случайным в чисто категориальном смысле мы называем то, контрадикторная противоположность чего возможна» (A 458 / B 486; Кант, 2006, с. 613; AA 28, S. 557). А с другой стороны, категория *отношения*:

whose *contradictory opposite* is also morally impossible (non-permitted). The duty of right, e.g. according to which we must return deposits, admits no alternatives. This duty can only be realised by returning the deposit in question, anything else contradicts the underlying moral law.

The category of *imperfect duty* stems from the function of the logical contingent. For Kant, a judgement is logically contingent if it is not only logically possible in that it agrees with another judgement, and even logically actual in that, according to that presupposed judgement, one representation is implied in the other, but, moreover, whose *contradictory opposite* is logically impossible.⁴⁶ For instance, the judgement ‘This bachelor is any man’ allows for alternatives since it leaves open what kind of man the bachelor in question is. Being this instead of that (poor or rich, young or old etc.), does not contradict his concept.

Consequently, imperfect duty is what is *morally contingent*. A practical judgement is morally necessary if it is not only morally possible (permitted) in that it agrees with a moral law, and even morally actual (duty) in that, according to that presupposed law, one representation is already implied in the other, but, moreover, whose *contradictory opposite* is morally impossible (non-permitted). The duty of virtue, e.g. according to which we must pursue the end of contributing to the happiness of others,

⁴⁶ In the first *Critique*, we find two concepts of contingency. On the one hand, the category of *modality*: “In the pure sense of the category, the contingent is whose contradictory opposite is possible” (*KrV*, A 458 / B 486; Kant, 1998, p. 494; cf. *V-Met-L./Pöhlitz*, AA 28, p. 557; Kant, 1997с, p. 322). And on the other hand, the category of *relation*: “but then the concept of the contingent is already taken in such a way that it contains, not the category of modality (as something, the non-existence of which *can be thought*), but that of relation (as something that can only exist as the consequence of something else)” (*KrV*, B 290; Kant, 1998, p. 335).

Например, суждение «Этот холостяк — любой человек» допускает альтернативы, поскольку оставляет открытым вопрос о том, кем является данный холостяк. Быть тем-то, а не тем-то (бедным или богатым, молодым или старым и т.д.) не противоречит его понятию.

Следовательно, несовершенный долг — это то, что морально обусловлено. Практическое суждение является морально необходимым, если оно не только морально возможно (дозволено) потому, что согласуется с моральным законом, и даже морально действительно (долг) потому, что, согласно этому предполагаемому закону, одно представление уже подразумевается в другом, но, более того, его *контрадикторная противоположность* морально невозможна (недопустима). Долг добродетели, например, согласно которому мы должны стремиться к тому, чтобы способствовать счастью других, допускает альтернативы. Этот долг можно реализовать, поступая по-разному; совершая то или иное деяние, мы не противоречим основному моральному закону.

Следовательно, обязанности могут иметь разное содержание. То, что будет сделано, либо совершенно, либо несовершенно *определяется чистым практическим разумом* (см.: Beck, 1960, p. 151; Bobzien, 1988, S. 216; Graband, 2005, S. 64). Некоторые обязанности определяются полной детерминированностью их содержания. Как говорит Кант в «Метафизике нравов», совершаемое действие обусловлено такими обязанностями «с математической точностью» (AA 06, S. 233; Кант, 2014, с. 97). Но некоторые обязанности оставляют «свободному произволению некоторый простор (*latitudo*) для исполнения [закона]...» (AA 06, S. 390; Кант, 2019, с. 47)⁴⁴. В силу

«понятие случайного берется уже в таком смысле, что оно содержит в себе не категорию модальности (как нечто такое, небытие чего можно *мыслить*), а категорию отношения (как нечто такое, что может существовать лишь как следствие чего-то другого)» (B 290; Кант, 2006, с. 385–387).

⁴⁴ Закон «не может с определенностью указывать, как и насколько поступок должен способствовать достижению цели, которая есть в то же время обязанность» (AA 06, S. 390; Кант, 2019, с. 47; см.: AA 06, S. 392–394; Кант, 2019, с. 51–55).

allows for alternatives. This duty can be realised by doing different things and to different degrees; doing this instead of that, does not contradict the underlying moral law.

Hence, duties can have different kinds of content. What is to be done is either perfectly or imperfectly *determined by pure practical reason* (see Beck, 1960, p. 151; Bobzien, 1988, p. 216; Graband, 2005, p. 64). Some duties are defined by the complete determinateness of their content. As Kant says in the *Metaphysics of Morals*, the action to be done is determined by such duties “with mathematical exactitude” (*MS RL*, AA 06, p. 233; Kant, 1996d, p. 389). But some duties leave “a playroom (*latitudo*) for free choice in following” (*MS TL*, AA 06, p. 390; Kant, 1996d, p. 521).⁴⁷ Because of the underdeterminateness of their content, such duties leave it to the subject’s free choice as to how to pursue an end that is also a duty.⁴⁸

7. The Relation of the Categories of Freedom to the *Metaphysics of Morals*

The importance of Kant’s doctrine of the categories of practical reason is not limited to the second *Critique*. Indeed, this doctrine is already important insofar as concepts known from Kant’s earlier writings on moral philosophy — concepts such as maxim, precept and law, commission and omission, personality and person, the forbidden, permitted and duty — are now revealed to be concepts of a *categorical* rank. This revelation puts them on par with the categories

⁴⁷ “[...] the law cannot specify precisely in what way one is to act and how much one is to do by the action for an end that is also a duty” (*MS TL*, AA 06, p. 390; Kant, 1996d, p. 521; cf. *MS TL*, AA 06, pp. 392-394; Kant, 1996d, pp. 523-524).

⁴⁸ In this regard, in his drafts for the *Metaphysics of Morals*, Kant speaks several times of the “power of choice” (*VARL*, AA 23, p. 249; Kant, 2016, p. 235; cf. *VARL*, AA 23, pp. 248, 378).

недоопределенности своего содержания подобные обязанности оставляют за субъектом право свободного выбора способа достижения цели, которая одновременно является и долгом⁴⁵.

7. Отношение категорий свободы к «Метафизике нравов»

Значение учения Канта о категориях практического разума не ограничивается второй «Критикой». В самом деле, это учение важно уже потому, что понятия, известные из ранних работ Канта по моральной философии, — такие, как максима, предписание и закон, действие и недеяние, личность и лицо, недозволенное, дозволенное и долг, — теперь раскрываются как понятия *категориального* ранга. Это открытие ставит их в один ряд с категориями теоретического разума и сводит их в систематическую таблицу⁴⁶.

И учение Канта о категориях свободы имеет, в частности, значение для так называемого теста универсализации. Этот тест, который определяет моральность максимы путем ее универсализации и который Кант рассматривает в главе «О типике чистой практической способности суждения» (AA 05, S. 67; Кант, 1997, с. 453), проходит по модальным категориям. Проверяется, является максима недозволенной (не универсализируемой) или дозволенной (универсализируемой), и если последнее — противоречит она долгу (не-долгу) или согласуется с ним, и, опять же, если последнее — согласуется максима с совершенным долгом или с несовершенным⁴⁷.

⁴⁵ В связи с этим в черновиках «Метафизики нравов» Кант несколько раз говорит о «силе выбора» (AA 23, S. 249; см.: Ibid., S. 248, 378).

⁴⁶ Как известно, Кант считает таблицу категорий природы (выведенную из таблицы суждений) полной. Однако не столь известно, что это утверждение в равной степени справедливо и для таблицы категорий свободы (поскольку она также выводится из таблицы суждений). Об этом см.: (Zimmermann, 2020).

⁴⁷ Подробнее см.: (Zimmermann, 2015).

of theoretical reason, and it brings them together in a systematic table.⁴⁹

And Kant's doctrine of the categories of freedom has, for example, importance for the so-called universalisation test. This test, which determines the morality of a maxim by universalising it and which Kant deals with directly afterwards in the chapter "Of the Typic of Pure Practical Judgment" (*KpV*, AA 05, p. 67; Kant, 1996a, p. 194), proceeds along the modal categories. The test checks whether a maxim is forbidden (not universalisable) or permitted (universalisable), and, if the latter, whether it is contrary to duty (a non-duty) or consistent with duty, and again, if the latter, whether the maxim is consistent with a perfect or an imperfect duty.⁵⁰

However, the importance of Kant's doctrine of practical categories reaches beyond his foundation of moral philosophy, for he associates with their table a *system-building claim*. This claim is just as ambitious as the one Kant associates with the categories of nature and their table in the first *Critique*. As he writes in the second *Critique*: "In this way one surveys the whole plan of what has to be done, every question of practical philosophy that has to be answered, and also the order that is to be followed" (*KpV*, AA 05, p. 67; Kant, 1996a, p. 194).

Kant's idea in 1788 seems to be that the table of the practical categories relates to the *Metaphysics of Morals* — which had yet to be elaborated at that time — in the same or a similar way to how the table of the theoretical categories relates to the *Metaphysical Foundations of Natural Science*, which had been published in 1786. While one table outlines the system of the metaphysics of freedom, the other one outlines the system of the metaphysics of nature.

⁴⁹ As is well known, Kant considers the table of the categories of nature (derived from the table of judgements) to be complete. Less known, however, is that the claim is equally true of the table of the categories of freedom (since it is also derived from the table of judgements). For this, see Zimmermann (2020).

⁵⁰ For more detail, see Zimmermann (2015).

Однако значение учения Канта о практических категориях выходит за рамки его обоснования моральной философии, ведь с их таблицей он связывает *само требование построения системы*. Это требование столь же амбициозно, как и то, которое Кант связывает с категориями природы и их таблицей в первой «Критике». Как он пишет во второй «Критике», «так отсюда виден весь план того, что надо сделать, даже каждый вопрос практической философии, на который необходимо ответить, и вместе с тем порядок, которому надо следовать» (AA 05, S. 67; Кант, 1997, с. 451).

Кант в 1788 г., по-видимому, полагал, что таблица практических категорий будет соотноситься с «Метафизикой нравов», не разработанной еще к тому времени, так же или примерно так же, как таблица теоретических категорий соотносится с «Метафизическими началами естествознания», опубликованными в 1786 г. Если в одной таблице излагается система метафизики свободы, то в другой — система метафизики природы.

Впервые этот предстоящий проект появляется примерно десятью годами ранее, в заметках, которые Кант включил в свое издание «*Initia philosophiae practicae*» Баумгартена. В этих заметках, написанных между 1776 и 1778 гг., говорится о «категориях морали» и «функциях свободы» (AA 19, S. 180 (№ 6854)), а также о «категориях чистой воли» (AA 19, S. 192 (№ 6888), 211 (№ 6948)). Однако в его опубликованных работах по моральной философии после критического поворота в 1781 г. больше нет упоминаний о чем-либо подобном⁴⁸.

⁴⁸ В «Основоположении...» Кант перечисляет «категории единства..., множественности... и целостности»; он соотносит их с «формой воли», с ее «материей» и с «тотальностью их системы» (AA 04, S. 436; Кант, 1994д, с. 193). Однако это теоретические категории, а именно категории количества. Точно так же в «Метафизике нравов» (в §4 «Учение о праве») Кант делит внешние объекты «согласно категориям *субстанции, каузальности и общения* между мной и внешними предметами по законам свободы» (AA 06, S. 247; Кант, 2014, с. 129). Это опять же теоретические категории, а именно категории отношения (см. также: AA 06, S. 101–102; Кант, 1994з, с. 105–106).

An upcoming project emerges for the first time about ten years earlier, in notes that Kant entered into his edition of Baumgarten's *Initia philosophiae practicae*. These notes, written between 1776 and 1778, read "categories of morality" and "functions of freedom" (Refl 6854, AA 19, p. 180; Kant, 2005, p. 441), as well as "categories of the pure will" (Refl 6888, AA 19, p. 192; Refl 6948, AA 19, p. 211; Kant, 2005, p. 451). However, in his published writings on moral philosophy after the critical turn in 1781, there is no further mention of something like this.⁵¹

Evidence that Kant initially intended to organise the *Metaphysics of Morals* in accordance with the categories of freedom can be seen from drafts of his late writing, unpublished by himself (cf. VARL, AA 23, pp. 218, 274, 298, 302; Kant, 2016, pp. 256, 278-279, 299-300, 302; VATL, AA 23, p. 382). In this context, Kant's letter to Jung-Stilling, dated after 1 March 1789, should also be noted. There, he announces his intention to begin writing his *Metaphysics of Morals* in the summer, and he outlines his (preliminary) answer to the question "how laws should be given in a civil society that is already presupposed" (Br, AA 23, p. 495; Kant, 1999, p. 290).

Lawgiving in a civil society, when dealing with a legal matter that is due for decision, is supposed to be guided by the four titles of the categories of freedom, i.e. by their "quantity", "quality", "relation" and "modality". The titles are said to contain criteria for positive laws le-

⁵¹ In the *Groundwork*, Kant lists the "categories of the unity [...], the plurality [...], and the allness"; and he relates them to the "form of the will", to its "matter", and to "the system of these" (GMS, AA 04, p. 436; Kant, 1996b, p. 86). However, these are theoretical categories, namely those of quantity. Likewise in the *Metaphysics of Morals*, Kant (in §4 of the "Doctrine of Right") divides the external objects according to the "categories of substance, causality, and community between myself and external objects in accordance with laws of freedom" (MS RL, AA 06, p. 247; Kant, 1996d, p. 402). These are again theoretical categories, namely those of relation (see also RGV, AA 06, pp. 101-102; Kant, 1996c, p. 136).

О том, что Кант изначально намеревался выстроить «Метафизику нравов» в соответствии с категориями свободы, свидетельствуют не опубликованные им самим черновики поздних сочинений (AA 23, S. 218, 274, 298, 302, 382). В этой связи следует также обратить внимание на письмо Канта к Юнг-Штиллингу, датированное 1 марта 1789 г. В нем он сообщает о своем желании приступить летом к написанию «Метафизики нравов» и излагает свой (предварительный) ответ на вопрос, «как следует принимать законы в уже созданном гражданском обществе» (AA 23, S. 495).

В гражданском обществе законотворчество при решении правового вопроса должно руководствоваться четырьмя группами категорий свободы, то есть их «количеством», «качеством», «отношением» и «модальностью». Эти группы, как утверждается, содержат критерии позитивных законов, легитимных в высшем смысле естественного права. Иными словами, Кант имеет в виду не только то, что философская доктрина права может найти общий язык с категориями, но и то, что политическая практика (*qua* доктрина права, осуществляемая в действительности) также может добиться этого⁴⁹.

Соответствует ли опубликованная «Метафизика нравов» этому первоначальному замыслу и организована ли она согласно категориям свободы — это, конечно, *другой* вопрос. На сегодняшний день этому вопросу посвящены две монографии. М. Дж. Грегор считает, что деление поздних работ Канта на право («Учение о праве») и этику («Учение о добродетели») является результатом применения категорического императива (Gregor, 1963). Между тем М. Зенгер ограничивает свою работу сферой права и для реконструкции ее организации в особенности опирается на категории природы (Sänger, 1982).

⁴⁹ Идея о том, что политика — это доктрина права, применяемая на практике, взята из работы Канта «К вечному миру», опубликованной в 1795 г. (AA 08, S. 370; Кант, 1994а, с. 431).

gitimate in the higher sense of natural law. In other words, Kant not only has in mind that the philosophical doctrine of right can find hold with the categories, but also that political practice (*qua* doctrine of right put into practice) can do so as well.⁵²

Whether the published *Metaphysics of Morals* actually fulfils this initial intention and is organised in accordance with the categories of freedom, is of course a *different* question. Two monographs deal with this question to date. Mary J. Gregor (1963) holds that the division of Kant's late writing into right ("Doctrine of Right") and ethics ("Doctrine of Virtue") results from an application of the categorical imperative. Meanwhile, Monika Sängler (1982) restricts herself to the sphere of right, and for the reconstruction of its organisation she also and especially draws upon the categories of nature.

As a brief consideration of the relation of the categories of freedom to the *Metaphysics of Morals*, I would just like to highlight that Kant includes *only* one division of duties into the table of the categories. In doing so, he clearly emphasises this division as the (or a) fundamental one. This division recurs in the *Metaphysics of Morals* in connection with Kant's distinction between duties of right and duties of virtue (*cf.* MS RL, AA 06, p. 240; Kant, 1996d, p. 395; MS TL, AA 06, p. 390; Kant, 1996d, p. 521).⁵³ For this reason, some commentators identify the two distinctions and understand duties of right to be perfect duties and duties of virtue imperfect duties (see Beck, 1960, pp. 151-152; Hill, 1971, pp. 56-58; Kersting, 1982, pp. 203, 212-213; Bobzien, 1988, pp. 215-216; Graband, 2005, pp. 61, 64; Kersting, 2007, p. 151).

⁵² The phrase that politics is doctrine of right put into practice stems from Kant's *Toward Perpetual Peace*, published in 1795 (*cf.* ZeF, AA 08, p. 370; Kant, 1996e, p. 338).

⁵³ See already Kant's lecture on metaphysics of morals in the winter semester 1793/94 (*cf.* V-MS/Vigil, AA 27, pp. 578, 581, 585; Kant, 1997b, pp. 329-330, 332, 335) and on practical philosophy in the winter semester 1784/85 (*cf.* V-Mo/Mron II, AA 29, p. 617; Kant, 1997a, p. 237).

В качестве краткого рассмотрения связи категорий свободы с «Метафизикой нравов» я хотел бы лишь подчеркнуть, что Кант включает в таблицу категорий *только одно* разделение обязанностей. При этом он явно подчеркивает это разделение как фундаментальное. Это деление повторяется в «Метафизике нравов» в связи с разграничением Кантом правовых обязанностей и обязанностей добродетели (AA 06, S. 240; Кант, 2014, с. 115; AA 06, S. 390; Кант, 2019, с. 45–47)⁵⁰. По этой причине некоторые комментаторы отождествляют эти два различия и понимают обязанности права как совершенный долг, а обязанности добродетели — как несовершенный долг (см.: Beck, 1960, p. 151–152; Hill, 1971, p. 56–58; Kersting, 1982, S. 203, 212–213; Bobzien, 1988, S. 215–216; Graband, 2005, S. 61, 64; Kersting, 2007, S. 151).

Это не может быть верно, поскольку не все совершенные обязанности являются обязанностями права. В «Метафизике нравов» сфера этики также содержит «совершенные обязанности перед самим собой» (AA 06, S. 421; Кант, 2019, с. 111), и они не являются *ни* обязанностями права, *ни* обязанностями добродетели⁵¹. Напротив, Кант, похоже, опирается на другое фундаментальное разделение обязанностей, так что обязанности права кажутся совершенными обязанностями по отношению к *другим*, а обязанности добродетели — кажущимися несовершенными обязанностями по отношению к себе или другим. Однако это не меняет того факта, что различие между совершенными и несовершенными обязанностями имеет категориальное основание, а различие между обязанностями по отношению к себе и к другим — нет.

⁵⁰ См. лекцию Канта о метафизике нравов за зимний семестр 1793/94 г. (AA 27, S. 578, 581, 585) и по практической философии в зимнем семестре 1784/85 г. (AA 29, S. 617).

⁵¹ О «Совершенных обязанностях перед самим собой» см.: (Herman, 2021, p. 104–106).

This cannot be correct since not all perfect duties are duties of right. In the *Metaphysics of Morals*, the sphere of ethics also contains “Perfect duties to oneself” (MS TL, AA 06, p. 421; Kant, 1996d, p. 546), and these are *neither* duties of right *nor* duties of virtue.⁵⁴ Instead, Kant seems to draw on another fundamental division of duties, so that duties of right seem to be perfect duties *to others* and duties of virtue are seemingly imperfect duties *to oneself* or *to others*. However, this does not change the fact that the distinction between perfect and imperfect duties is of a categorical rank, while that between duties to oneself and to others is not.

8. Conclusion

I conclude with a brief remark on another limit to the analogy between the categories of freedom and those of nature. There seem to be not only different types of categories within the table of the categories of freedom as Kant presents it in the second *Critique*, but also different ways of presenting them. For after all, Kant exhibits the categories as the heading of the table reads, “with Respect to the Concepts of the Good and Evil” (KpV, AA 05, p. 66; Kant, 1996a, p. 193). This indicates another “respect” with which these categories (all or some) can be exhibited.

This is another significant difference to the categories of nature. They cannot be exhibited with any “respect”. Presumably this is due to the peculiarity of practical reason as well, namely that reason has a twofold practical use. Kant does not name a verb that indicates what it is that happens to the categories “with Respect to the Concepts of the Good and Evil”. I presume that they are not considered one way or the other (see Pieper, 1973, pp. 150-151) but are *developed* from the functions of the intellect.

The other “respect” with which the categories can be exhibited could be seen in the con-

⁵⁴ For “Perfect duties to oneself”, see Herman (2021, pp. 104-106).

8. Заключение

В заключение я хотел бы сделать небольшое замечание по поводу еще одного ограничения для аналогии между категориями свободы и природы. Похоже, что в таблице категорий свободы, как ее представляет Кант во второй «Критике», есть не только разные типы категорий, но и разные способы их демонстрации. В частности, Кант выставляет категории, как гласит заголовок таблицы, «в аспекте понятий доброго и злого» (AA 05, S. 66; Кант, 1997, с. 449). Это указывает на другое «отношение», в котором могут быть представлены эти категории (все или некоторые).

Это еще одно существенное отличие от категорий природы. Они не могут быть показаны в каком-либо «отношении». Предположительно, это связано и с особенностями практического разума, а именно с тем, что разум имеет двойное практическое применение. Кант не употребляет глаголов, указывающих на то, что происходит с категориями «в отношении понятий добра и зла». Я предполагаю, что они не рассматриваются так или иначе (см.: Pieper, 1973, S. 150–151), а *вырабатываются* из функций интеллекта.

Другое «отношение», в котором могут быть представлены категории, можно увидеть в понятиях *блага* (*Wohl*) и *несчастья* (*Übel*), поскольку во второй, основной главе Кант уделяет много времени их отличию от понятий добра и зла, связывая первые с эмпирическим, а вторые — с чистым практическим разумом. Если это так, то категории (все или лишь некоторые) могли бы быть развиты из функций интеллекта: как из функций чистой воли, так и функций эмпирической воли. По крайней мере, это различие между аспектами, как представляется, действует в метафизической дедукции *модальных* категорий⁵².

⁵² Бентон предлагает называть категории чистой воли «моральными», а эмпирической воли — «категориями благоразумия» (Benton, 1980, p. 183).

cepts of *well-being* (*Wohl*) and *woe* (*Übel*). For, in the second main chapter, Kant spends much time distinguishing them from the concepts of good and evil in that he associates the former with empirical and the latter with pure practical reason. If so, the categories (all or only some) could be developed from the functions of the intellect, both as those of the pure will and those of the empirical will. At the very least, this distinction between respects seems to take effect in the metaphysical deduction of the *modal* categories.⁵⁵

Kant himself hints at this in the footnote of the “Preface” to the second *Critique*, where he briefly touches upon the categories of modality. However, if these categories allow for a twofold metaphysical deduction, then not all practical categories can be accommodated in one table. We must distinguish between the *doctrine* of the categories and the *table* of the categories as Kant exposes it. The former comprises the categories of the entire practical reason, of which the latter exposes only a part. In the relevant footnote, Kant illustrates the first pair of categories: “Thus, for example, it is *forbidden* to an orator, as such, to forge new words or constructions; this is to some extent *permitted* to a poet; in neither case is there any thought of duty” (*KpV*, AA 05, p. 11n; Kant, 1996a, p. 145n) “For”, Kant continues, “if anyone is willing to forfeit his reputation as an orator, no one can prevent him”. This can obviously not be a *moral* forbiddance or permission.⁵⁶

For reasons of scope, however, I cannot go into this further here.⁵⁷

⁵⁵ Benton (1980, p. 183) suggests naming the categories of the pure will “moral” and those of the empirical will “prudential categories”.

⁵⁶ Schütz also points this out in his letter to Kant: “In the Preface to the Critique of Pure Practical Reason the example of a permitted action that is introduced there, what an orator is permitted to do, etc. seems to me to be a μεταβασις εἰς ἄλλο γένος, namely to the *Rules of Skill*, which you yourself have wisely distinguished from *commandments* of morality” (*Br*, AA 10, pp. 542–543; Kant, 1999, p. 280).

⁵⁷ In the relevant footnote, Kant does not comment on the remaining modal categories. I refer here to my own remarks in Zimmermann (2011, pp. 296–298).

Кант и сам намекает на это в примечании к Предисловию во второй «Критике», где он вкратце касается категорий модальности. Однако если эти категории допускают двоякую метафизическую дедукцию, то далеко не все практические категории могут быть помещены в одну таблицу. Мы должны различать учение о категориях и таблицу категорий, как ее раскрывает Кант. Первое включает в себя категории всего практического разума, а вторая раскрывает лишь часть из них. В соответствующем примечании Кант иллюстрирует первую пару категорий: «Так, например, оратору, как таковому, *недозволительно* создавать новые слова и словосочетания; поэту же это до известной степени *позволительно*» (АА 05, S. 11 Анм.; Кант, 1997, с. 303, примеч.). В самом деле, продолжает Кант, «кто хочет обесславить оратора, никто в этом помешать не может». Это, очевидно, не может быть *моральным* дозволенным или *недозволенным*⁵³. Однако по соображениям объема я не смогу здесь углубиться в эту тему⁵⁴.

Список литературы

Кант И. Антропология с прагматической точки зрения // Собр. соч. : в 8 т. М. : Чоро, 1994а. Т. 7. С. 137–376.

Кант И. Логика, 1800 // Собр. соч. : в 8 т. М. : Чоро, 1994б. Т. 8. С. 266–398.

Кант И. Метафизические начала естествознания // Собр. соч. : в 8 т. М. : Чоро, 1994в. Т. 4. С. 247–372.

Кант И. Опыт введения в философию понятия отрицательных величин // Собр. соч. : в 8 т. М. : Чоро, 1994г. Т. 2. С. 41–84.

⁵³ Шютц также указывает на это в своем письме к Канту: «В Предисловии к Критике чистого практического разума пример дозволенного действия, что разрешается оратору и т.д., кажется мне *μεταβασις εις άλλο γενοσ*, а именно к правилам мастерства, которые вы сами мудро отличаете от заповедей морали» (АА 10, S. 542–543).

⁵⁴ В соответствующей сноске Кант не комментирует остальные модальные категории. Я ссылаюсь здесь на свои собственные замечания в кн.: (Zimmermann, 2011, S. 296–298).

References

Abaci, U., 2019. *Kant's Revolutionary Theory of Modality*. Oxford: Oxford University Press.

Allison, H., 1995. *Kant's Theory of Freedom*. Cambridge: Cambridge University Press.

Bader, R. M., 2009. Kant and the Categories of Freedom. *British Journal for the History of Philosophy*, 17, pp. 799-820.

Baumgarten, A. G., 1760. *Initia philosophiae practicae primae acroamaticae*. Halle: C. H. Hemmerde.

Beck, L. W., 1960. *A Commentary on Kant's Critique of Practical Reason*. Chicago: The University of Chicago Press.

Bendavid, L., 1796. *Vorlesungen über die Critik der practischen Vernunft*. Wien: J. Stahel.

Benton, R. J., 1980. Kant's Categories of Practical Reason as Such. *Kant-Studien*, 71, pp. 181-201.

Bobzien, S., 1988. Die Kategorien der Freiheit bei Kant. In: H. Oberer, ed. 1988. *Kant. Analysen – Probleme – Kritik. Volume 1*. Würzburg: Königshausen & Neumann, pp. 193-219.

Bojanowski, J., 2015. Categories of Freedom as Categories of Practical Cognition. *Kantian Review*, 20, pp. 211-234.

Fulda, H. F., 2006. Notwendigkeit des Rechts unter Voraussetzung des Kategorischen Imperativs der Sittlichkeit. *Jahrbuch für Recht und Ethik*, 14, pp. 167-213.

Graband, C., 2005. Das Vermögen der Freiheit. Kants Kategorien der praktischen Vernunft. *Kant-Studien*, 96, pp. 41-65.

Gregor, M. J., 1963. *Laws of Freedom. A Study of Kant's Method of Applying the Categorical Imperative in the Metaphysik der Sitten*. New York: Barnes & Noble.

Haas, B., 1997. Die Kategorien der Freiheit. In: H. Oberer, ed. 1997. *Kant. Analysen – Probleme – Kritik. Volume 3*. Würzburg: Königshausen & Neumann, pp. 41-80.

Herman, B., 2021. *The Moral Habitat*. Oxford: Oxford University Press.

Hill Jr., T. E., 1971. Kant on Imperfect Duty and Supererogation. *Kant-Studien*, 62, pp. 55-76.

Horn, C., 2002. Wille, Willensbestimmung, Begehrungsvermögen. In: O. Höffe, ed. 2002. *Immanuel Kant. Kritik der praktischen Vernunft*. Berlin: Akademie Verlag, pp. 43-61.

Kant, I., 1992a. Attempt to Introduce the Concept of Negative Magnitudes into Philosophy. In: I. Kant, 1992. *Theoretical Philosophy, 1755-1770*. Translated and edited by D. Walford. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 203-242.

Кант И. Основоположение к метафизике нравов // Собр. соч. : в 8 т. М. : Чоро, 1994д. Т. 4. С. 153–245.

Кант И. Приложение о вопросе, предложенном на премию королевской берлинской академией наук в 1791 году: Какие действительные успехи создала метафизика в Германии со времени Лейбница и Вольфа? // Собр. соч. : в 8 т. М. : Чоро, 1994е. Т. 7. С. 377–480.

Кант И. Прологомены ко всякой будущей метафизике, которая может появиться как наука // Собр. соч. : в 8 т. М. : Чоро, 1994ж. Т. 4. С. 5–152.

Кант И. Религия в пределах только разума // Собр. соч. : в 8 т. М. : Чоро, 1994з. Т. 6. С. 5–223.

Кант И. К вечному миру // Соч. на нем. и рус. яз. М. : Ками, 1994и. Т. 1. С. 353–478.

Кант И. Критика практического разума // Соч. на нем. и рус. яз. М. : Московский философский фонд, 1997. Т. 3. С. 277–733.

Кант И. Критика способности суждения // Соч. на нем. и рус. яз. М. : Наука, 2001а. Т. 4. С. 68–833.

Кант И. Первое введение в «Критику способности суждения» // Соч. на нем. и рус. яз. М. : Наука, 2001б. Т. 4. С. 834–959.

Кант И. Критика чистого разума. 2-е изд. (В) // Соч. на нем. и рус. яз. М. : Наука, 2006. Т. 2, ч. 1.

Кант И. Метафизика нравов. Часть первая. Метафизические первоначала учения о праве // Соч. на нем. и рус. яз. М. : «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2014. Т. 5, ч. 1. С. 19–474.

Кант И. Метафизика нравов. Часть вторая. Метафизические основные начала учения о добродетели // Соч. на нем. и рус. яз. М. : «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2019. Т. 5, ч. 2. С. 17–428.

Abaci U. Kant's Revolutionary Theory of Modality. Oxford : Oxford University Press, 2019.

Allison H. Kant's Theory of Freedom. Cambridge : Cambridge University Press, 1995.

Bader R. M. Kant and the Categories of Freedom // British Journal for the History of Philosophy. 2009. Vol. 17, №4. P. 799–820.

Baumgarten A. G. Initia philosophiae practicae primae acroamaticae. Halle : C. H. Hemmerde, 1760.

Beck L. W. A Commentary on Kant's Critique of Practical Reason. Chicago : The University of Chicago Press, 1960.

Bendavid L. Vorlesungen über die Kritik der praktischen Vernunft. Wien : J. Stahel, 1796.

Benton R. J. Kant's Categories of Practical Reason as Such // Kant-Studien. 1980. Bd. 71, №1. P. 181–201.

Kant, I., 1992b. The Jäsche Logic, in: I. Kant, 1992. *Lectures on Logic*. Translated and edited by J. M. Young. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 521-630.

Kant, I., 1996a. Critique of Practical Reason. In: I. Kant, 1996. *Practical Philosophy*. Translated and edited by M. J. Gregor. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 139-271.

Kant, I., 1996b. Groundwork of the Metaphysics of Morals. In: I. Kant, 1996. *Practical Philosophy*. Translated and edited by M. J. Gregor. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 43-108.

Kant, I., 1996c. Religion within the Boundaries of Mere Reason. In: I. Kant, 1996. *Religion and Rational Theology*. Translated by G. Di Giovanni, edited by G. Di Giovanni and A. W. Wood. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 39-216.

Kant, I., 1996d. The Metaphysics of Morals. In: I. Kant, 1996. *Practical Philosophy*. Translated and edited by M. J. Gregor. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 364-603.

Kant, I., 1996e. Toward Perpetual Peace. In: I. Kant, 1996. *Practical Philosophy*. Translated and edited by M. J. Gregor. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 317-351.

Kant, I., 1997a. Morality According to Prof. Kant: Mrongovius's Second Set of Lecture Notes (Selections). In: I. Kant, 1997. *Lectures on Ethics*. Translated by P. Heath, edited by P. Heath and J. B. Schneewind. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 223-248.

Kant, I., 1997b. Kant on the Metaphysics of Morals: Vigilantius's Lecture Notes. In: I. Kant, 1997. *Lectures on Ethics*. Translated by P. Heath, edited by P. Heath and J. B. Schneewind. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 249-452.

Kant, I., 1997c. Metaphysik L₂. In: I. Kant, 1997. *Lectures on Metaphysics*. Translated and edited by K. Ameriks and S. Naragon. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 299-354.

Kant, I., 1997d. Metaphysik Mrongovius. In: I. Kant, 1997. *Lectures on Metaphysics*. Translated and edited by K. Ameriks and S. Naragon. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 109-286.

Kant, I., 1998. *Critique of Pure Reason*. Translated and edited by P. Guyer and A. W. Wood. Cambridge: Cambridge University Press.

Kant, I., 1999. *Correspondence*, Translated and edited by Arnulf Zweig, Cambridge: Cambridge University Press.

Bobzien S. Die Kategorien der Freiheit bei Kant // Kant. Analysen – Probleme – Kritik / hrsg. von H. Oberer. Würzburg : Königshausen & Neumann, 1988. Bd. 1. S. 193–219.

Bojanowski J. Categories of Freedom as Categories of Practical Cognition // Kantian Review. 2015. Vol. 20, № 2. P. 211–234.

Fulda H.F. Notwendigkeit des Rechts unter Voraussetzung des Kategorischen Imperativs der Sittlichkeit // Jahrbuch für Recht und Ethik. 2006. Bd. 14. S. 167–213.

Graband C. Das Vermögen der Freiheit. Kants Kategorien der praktischen Vernunft // Kant-Studien. 2005. Bd. 96, № 1. S. 41–65.

Gregor M.J. Laws of Freedom. A Study of Kant's Method of Applying the Categorical Imperative in the Metaphysik der Sitten. N. Y. : Barnes & Noble, 1963.

Haas B. Die Kategorien der Freiheit // Kant. Analysen – Probleme – Kritik / hrsg. von H. Oberer. Würzburg : Königshausen & Neumann, 1997. Bd. 3. S. 41–80.

Herman B. The Moral Habitat. Oxford : Oxford University Press, 2021.

Hill Jr. T. E. Kant on Imperfect Duty and Supererogation // Kant-Studien. 1971. Bd. 62. P. 55–76.

Horn C. Wille, Willensbestimmung, Begehrungsvermögen // Immanuel Kant. Kritik der praktischen Vernunft / hrsg. von O. Höffe. Berlin : Akademie Verlag, 2002. S. 43–61.

Kersting W. Das starke Gesetz der Schuldigkeit und das schwächere der Gütigkeit. Kant und die Pflichtenlehre des 18. Jahrhunderts // Studia Leibnitiana, 1982. Bd. 14. S. 184–220.

Kersting W. Wohlgeordnete Freiheit. Immanuel Kants Rechts- und Staatsphilosophie. Paderborn : Mentis, 2007.

Kobusch T. Die Kategorien der Freiheit. Stationen einer historischen Entwicklung: Pufendorf, Kant, Chalybäus // Allgemeine Zeitschrift für Philosophie. 1990. Bd. 15. S. 13–38.

Kontos P. Kant's Categories of Freedom as Rules of Moral Salience // Zeitschrift für philosophische Forschung. 2011. Bd. 65, № 2. P. 218–240.

Mellin G. S. A. Encyclopädisches Wörterbuch der kritischen Philosophie. Jena ; Leipzig: F. Frommann, 1800. Bd. 3.

Mellin G. S. A. Encyclopädisches Wörterbuch der kritischen Philosophie. Jena ; Leipzig : F. Frommann, 1802. Bd. 4.

Michaelis C. F. Ueber die sittliche Natur und Bestimmung des Menschen. Ein Versuch zur Erläuterung über I. Kants Kritik der praktischen Vernunft. Leipzig : J. G. Beigang, 1796. Bd. 1.

Kant, I., 2000. *Critique of the Power of Judgment*. Translated by P. Guyer and E. Matthews, edited by P. Guyer. Cambridge: Cambridge University Press.

Kant, I., 2002a. *Metaphysical Foundations of Natural Science*. In: I. Kant, 2002. *Theoretical Philosophy after 1781*. Translated by M. Friedman, edited by H. Allison and P. Heath. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 171-270.

Kant, I., 2002b. *On a Discovery whereby Any New Critique of Pure Reason is to Be Made Superfluous by an Older One*. In: I. Kant, 2002. *Theoretical Philosophy after 1781*. Translated by H. Allison, edited by H. Allison and P. Heath. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 272-336.

Kant, I., 2002c. *Prolegomena to Any Future Metaphysics that Will be Able to Come Forward as Science*. In: I. Kant, 2002. *Theoretical Philosophy after 1781*. Translated by G. Hatfield, edited by H. Allison and P. Heath. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 29-170.

Kant, I., 2005. *Notes and Fragments*. Translated by C. Bowman, P. Guyer and F. Rauscher, edited by P. Guyer. Cambridge: Cambridge University Press.

Kant, I., 2007. *Anthropology from a Pragmatic Point of View*. In: I. Kant, 2007. *Anthropology, History, and Education*. Edited by G. Zöllner and R. B. Louden. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 227-429.

Kant, I., 2016. *Drafts for the Metaphysics of Morals*. In: I. Kant, 2016. *Lectures and Drafts on Political Philosophy*. Translated by F. Rauscher and K. Westphal, edited by F. Rauscher. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 233-354.

Kersting, W., 1982. *Das starke Gesetz der Schuldigkeit und das schwächere der Gütigkeit. Kant und die Pflichtenlehre des 18. Jahrhunderts*. *Studia Leibnitiana*, 14, pp. 184-220.

Kersting, W., 2007. *Wohlgeordnete Freiheit. Immanuel Kants Rechts- und Staatsphilosophie*. Third Edition. Paderborn: Mentis.

Kobusch, T., 1990. *Die Kategorien der Freiheit. Stationen einer historischen Entwicklung: Pufendorf, Kant, Chalybäus*. *Allgemeine Zeitschrift für Philosophie*, 15, pp. 13-37.

Kontos, P., 2011. *Kant's Categories of Freedom as Rules of Moral Salience*. *Zeitschrift für philosophische Forschung*, 65, pp. 218-240.

Mellin, G. S. A., 1800. *Encyclopädisches Wörterbuch der kritischen Philosophie*. Volume 3. Jena & Leipzig: F. Frommann.

Nenon T. Freedom, Responsibility, Character: Some Reflections on Kant's Notion of the Person // *Jahrbuch für Recht und Ethik*. 1993. Bd. 1. P. 159–168.

Patzig G. Die logischen Formen praktischer Sätze in Kants Ethik // *Kant-Studien*. 1965. Bd. 56. S. 237–252.

Pieper A. Sprachanalytische Ethik und praktische Freiheit. Das Problem der Ethik als autonomer Wissenschaft. Stuttgart : Kohlhammer, 1973.

Pieper A. Zweites Hauptstück (57–71) // Immanuel Kant. *Kritik der praktischen Vernunft* / hrsg. von O. Höffe. Berlin : Akademie Verlag, 2002. S. 115–133.

Puls H. Funktionen der Freiheit. Die Kategorien der Freiheit in Kants Kritik der praktischen Vernunft. Berlin ; Boston : De Gruyter, 2013.

Sänger M. Die kategoriale Systematik in den „Metaphysischen Anfangsgründen der Rechtslehre“. Ein Beitrag zur Methodenlehre Kants. Berlin ; N. Y. : De Gruyter, 1982.

Simon J. Kategorien der Freiheit und der Natur. Zum Primat des Praktischen bei Kant // *Kategorien und Kategorialität. Historisch-systematische Untersuchungen zum Begriff der Kategorie im philosophischen Denken* / hrsg. von D. Koch, K. Bort. Würzburg : Königshausen & Neumann, 1990. S. 107–130.

Willaschek M. *Praktische Vernunft. Handlungstheorie und Moralbegründung bei Kant*. Stuttgart ; Weimar : J. B. Metzler, 1992.

Wolff C. *Grundsätzen des Natur- und Völkerrechts*. Halle : Rengersche Buchhandlung, 1754.

Zimmermann S. *Kants „Kategorien der Freiheit“*. Berlin ; Boston : De Gruyter, 2011.

Zimmermann S. Wovon handelt Kants ‚Typik der reinen praktischen Urteilskraft‘? // *Kant-Studien*. 2015. Bd. 106. S. 430–460.

Zimmermann S. Kant on ‘Moral Arguments’: What Does the Objectivity of a Postulate of Pure Practical Reason Consist in? // *The Highest Good in Kant's Philosophy* / ed. by T. Höwing. Berlin ; Boston : De Gruyter, 2016a. P. 131–155.

Zimmermann S. Kants metaphysische Deduktion der Ideen in der Kritik der reinen Vernunft // *Philosophisches Jahrbuch*. 2016b. Bd. 123. S. 58–88.

Zimmermann S. Zu den Freiheitskategorien der Quantität, Qualität und Relation. Eine Selbstkorrektur // *Die „Kategorien der Freiheit“ in Kants praktischer Philosophie. Historisch-systematische Beiträge* / hrsg. von S. Zimmermann. Berlin ; Boston : De Gruyter, 2016b. S. 217–246.

Mellin, G.S.A., 1802. *Encyclopädisches Wörterbuch der kritischen Philosophie*. Volume 4. Jena & Leipzig: F. Frommann.

Michaelis, C.F., 1796. *Ueber die sittliche Natur und Bestimmung des Menschen. Ein Versuch zur Erläuterung über I. Kants Kritik der praktischen Vernunft*. Volume 1. Leipzig: J. G. Beigang.

Nenon, T., 1993. Freedom, Responsibility, Character: Some Reflections on Kant's Notion of the Person. *Jahrbuch für Recht und Ethik*, 1, pp. 159-168.

Patzig, G., 1965. Die logischen Formen praktischer Sätze in Kants Ethik. *Kant-Studien*, 56, pp. 237-252.

Pieper, A., 1973. *Sprachanalytische Ethik und praktische Freiheit. Das Problem der Ethik als autonomer Wissenschaft*. Stuttgart et al.: Kohlhammer.

Pieper, A., 2002. Zweites Hauptstück (57-71). In: O. Höffe, ed. 2002. *Immanuel Kant. Kritik der praktischen Vernunft*. Berlin: Akademie Verlag, pp. 115-133.

Puls, H., 2013. *Funktionen der Freiheit. Die Kategorien der Freiheit in Kants Kritik der praktischen Vernunft*. Berlin & Boston: De Gruyter.

Sänger, M., 1982. *Die kategoriale Systematik in den „Metaphysischen Anfangsgründen der Rechtslehre“*. Ein Beitrag zur Methodenlehre Kants. Berlin & New York: De Gruyter.

Simon, J., 1990. Kategorien der Freiheit und der Natur. Zum Primat des Praktischen bei Kant. In: D. Koch and K. Bort, eds. 1990. *Kategorien und Kategorialität. Historisch-systematische Untersuchungen zum Begriff der Kategorie im philosophischen Denken*. Würzburg: Königshausen & Neumann, pp. 107-130.

Willaschek, M., 1992. *Praktische Vernunft. Handlungstheorie und Moralbegründung bei Kant*. Stuttgart & Weimar: J. B. Metzler.

Wolff, C., 1754. *Grundsätzen des Natur- und Völkerrechts*. Halle: Rengersche Buchhandlung.

Zimmermann, S., 2011. *Kants „Kategorien der Freiheit“*. Berlin & Boston: De Gruyter.

Zimmermann, S., 2015. Wovon handelt Kants ‚Typik der reinen praktischen Urteilskraft‘? *Kant-Studien*, 106, pp. 430-460.

Zimmermann, S., 2016a. Kant on ‘Moral Arguments’: What Does the Objectivity of a Postulate of Pure Practical Reason Consist in? In: T. Höwing, ed. 2016. *The Highest Good in Kant's Philosophy*. Berlin & Boston: De Gruyter, pp. 131-155.

Zimmermann, S., 2016b. Kants metaphysische Deduktion der Ideen in der *Kritik der reinen Vernunft*. *Philosophisches Jahrbuch*, 123, pp. 58-88.

Zimmermann S. Kant über die Vollständigkeit der ‚Tafel der Kategorien der Freiheit‘ // Archiv für Geschichte der Philosophie. 2020. Bd. 102. S. 426–452.

Zimmermann S. Was versteht Kant unter einer ‚Ausnahme‘? Zur Unterscheidung vollkommener und unvollkommener Pflichten in der Grundlegung zur Metaphysik der Sitten // Kant-Studien. 2023. Bd. 114. S. 710–727.

Об авторе

Штефан Циммерман, доктор философии, Галле-Виттенбергский университет им. Мартина Лютера, Галле, Германия.

E-mail: stephan.zimmermann@phil.uni-halle.de

О переводчике

Полина Руслановна Левин, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: PBonadyseva1@kantiana.ru

ORCID: 0000-0002-2388-5441

Для цитирования:

Циммерман Ш. Кантовские «категории свободы» как функции желания объекта // Кантовский сборник. 2024. Т. 43, № 2. С. 79–122.

doi: 10.5922/0207-6918-2024-2-3

© Циммерман Ш., 2024.

Zimmermann, S., 2016c. Zu den Freiheitskategorien der Quantität, Qualität und Relation. Eine Selbstkorrektur. In: S. Zimmermann, ed. 2016. *Die „Kategorien der Freiheit“ in Kants praktischer Philosophie. Historisch-systematische Beiträge*. Berlin & Boston: De Gruyter, pp. 217-246.

Zimmermann, S., 2020. Kant über die Vollständigkeit der ‚Tafel der Kategorien der Freiheit‘. *Archiv für Geschichte der Philosophie*, 102, pp. 426-452.

Zimmermann, S., 2023. Was versteht Kant unter einer ‚Ausnahme‘? Zur Unterscheidung vollkommener und unvollkommener Pflichten in der *Grundlegung zur Metaphysik der Sitten*. *Kant-Studien*, 114, pp. 710-727.

The author

Dr. habil. Stephan Zimmermann, Martin Luther University Halle-Wittenberg, Halle, Germany.

E-mail: stephan.zimmermann@phil.uni-halle.de

To cite this article:

Zimmermann, S., 2024. Kant’s “Categories of Freedom” as the Functions of Willing an Object. *Kantian Journal*, 43(2), pp. 79-122.

<http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2024-2-3>

© Zimmermann S., 2024.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

РАЗВОРОТ Н. Ф. ФЕДОРОВЫМ
ЕСТЕСТВЕННОЙ ТЕЛЕОЛОГИИ
АРИСТОТЕЛЯ И КАНТА В СТОРОНУ
ПРОЕКТА РЕГУЛЯЦИИ ПРИРОДЫ

С. А. Мартынова¹

Ключевой тезис естественной телеологии состоит в том, что продукты природы должны быть поняты через цель их существования или их нужно объяснять так, как если бы эта цель была. В критической литературе существует убеждение, что есть два основных этапа развития телеологии в рамках философского знания – классический и неклассический. Выделение этих этапов основано на убеждении, что в определенный период происходит вытеснение финализма представлениями о цели, которая порождена развивающимся целым. Я полагаю, что можно говорить о неклассической телеологии и в ином смысле: интерес Аристотеля и Канта к основаниям, дающим право предполагать целесообразность продуктов природы, сменяется на внимание к тому, что существующее в ней не является достаточно целесообразным. При этом изменению перспективы сопутствует как пересмотр представлений о том, что считать целесообразным, так и призыв к практической деятельности, в ходе которой природа должна подлежать дополнительной регуляции. Для подтверждения гипотезы я обращаюсь к учению родоначальника русского космизма Н. Ф. Федорова, который предлагает становление телеологической мысли в рамках проекта регуляции природы. В центре внимания три утверждения русского философа, которые свидетельствуют о его отступлении от канона классической телеологии и об определении для телеологической мысли нового контекста становления. Во-первых, Федоров указывает на деструктивные процессы в организме, а именно на болезнь и смерть, как на то, что не позволяет мыслить организм целесообразным. Во-вторых, родоначальник русского космизма пони-

¹ Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Россия, 191186, Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, д. 48.

Поступила в редакцию: 11.08.2023 г.

doi: 10.5922/0207-6918-2024-2-4

NIKOLAY FYODOROV'S ATTEMPT
TO LINK ARISTOTELIAN AND KANTIAN
NATURAL TELEOLOGY TO THE PROJECT
OF NATURE REGULATION

S. A. Martynova¹

The key thesis of natural teleology is that the products of nature should be judged by the goal of their existence or they should be explained as if such a goal existed. The prevailing view in the literature is that there are two main stages in the development of teleology in the framework of philosophical knowledge: the classical and the non-classical. The isolation of these stages is based on the conviction that at a certain period of time finalism is supplanted by the notion of the goal engendered by the developing whole. I submit that we can talk about non-classical teleology in yet another sense. The interest of Aristotle and Kant in the foundations that warrant the existence of purpose of the products of nature is replaced by the attention to the fact that what exists in nature is not sufficiently purposive. The change of perspective is accompanied by a revision of the notions of what exactly purposiveness is, as well as by calls for practical activity in the course of which nature should be the subject of some tweaking. To bolster this hypothesis I turn to the teaching of Nikolay Fyodorov, the father of Russian cosmism, who puts the emergence of teleological thought in the context of the project of nature regulation. I focus on three of the philosopher's assertions which show that he departs from the canon of classical teleology to determine a new context of development of teleological thought. First, Fyodorov points to the destructive processes in the organism, namely towards disease and death, which make it impossible to consider the organism to be purposive. Second, the founder of Russian cosmism understands reason as the instrument that is capable of ridding nature of destruc-

¹ The Herzen State Pedagogical University of Russia, 48 Moika Emb., St. Petersburg, 191186, Russia. Received: 11.08.2023.

doi: 10.5922/0207-6918-2024-2-4

мает разум как инструмент, способный избавить от деструктивности в природе. И наконец, в-третьих, с позиции русского философа, регуляция природы, осуществляемая за счет предписания человеком внешней ей цели в качестве ее собственной, есть неперменное условие добродетели и достижения им счастья.

Ключевые слова: организм, целесообразность, Аристотель, Кант, Николай Федоров, добродетель, гостеприимность природы, русский космизм, регуляция метеорического процесса, «третий разум», нервизм, полноорганичность

Введение

Естественная телеология, основание которой было заложено трудами Аристотеля, настаивает на том, что продукты природы необходимо понимать с точки зрения целей их существования или описывать их так, как если бы цель была. В рамках этого подхода можно обнаружить три основных вопроса. Определено ли становление исследуемого предмета изначально заданной целью, то есть неким замыслом, и что мы можем о нем знать? Если мы подразумеваем, что мир создан / создается по замыслу Творца, то и понять, например, строение бабочки мы можем как воплощение этого замысла. Какие цели есть у частей тела и организмов живых существ, а также их среды в перспективе их пригодности и полезности, то есть для чего внеположенного себе в природе они могут быть использованы в качестве инструмента? Использование воды человеком для того, чтобы сохранить водно-солевой баланс в организме, — пример внешней целесообразности воды. И наконец, можем ли мы предположить и в пределе доказать существование того, что функционирует не ради иного, а ради поддержания собственного состояния? В телеологии для определения такого существования используют понятие «внутренней целесообразности», или понятие «самоорганизации», которое уточняют понятием «автономности» (Moreno, Mossio, 2015, p. 26–27). Примерами «внутренней целесообразности» могут быть со-

tiveness. Thirdly and finally, the Russian philosopher maintains that an indispensable condition of human virtue and the attainment of happiness is the regulation of nature by the human being through prescribing for it an external goal as its own.

Keywords: organism, purposiveness, Aristotle, Kant, Nikolay Fyodorov, virtue, nature's hospitality, Russian cosmism, regulation of meteoric process, "the third reason", nervism, "full-organanness"

Introduction

The natural teleology, whose foundations were laid in the works of Aristotle, insists that the products of nature should be understood in terms of the ends of their existence or should be described as if such an end existed. This approach prompts three main questions. Has the emergence of an object of study been determined by a pre-set goal, i.e. a certain plan, and what can we know about it? If we mean that the world has been/is being created according to the Creator's plan, we may see, for example, the structure of a butterfly as the embodiment of this plan. What are the goals of parts of the bodies and organisms of living creatures and their environment in terms of their utility, i.e. for what external purposes can they be used as instruments? The human use of water to maintain the water and salt balance in the organism is an example of external purposiveness of water. Finally, can we posit and ultimately prove the existence of that which functions to maintain, not the external, but its own state? In teleology such existence is designated as the concepts of "inner purposiveness", or the concept of "self-organisation", qualified by the term "autonomy" (Moreno and Mossio, 2015, pp. 26-27). Examples of "inner purposiveness" are the coordinated working of parts of the organism as a whole to stabilise it against ambi-

гласованная работа частей организма как целого для стабилизации его состояния при смене температур или способность одних частей замещать другие в случае утраты их полноценного функционирования.

Проблема, которая начиная с XVII в. сопровождает телеологический дискурс, состоит в том, что его необходимость и даже правомерность ставятся под сомнение из-за признания объяснения с точки зрения причинно-следственной обусловленности в качестве единственно научного подхода. Но надо понимать, что ситуация не такова, будто понятие естественной телеологии, возникнув в трудах Аристотеля, было отброшено в XVII в. Бэконом, раскритиковавшим аристотелевский взгляд на необходимость объяснять все с точки зрения конечной причины и утвердившим причинно-следственное объяснение в качестве нормы научного исследования. Телеологическое объяснение существует и сегодня², поэтому история телеологии скорее предстает как попытка понять ее границы: где она уместна или даже где без нее нельзя обойтись, а где она препятствует познанию. К прояснению этих границ можно также отнести и начавшееся с И. Канта стремление определить ее онтологический статус: это только наша субъективная способность предполагать цели в природе или они действительно есть в ней?

Поскольку не были найдены такие аргументы, которые смогли бы полностью устранить телеологический дискурс из развития научно-философской мысли или, напротив, легко обнаружить, что он периодически заявляет о своей неизбежности, подчиняя себе формирование гуманитарных и естественно-научных областей знания, то закономерно возникает вопрос о рубежах телеологической мысли. Что

² Современные исследователи подчеркивают важность телеологического подхода при исследовании сознания (Nagel, 2012), обосновании биологической автономии и организационного подхода в исследованиях организма (Moreno, Mossio, 2015), доказательстве свободной воли и обосновании моральной ответственности (Sehon, 2016) и т.д.

ent temperature changes, or the ability of some parts of the body to replace others which have ceased to function fully.

The problem that has haunted teleological discourse since the seventeenth century is that its very existence and justification have been called in question by the recognition of the cause-and-effect explanation as the only scientifically valid approach. But we have to bear in mind that the concept of natural teleology, which first appeared in the works of Aristotle, was not cast aside in the seventeenth century by Francis Bacon, who challenged the Aristotelian view of the need to explain everything in terms of the ultimate cause, and asserted the cause-and-effect explanation as the norm of scientific research. Teleological explanation still exists,² which is why the history of teleology is rather an attempt to understand its limits: where it is relevant and even indispensable, and where it hinders cognition. An attempt to determine these limits is arguably Kant's wish to clarify the ontological status of teleology: Is it just our subjective capacity to presuppose nature's ends or do these ends actually exist in nature?

Because no arguments have been advanced to eliminate teleological discourse from scientific-philosophical thought or, on the contrary, may be shown periodically to crop up, subordinating the evolution of the humanities and natural sciences, the question of the limits of teleological thought does not go away. What distinguishes one type of teleological knowledge from another and how many stages of it are there?

Igor I. Yevlampiev and Viktor A. Kupriyanov have put forward and justified the hy-

² Modern scientists stress the importance of the teleological approach to the study of consciousness (Nagel, 2012), explaining biological autonomy and organisational approach to the research of the organism (Moreno and Mossio, 2015), in proving freedom of will and moral responsibility (Sehon, 2016), etc.

отделяет один этап телеологического познания от другого и сколько этих этапов?

И. И. Евлампиев и В. А. Куприянов выдвинули и обосновали положение о существовании двух основных этапов развития телеологии в рамках философского знания. С их точки зрения, первый (классический) этап утверждает финализм, на этом этапе «телеологическое объяснение заключается в трактовке акта развития как замкнутого на себя процесса, содержащегося во всей своей сущностной полноте в цели развития. <...> ...процесса развития как процесса выявления чего-то нового и непредвиденного в классической телеологии нет» (Евлампиев, Куприянов, 2019, с. 21). Второй (неклассический) этап они характеризуют как уход от финализма и формирование новой телеологии, которая предполагает, что «целесообразность заключается в самом процессе развития, цель которого не predetermined, а вызревает внутри становления и направлена на него самого» (Там же, с. 305).

Выявление двух этапов развития телеологического знания решает важную задачу, демонстрируя, как оно возможно за пределами финалистской установки. И выявление это оказывается тем более важным, чем больше концепции не только начала XX в., но и более поздние предъявляют нам эту самую телеологию. Например, отечественный исследователь И. Т. Фролов и такие зарубежные авторы, как А. Морено и М. Моссио, акцентируют внимание на живых автономных / относительно автономных системах, которые требуют описания с точки зрения их самоорганизации как движения к цели, которая порождена самим развивающимся целым (Фролов, 2019; Moreno, Mossio, 2015)³. Однако я позволю себе задать вопрос — можно ли по-иному прочертить грани-

³ Указанные исследователи фокусируются на отказе от финалистской установки при прояснении целесообразности организма. Вслед за ними в статье я буду обращаться прежде всего к проблеме понимания *организма* с точки зрения целесообразности. Однако меня будут интересовать изменения содержания понятия целесообразности и попытки внесения коррективов в природный мир для достижения его соответствия этому понятию.

pothesis that there are two main stages in the development of teleology within philosophical knowledge. They argue that the first (classical) stage asserts finalism, i.e. at that stage “teleological explanation consists in interpreting an act of development as a self-contained process which is entirely contained in the goal of development [...]. [...] the process of development as the process of revealing something new and unforeseen does not exist in classical teleology” (Yevlampiev and Kupriyanov, 2019, p. 21). They characterise the second (non-classical) stage as a departure from finalism and the emergence of a new teleology which assumes that “purposiveness consists in the very process of development whose goal is not predetermined, but germinates within the process and is directed toward itself” (*ibid.*, p. 305).

The identification of two stages of teleological knowledge solves an important problem in that it demonstrates that it is possible outside the finalist framework. This is becoming all the more relevant since this teleology makes itself felt in the early twentieth century and later thinking. For example, Russian researcher Ivan T. Frolov (2019) and such foreign authors as Alvaro Moreno and Matteo Mossio (2015) draw attention to living autonomous or relatively autonomous systems which call for a description in terms of their self-organisation as movement toward a goal generated by the developing whole.³ I would suggest a question, however: Can the boundary between these two stages of teleology be drawn in a different way? That is, in a way that would address not only the current interest in self-organising

³ The above-mentioned researchers focus on renouncing the finalist approach in explaining the purposiveness of the organism. In line with this attitude, I will refer first and foremost to the problem of understanding the *organism* from the viewpoint of purposiveness. But I will be looking at the changes of the concept of purposiveness and attempt to adjust the natural world to bring it in line with this concept.

цу между двумя этапами телеологии? То есть прочертить ее таким образом, чтобы увидеть не только свойственный нашему времени интерес к самоорганизующимся живым системам, но и преследующее человека сомнение, что то, что существует в природе / по природе, недостаточно целесообразно и, следовательно, должно подлежать дополнительному контролю и регуляции. Например, если мы фиксируем состояние организма с помощью цифровых устройств, чтобы определить угрозу для жизни, то очевидно, что тем самым мы пытаемся сделать организм более целесообразным, поскольку он с помощью датчиков «способен» лучше выявлять скрытое и обнаруживать патологии (самообнаружение дефектов). Или, например, чем является поиск средств для того, чтобы сделать процесс старения организма обратимым, если не попыткой сделать его более целесообразным — способным лучше осуществлять процессы регенерации?

Моя гипотеза относительно развития телеологического знания и его этапов состоит в том, что до определенного времени оно разворачивалось в границах понимания мира как внешне и/или внутренне целесообразного либо (в более осторожной кантовской версии) в границах нашей способности судить о мире таким образом. Новый этап телеологии возник тогда, когда был открыт путь к пересмотру содержания понятия внутренней целесообразности и было высказано сомнение, что существующее в природе соответствует этому понятию. И, что самое важное, сделано это было не ради устранения этого понятия из научно-философских теоретических построений, а ради того, чтобы понять, как можно человеческими усилиями создать порядок в природе, чтобы к нему было применимо этого понятие. Поэтому я бы предложила к неклассической телеологии относить не только учения о самоорганизующихся автономных системах, но и учения, авторы которых, высказывая сомнение в существовании внутренне целесообразного или хотя бы того, что требует соответствующего рассмотрения, ищут способы его создания.

living systems, but the abiding human suspicion that what exists in nature/by nature is not quite purposive and consequently should be subject to external adjustment. For example, if we record the state of the organism by digital devices to determine the threat to life, obviously we thereby try to make the organism more purposive because with the help of gauges it is “capable” of better detecting pathologies (self-identification of defects). Likewise, what is the search for ways to make the process of an organism’s aging reversible, if not an attempt to make the organism more purposive, i.e. capable of better effecting the process of regeneration?

My hypothesis concerning the development of teleological knowledge and its stages is that up until a certain point in time it was based on the conception of the world as being externally and/or internally purposive or, in a more prudent Kantian version, being within the bounds of our capacity to make a judgment about the world. The new stage in teleology began when a way was discovered to revise the concept of inner purposiveness and question the proposition that what exists in nature is purposive. Most importantly, this was done, not in order to eliminate this concept from scientific and philosophical theories, but in order to understand how humans can create order in nature that would match this concept. I would suggest, therefore, that non-classical teleology should include not only doctrines of self-organising autonomous systems, but also teachings which, while questioning the existence of inner purposiveness or urging the need to take a long hard look at it, are seeking ways to create such a purpose.

We can talk about non-classical teleology, constantly turning to what diverges from the initial “finally established” goal. For Henri Bergson, for example, purposiveness is what is

Можно говорить об общем для неклассической телеологии обращении к тому, что не совпадает с исходной «окончательно установленной» целью. Для Бергсона, например, целесообразность — то, что присуще эволюционному развитию как гармоничному, целостному, упорядоченному. При этом невозможно мыслить развитие мира как идущее к определенной, изначально заданной цели, поскольку это мешает признать длительность и творчество как атрибуты бытия. Когда речь идет о создании внутренне целесообразного, то представление об исходной, «окончательно установленной» цели тоже ставится под сомнение. В каком плане? Не в плане отрицания представления о такой цели как таковой, но в плане достаточно произвольного, хотя и логичного пересмотра человеком самого содержания понятия внутренне целесообразного, то есть каким должен стать организм в процессе своего становления. Я имею в виду, что в неклассической телеологии сохраняется понимание внутренне целесообразного как того, что обладает способностью к самоорганизации с целью обеспечения собственного существования и функционирования. Но такому определению сопутствуют вопросы: целесообразен ли организм, организует ли он себя, если умирает? Целесообразен ли он, если можно обеспечить его наилучшую репродукцию и т.д. Поскольку смерть, разрушение, болезни указывают на недостаточность самоорганизации, то именно поэтому человек не может рассматривать природный мир как обладающий ею и ищет способы, как привести мир в соответствие с целью, которая потенциально подвержена бесконечному пересмотру, переопределению и уточнению.

Я допускаю, что следует говорить о множественности направлений внутри обозначенного неклассического этапа телеологии и что пока невозможно очертить границы этой множественности, то есть выделить все актуально существующие и потенциальные направления. В настоящей работе я хотела бы обратиться хотя и к широко известному, но не

inherent in evolutionary development as something harmonious, whole and ordered. It is impossible to think the development of the world as moving towards a pre-set goal because this is at odds with duration and creativity as attributes of being. The notion of the initial “finally established” goal is also called in question by the notion of the inherently purposive. In what way? Not because it negates the concept of such a goal in general, but because the human being, in a fairly arbitrary though logical way, revises the content of the inherently purposive, i.e. what the organism is to become in the process of its development. What I have in mind is that non-classical teleology retains the notion of the inherently purposive as something that is capable of self-organisation in order to secure its existence and functioning. But this definition prompts the questions: Is the organism purposive? Does it organise itself if it dies? Is it purposive if its best reproduction can be ensured etc. Because death, destruction and disease reveal inadequacies of self-organisation, the human being cannot see the natural world as having self-organisation and looks for ways to bring the world in line with the goal, which is potentially open to infinite revisions, re-definition and adjustment.

I allow that there can be multiple paths within the non-classical stage of teleology and the boundaries of this multiplicity cannot yet be established, i.e. all the actual and potential paths cannot be identified. In my paper I propose to focus on the teaching of Nikolai F. Fyodorov which, though widely known, has been little studied from the point of view of teleological thought. His teaching, which was seminal for the development of Russian cosmism, is interesting on account of its critique of the key elements of the preceding teleological thought and definition of the new conditions that alone can make it possible.

изученному с точки зрения становления телеологической мысли учению Н. Ф. Федорова. Его учение, определившее развитие русского космизма, интересно прежде всего критикой ключевых моментов предшествующей телеологической мысли и определением новых условий, при которых она только и может иметь место.

Каковы стратегии исследования критики Федоровым предшествующей телеологии, и как можно понять новаторство его проекта? Я предлагаю сначала рассмотреть, как мыслили телеологию Аристотель и Кант, и далее обратиться к федоровскому проекту регуляции природы, в котором осуществляется пересмотр оснований этого восходящего к Аристотелю учения. В итоге необходимо достичь ясности в вопросе, каково содержание федоровского варианта манифеста неклассической телеологии.

Необходимо сделать еще одно замечание. В учении Федорова проблема определения существующего как внутренне целесообразного сопровождается заботой о том, как возможны нравственное действие человека и достижение им счастья. В рамках классической телеологии добродетель, счастье и высшее благо мыслились как цели человека, на пути достижения которых природа в некоторой мере наделялась статусом средства / инструмента. Следовательно, разбор античных и новоевропейских представлений требует ответа на вопрос, каким образом в классической телеологии организованное тело / организм мыслилось как существующее для себя и в какой мере оно могло выступать средством (инструментом) на пути достижения «высших» целей человека.

Учения Аристотеля и Канта об организованном теле / организме как цели самого себя

В классической телеологии существуют два оппонирующих друг другу подхода к пониманию того, что полагать целесообразным. В рамках первого то, что является пригодным, и нужно считать целесообразным: например,

What are the strategies of Fyodorov's critique of previous teleology and what constitutes the novelty of his project? For a start, let us consider how teleology was conceived by Aristotle and Kant, before turning to Fyodorov's project of nature regulation which revises the foundations of the Aristotelian teaching. This should clarify the question of the content of Fyodorov's variant of the manifesto of non-classical teleology.

One more remark may be permitted. In Fyodorov's teaching the problem of defining being as inherently purposive is accompanied by concern about the human being's moral behaviour and attainment of happiness. Within classical teleology virtue, happiness and the highest good were human goals for the achievement of which nature was to some degree a means/instrument. Thus an analysis of antique and new European ideas calls for an answer to the question, how classical teleology conceived an organised body/organism as existing for itself and to what extent it could be a means (instrument) of achieving the "highest" human goals.

Aristotle's and Kant's Doctrines of an Organised Body / Organism as an End in Itself

Classical teleology has two contrasting approaches to what is purposive. One approach holds that what is useful is purposive, e.g. if water serves to support human existence this constitutes its purpose. This was the approach particularly of Thomas Aquinas, a medieval scholar, and the German European philosopher Christian Wolff, who coined the term "teleology". The opposite approach, represented by Aristotle in antiquity and by Kant, Schelling and Hegel in modern times, claims that purposiveness is not reducible to fittingness and util-

если вода служит человеку для поддержания его существования, то это и есть ее целесообразность. Такого подхода, в частности, придерживались средневековый схоласт Фома Аквинский и немецкий новоевропейский философ Хр. Вольф, который первым ввел понятие «телеология» в научно-философский дискурс. Противоположный подход, отстаиваемый в Античности Аристотелем, а в Новое время — Кантом, Шеллингом и Гегелем, предполагает, что целесообразность несводима к пригодности и полезности. Спросить, например, какова цель растения, еще не значит спросить о том, кем это растение может быть употреблено в пищу. Мыслители фокусируют свое внимание на организованном теле живого существа и утверждают, что живое организованное тело (организм) должно иметь источник внутри себя и быть организовано наилучшим способом для реализации своих способностей (Аристотель), должно быть мыслимо как способное создавать и регулировать себя само и в этом смысле являться собственной целью (Кант).

Однако неверным было бы полагать, что телеологический подход, отстаиваемый Аристотелем и Кантом, был освобожден от необходимости прояснить, каким образом то, что мы определяем в качестве существующего для себя, является также и тем, что используется для обеспечения иного, а именно — добродетели, счастья и блага, несводимых к продуктам природы⁴. Надо отметить, что в критической литературе едва ли осуществляется рассмотрение этих учений в обозначенной перспективе, хотя оно имеет решающее значение для понимания становления телеологической мысли. Попробуем дать хотя бы предварительные ответы, опираясь на имеющиеся исследования.

⁴ В критической литературе можно встретить суждение, что понятием «внешняя целесообразность» схватывается и существование природы для таких целей человека, как счастье, добродетель и благо. В данной работе я придерживаюсь более строгого понимания внешней целесообразности, которое было сформулировано Кантом: цель существования предмета природы — вне его, в другом предмете природы.

ity. To ask what is the purpose of a plant does not mean asking who can use this plant as food. Thinkers focus on the organism body of a living being and claim that a living organised body (organism) must have a source within itself and be organised in the best possible way to fulfil its potential (Aristotle), it should be seen as being capable of creating and regulating itself and in that sense be an end in itself (Kant).

However, it would be wrong to assume that the teleological approach of Aristotle and Kant did not need to clarify how our definition of existence for itself is also what is used to ensure the existence of something else, namely virtue, happiness and good, which cannot be reduced to products of nature⁴. It should be noted that the critical literature hardly pays any attention to these teachings from the above-mentioned perspective, although such an analysis is key for understanding the development of teleological thought. Let us try to give tentative answers to these questions, proceeding from available research results.

Reconstruction of Aristotle's thought in the field of natural teleology shows that the artisan's tools (i.e. artefacts) need external motive force and function for something other than itself. Parts of the body as instruments do not need an external craftsman and function to do what they can, i.e. to apply the capabilities for which they are best organised (see Martynova, 2023, p. 91). Hypothetically, the above distinction between the craftsman's artefacts and instruments of the body is open to an objection. Parts of the body as instruments can be said to "function" to exercise the faculties of their soul (food, reproduction, feeling, power of rea-

⁴ In the literature one often encounters the claim that the concept of external purpose captures also the existence of nature for such human ends as happiness, virtue and good. In this paper I proceed from a more rigorous concept of external purposiveness formulated by Kant: the goal of the existence of a natural object lies outside it, in another object of nature.

Реконструкция мысли Аристотеля в области естественной телеологии показывает, что инструменты мастера (то есть артефакты) нуждаются во внешней им движущей причине и функционируют для иного. Части тела же как инструменты не нуждаются во внешнем мастере и функционируют ради выполнения того, что они могут делать, то есть ради применения своих способностей, для чего всегда организованы наилучшим образом (см.: Мартынова, 2023, с. 174–175). Проведенное различие между артефактами мастера и инструментами тела гипотетически оставляет место возражению. Можно сказать, что части тела как инструменты «функционируют» ради реализации способностей души (воспроизведение, питание, ощущение, рассуждение, размышление) (см.: Аристотель, 1976, с. 400–401), следовательно, не имеют в качестве цели самих себя. Но на это возражение есть контраргумент. Глаз, рука, как и остальные инструменты тела, применяют свои способности в интересах основной движущей причины — души и ради нее. Могли бы они действовать в ее интересах и ради нее, если бы их целью была не собственная деятельность и не они как таковые, а если бы их использовали, например, для создания того же стола или вместо стола? Очевидно, что нет, поскольку они не соответствовали бы «интересам» души, которая привела их в работу и подчинила себе. Значит, действие частей тела ради души с необходимостью требует применения ими способностей как их собственной цели. Одним из ярких примеров такого порядка в живом организованном теле выступает процесс ощущения — оно возможно только потому, что глаз в качестве своей цели применяет зрительную способность.

Если верно, что части тела как инструменты действуют определенным образом для себя и только таким образом функционируют для души, то верно ли также и то, что они этим же образом функционируют для такой способности души, как добродетель, а значит, для счастья и блага человека? П. А. Гаджикурбанова отмечает, что, по Аристотелю, добродетель

(reasoning, power of thought) (see Aristotle, 1957, pp. 83-85); consequently, they do not constitute a goal in themselves. But there is a counter-argument to this. The hand, the eye, like other bodily tools, use their capacities in the interests of the main motive cause, the soul. Could they have acted in its interests and for its sake if their goal were not their own activity and not themselves, but if they were simply used, for example, to make a table or instead of a table? The answer is obviously 'no', because then they would not be acting in "the interests" of the soul which set them in motion and subjugated them. Hence the action of parts of the body by the bidding of the soul dictates that they use their capacities as their own goal. A telling example of this in a living organised body is the process of feeling, which is only possible because the eye applies its vision as a goal.

If it is true that parts of the body as instruments act in a certain way for their own sake and only thus function for the sake of the soul, is it also true that thereby they function for such a capacity of the soul as virtue, and hence for human happiness and good? According to Aristotle, virtue, as Polina A. Gadzhikurbanova points out, is natural, but not by nature but because "the natural cannot be taught anything". It is necessary to distinguish virtue as a potential natural property of the human being from virtue as an object of "learning", "instruction", "habit", conscious effort and drill (Gadzhikurbanova, 2009, pp. 171-176). Consequently, according to Aristotle, parts of the body and the organism as a whole are instruments only for inborn faculties of the soul, the rudiments of virtue, for example, for feeling. For full-blown virtue as something that is not of nature, educational tools are needed.

Thus, according to Aristotle, one cannot think an organised body of a living being in the same way as an axe or a saw whose function-

тель естественна, но не от природы, поскольку «природное не может к чему-либо приучаться». Необходимо отделять добродетель как потенциальное природное свойство человека от добродетели как объекта «обучения», «приучения», «привычки», сознательных усилий, навыков, дрессуры (Гаджикурбанова, 2009, с. 171–176). Следовательно, по Аристотелю, части тела и организм в целом являются инструментами только для врожденных способностей души — зачатков добродетели, например для ощущения. Для добродетели в развитой форме как того, что не от природы, требуются образовательные инструменты.

Итак, по Аристотелю, нельзя мыслить организованное тело живого существа так же, как топор или пилу, функционирование которых подчинено внешней им цели. Естественная телеология позволяет специфицировать отношение к живому телу и отделить его от отношения к артефактам. При этом в концепции Аристотеля речь еще не идет о том, что человек должен найти границы инструментального отношения к живому телу в перспективе достижения им счастья и блага, то есть прояснить, при каких условиях он может использовать это тело как инструмент. Проблема соответствия природы счастью и благу человека решается исключительно исходя из ее сущностной определенности: поскольку она как таковая не позволяет совершать выбор, инструментом она может быть только для потенциальной добродетели.

В Новое время Кант, выступая против представления Вольфа о том, что целесообразное нужно отождествлять с пригодным, дает свое видение телеологии, которое оказывается во многом схожим с аристотелевским. И сходство это прежде всего в том, что Кант вслед за Аристотелем обращает внимание на имеющее целью само себя. Близкая к аристотелевской мысль Канта состоит в том, что рассмотрение продуктов природы как набора функционирующих инструментов не может быть таким же,

ing is subordinated to an external goal. Natural teleology makes it possible to specify the attitude to the living body and to separate it from the attitude towards artefacts. Aristotle stops short of saying that the human being should determine the limits of instrumental attitude to the living body from the perspective of achieving happiness and good, i.e. explain under what condition the human being can use the body as a tool. The problem of whether nature corresponds to human happiness and good is solved exclusively on the basis of its essence: because it does not permit of a choice by itself, it can only be an instrument of potential virtue.

In the modern period Kant, challenging Wolff's notion that all that is purposive should be identified with the useful, sets forth his vision of teleology which is in many ways similar to the Aristotelian one. The main similarity is that Kant, following Aristotle, focuses on what is an end in itself. In the Aristotelian vein, Kant argues that the analysis of the products of nature as a set of functional tools cannot be the same as in the case of a craftsman's tools (*KU*, AA 05, pp. 24-25; Kant, 2000, p. 22). A lever, for example, may have different applications and may even be used to perform functions for which it has not been designed. Owing to this, it should not be seen as created according to an underlying idea. By contrast, an organism as a product of nature should be seen as designed in accordance with an idea which determines how the manifold in it is combined to achieve a certain goal. That is why, unlike the lever, the organism is an object of teleological judgment.

How does Kant see the conjunction of the manifold in the organism? In the *Critique of Judgment* Kant explains that everything is at once a means (an instrument) and a goal in the sense that the functioning organs contribute to the work of one another, ensuring the self-organisation of the living body. The

как в случае с инструментами мастера (AA 20, S. 24–25; Кант, 2001а, с. 883). У рычага, например, могут быть разные цели, его вообще можно использовать не по назначению. И в силу этого его не нужно мыслить как созданный по идее, положенной в его основу. Организм же как продукт природы должен мыслиться как задуманный в соответствии с идеей, которая определяет способ соединения многообразного в нем для достижения определенной цели. Именно поэтому организм в отличие от рычага – предмет телеологического суждения.

Как же, по Канту, необходимо мыслить соединение многообразного в организме? Кант в «Критике способности суждения» поясняет, что в организме все есть взаимно средство (инструмент) и цель в том смысле, что функционирующие органы способствуют работе друг друга, обеспечивая самоорганизацию тела живого существа. Свойственные любому такому телу рост, размножение и регенерация – это наиболее показательные примеры самоорганизации. Способность тела к самоорганизации Кант называет «внутренней целесообразностью» (AA 05, S. 371–372, 377; Кант, 2001б, с. 557–559, 569). И хотя ее существование является лишь предположением познающего субъекта, без этого предположения невозможно идентифицировать органическое как органическое, а не как то, что может быть описано исключительно по механическим законам (Quarfood, 2006, p. 743–744).

По сравнению с естественной телеологией Аристотеля Кант расставляет и принципиально новые акценты. Прежде всего это относится к пониманию им природы как инструмента для морально действующего субъекта. Кант утверждает, что ничто природное не является основанием добродетели (см.: Klemme, 2019, p. 25). При этом, согласно Кёнигсбергскому философу, человек может распоряжаться природой в соответствии со своими целями для создания культуры (AA 05, S. 429–430; Кант, 2001б, с. 695), а также для достижения высшего блага как единства добродетели и заслуженного

growth, reproduction and regeneration characteristic of any body are the most vivid examples of self-organisation. Kant refers to the body's ability to self-organise as "inner purposiveness" (KU, AA 05, pp. 371-372, 377; Kant, 2000, pp. 199-200, 204). Although its existence is merely a surmise of the cognising subject, without this surmise it is impossible to identify organic as organic and not what can be described only according to mechanical laws (Quarfood, 2007, pp. 743-744).

Kant places fundamentally new accents compared with Aristotle's natural teleology. This applies first of all to his understanding of nature as an instrument of the morally acting subject. Kant maintains that nothing natural can be grounds of virtue (Klemme, 2019, p. 25). According to Kant, man can dispose of nature in accordance with his goals to create culture (KU, AA 05, pp. 429-430; Kant, 2000, p. 258), as well as to achieve the higher good as the unity of virtue and well-earned happiness (KU, AA 05, p. 435; Kant, 2000, p. 264; *KpV*, AA 05, p. 87; Kant, 2015, p. 72). Does this mean that Kant installs the instrumental attitude to nature in place of judgement of the world as being purposive?⁵

Kant puts a number of constraints on the instrumental approach to nature in order to assert morality which characterises above all the way people act with regard to one another (see Gillroy, 1998; O'Neill, 2001, pp. 164-165; Denis, 2000; Svoboda, 2017, p. 107). In addition to the existing propositions, I propose the following thesis: according to the Kantian logic, the teleological ability of judgment calls for restrictions on the instrumental approach to nature, this being the only way in which the human being can learn to pursue goals and count on acting free-

⁵ The instrumental attitude to nature implies the subjugation of nature to human arbitrary goals, its use as an instrument to pursue these goals.

счастья (AA 05, S. 435; Кант, 2001б, с. 711; AA 05, S. 87; Кант, 1997, с. 512–513). Следует ли из этого, что Кант водружает инструментальное отношение к природе на место суждения о мире как о целесообразном?⁵

Кант предлагает целый ряд ограничений инструментального подхода к природе ради утверждения морали, которая имеет место прежде всего в сфере поступков людей по отношению друг к другу (см.: Gillroy, 1998; O'Neill, 2001, p. 164–165; Denis, 2000; Svoboda, 2015 p. 107). В дополнение к существующим тезисам я сформулирую следующий: по кантовской логике, сама телеологическая способность суждения требует ограничения инструментального подхода к природе, и только так человек может учиться следовать своим целям и рассчитывать на свободное действие в гостеприимном для него мире⁶. Дальнейшие рассуждения будут в большей степени основаны на проблеме использования телеологической способности человеком технического общества, тем не менее кантовская логика такие рассуждения в полной мере допускает.

Итак, на чем основан мой тезис? Дело в том, что само использование этой способности требует существования того, что ей соответствует. Как утверждает Х. Гинсбург, учение Канта подразумевает проявление организмами естественной нормативности, то есть такое их состояние, при котором о них можно судить с точки зрения целесообразности (Ginsborg, 2006, p. 465–469). Иными словами, несмотря на то что основание телеологической способности суждения находится в разуме человека и судить о целях природы как существующих за пределами разума мы не можем, организмы должны быть подходящими для способности

⁵ Инструментальное отношение к природе — отношение, подразумевающее подчинение природы произвольным целям человека, использование ее для таких целей в качестве инструмента.

⁶ По мысли Эндрю Купера, Кант отстаивает «новый способ мышления о природе и свободе: способ восприятия этого мира как места, гостеприимного для морального призвания человечества» (Cooper, 2016, p. 38).

ly in a friendly world.⁶ What follows is rather based on the problem of the use of the teleological ability by the member of the technological society, but then the Kantian logic fully allows of such reasoning.

What is the basis of my thesis? The very use of this ability presupposes the existence of what corresponds to it. As Hannah Ginsborg (2006, pp. 465-469) claims, Kant's doctrine implies that organisms manifest natural normativity, i.e. a state when they can be judged in terms of purpose. In other words, although the teleological ability of judgment is grounded in human reason and we cannot judge concerning nature's purposes as existing outside human reason, organisms should fit the subject's capacity to assume the existence of laws in them which determine their features.

Can we imagine the preservation of the teleological ability of judgment, given an unregulated instrumental attitude to nature? Is it fair to assume that because of the sway of the instrumental attitude towards the surrounding world organics, instead of supporting and ensuring its own existence, the system will start losing its self-creating productive capacity in the broad sense? That in turn will render impossible judgment from the point of view of purposiveness: growth, regeneration and self-reproduction of living organisms will be impossible to identify.⁷ Consequently, only a restriction of the instrumental attitude to na-

⁶ According to Andrew Cooper (2016, p. 38), Kant upholds "a new way of thinking about nature and freedom: a way of conceiving this world as a place hospitable to humanity's moral calling".

⁷ This is not a utopian view: human activity, including well-intentioned acts with regard to fellow humans, diminishes biodiversity and severely damages the echosphere. See more on the anthropocene epoch, marked by complicated relationships between the capitalist political economy, culture and nature which aggravate the destructive impact, in the works of Timothy Luke (2020).

субъекта предполагать в них определяющие их специфику законы.

Можно ли представить сохранение телеологической способности суждения при ничем не регламентированном инструментальном отношении к природе? Вполне естественно допустить, что из-за утверждаемого инструментального отношения к окружающему миру органика вместо того, чтобы поддерживать и обеспечивать собственное существование, начнет утрачивать свою самосозидательную, в более широком смысле, продуктивную способность. Это, в свою очередь, сделает невозможным суждение с точки зрения целесообразности: рост, регенерация и самовоспроизведение организмов живых существ будут невозможны для распознавания⁷. Следовательно, только ограничение инструментального отношения к природе может сохранить способность судить об организмах с точки зрения целесообразности.

Каким же образом сохранение телеологической способности суждения за счет ограничения инструментального подхода позволяет этическому субъекту учиться следовать своим целям и рассчитывать на свободное действие в природе? Почему возникает такая зависимость? Представим еще раз обратное, а именно, что мир, трансформируемый в силу бесконтрольного инструментального отношения к нему, на органическом уровне лишается способности к самоорганизации и ставит тем самым под сомнение использование телеологической способности суждения. Такое отношение будет иметь по меньшей мере два негативных следствия. Во-первых, под вопросом окажется культура умения, которая возникает на осно-

ture can preserve the ability to judge concerning organisms in terms of purposiveness.

How does the preservation of the teleological ability of judgment by limiting the instrumental approach enable the ethical subject to learn to pursue his/her goals and enjoy freedom of action in nature? How does this dependence arise? Let us imagine the reverse, i.e. that the world, transformed by the uncontrolled instrumental attitude to it, ceases to be able to self-organise on the organic level and thus calls in question the use of the teleological ability of judgment. Such an attitude would have at least two negative consequences. First, the culture of skill, which arises from the productive capacity of nature and is crucial in preparing the human being for being chosen as an ethical subject – it teaches goal-setting and the use of nature as a means. Andrew Cooper (2016, pp. 39-43) cites an excellent illustration of the importance of the productive capacity of nature for the formation of the culture of skill, pointing out that a genius uses the talent given by nature and thus augments nature's creative impulse. I should add that ignoring the organism's capacity for self-rehabilitation may have some dire consequences. It may lead to listlessness and apathy, which would show that the human being is no longer able or willing to set goals and work toward his/her achievement.⁸

Second, if purposiveness of nature is in question, the ethical subject will be unable, partially or totally, to act in accordance with

⁷ Это не утопический взгляд – известно, что из-за деятельности человека, в том числе преследующей совершение добродетельных поступков по отношению к ему подобным, происходят утрата биоразнообразия и глубокое разрушение экосферы. Об эпохе антропоцена, которой сопутствуют сложные взаимоотношения между капиталистической политэкономией, культурой и природой, усиливающие разрушительные события, см. подробнее, напр., в работах Тимоти В. Люка (Luke, 2020).

⁸ That the organism needs to flourish for free moral action can be called in question. There are well-known facts of people overcoming their physical frailty. Kant considers this kind of overcoming to be important for the culture of training (discipline) which implies less dependence of the human being on nature. But the culture of skill, according to Kant, has primacy over the discipline. "The culture of skill is certainly the foremost subjective condition of aptitude for the promotion of ends in general" (KU, AA 05, pp. 431-432; Kant, 2000, p. 299).

ве продуктивной способности природы и имеет решающее значение в подготовке человека к выбору им себя как этического субъекта — она учит ставить цели и пользоваться природой как средством. Эндрю Купер превосходно иллюстрирует значимость продуктивной способности природы для формирования культуры умения, указывая, что гений использует тот талант, который ему дан природой, и тем самым развивает ее творческий импульс (Cooper, 2016, р. 39—43). Добавлю, что определенные последствия будут иметь и игнорирование важности способности организма к самовосстановлению. Это может привести к утрате сил, апатичному состоянию, что будет свидетельствовать о том, что человек не может и не хочет ставить цели, а также содействовать их достижению⁸.

Во-вторых, если невозможно предполагать целесообразность природы, то этический субъект окажется в ситуации, когда он не сможет частично или полностью действовать в соответствии с максимой воли. Почему? Дело в том, что в области морали связь с природой оказывается неважной для постановки целей (в отличие от культуры умения), но важным остается подчинение природы свободным целям человека. И такое подчинение возможно, если природа не является настолько враждебной человеку, чтобы не оставлять места для реализации его собственных целей⁹. Если же отсутствуют

⁸ Конечно, необходимость процветания организма для свободного морального действия можно поставить под сомнение. Хорошо известны факты преодоления человеком своей физической немощи. И именно такое преодоление Кант считает важным для культуры воспитания (дисциплины), которая подразумевает снижение зависимости человека от природы. Но культура умения, по Канту, первична по сравнению с культурой дисциплины. «Культура умения, конечно, есть главное субъективное условие для того, чтобы быть способным содействовать [достижению] цели вообще...» (AA 05, S. 431—432; Кант, 2001б, с. 701).

⁹ Эти размышления не отрицают независимость человека от природы в постановке своих целей. Я лишь хочу показать, что телеологическое рассмотрение природы (и наличие оснований для этого) является существенным для совершения морального поступка. Именно поэтому прежде чем перейти к конечной цели природы, Кант доказывает, что нам необходимо предполагать в ней самоорганизацию. И только

free will. Why? While in the moral sphere the link with nature turns out to be immaterial for goal-setting (as distinct from the culture of skill) subjugation of nature to freely set human goals remains essential. Such subjugation is possible if nature is not so hostile to the human being as to leave no room for the pursuit of his/her own ends.⁹ In the absence of grounds for positing the purposiveness of nature, the acting subject becomes dependent on what interferes with his goals. That is, instead of setting goals freely, the human being in his final end is subjugated to hostile nature. (This is the reverse side of the proposition that if nature fully guaranteed bliss it would be the human's final end.) To illustrate this claim let us look at the consequences of the recent human-made changes of the environment that can potentially have ethical consequences. The consequences of human-made transformations include changes in the balance of atmospheric oxygen, pollution of the soil, water bodies and rivers, damage to pastures, decline of the biological productivity of forests, malfunctioning of geochemical filters (wetlands), crop failures, demise of wildlife harvesting industries, etc. If normal living conditions are preserved these consequences may well be reversed and an ethical collapse may be avoided. Failing that, humanity's good and reasonable intentions may be in jeopardy and will hardly be feasible in nature, which imposes its own self-destructive logic. Thus nature loses its productive capacity,

⁹ These reflections do not deny the human being's independence from nature in setting goals. I merely want to show that its teleological analysis (and the existence of grounds for it) is essential for the performance of a moral act. That is why before passing on to the final end of nature Kant proves that we need to posit its self-organisation. It is only after making this case that Kant says that the human as a moral creature can, as far as possible, subordinate all nature to his goal, "or against which at least he must not deem himself subjected to any influence on its part" (KU, AA 05, pp. 435; Kant, 2000, p. 264).

основания для предположения целесообразности природы, то действующий субъект как раз и попадает в зависимость от того, что нарушает его цели. То есть вместо того, чтобы свободно их ставить, человек в качестве своей конечной цели находится в подчинении у враждебной ему природы (это обратная сторона размышлений о том, что если бы природа полностью гарантировала блаженство, то это и было бы конечной целью человека). Для иллюстрации этого утверждения обратимся к последствиям техногенных трансформаций окружающей среды, которые способны оказать влияние на область этики. К ним могут быть отнесены нарушение баланса кислорода в атмосфере, загрязнение почвы, водоемов и рек, нанесение вреда пастбищам, снижение биологической продуктивности лесов, нарушение геохимических фильтров (болот), неполучение планируемого урожая, невозможность заниматься некоторыми видами промыслов и т.д. В случае контроля над сохранением нормальных условий жизни эти последствия могут быть вполне обратимыми и не приводить к этическому коллапсу. В противном случае под угрозой оказываются благие и разумные намерения человека, которые едва ли можно будет осуществить в природе, заставляющей подчиняться логике собственного разрушения. А именно — природа утрачивает свою продуктивную способность, и в небытие погружается многообразие ее форм, среди которых, надо предполагать, может быть и человек.

Эти ситуации показывают, почему телеологическая способность позволяет субъекту рассчитывать на формирование культуры умения и в качестве ее результата — на свободное действие в природе. Применение этой способности — показатель того, что мы живем в мире, относительно которого способны сформулиро-

после такого доказательства он говорит, что человек как моральное существо может, насколько это в его силах, подчинить своей цели всю природу, «или по меньшей мере он не должен считать себя подчиненным какому бы то ни было влиянию природы, противодействующему этой цели» (AA 05, S. 435–436; Кант, 20016, с. 711).

many of its forms, possibly including human beings, may become extinct.

These situations show why the teleological ability enables the subject to count on the formation of the culture of skill and as a result on freedom of action in nature. The employment of this ability indicates that we live in a world with regard to which we are able to formulate organic laws and hence are able to act in it purposefully and also ethically. If this ability were to vanish, it would signal an irreversible mutation of the organic world, i.e. it would attest to the partial or total inability of human beings to set goals, work toward their attainment and ultimately to act freely as a moral subject.

Thus, the Kantian version of teleology limits the instrumental attitude to nature. Unregulated use of nature, even for the sake of moral goals, may rob a person of the ability to judge the world in terms of purposiveness. The loss of this ability attests to problems with our selfhood and its realisation in nature as a moral subject. If nature is to correspond to the teleological judgment, the moral subject must contribute to its flourishing (Svoboda, 2015, pp. 94-126), although he/she has the right and feels the need to use it for his/her purposes. What researchers call ‘flourishing’ can be interpreted as a broad concept of autonomy, which asserts the importance of self-organisation of living beings in conditions when nature is subordinated to the highest human goals.¹⁰

¹⁰ Moreno and Mossio argue that Kant’s doctrine anticipates modern biological views on autonomy, i.e. on self-organisation of living beings which is not confined to reacting to external influences and which implements a special regime of causality. This regime “capable not only of producing and maintaining the parts that contribute to the functioning of the system as an integrated, operational, and topologically distinct whole but also able to promote the conditions of its own existence through its interaction with the environment” (Moreno and Mossio, 2015, pp. 26-27). I believe that in developing Aristotelian teleology, Kant comes to see inner purposiveness as autonomy also in another

вать органические законы и, значит, способны в нем целенаправленно действовать, в том числе этически. Если у нас эта способность исчезнет, то это будет свидетельством произошедшей с органическим миром необратимой мутации, а также ее следствия — частичной или полной неспособности человека ставить цели, содействовать их достижению и в конечном счете действовать свободно в качестве субъекта моральности.

Кантовский вариант телеологии, таким образом, ограничивает инструментальное отношение к природе. Ничем не регламентированное использование природы даже ради моральных целей может привести к утрате способности судить о мире с точки зрения целесообразности. Утрата же этой способности свидетельствует о трудностях становления нашей самости и реализации ее в природе в качестве морального субъекта. Для того чтобы природа соответствовала телеологическому суждению, моральный субъект должен способствовать ее процветанию (Svoboda, 2015, p. 94–126), хотя он имеет право и испытывает необходимость использовать ее для своих целей. К тому, что исследователи обозначают как процветание, вполне применимо и расширенное понятие автономии, обеспечение которой есть признание важности самоорганизации живого существа в условиях подчинения природы высшим целям человека¹⁰.

¹⁰ А. Морено и М. Моссио утверждают, что учение Канта предвосхищает современные представления об автономии в биологии, то есть о самоорганизации живых существ, которая несводима к реагированию на внешнее воздействие и которая реализует особый режим причинности. Этот режим способен «не только производить и поддерживать части, которые способствуют функционированию системы как интегрированного, оперативного и топологически определенного целого, но также способен создавать условия для своего собственного существования посредством взаимодействия с окружающей средой» (Moreno, Mossio, 2015, p. 26–27). Полагаю, что развитие Кантом аристотелевской телеологии приводит его к пониманию внутренней целесообразности как автономии и в ином смысле. Учение Канта утверждает необходимость сохранения природной автономии как самоорганизации живого при следовании человека своим целям. Организмы живых существ могут быть использованы в качестве инструментов, прежде всего добродетели, но следует признать и необходимость функционирования организмов для себя при подчинении их внешним целям.

Russian Cosmism: Death or Rebirth of Teleology

Nikolay Fyodorov, the founder and guiding spirit of Russian cosmism, puts forward a project of nature regulation which, though attracting scholarly attention, is not seen as a manifestation of a new stage of teleological thought. An awareness of this new stage is hardly possible without bearing in mind that the Russian thinker was conversant with the philosophy of Kant, including his teleological teaching. Fyodorov has written multiple critical comments on Kant: “The Yoke of Kant”, “What is the Postulate of Practical Reason?”, “Three Reasons and One Reason”, “On Two Critiques: The Urban Bourgeois, and the Rural Peasant”, “Kant and the Evangelical Child or the Son of Man”, “Why Has Not Practical Reason Accomplished in Fact What Theoretical Reason Pronounced Impossible in Thought”, “On the Question of Two Reasons”, “On the Merger of Two Reasons”, “What Is the Universal Categorical Imperative” and so on. These critical remarks are not ungrounded. They may give such an impression unless one takes into account that Fyodorov discusses Kant’s doctrine in a different context, namely in the context of the human being’s activity which, according to the Russian philosopher, restores all that has been destroyed and is the sole proof of reason.

As distinct from the representatives of classical teleology, Fyodorov (1995i) describes nature as blind, not following the correct path of

sense. Kant affirms the need to preserve nature’s autonomy for self-organisation of the living world as the human pursues his goals. The organisms of living creatures can be used as instruments above all of virtue, but one has to recognise the need for the organisms to function for their own sake while being subordinate to external goals.

Смерть или возрождение телеологии в русском космизме?

Родоначальник и вдохновитель русского космизма Н. Ф. Федоров предлагает проект регуляции природы, который хотя и привлекает внимание исследователей, но не анализируется с точки зрения манифестации в нем нового этапа телеологической мысли. При этом понимание этого нового этапа едва ли возможно без учета того, что русский мыслитель был знаком с философией Канта, в том числе и с его телеологическим учением. У Федорова есть ряд критических заметок о Канте: «Иго Канта», «Что такое постулат практического разума?», «Три разума и единый разум», «О двух “Критиках”: городской, мещанской и сельской, крестьянской», «Кант и евангельское дитя, или Сын человеческий», «Почему практический разум не исполнил на деле то, что теоретический разум признал неисполнимым в мысли», «К вопросу о двух разумах», «О соединении двух разумов», «В чем заключается всеобщий категорический императив» и др. Эти критические заметки нельзя назвать необоснованными. Такое впечатление они могут произвести, только если не брать во внимание, что Федоров осмысляет кантовское учение в ином контексте, а именно в контексте воссоздающей деятельности человека, которая, согласно русскому философу, есть восстановление всего разрушенного и единственное доказательство разумности.

В отличие от представителей классической телеологии Федоров описывает природу как слепую, не следующую правильному направлению своего развития¹¹ и как главного вра-

¹¹ В статье «Вопрос о братстве...» Федоров пишет: «... все равно, дошел ли мир до настоящего его состояния путем извращения или же он таким был изначально» (Федоров, 1995а, с. 303). Основная причина слепоты природы в том, что человек не управляет разумом слепой природой, что требует общего человеческого труда, хотя это ему и было вменено в обязанность божественной заповедью (Федоров, 1995к, с. 270). Бездействуя, человек не привносит своим разумом идею в природу и не изменяет ее.

its development,¹¹ and as humans' main enemy. What are these judgments based on? Two important points require singling out in Fyodorov's reasoning. First, it is wrong to think of nature as corresponding to the human goals. According to Fyodorov, the human being should act morally and attain happiness. Neither is possible as long as nature brings death and not life (Fyodorov, 1995e, p. 251; 1995h, p. 263). Why? Because in this case the human being connives in the wrong treatment of nature's development, neglects the world entrusted to him by the Creator (nature turns out to be inhospitable), resigns in the face of hunger, disease, death, "the world fall" and "the world destruction" (Fyodorov, 1995d, p. 243) and, as a consequence, good and happiness are impossible for any humans (Fyodorov, 1995g, p. 136).¹²

Secondly, the products of nature (organisms) cannot be seen as purposively structured, i.e. as existing according to an idea which envisages instruments that enable them to flourish. This is a delicate part of Fyo-

¹¹ In the article "The Question of Brotherhood" Fyodorov (1995a, p. 303) writes: "[...] it does not matter whether the world has come to its present state through perversion or it has been such originally." The main cause of nature's blindness is that "the human being does not control the reason of blind nature, which calls for joint human labour, although he was charged with this duty by divine commandment" (Fyodorov, 1995j, p. 270). By inaction, the human being does not bring reason to nature and does not change it.

¹² Criticising the interpretation of Fyodorov as an immortalist, as someone who considers physical longevity and biological immortality to be an absolute value, Vladimir V. Varava (2020, pp. 171-172) writes: "The ethical distance between Fyodorov and Kant is not that great." To follow up his thought. Both philosophers ask how virtue and happiness are possible and both wonder, in this connection, how an ordered, rather than decaying, "falling" world is possible in which the human being could act virtually and enjoy well-deserved happiness. For Fyodorov it is a world constantly recreated by the human being because his mission is to apply reason to nature. Virtue, in turn, consists in such recreation.

га человека (Федоров, 1995и). На чем основаны эти суждения? В рассуждениях Федорова можно выделить два важных момента. Во-первых, нельзя думать о природе как о соответствующей целям человека. По Федорову, человек должен действовать нравственно и обрести счастье. Ни то, ни другое невозможно, пока природа умерщвляет, пока она есть сила, которая несет смерть, а не жизнь (Федоров, 1995д, с. 251; 1995з, с. 263). Почему? Потому что человек в этом случае попустительствует неправильному ходу природного становления, не заботится о вверенном ему Создателем мире (природа оказывается не гостеприимной), безвольно принимает как неизбежное голод, болезни, смерть, «миропадение» и «мироразрушение» (Федоров, 1995г, с. 243) и, как следствие этого, невозможность добра, счастья и блага ни для кого из людей (Федоров, 1995ж, с. 136)¹².

Во-вторых, невозможно думать о продуктах природы (организмах) как о целесообразно устроенных, то есть существующих по идее, в соответствии с которой они снабжены инструментами, способствующими процветанию. Это довольно сложный момент в концепции Федорова, который требует прояснения. Почему об организмах нельзя судить как о целесообразно устроенных? Для Федорова очевидно, что любой организм обречен на разрушение, то есть смерть, и это разрушение есть свидетельство того, что в природе недостаточно разумной регуляции (Федоров, 1995г, с. 244–245; 1995е, с. 259; 1995д, с. 251–252). В отличие от Канта, который указывает на воспринимаемую нами в опы-

¹² Критикуя интерпретацию Федорова как имморталиста, как ученого, будто бы полагающего физическое долголетие и биологическое бессмертие абсолютной ценностью, В. В. Варава замечает: «Этическая дистанция между Федоровым и Кантом не так уж и велика» (Варава, 2020, с. 171–172). Продолжу эту мысль. Оба философа спрашивают, как возможны добродетель и счастье, и обоих в этой связи интересует, как в принципе возможен упорядоченный, а не разрушающийся, «падающий» мир, в котором человек мог бы действовать добродетельно и быть заслуженно счастливым. У Федорова это мир, воссоздаваемый человеком беспрестанно, поскольку назначение человека — применять разум к природе. Добродетель, в свою очередь, и состоит в этом воссоздании.

dorov's concept that calls for a clarification. Why cannot organisms be seen as purposively structured? It is obvious for Fyodorov that every organism is doomed to destruction, i.e. death, and this destruction means that nature does not have adequate regulation (see Fyodorov, 1995d, pp. 244-245; 1995f, p. 259; 1995e, pp. 251-252). Unlike Kant, who notes the perceived organisation of living beings and claims that such perception warrants their consideration as purpose-oriented, as if organisms created themselves in accordance with a certain idea, Fyodorov turns his gaze in the opposite direction. In experience, we encounter destruction and death, processes which prompt a different idea of nature's superimposition on the human wish to revise the very concept of purposiveness. Nature is seen as developing in the wrong direction and incapable, now or in the future, of becoming what it ought to be, i.e. purposive, on its own. It can only be recognised as corresponding to its purpose when disease and death have passed.

However, Fyodorov offers a concept of the organism which envisages a different perception of it. He writes: "nature becomes conscious of itself in man and strives to control itself" (Fyodorov, 1995d, p. 244). How can we interpret this judgment? At first glance the first half of this judgment chimes exactly with how nature was understood by Schelling and Hegel. For all the differences between their philosophical systems, both were confident that nature is reasonable, but only the human being as a cognising subject is capable of fathoming its inherent reason (Schelling, 1997, p. 6; Hegel, 1970, p. 6). However, if we keep in mind the context of this judgment we can readily see in it an inversion of the preceding philosophical tradition. What the cognising subject, who according to Fyodorov is simultaneously an actor, discovers in nature is not reason

те организацию живых существ и утверждает, что такому восприятию должно соответствовать суждение о них с позиции целесообразности, будто созидание организмами самих себя происходит в соответствии с некоторой идеей, Федоров обращает внимание на прямо противоположное. В опыте мы сталкиваемся с разрушением и смертью, и эти процессы приводят к новому представлению о природе, накладываясь на способность и желание человека пересмотреть само содержание понятия целесообразности. Природа мыслится развивающейся в неправильном направлении и неспособной ни сейчас, ни в будущем самостоятельно стать такой, какой она должна быть, то есть целесообразной. Сообразной своей собственной цели она может быть признана только тогда, когда из нее исчезнут болезни и смерть.

Однако Федоров создает концепцию организма, которая включает в себя и иную стратегию его рассмотрения. Философ пишет, что «сама природа сознает себя в человеке и силится, стремится управлять собою» (Федоров, 1995г, с. 244). Как можно понять это суждение? На первый взгляд кажется, что его первая половина есть прямое следование тому, как понимали природу Шеллинг и Гегель. При всем различии их философских систем оба были уверены, что природа разумна, но постичь существующий в ней разум может только человек как познающий субъект (Шеллинг, 1987, с. 233–234; Гегель, 1975, с. 14). Однако, учитывая контекст этого суждения, легко обнаружить в нем инверсию предшествующей философской традиции. Познающий субъект, который, по Федорову, должен быть непременно и действующим, открывает не разум в природе, а его отсутствие. Если бы разум действительно был в природе (как во внешней, так и во внутренней) и ее регулировал, то не было бы ни болезней, ни голода, ни смерти. Первая половина суждения фиксирует, таким образом, уже обозначенный разрыв Федорова с предшествующей ему традицией — природу мыслить нельзя ни как целесообразную, ни тем более как разумную.

but its absence. If reason indeed existed in nature (external and internal) and regulated it, there would be no disease, no hunger and no death. The first half of the proposition reflects Fyodorov's break with the previous tradition in claiming that nature is not purposive and, still less, reasonable.

Only the second half of this judgment offers a different view of nature, in particular, the human organism. Pointing to nature's wish to control itself, Fyodorov allows for partial regulation of the processes going on in the organism. This interpretation is borne out by Fyodorov's reference to the instrument of regulation. It is the force contained in the nervous apparatus and on which all the functions of the organism depend (Fyodorov, 1995d, p. 245). Fyodorov (1995b, p. 433) is convinced that this force cannot entirely cope with the destruction of the organism, but controls it in such a way that it becomes a model for expanding regulation "gradually to everything that is still unregulated and obscure". The second strategy of understanding the organism is then understanding its integrity which can, partially at least, be judged in terms of purposiveness.

Fyodorov's judgment of nature as cognising itself through the human being and striving to control itself leaves some questions unanswered. What is the role of reason in the regulation of the organisms "by the force of the nervous apparatus"? Is this regulation a conscious or an unconscious process? Could it be that when Fyodorov speaks about nature cognising itself through the human being he means not only the discovery of unreasonableness of nature by the cognising subject, but also a metaphor of the need for, and universality of, the processes of nervous regulation on the physiological level? How can reason, which Fyodorov sees as connected with the nervous apparatus, influence our judgment on the organism?

Только вторая часть этого суждения представляет иной взгляд на природу и, в частности, на организм человека. Указывая на стремление природы управлять собой, Федоров допускает частичную регуляцию происходящих в организме процессов. Эта интерпретация подтверждается указанием мыслителя на инструмент регуляции. Им является сила, которая заключена в нервном аппарате и от которой зависят все отправления организма (Федоров, 1995г, с. 245). Федоров уверен, что эта сила не может полностью справиться с разрушением организма, но управляет им таким образом, что он оказывается образцом для расширения регуляции «постепенно на все, что остается еще неуправляемым, темным» (Федоров, 1995б, с. 433). Вторая стратегия понимания организма, таким образом, состоит в понимании его как целостности, о которой можно судить хотя бы частично с позиции целесообразности.

Предложенное понимание федоровского суждения о природе как познающей себя в человеке и силящейся управлять собой оставляет вопросы. Какова роль разума в вопросе регуляции организма «силой нервного аппарата»? Эта регуляция есть осознанный процесс или осуществляется неосознанно? Может быть, когда Федоров говорит о природе, сознающей себя в человеке, речь идет не только об открытии познающим субъектом неразумности природы, но и о метафоре, отражающей необходимость и всеохватность процессов нервной регуляции на физиологическом уровне? Как разум, в концепции Федорова связанный с нервным аппаратом, способен влиять на наше суждение об организме?

Ответы на эти вопросы могут быть в значительной степени получены, если учесть, что Федоров в своих рассуждениях о нервном аппарате разделяет теорию нервизма. Она восходит к XVII в., в частности к трудам Фридриха Гофмана, который полагал, что «нервная жидкость» влияет на здоровое и больное состояние тела (Hoffmanni, 1718, p. 461–498). Сложно сказать, как хорошо Федоров был знаком с теори-

We can go some way to answering these questions if we keep in mind that Fyodorov in his reasoning about the nervous apparatus shares the theory of nervism. It goes back to the seventeenth century, in particular to the works of Friedrich Hoffmann (1718, pp. 461-498) who believed that “the nerve fluid” influences the health and morbidity of the body. How intimate Fyodorov’s knowledge of the nervism theory was is hard to say, because his works contain no direct references to the representatives of that theory. Even so, it is obvious that, in speaking about the effect of the nervous apparatus, he shares the view of the leading role of the nervous system in matters of regulation of the organism, its health and pathological state. Interestingly, Fyodorov shares the conviction of Russian scientists of the first half of the nineteenth century, such as Efrem O. Mukhin (1832, p. 107) and Iustin E. Dyadkovsky (1836, p. 84), that nervous impulses regulating the state of the body are similar to electrical discharges.¹³

Fyodorov’s espousal of the theory of nervism suggests that he saw the development of consciousness and the psyche as an improvement of the nervous system, just like another advocate of nervism, Ivan M. Sechenov, saw it. Indeed, both teachings suggest that the psyche develops under the influence of the nervous system. But Sechenov (1952, p. 296) does not consider the psyche to be a direct product of

¹³ The analogy between nervous activity and electricity in Fyodorov’s concept is borne out by two facts. First, Fyodorov (1995e, p. 256) compares electricity in the external nature (unregulated force) with the nervous system within the organism, and second, he sees what has been artificially created by the human being as the external projection of the organism. Fyodorov’s approach is similar to the views of Florensky (2000), set forth in his work “Organoprojection”.

ей нервизма, поскольку в своих работах он напрямую не обращается к представителям этой теории. Тем не менее очевидно, что он, высказываясь о действии силы в нервном аппарате, находится в согласии с утверждениями о ведущей роли нервной системы в вопросах регуляции организма, его здоровья и патологического состояния. Любопытно также, что Федоров разделяет убеждение таких русских исследователей первой половины XIX в., как Е. О. Мухин и И. Е. Дядьковский, о том, что нервные импульсы, регулирующие состояние организма, схожи с электрическими разрядами (Дядьковский, 1836, с. 84; Мухин, 1832, с. 107)¹³.

На том основании, что Федоров разделяет теорию нервизма, допустимо предположить, что он мыслит становление сознания, психики как совершенствование нервной системы, — подобно тому, например, как мыслит сторонник теории нервизма И. М. Сеченов. Действительно, в обоих учениях есть мысль о становлении психики как обусловленном развитии нервной системы. Но Сеченов не считает психику прямым продуктом нервной организации (Сеченов, 1952, с. 296)¹⁴. Федоров же принимает взгляд, согласно которому «разум возникает в результате эволюции природных форм» (Гачева, 2019, с. 48), и тем самым его уче-

¹³ Об аналогии между нервной деятельностью и электричеством в концепции Федорова можно говорить в силу двух причин. Во-первых, Федоров сравнивает электричество во внешней природе (нерегулируемая сила) с нервной системой в организме, во-вторых, мыслит искусственно созданное человеком как проекцию организма вовне (Федоров, 1995д, с. 256). Этот подход Федорова сближает его взгляды со взглядами Флоренского, изложенными в работе «Органопроекция» (Флоренский, 2000).

¹⁴ Сеченов допускает развитие инстинкта и мысли из чувствования, но не из нервной организации — именно в этом ключе он интерпретирует учение Г. Спенсера. Осторожности в вопросе происхождения психики сопутствует и утверждение о параллелизме психических процессов и функционирования нервной системы. В работе «Элементы мысли» Сеченов настаивает на том, что нервно-психическая эволюция, или развитие нервно-психической организации, — это «вся совокупность тех параллельных изменений, которые оставляют по себе жизненные встречи в психике и нервной системе» (Сеченов, 1952, с. 300).

nervous organisation.¹⁴ Fyodorov, by contrast, takes the view that “reason emerges in the process of evolution of natural forms” (Gacheva, 2019, p. 48), which brings him close to James Dwight Dana’s theory of cephalisation. According to the theory, as Anastasiya G. Gacheva (2019, p. 20) shows, “beginning from the Cambrian epoch, when living creatures develop rudiments of a nervous system, development is directed toward its improvement, the growth of the brain mass [...] and eventually leads to the emergence of man and reflexive consciousness, and reason capable of cognising the world and creating new realities in it”.

Since Fyodorov proposes to create an analogue of the nervous system in the Universe, the question suggests itself: could, in Fyodorov’s view, natural electrical processes similar to the nervous system by themselves have led to the emergence of the human being, the psyche and consciousness? The answer to that question must be ‘no’. The reason is that according to Fyodorov, the emergence of the planet as conscious and self-governing (see Onosov, 2020, p. 68) is determined by the leading role of the human being who, through regulation of the meteoric process, is to recreate preceding generations from tiny particles (Fyodorov, 1995d, pp. 243, 245-246; 1995f). The human being is also tasked with obtaining the fullness of organs, i.e. the return to the dominance of matter-transforming reason of numerous living

¹⁴ Sechenov does not rule out the development of instinct and thought from sensibility, but not from the nervous organisation, Sechenov interprets Herbert Spenser’s doctrine in this vein. The guarded attitude on the issue of the origin of the psyche is accompanied by the claim concerning parallelism between the psychic processes and the functioning of the nervous system. In his work *Elements of Thought* Sechenov (1952, p. 300) claims that the nervous-psyche evolution, or the development of nervous-psyche organisation, is “the totality of parallel changes which life’s encounters leave behind in the psyche and nervous system”.

ние сближается с концепцией цефализации Дж. Дана. В соответствии с этим учением, как показывает А. Г. Гачева, «начиная с эпохи кембрия, когда у живых существ появляются начатки нервной системы, процесс развития движется в направлении ее совершенствования, роста массы головного мозга... и приводит в конечном итоге к возникновению человека, а с ним — рефлексивного сознания, разума, способного познавать мир и творить в нем новые реальности» (Там же, с. 20).

Поскольку Федоров предлагает создать аналог нервной системе во Вселенной, то возникает вопрос: могли бы в концепции Федорова природные электрические процессы, уподобленные нервной системе, самостоятельно привести к возникновению человека, становлению психики и сознания? Ответ на этот вопрос должен быть отрицательный. Причина в том, что, по Федорову, становление планеты в качестве сознающей и самоуправляемой (см.: Оносов, 2020, с. 68) определено ведущей деятельной ролью человека, который через регуляцию метеорического процесса должен воссоздать предшествующие поколения из мельчайших частиц (Федоров, 1995г, с. 243, 245—246; 1995е). Человеку также вменяется и обретение полноты органов (полноорганность), то есть возвращение к доминанте преобразующего материю разума многочисленных живых форм, по слепоте природы существующих в виде истребляющих друг друга и враждебных человеку плавающих, летающих, пресмыкающихся, хищнических существ (Федоров, 1995а, с. 301—303). В соответствии с этим взаимосвязь разума и нервной деятельности Федоровым мыслится следующим образом. Регуляция организма есть работа нервной системы. Сознание возникает в процессе эволюции природных форм и «возвышается» над функционированием нервной системы таким образом, что может отрегулировать ее работу и, что самое важное, построить ее аналог для воссоздания в ней «ветхим человеком» полноорганного человека.

forms which, owing to nature's blindness, exterminate one another, and swimming, flying, reptilian and predatory creatures that are hostile to human being (Fyodorov, 1995a, pp. 301-303). Accordingly, Fyodorov's perception of the interconnection of reason with the nervous system is as follows: Regulation of the organism is the job of the nervous system. Consciousness arises in the process of evolution of natural forms and "towers" over the functioning of the nervous system, such that it can regulate its work and, most importantly, build its analogue to recreate in place of "the old man" a human with the full complement of organs.

It remains to answer the questions, *what* in fact the nervous system regulates in the organism and *how* can active reason influence our judgment about the organism and about nature as a whole. Fyodorov's logic appears to be this: if nervous regulation is perfect, this rules out disease, death or destruction as such; if regulation is wanting or absent, disease and pathologies set in, recuperation is insufficient, death and destruction are inevitable; as a result, virtue and happiness are impossible. In reality perfect regulation does not exist: electricity in nature is not amenable to any control and itself does not regulate anything, in the organism the nervous system tries to regulate the ongoing processes and it might have succeeded but for the pressure of chaotic and blind nature which exists both outside and inside the organism, leading to diseases and death.

This is the kind of all-embracing blindness of nature that Fyodorov writes about in his famous article "Horizontal Position and Vertical Position — Death and Life":

Mortality is a common expression of all the woes that beset man, but at the same time it is consciousness of dependence on the force whose power man felt in thunder storms and

Осталось ответить на вопросы, *что* по факту регулирует нервная система в организме и *как* деятельный разум способен влиять на наше суждение об организме, а также о природе в целом. Полагаю, что логика Федорова следующая: если нервная регуляция совершенна, то нет места ни болезням, ни смерти, ни разрушению как таковому, если регуляция недостаточна или ее нет, то возникают болезни, патологии, недостаточное восстановление, неизбежны смерть, разрушение и, как итог, невозможны добродетель и счастье. По факту совершенной регуляции нет нигде: электрическая сила в природе полностью не управляема и сама ничего не регулирует, в организме же нервная система пытается регулировать происходящие процессы и, видимо, у нее это могло бы получиться, если бы не довлел над ней хаотичной и слепой природы, которая существует как вне, так и внутри организма, что и приводит к болезням и смерти.

Именно о такой всеобъемлющей природной слепоте Федоров пишет в знаменитой статье «Горизонтальное положение и вертикальное — смерть и жизнь»:

Смертность есть общее выражение для всех бед, удручающих человека, и вместе с тем она есть сознание своей зависимости от силы, могущество которой человек чувствовал в грозах и бурях, в землетрясениях, зное, стуже и т.п., а границ ее не видел. Человек мог не признавать эту необъятную силу за слепую, но не мог и не считать ее внешнею, не своею; он чувствовал действие этой силы во всех бедствиях, удручающих его: в болезнях, лишениях, в одряхлении или старости (Федоров, 1995д, с. 251).

Федоров предлагает с его точки зрения единственно допустимый вариант решения проблемы природы, развитие которой пошло не по правильному пути. Философ наставляет: если научиться управлять метеорическими процессами во Вселенной с помощью разума и

blizzards, earthquakes, heat, cold, etc., never seeing its boundaries. Man might not have considered this force to be blind, but he could not help considering it to be external, not his own; he sensed the effect of that force in all the woes that befell him: diseases, privations, frailty or old age (Fyodorov, 1995e, p. 251).

Fyodorov proposes what he thinks is the sole permissible solution to the problem of nature whose development has gone astray. He instructs: if we learn to control meteoric processes in the Universe by reason and technology, nature will open up its potential: it will be able, under the guidance of the human will, to create and restore, destruction will be alien to it, the human being will be truly virtuous in his actions, will look to attaining happiness.

What stands behind this homily? Wherein lies the novelty of the project of regulating nature, proposed by the representative of Russian cosmism from the perspective of the development of teleological thought? This project of regulating nature reveals Fyodorov's views on the need to create purpose in nature. Fyodorov proposes to change natural processes in such a way as to create a new world, in which there would be only growth, procreation, regeneration and hence it could be seen as purpose-driven. This is not only about rehabilitation of the human being who alone would not be exposed to diseases and death. This is about restoring all that has been destroyed, wasted, about overcoming death and diseases (Fyodorov, 1995d, p. 244), their elimination as phenomena that should not exist. As for the method of creating purposiveness in nature, according to Fyodorov, this should be achieved through the projective idea of the human being and technology. In the philosopher's vision, in the new world, nature will have an idea which it will follow because this idea will be introduced into it by the human being by dint of

техники, то раскроется потенциал природы — она сможет при направляющей ее воле человека созидать и восстанавливать, разрушение будет ей чуждо, человек же действительно будет добродетельным в своих действиях и сможет надеяться на обретение счастья.

Что кроется за этим наставлением? В чем, собственно, новаторство проекта регуляции природы представителя русского космизма в перспективе становления телеологической мысли? В этом проекте регуляции природы обнаруживается взгляд Федорова на необходимость создания целесообразности в природе. Философ предлагает изменить природные процессы таким образом, чтобы создать новый мир — в нем будет только рост, размножение, регенерация, а значит, о нем можно будить судить как о целесообразном. При этом речь идет не только о том, что восстановление должно коснуться человека и исключительно он не должен страдать от болезней и умирания. Речь идет о восстановлении всего разрушенного, израсходованного, о преодолении смерти, болезней (Федоров, 1995г, с. 244) — уничтожении их как феноменов, которых не должно быть. Что касается методов создания целесообразности в природе, то, по Федорову, оно должно осуществляться благодаря проективной идее человека и техники. В соответствии с замыслом философа, в новом мире у природы будет идея, которой она будет следовать, поскольку эту идею внесет в нее человек посредством своего разума и создаст условия для следования ей. И наконец, восстановление природы, о которой можно судить с точки зрения внутренней целесообразности, оказывается и обеспечением ее дружелюбности человеку. В учении Федорова это ключевой момент, поскольку философ отчетливо показывает, что ни встать на путь добродетели, ни обрести счастье невозможно, пока природа враждебна человеку, что равносильно отсутствию в ней полноты самоорганизации и саморегуляции сообразно «вложенной» в нее в рамках проективной деятельности идее становления.

his/her reason and will create the conditions for following this idea. And finally, the rehabilitation of nature which it will be possible to judge about in terms of inner purpose, will ensure its friendliness toward human beings. This is the key element in Fyodorov's teaching because he argues cogently that it is impossible to embark on the path of virtue or attain happiness as long as nature is hostile to the human being, which is tantamount to its lack of self-organisation and self-regulation in accordance with the idea of development, built into it as part of projective activity.

Conclusion

Fyodorov departs from the canon of classical teleology at least three times. The first time is when he speaks about the destructive processes in the organism which result from nature becoming derailed from the right track and render impossible the thinking of the organism through an adjusted concept of purposiveness. The second time is when he defines the nervous system as an instrument of regulating the processes taking place in the organism, and reason as the tool which makes it possible to create an analogue of the nervous system in the Universe and to banish diseases and death from the organism and the external environment. This step enables Fyodorov to assert the teleological approach in a new context which arises due to human regulation of nature.

Finally, the third revision of the foundations of classical teleology occurs when Fyodorov comes to grips with the problem of understanding nature as purposive and fully corresponding to human goals because regulation of nature is the true human virtue and the only possible way of achieving human happiness. The Russian philosopher's doctrine promotes the idea of turning nature into a friend,

Заключение

Федоров отступает от канона классической телеологии как минимум трижды. Первый раз — когда фиксирует в организме деструктивные процессы, которые являются следствием отклонения природы от правильного направления своего развития и делают невозможным мышление организма через уточненное содержание понятия целесообразности. Второй раз — когда определяет нервную систему как инструмент регуляции процессов, происходящих в организме, и разум как инструмент, который позволяет создать аналог нервной системы во Вселенной, а также сделать так, чтобы в организме и во внешней ему среде не было ни болезней, ни смерти. Этот шаг Федорова делает возможным утверждение телеологического подхода в новом контексте, который возникает за счет деятельности человека по регуляции природы.

Наконец, третий раз пересмотр оснований классической телеологии происходит тогда, когда Федоров решает проблему понимания природы и как целесообразной, и как полностью соответствующей целям человека, поскольку именно регуляция природы — подлинная добродетель человека и единственно возможный способ обретения им счастья. В учении русского философа возникает идея о превращении природы в друга, что аналогично идее гостеприимности природы в кантовском учении. При этом у Федорова под вопросом оказывается несводимость внутренне целесообразного к подчинению его произвольным целям человека. Игнорирование этой несводимости возникает за счет того, что философ допускает самоорганизацию природы только внутри собственного проекта. Именно первичность проекта позволяет утвердить необходимость вмешательства технических средств в природные процессы и предписать внешнюю цель последних как их собственную. Федоров над этой проблемой не рефлексировал, а только, если перефразировать высказывание новатора в области кинематографии Дзиги Вертова, по-

which is analogous to Kant's idea of hospitable nature. In Fyodorov's doctrine a question mark hangs over the fact that the inner purposiveness is not reducible to its subjugation to arbitrary human goals. This irreducibility is ignored because the philosopher allows for self-organisation of nature only within his own projects. It is the primacy of the project that can justify the need for technological interference in the natural processes and prescribe an external goal of the latter as their own. Fyodorov does not reflect on this problem, but merely, paraphrasing the words of trail-blazing film maker Dziga Vertov, turns the helm of world teleology. In a tellingly provocative article "Three Reasons and One Reason" Fyodorov (1995c) writes: "The third reason, if it is not to be only a teleological judgment, should not look for miracles in nature, but merely cognise the purpose, which, incidentally, Kant too thought to be impossible; he should introduce purpose into the world and into life, which confounded the urban, bourgeois professor." Let us assume that this is the main thesis of non-classical teleology which, with Fyodorov and his followers, leaves much room for questions and further study.

The article was prepared with the support of the Herzen State Pedagogical University of Russia which finances the research work on the implementation of the collective project "Architectonics of University Education and Ideas of Russian Cosmism: Dialogue of Values and Meaning Constants in the Post-Global World".

References

Aristotle, 1957. On the Soul. In: Aristotle, 1957. *On the Soul. Parva Naturalia. On Breath*. Translated by W.S. Hett. Cambridge, MA.: Harvard University Press, pp. 2-203.

ворачивает руль мировой телеологии. В показательно провокативной статье «Три разума и единый разум» Федоров пишет: «Третий разум, чтобы не быть только суждением телеологическим, должен не искать чудес в природе, не познавать лишь целесообразность, что, впрочем, и Кант считает невозможным; он должен вносить целесообразность в мир и в жизнь, что городскому, бюргерскому профессору осталось совсем непонятным» (Федоров, 1995в). Будем считать, что это — основной тезис неклассической телеологии, становление которой как у Федорова, так и у его последователей оставляет еще много вопросов и перспектив для изучения.

Статья подготовлена при поддержке Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, осуществляющего финансирование научно-исследовательской работы по реализации коллективного проекта «Архитектоника университетского образования и идеи русского космизма: диалог ценностей и смысловые константы в постглобальном мире».

Список литературы

Аристотель. О душе // Собр. соч. : в 4 т. М. : Мысль, 1976. Т. 1. С. 369–448.

Варава В. В. Философия смерти Н. Ф. Федорова: танатология, иммортология или нравственный вызов? // Соловьевские исследования. 2020. № 2 (66). С. 166–177.

Гаджикурбанова П. А. Аристотель и стоики о природе добродетели // Философия и этика : сб. науч. тр. к 70-летию академика А. А. Гусейнова / отв. ред. и сост. Р. Г. Апресян^{15*}. М. : Альфа-М, 2009. С. 171–183.

Гачева А. Г. Русский космизм в идеях и лицах. М. : Академический проект, 2019.

Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. М. : Мысль, 1975. Т. 2 : Философия природы.

Дядьковский И. Е. Общая терапия, сочиненная для руководства слушателей своих. М. : Университетская типография, 1836.

Евлампиев И. И., Куприянов В. А. Телеология в классической и неклассической философии. СПб. : Изд-во РХГА, 2019.

Cooper, A., 2016. Nature's Ultimate End: Hope and Culture in Kant's Third Critique. *Philosophica*, 48(1), pp. 31-45.

Denis, L., 2000. Kant's Conception of Duties Regarding Animals: Reconstruction and Reconsideration. *History of Philosophy Quarterly*, 17(4), pp. 405-423.

Dyadkovsky, I. E., 1836. *Obshchaya terapiya, sochinenaya dlya rukovodstva slushatelej svoikh* [General Therapy, Composed to Guide Its Trainees]. Moscow: V Universitetskoy Tipografii. (In Rus.)

Florensky, P. A., 2000. Organoprojection. In: P. A. Florensky, 2000. *Sobranie sochineniy v 4 tomakh* [Collected Works in 4 Volumes]. Volume 3. Moscow: Mysl', pp. 402-422. (In Rus.)

Frolov, I. T., 2019. *Determinizm i teleologiya* [Determinism and Teleology]. Moscow: LIBROKOM.

Fyodorov, N. F., 1995a. The question of Brotherhood, or Kinship, of the Causes of Non-Brotherhood, Non-Kinship, i.e. Non-Peaceful State of the World and of the Means to Restore Kinship (A Note from Non-Scientists to Scientists, Spiritual and Secular, to Believers and Non-Believers). In: N. F. Fyodorov, 1995. *Sobranie sochineniy v 4 tomakh* [Collected Works in 4 Volumes]. Volume 1. Moscow: Progress, pp. 35-308. (In Rus.)

Fyodorov, N. F., 1995b. Supramoralism, or Universal Synthesis (i.e., Universal Unity). In: N. F. Fyodorov, 1995. *Sobranie sochineniy v 4 tomakh* [Collected Works in 4 Volumes]. Volume 1. Moscow: Progress, pp. 388-441. (In Rus.)

Fyodorov, N. F., 1995c. Three Reasons and the One Reason. In: N. F. Fyodorov, 1995. *Sobranie sochineniy v 4 tomakh* [Collected Works in 4 Volumes]. Volume 2. Moscow: Progress, p. 90. (In Rus.)

Fyodorov, N. F., 1995d. Falling Worlds and the Counter-Fallen Being. In: N. F. Fyodorov, 1995. *Sobranie sochineniy v 4 tomakh* [Collected Works in 4 Volumes]. Volume 2. Moscow: Progress, pp. 243-249. (In Rus.)

Fyodorov, N. F., 1995e. Horizontal Position and Vertical Position — Death and Life. In: N. F. Fyodorov, 1995. *Sobranie sochineniy v 4 tomakh* [Collected Works in 4 Volumes]. Volume 2. Moscow: Progress, pp. 249-257. (In Rus.)

Fyodorov, N. F., 1995f. Parents and Revivalists. In: N. F. Fyodorov, 1995. *Sobranie sochineniy v 4 tomakh* [Collected Works in 4 Volumes]. Volume 2. Moscow: Progress, pp. 259-260. (In Rus.)

Fyodorov, N. F., 1995g. Superhumanity as Vice and as Virtue. In: N. F. Fyodorov, 1995. *Sobranie sochineniy v 4 tomakh* [Collected Works in 4 Volumes]. Volume 2. Moscow: Progress, pp. 135-136. (In Rus.)

¹⁵ * Признан Минюстом России иностранным агентом.

Кант И. Критика практического разума // Соч. на нем. и рус. яз. М. : Московский философский фонд, 1997. Т. 3. С. 277–733.

Кант И. Первое введение в «Критику способности суждения» // Соч. на нем. и рус. яз. М. : Наука, 2001а. Т. 4. С. 835–957.

Кант И. Критика способности суждения // Соч. на нем. и рус. яз. М. : Наука, 2001б. Т. 4. С. 67–833.

Мартынова С. А. Об использовании Аристотелем понятия «*ὄργανον*» в биологическом контексте // СХОАН. Ancient Philosophy and the Classical Tradition. 2023. Vol. 17, № 1. С. 166–176.

Мухин Е. О. О возбуждениях // Ленгоссек М. Начальные основания физиологии. М. : Тип. С. Селивановского, 1832. С. 89–216.

Оносов А. А. Проективная антропология: техногенез и органосинтез в философии космизма // Соловьевские исследования. 2020. № 3 (67). С. 62–78.

Сеченов И. М. Элементы мысли // Избр. произвед. М. : Изд-во Академии наук СССР, 1952. Т. 1 : Физиология и психология. С. 272–427.

Федоров Н. Ф. Вопрос о братстве, или родстве, о причинах небратского, неродственного, т.е. немирного, состояния мира и о средствах к восстановлению родства (Записка от неученых к ученым, духовным и светским, к верующим и неверующим) // Собр. соч. : в 4 т. М. : Прогресс, 1995а. Т. 1. С. 35–308.

Федоров Н. Ф. Супраморализм, или всеобщий синтез (т.е. всеобщее объединение) // Собр. соч. : в 4 т. М. : Прогресс, 1995б. Т. 1. С. 388–441.

Федоров Н. Ф. Три разума и единый разум // Собр. соч. : в 4 т. М. : Прогресс, 1995в. Т. 2. С. 90.

Федоров Н. Ф. Падающие миры и противодействующее падению существо // Собр. соч. : в 4 т. М. : Прогресс, 1995г. Т. 2. С. 243–249.

Федоров Н. Ф. Горизонтальное положение и вертикальное — смерть и жизнь // Собр. соч. : в 4 т. М. : Прогресс, 1995д. Т. 2. С. 249–257.

Федоров Н. Ф. Родители и воскресители // Собр. соч. : в 4 т. М. : Прогресс, 1995е. Т. 2. С. 259–260.

Федоров Н. Ф. Сверхчеловечество, как порок и как добродетель // Собр. соч. : в 4 т. М. : Прогресс, 1995ж. Т. 2. С. 135–136.

Федоров Н. Ф. Каразин, как метеороург, а не метеоролог // Собр. соч. : в 4 т. М. : Прогресс, 1995з. Т. 2. С. 260–264.

Федоров Н. Ф. Кто наш общий враг, единый, везде и всегда присутствующий, в нас и вне нас живущий, но тем не менее враг лишь временный? // Собр. соч. : в 4 т. М. : Прогресс, 1995и. Т. 2. С. 239.

Fyodorov, N. F., 1995h. Karazin as a Meteorourg, not a Meteorologist. In: N. F. Fyodorov, 1995. *Sobranie sochineniy v 4 tomakh* [Collected Works in 4 Volumes]. Volume 2. Moscow: Progress, pp. 260-264. (In Rus.)

Fyodorov, N. F., 1995i. Who Is Our Common Enemy, Unified, Everywhere and Always Inherent, Living in Us and Outside of Us, but Nevertheless only a Temporary Enemy? In: N. F. Fyodorov, 1995. *Sobranie sochineniy v 4 tomakh* [Collected Works in 4 Volumes]. Volume 2. Moscow: Progress, pp. 239-240. (In Rus.)

Fyodorov, N. F., 1995j. Disarmament. How to Turn an Instrument of Destruction into an Instrument of Salvation. In: N. F. Fyodorov, 1995. *Sobranie sochineniy v 4 tomakh* [Collected Works in 4 Volumes]. Volume 2. Moscow: Progress, pp. 239-240. (In Rus.)

Gacheva, A. G., 2019. *Russkij kosmizm v ideyah i lichah* [Russian Cosmism in Ideas and Personalities]. Moscow: Akademicheskij proekt. (In Rus.)

Gadzhikurbanova, P. A. 2009. Aristotle and Stoics on the Nature of Virtue. In: R.G. Apressyan^{15*}, ed. 2009. *Philosofiya i etika: sbornik nauchnyh trudov: k 70-letiyu akademika A. A. Guseynova* [Philosophy and Ethics: Collection of Scientific Works: To the 70th Anniversary of A. A. Guseynov]. Moscow: Alfa-M, pp. 171-183. (In Rus.)

Gillroy, J.M., 1998. Kantian Ethics and Environmental Policy Argument: Autonomy, Ecosystem Integrity, and Our Duties to Nature. *Ethics and the Environment*, 3(2), pp. 131-155.

Ginsborg, H., 2006. Kant's Biological Teleology and Its Philosophical Significance. In: G. Bird, ed. 2006. *A Companion to Kant*. Malden, MA: Wiley Blackwell, pp. 455-469.

Hegel, G.W.F., 1970. *Encyclopedia of the Philosophical Sciences (1830). Part II: Hegel's Philosophy of Nature*. Edited and translated by A. V. Miller with foreword by J.N. Findlay. Oxford: Clarendon Press.

Hoffmanni, F., 1718. *Medicina Rationalis Systematica*. Halae Magdeburgicae: Prostat in Officina Rengeriana.

Kant, I., 2000. *Critique of the Power of Judgment*. Translated by P. Guyer and E. Matthews. Cambridge: Cambridge University Press.

Kant, I., 2015. *Critique of Practical Reason*. Edited and translated by M. Gregor, translation revised by A. Reath. Cambridge: Cambridge University Press.

¹⁵ * Declared a foreign agent by the Ministry of Justice of the Russian Federation.

Федоров Н.Ф. Разоружение. Как орудие разрушения обратить в орудие спасения // Собр. соч. : в 4 т. М. : Прогресс, 1995к. Т. 2. С. 267–276.

Флоренский П. А. Органопроекция // Собр. соч. : в 4 т. М. : Мысль, 2000. Т. 3, ч. 1. С. 402–421.

Фролов И. Т. Детерминизм и телеология. М. : Книжный дом «Либроком», 2019.

Шеллинг Ф.В.Й. Система трансцендентального идеализма // Собр. соч. : в 2 т. М. : Мысль, 1987. Т. 1. С. 227–489.

Cooper A. Nature's Ultimate End: Hope and Culture in Kant's Third Critique // *Philosophica*. 2016. Vol. 48, № 1. P. 31–45.

Denis L. Kant's Conception of Duties Regarding Animals: Reconstruction and Reconsideration // *History of Philosophy Quarterly*. 2000. Vol. 17, № 4. P. 405–423.

Gillroy J.M. Kantian Ethics and Environmental Policy Argument: Autonomy, Ecosystem Integrity, and Our Duties to Nature // *Ethics and the Environment*. 1998. Vol. 3, № 2. P. 131–155.

Ginsborg H. Kant's Biological Teleology and its Philosophical Significance // *A Companion to Kant* / ed. by G. Bird. Malden, MA : Wiley Blackwell, 2006. P. 455–469.

Hoffmanni F. *Medicina Rationalis Systematica*. Halae Magdeburgicae : Prostat in Officina Rengeriana, 1718.

Klemme H.F. How is Moral Obligation Possible? Kant's Principle of Autonomy in Historical Context // *The Emergence of Autonomy in Kant's Moral Philosophy* / ed. by S. Bacin, O. Sensen. Cambridge : Cambridge University Press, 2019. P. 10–28.

Luke Th. W. *Anthropocene Alerts: Critical Theory of The Contemporary As Ecocritique*. Candor ; N.Y. : Telos, 2020.

Moreno A., Mossio M. *Biological Autonomy: A Philosophical and Theoretical Enquiry*. Dordrecht : Springer, 2015.

Nagel T. *Mind and Cosmos: Why the Materialist Neo-Darwinian Conception of Nature Is Almost Certainly False*. Oxford ; N.Y. : Oxford University Press, 2012.

O'Neill J. *Meta-Ethics* // *A Companion to Environmental Philosophy* / ed. by D. Jamieson. Malden, MA : Wiley-Blackwell, 2001. P. 163–176.

Quarfood M. Kant on Biological Teleology: Towards a Two-Level Interpretation // *Studies in History and Philosophy of Biological and Biomedical Sciences*. 2006. Vol. 37, № 4. P. 735–747.

Klemme, H.F., 2019. How is Moral Obligation Possible? Kant's Principle of Autonomy in Historical Context. In: S. Bacin and O. Sensen, eds. *The Emergence of Autonomy in Kant's Moral Philosophy*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 10-28.

Martynova, S.A., 2023. On Aristotle's Use of the Concept "Organon" in a Biological Context. *ΣΧΟΛΗ. Ancient Philosophy and the Classical Tradition*, 17(1), pp. 166-176. (In Rus.)

Moreno, A. and Mossio, M., 2015. *Biological Autonomy. Biological Autonomy: A Philosophical and Theoretical Enquiry*. Dordrecht: Springer.

Muhin, E.O., 1832. On Excitement. In: M. Lengossek, 1832. *Nachal'nye osnovaniya fiziologii [Elementary Foundations of Physiology]*. Moscow: Tip. S. Selivanovskogo, pp. 89-216. (In Rus.)

Nagel, T., 2012. *Mind and Cosmos: Why the Materialist Neo-Darwinian Conception of Nature Is Almost Certainly False*. Oxford: Oxford University Press.

O'Neill, J., 2001. Meta-Ethics. In: D. Jamieson, ed. 2001. *A Companion to Environmental Philosophy*. Malden, MA: Wiley-Blackwell, pp. 163-176.

Onosov, A.A., 2020. Projective Anthropology: Technogenesis and Organosynthesis in the Philosophy of Cosmism. *Solov'evskie Issledovaniya*, 3(67), pp. 62-78. (In Rus.)

Quarfood, M., 2006. Kant on Biological Teleology: Towards a Two-level Interpretation. *Studies in History and Philosophy of Biological and Biomedical Sciences*, 37(4), pp. 735-747. <https://doi.org/10.1016/j.shpsc.2006.09.007>.

Schelling, F.W.J., 1997. *System of Transcendental Idealism*. Translated by P. Heath with an Introduction by M. Vater. Charlottesville: University Press of Virginia.

Sechenov, I.M., 1952. *Elements of Thought*. In: I.M. Sechenov, 1952. *Izbrannye proizvedeniya [Selected Writings]. Volume 1: Physiology and Psychology*. Moscow: USSR Academy of Sciences Publishing House, pp. 272-427. (In Rus.)

Sehon, S., 2016. *Free Will and Action Explanation*. Oxford: Oxford University Press.

Svoboda, T., 2015. *Duties Regarding Nature: A Kantian Environmental Ethic*. New York & London: Routledge, Taylor & Francis Group.

Timothy, W.L., 2020. *Anthropocene Alerts: Critical Theory of The Contemporary As Ecocritique*. Candor, NY: Telos Press Publishing.

Sehon S. Free Will and Action Explanation. A Non-Causal, Compatibilist Account. Oxford : Oxford University Press, 2016.

Svoboda T. Duties Regarding Nature: A Kantian Environmental Ethic. N.Y. ; L. : Routledge, Taylor & Francis Group, 2015.

Об авторе

Светлана Александровна Мартынова, кандидат философских наук, доцент, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: svetlanus.martinova@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8780-8229>

Для цитирования:

Мартынова С. А. Разворот Н. Ф. Федоровым естественной телеологии Аристотеля и Канта в сторону проекта регуляции природы // Кантовский сборник. 2024. Т. 43, № 2. С. 123–151.

doi: [10.5922/0207-6918-2024-2-4](https://doi.org/10.5922/0207-6918-2024-2-4)

© Мартынова С. А., 2024.

Varava, V.V., 2020. Philosophy of Death of N.F. Fyodorov: Tanatology, Immortality or Moral Challenge? *Solov'evskie Issledovaniya*, 2(66), pp. 166-177. (In Rus.)

Yevlampiev, I.I. and Kupriyanov, V.A. 2019. *Teleologiya v klassicheskoy i neklassicheskoy filosofii* [Teleology in Classical and Non-Classical Philosophy]. St. Petersburg: Russian Christian Academy for the Humanities Press. (In Rus).

Translated from the Russian by Evgeni N. Filippov

The author

Dr Svetlana A. Martynova, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russia.

E-mail: svetlanus.martinova@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8780-8229>

To cite this article:

Martynova, S. A., 2024. Nikolay Fyodorov's Attempt to Link Aristotelian and Kantian Natural Teleology to the Project of Nature Regulation. *Kantian Journal*, 43(2), pp. 123-151.

<http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2024-2-4>

© Martynova, S. A., 2024.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

УДК 1(091)

РУССКИЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ КАНТ
ПОСЛЕ ЛИБЕРАЛИЗМА:
С. И. ГЕССЕН О ЮБИЛЕЕ КАНТА
В 1924 ГОДУ

М. А. Колеров¹

Пользуясь юбилеем И. Канта в качестве повода, русский неокантианец С. И. Гессен в эмиграции в 1924 г. – без прямых политических выводов – излагает взгляд на наследие великого философа со своих позиций «правового социалиста», выбирая в его наследии то, что в доктринах немецкого социализма представляется ему пережившим как откат от еще недавнего расцвета кантовских идей в неокантианстве, так и крах традиционного либерализма по итогам Первой мировой войны. Место первой публикации текста – русская либеральная берлинская газета «Руль» – заставляет смотреть на текст Гессена не только как на формальный юбилейный акт, но как на акт, обращенный именно к квалифицированной либеральной аудитории, засвидетельствовавшей катастрофу либерализма в России.

Ключевые слова: Кант, юбилей, С. И. Гессен, «правовой социализм», неокантианство в социализме, социал-либерализм, русская эмиграция

Републикуемый ниже юбилейный текст Сергея Иосифовича Гессена (псевд. Sergius, 1887–1950) следует рассматривать в контексте русской традиции, присутствующей внятно на пересечении ясных интеллектуальных задач, но политически потерпевшей тяжелое историческое поражение в XX в. Автор этих строк, однако, считает ее проект политически наиболее справедливым для истории и условий России. Речь идет о проекте русского социал-либерализма, соединяющего в себе доктрины

¹ Государственный архив Российской Федерации, Россия, 119435, Москва, ул. Большая Пироговская, д. 17. Поступила в редакцию: 02.04.2024 г.
doi: 10.5922/0207-6918-2024-2-5

RUSSIAN POLITICAL KANT
AFTER LIBERALISM:
SERGEY HESSEN
ON 1924 KANT JUBILEE

М. А. Kolerov¹

Using the Kant jubilee in 1924 as a pretext, Sergey Hessen, a Russian émigré neo-Kantian, draws no direct political conclusions but sets forth a view of the great philosopher's legacy from the position of a "legal socialist", selecting from his heritage those parts of German socialist doctrines that to his mind experienced a departure from a recent flowering of Kantian ideas in Neo-Kantianism and the collapse of traditional liberalism in the wake of the First World War. The fact that the text was first published in the Berlin-based Russian liberal newspaper "Rul'", gives us reason to see it not just as a formal jubilee tribute, but as an act addressed to the qualified liberal audience which witnessed the collapse of liberalism in Russia.

Keywords: Kant, jubilee, Sergey Hessen, "rule-of-law socialism", Neo-Kantianism in socialism, social-liberalism, Russian émigré community

The jubilee text of Sergey I. Hessen (*alias* Sergius, 1887–1950) should be considered in the context of the Russian tradition which has a distinct place at the intersection of clear intellectual tasks, even though it suffered a severe historical setback in the twentieth century. I believe, however, that its project does more political justice to the history and conditions of Russia than any other. I am referring to the project of Russian social-liberalism which combines the doctrines of German "natural right" and "ethical

¹ State Archive of the Russian Federation (GARF), 17, Bol'shaya Pirogovskaya st., Moscow, 119435, Russia. Received: 02.04.2024.
doi: 10.5922/0207-6918-2024-2-5

немецких «естественного права» и «этического минимума»², русских «достойного человеческого существования» и «минимума добра»³. При этом важно подчеркнуть, что автор текста С. И. Гессен — не просто законный представитель традиции русского социал-либерализма, но и сам — именно социалист, своими трудами послуживший развитию теории социализма после его катастрофической практики в Советской России.

В дореволюционной России социал-либерализм в названном аспекте был фундаментально философски исследован в труде В. С. Соловьева «Оправдание добра» (1897), где была тезисно дана исходная позиция для оценки этого движения: недостаточен «взгляд, признающий, что смысл жизни в ее добре, но при том утверждающий, что это добро, как данное свыше и осуществленное в непреложных жизненных формах (семьи, отечества, церкви), требует от человека лишь покорного принятия, без всяких рассуждений»; «недостаточность такого взгляда» состоит в забвении того, «что исторические образы жизненного добра не имеют внешнего единства и законченности и потому требуют от человека не формальной покорности, а опознания их по существу и внутреннего содействия в их продолжающемся росте» (Соловьев, 2020, с. 12 (Оглавление. III)). Перед лицом широко и быстро развивающегося социалистического движения в Европе и особенно марксистской социал-демократии в Германии и Австро-Венгрии П. И. Новгородцев в России противопоставил два образа философской программы немецкой учености для современных политических движений: Гегеля как вдохновителя марксизма и социализма и Канта как вдохновителя либерализма, хотя и резюмировал о «скорее восполнении, а не отрицании

minimum”², and the Russian “dignified human existence” and “minimum good”³. It is important to stress that the author, Sergey Hessen, is not simply a legitimate representative of the Russian social-liberal tradition, but is himself a socialist whose works contributed to the development of the socialist theory after its disastrous practice in Soviet Russia.

In pre-revolutionary Russia social-liberalism received a thorough philosophical grounding in Vladimir Solovyov’s work, *Justification of the Moral Good* (1897), which stresses the inadequacy of “[t]he view that recognises that the meaning of life lies in the moral good, but asserts that this good, as given from above, is realised in immutable forms of life (family, fatherland, church), demands from us submissive acceptance without argument”; this view is inadequate because it ignores the fact that “the historical forms of the good in life have no external unity and finality. These forms, therefore, demand from us not formal submission but their essential identification and intrinsic assistance for their continuing growth” (Solovyov, 2015, pp. IX-X (Table of Contents. III)). In the face of the broad and rapidly growing socialist movement in Europe and especially Marxist social democratic views in Germany and Austro-Hungary, Pavel Novgorodtsev in Russia juxtaposed two philosophical programmes of German thought for modern political movements: Hegel as the inspiration of Marxism and socialism, and Kant as the inspiration of liberalism — even though he concludes that contemporary intellectual practice “rather supplements than negates or excludes the legacy of Hegel and Kant (Novgorodtsev, 1901, p. 244). On the whole, however, the juxtaposition is not entirely valid because, according to the slogans and practice of Friedrich Engels,

² См. об этой связи, в частности: (Reisner, 1904; Прибыткова, 2011, с. 213–340 (гл. III)).

³ В ближайших планах автора этих строк — подготовка к печати уже составленной антологии русского социал-либерализма.

² See for example: (Reisner, 1904; Pribytkova, 2011, pp. 213-340 (ch. III)).

³ See my anthology of Russian social-liberalism due to be submitted for publication.

или исключения» наследия Гегеля и Канта в современной идейной практике (Новгородцев, 1901, с. 244). Но в целом и главным он противопоставил их не вполне обоснованно, потому что, следуя лозунгу и практике второго отца-основателя марксизма Ф. Энгельса, внесшего в число философских предшественников этой доктрины имена классиков немецкой философии Канта, Фихте и Гегеля, германские социал-демократы К. Шмидт, Р. Штаммлер, К. Форлендер изрядно потрудились над философским приспособлением неокантианства к программе марксизма.

Рано достигнув апогея в развитой Новгородцевым (в антиреволюционном и антисоциалистическом духе, лишаящем марксизм и коммунизм монополии на борьбу за социальную справедливость)⁴ формуле Соловьева о праве на «достойное человеческое существование», русский социал-либерализм реализовал себя в широкой экспансии в доктрину конституционно-демократической партии, в программах университетских общественных наук, в рецепции образцового для России немецкого наследия практической философии и социал-демократического ревизионизма. Однако надо признать, что Новгородцев, несмотря на свою выдающуюся формулу социал-либерализма, далее не смог развить ее в отдельную доктрину, подчинив главные усилия своего центрального труда «Об общественном идеале» опровержению любых форм социализма как коммунизма. То есть, по сути, он распространил социальные уточнения практического идеала либерализма именно на сам либерализм, а не на его социалистические вдохновения. Последовательный социалист и анархо-коммунист в течение всей своей жизни (за исключением эпизода с

⁴ См. очерк «Право на достойное человеческое существование» (Новгородцев, 1905, с. 214–222). Многочисленные републикации этого текста последнего времени опираются на его переиздание автором с изменениями и вместе с откликом И. А. Покровского: (Новгородцев, 1911). Здесь цитируется по первой публикации.

the second founding father of Marxism, who added the names of the classical German philosophers Kant, Fichte and Hegel to the list of philosophical precursors of this doctrine, German social-democrats Karl Schmidt, Rudolf Stammler and Karl Vorländer played a major role in adjusting Neo-Kantianism to the Marxist program.

After reaching an early apogee in Solov'ov's formula of the right to "dignified human existence", developed by Novgorodtsev in an anti-revolutionary and anti-socialist spirit which denied that Marxism and communism had a monopoly in the struggle for social justice),⁴ Russian social-liberalism manifested itself in the broad expansion into the doctrine of the constitutional democratic party, the social studies curricula of universities, the reception in Russia of the German heritage of practical philosophy and social-democratic revisionism. But it has to be said that Novgorodtsev, in spite of his outstanding formula of social-liberalism, failed to develop it into a fully-fledged doctrine and devoted his main effort – the book *On the Social Ideal* – to refuting all forms of socialism and communism. In other words, he directed the social adjustments of the practical ideal of liberalism toward liberalism itself, and not toward its socialist source. Nikolay Berdyaev, a consistent socialist and anarcho-communist throughout his life (with the exception of an episode with his right-wing liberal *Philosophy of Inequality* in the summer and fall of 1918) in a review of Novgorodtsev's work as early as the spring of 1918, on the one hand came to his rescue in looking for a synthesis of socialism and liberalism and, on the other hand, admitted that Novgorodtsev had not traversed the whole

⁴ See the essay "The Right to Dignified Human Existence" (Novgorodtsev, 1905, pp. 214-222). Numerous recent reprints of that text draw on the author's reprints with amendments and a review by Iosif Pokrovsky (Novgorodtsev, 1911). Quotations here are from the first publication.

его право-либеральной «Философией неравенства» лета — осени 1918 г.), Н. А. Бердяев в рецензии на этот труд Новгородцева уже весной 1918 г., с одной стороны, пришел ему на помощь в деле поиска синтеза социализма и либерализма, но с другой — не мог не признать, что Новгородцев не прошел этот путь, прямо отказался его пройти. Бердяев писал о Новгородцеве в сравнении с наследием Б. Н. Чичерина:

...в отличие от Чичерина либерализм его может быть наполнен социально-реформаторским содержанием. Новгородцев отрицает принципиальную противоположность между либерализмом и социализмом и мыслит социальное реформирование общества в рамках правового государства.

Но односторонность идеалистического либерализма и индивидуализма П. Новгородцева сказывается в том, что он не хочет признать онтологической реальности таких целостей и общностей, как государство, нация и т.п., и склонен сводить их целиком на единственную реальность — личность. Новгородцев — государственный, но ценность государства выводит он исключительно из общения и взаимодействия личностей. Ему чужда мысль, что государство, нация и т.п. общности также могут рассматриваться как личности, обладающие онтологической реальностью (Бердяев, 2020, с. 429).

Революции 1917 года и Гражданская война в России радикально похоронили политические перспективы социал-либерализма, но в русской эмиграции придали мощный импульс формированию доктрины демократического (то есть противостоящего коммунистической диктатуре в России / СССР) социализма, который в равной степени сформировали русские социал-демократы (меньшевики) и социалисты-революционеры, позже составившие единый идейно-политический блок. Наивысшие философские образцы этой новой социалистической традиции в эмиграции представлены трудами С. И. Гессена и Г. Д. Гурвича, полити-

path and flatly refused to follow it. Comparing Novgorodtsev with Boris Chicherin, Berdyaev wrote:

[...] as distinct from Chicherin, his liberalism can be invested with social-reforming content. Novgorodtsev denies the fundamental difference between liberalism and socialism and conceives of social reform in the framework of a law-governed state.

But P. Novgorodtsev's idealistic liberalism and individualism are visible in that he denies the ontological reality of such goals and communities as state, nation, etc. and tends to reduce them to the sole reality of personality. Novgorodtsev is a statist, but he derives the value of the state solely from the communication and interaction of individuals. He shies away from the idea that the state, nation and similar communities can also be seen as individualities that have ontological reality (Berdyaev, 1918, p. 429).

The 1917 revolutions and the Civil War in Russia put paid to the political prospects of social-liberalism, but gave the Russian émigré community a powerful impulse to form a doctrine of democratic socialism (as opposed to the communist dictatorship in Russia/USSR) to which Russian social democrats (Mensheviks) and Social-Revolutionaries (SR), who later formed a single ideological-political block, contributed in equal measure. Leading philosophical examples of this new socialist tradition in emigration are represented by the works of Sergey Hessen and Georges Gurvitch and political examples by the founders of, and contributors to, the major Russian-language socialist publications abroad: *"Sovremenniyе zapiski / Annales contemporaines"*, a journal circulated by the former members of the neo-populist SR party, Aleksandr Kerensky's newspapers *"Dni"* ("Days") and *"Novaya Rossiya"* ("New Russia") as well as Pavel Milyukov's social-liberal newspaper *"Posledniye Novosti"* ("Last News") until 1940 and *"Sotsialistichesky vestnik"* ("Socialist Bulletin") until the beginning of the 1960s. In

ческие — трудами создателей и авторов крупнейших социалистических изданий русского зарубежья: журнала бывших деятелей неонароднической эсеровской партии «Современные записки», газет А. Ф. Керенского «Дни» и «Новая Россия», а также социал-либеральной газеты П. Н. Милюкова «Последние новости» — до 1940 г., «Социалистического вестника» — до начала 1960-х гг. В этом контексте событий и понятий доктрина Гессена ясно именовалась как «правовой социализм». Исследователь неокантианства В. Н. Белов, анализируя его второй главный труд в эмиграции «Правовое государство и социализм», ясно определил главный нерв его противостояния с Новгородцевым:

Вынесенные в заглавие понятия «правовое государство» и «социализм» автор работы посчитал синонимичными, если только удастся дойти до сути каждого из них. Сущность же их, по мысли Гессена, противится общераспространенному отождествлению первого понятия с либерализмом, а второго с коммунизмом. Коммунизм, включающий в себя абсолютный идеал человеческого общежития, есть утопия, но никак не естественная ступень развития социализма... [как] «уничтожающий конкретные виды социального зла противопорядок»... (Белов, 2020, с. 98–99)⁵.

Нижеследующий текст С. И. Гессена был опубликован в берлинской русской либеральной газете его отца — одного из вождей дореволюционного либерализма И. В. Гессена, создателя одной из двух (наряду с «Русскими ведомостями») крупнейших либеральных газет в старой России — «Речь». В эмиграции ее логотип был очень остроумно и узнаваемо перерисован как «Руль». С. И. Гессен отнюдь не злоупотреблял своими родственными отноше-

⁵ В том же собрании научных трудов, где опубликована статья Белова, социализм Гессена иной раз упорно толкуется не как социализм, а как всего лишь завершение старого либерализма: (Куликов, 2020). Видимо, где-то еще существует табу на идеи социализма.

the context of events and concepts, Hessen's doctrine was unequivocally described as "rule-of-law socialism". Vladimir Belov, a researcher of Neo-Kantianism, analysing Hessen's second major work written in emigration, *The Law-governed State and Socialism*, pinpointed the essence of his confrontation with Novgorodtsev:

The author considers "law-governed state" and "socialism" to be synonyms if one looks into the essence of both concepts. The essence, according to Hessen, challenges the widespread identification of the former concept with liberalism and of the latter with communism. Communism, which includes the absolute ideal of human community, is a utopia, but not a natural stage in the development of socialism [...] [as] "a legal order that eliminates concrete types of social evil [...]" (Belov, 2020, pp. 98-99).⁵

Sergey Hessen's text published below first saw the light of day in the Russian liberal newspaper of his father, Iosif Hessen, one of the leaders of pre-revolutionary liberalism and founder of the newspaper "Rech" ("Speech"), one of the two major liberal newspapers in old Russia (the other being "Russkiye vedomosti" ("Russian Bulletin")). In emigration, its logo was wittily and recognisably transformed into "Rul'" ("Steering Wheel"). Sergey Hessen did not abuse his kinship with the publisher of "Rul'", but this jubilee article on Kant was one of the longest (if not the longest) in the paper's history, occupying a whole page of one issue and a quarter of the following one. Setting forth the popular notions about the development of Kant's ideas, Hessen stressed their relevance in 1924, after the death of liberalism in Russia and, in the émigré community, after it veered politically to the left (Milyukov) or to

⁵ In the collection of papers in which Belov's article is published, Hessen's socialism is sometimes stubbornly interpreted not as socialism, but as merely the crowning of old liberalism, e.g. Kulikov (2020). Apparently, socialist ideas are still taboo in some quarters.

ниями с главой «Руля», но настоящая юбилейная статья о Канте была очень (если не рекордно) велика по стандартам газеты: она заняла целую полосу издания и четверть следующей. Изложив популярный взгляд на развитие идей Канта, Гессен в итоге акцентировал их актуальность теперь, в 1924 г., после смерти либерализма в России, а в эмиграции — после его резкого политического полевения (Милюков) или поправления до апологии диктатуры и монархизма (П. Б. Струве). Перед лицом такой кончины старого либерализма и перед лицом становящегося в России все более обширным коммунизма в итоге своего юбилейного текста Гессен дал скрытую формулу социал-либерализма в его противопоставлении гордыне коммунизма: «Философия должна установить *пределы Добра*, так же как сам Кант в свое время установил границы разума. Проблема эта предносилась Вл. Соловьеву, ее видел и Достоевский, в образе Алеши Карамазова как бы воплотивший Добро на высшей ступени, преодолевающей *гордыню абсолютировавшего себя Добра*» (с. 169 наст. изд.; курсив мой. — М. К.).

Когда Гессен, прожив полную лишения, а во время Второй мировой войны — смертельной опасности, более короткую, чем у его товарищей по «Логосу» Ф. А. Степуна и Н. Н. Бубнова, жизнь, скончался, на его смерть отозвались компетентные русские современники. Бывший социалист-революционер, глубокий правовед и политический критик, после войны, однако, заметно сдавшийся западной антикоммунистической риторике азбучного (и оттого все менее убедительного) либерализма, один из создателей великого журнала «Современные записки» М. В. Вишняк нашел для Гессена особые слова изнутри своего неофитского либерального исповедания: «Для С. И. Гессена основная идея современного социализма в “суверенитете права”. Для него социализм есть “право лица на проявление своей хозяйственной активности, т.е. на свободный труд”...» (Вишняк, 1950,

the right to the point of *apologias* of dictatorship and monarchism (Petr Struve). Faced with the demise of old liberalism and with the spread of communism in Russia, Hessen concludes his article by giving a formula of social-liberalism that implicitly challenges the arrogance of communism: “Philosophy should establish the *limits of Good* just like Kant in his time established the boundaries of reason. The problem engaged V. I. Solovyov, Dostoyevsky was aware of it, witness the character of Alyosha Karamazov which embodies the highest degree of Good which overcomes *the arrogance of Good that has absolutised itself.*” (p. 169 of this issue; my italics — M. K.).

When Hessen died after a life full of hardship and, during the War, of mortal peril, a life shorter than that of his *Logos* colleagues Fyodor Stepun and Nikolai Bubnov, his death drew comments from competent Russian contemporaries. Mark Vishnyak, one of the founders of the famous journal “*Sovremenniye zapiski*”, a former Social-Revolutionary, a profound legal scholar and political critic, who after the War made noticeable concessions to the Western anti-communist rhetoric of simplified (and that much less convincing) liberalism, nevertheless found special words from within his nephote liberal faith: “For S.I. Hessen the main idea of modern socialism is ‘the sovereignty of law’. For him socialism is ‘the right of the person to manifest economic activity, i.e. to free labour’[...]” (Vishnyak, 1950, p. 174n**). Vasilii Zenkovsky (1951, p. 210) as a historian determined his place in the philosophical tradition in a way that shows that Hessen belonged to the intellectually highest form of socialism amid the Neo-Kantianism of Heinrich Rickert⁶ (with influences of Fichte),⁷ valued by the Russian

⁶ See Rickert (1903) and translations by S. Hessen: (Rickert, 1908; 1911). See also Stepun (1951, p. 216).

⁷ See more on these influences on Russian socialism in Kolerov (2023a, pp. 8-16). See also Kolerov (2023b), including the work *The World View and World Views* (1912)

с. 174, примеч.**). А В. В. Зеньковский как историограф определил его место в философской традиции, из которой ясно выделось, что Гессен принадлежал к интеллектуально наивысшей тогда форме социализма — посреди неокантианства Риккерта⁶ (с внушениями Фихте)⁷, ценного и для русских марксистов А. М. Водена и Е. Д. Кусковой (и близкого к ним издателя философской литературы Д. Е. Жуковского) (Зеньковский, 1951, с. 210).

Список литературы

Белов В. Н. «Неакадемический» неокантианец С. И. Гессен // Сергей Иосифович Гессен / под ред. В. В. Сапова, Т. Г. Щедриной. М. : РОССПЭН, 2020. С. 89–103.

Бердяев Н. А. [Рец. на:] П. Новгородцев. Об общественном идеале. Москва, 1917 г. (1918) // Колеров М. А. Манифесты русского политического идеализма: «Проблемы идеализма» (1902), «Вехи» (1909), «Из глубины» (1918) и их наследники. Минск : Лимариус, 2020. С. 428–431.

Вишняк М. В. Свобода и социализм // Новый журнал (Нью-Йорк). 1950. Т. 23. С. 160–178.

Зеньковский В. В. С. И. Гессен, как философ // Новый журнал (Нью-Йорк). 1951. Т. 25. С. 209–214.

Колеров М. А. Революция и христианский социализм в России. С. Н. Булгаков в 1904–1907 гг. Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2023.

Куликов В. Б. Закат либерализма (Русская версия Сергея Гессена) // Сергей Иосифович Гессен / под ред. В. В. Сапова, Т. Г. Щедриной. М. : РОССПЭН, 2020. С. 104–118.

Новгородцев П. И. Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве: Два типических построения в области философии права. М. : Университетская типография, 1901.

Новгородцев П. И. Два этюда: 1. Перед завесой. 2. Право на достойное человеческое существование // Полярная Звезда (СПб). 1905. 30 дек. (№ 3). С. 210–222.

⁶ См.: (Риккерт, 1903); переводы С. И. Гессена: (Риккерт, 1908; Риккерт, 1911). Об этом см.: (Степун, 1951, с. 216).

⁷ Об этих вдохновениях в русском социализме см. подробно: (Колеров, 2023, с. 8–16). См. также: (Цемент..., 2023), в частности работу П. Юшкевича «Мировоззрение и мировоззрения» (1912).

Marxists Aleksey Voden and Ekaterina Kus-kova (and publisher of philosophical literature Dmitry Zhukovsky, who was close to them).

References

Belov, V. N., 2020. "Non-Academic" Neo-Kantian S. I. Hessen. In: V. V. Sapov and T. G. Shchedrina, eds. 2020. *Sergey Iosifovich Hessen*. Moscow: ROSSPEN, pp. 89-103. (In Rus.)

Berdyaev, N. A., 1918. (Book Review:) P. Novgorodtsev. On the Social Ideal. Moscow 1917. In: M. A. Kolerov, 2020. *Manifesty russkogo politicheskogo idealizma: "Problemy idealizma" (1902), "Vekhi" (1909), "Iz glubiny" (1918) i ikh nasledniki*. [Manifestos of Russian Political Idealism: Problems of Idealism (1902), Milestones (1909), From the Depths (1918) and Their Successors]. Minsk: Limarius, pp. 428-431. (In Rus.)

Kolerov, M. A., 2023a. *Revolyutsionnyi i khristianskii sotsializm v Rossii. S. N. Bulgakov v 1904–1907 gg.* [Revolution and Christian Socialism in Russia. S. N. Bulgakov in 1904–1907]. Kaliningrad: IKBFU Press. (In Rus.)

Kolerov, M. A., ed. 2023b. *Cement i telo russkogo sotsializma: Kratkaya antologiya* [The Cement and Body of Russian Socialism: A Short Anthology]. Moscow: Modest Kolerov. (In Rus.)

Kulikov, V. B., 2020. The Decline of Liberalism (Russian Version of Sergei Hessen). In: V. V. Sapov and T. G. Shchedrina, eds. 2020. *Sergey Iosifovich Hessen*. Moscow: ROSSPEN, pp. 104–118. (In Rus.)

Novgorodtsev, P. I., 1901. *Kant i Gegel' v ikh ucheniyakh o prave i gosudarstve: Dva tipicheskikh postroeniya v oblasti filosofii prava* [Kant and Hegel in Their Doctrines on Law and State: Two Typical Constructions in the Field of Philosophy of Law]. Moscow: University Printing House. (In Rus.)

Novgorodtsev, P. I., 1905. Two Sketches: 1. Before the Veil. 2. The Right to a Dignified Human Existence. *Polar'naya Zvezda* [Polar Star] (St. Petersburg), 30 Dec., 3, pp. 210-222. (In Rus.)

Novgorodtsev, P. I., 1911. The Right to a Dignified Human Existence. In: P. I. Novgorodtsev and I. A. Pokrovsky, 1911. *O prave na sushchestvovanie. Sotsial'no-filosofskie etyudy* [On the Right to Existence. Social and Philosophical Sketches]. Moscow & St. Petersburg: M. O. Volf, pp. 1-13. (In Rus.)

Pribytkova, E. A., 2011. *Nesvoevremennyyj sovremenik: filosofiya prava V. S. Solovyova* [Untimely Contemporary

by Pavel Yushkevich.

Новгородцев П. И. Право на достойное человеческое существование // Новгородцев П. И., Покровский И. А. О праве на существование. Социально-философские этюды. М. ; СПб. : Т-во М.О. Вольф, 1911. С. 1–13.

Прибыткова Е. А. Несвоевременный современник: философия права В. С. Соловьева. М. : Модест Колеров, 2011.

Рейснер Л. М. Г. Еллинек и современное государство // Право (СПб.). 1904. № 3. Стб. 159–161.

Риккерт Г. Границы естественно-научного образования понятий: логическое введение в исторические науки / пер. А. Водена. СПб. : Е.Д. Кускова, 1903.

Риккерт Г. Философия истории / с предисл. автора к русскому изданию; пер. С. И. Гессена. СПб. : Д. Е. Жуковский, 1908.

Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре / пер. С. И. Гессена. СПб. : Образование, 1911.

Соловьев В. С. Оправдание добра. М.: Академический проект, 2020.

Степун Ф. А. Памяти С. И. Гессена // Новый журнал (Нью-Йорк). 1951. Т. 25. С. 215–218.

Цемент и тело русского социализма: Краткая антология / сост. и предисл. М. А. Колерова. М. : Модест Колеров, 2023.

Об авторе

Модест Алексеевич **Колеров**, кандидат исторических наук, Государственный архив Российской Федерации, Москва, Россия.

E-mail: modest.kolerov@yandex.ru

Для цитирования:

Колеров М. А. Русский политический Кант после либерализма: С. И. Гессен о юбилее Канта в 1924 году // Кантовский сборник. 2024. Т. 43, № 2. С. 152-159.

doi: 10.5922/0207-6918-2024-2-5

© Колеров М. А., 2024.

rary: V. S. Solovyov's Philosophy of Law]. Moscow: Modest Kolerov. (In Rus.)

Reisner, L. M., 1904. G. Jellinek and the Modern State. *Pravo [Law]* (St. Petersburg), 3, col. 159-161. (In Rus.)

Rickert, H., 1903. *Granicy estestvenno-nauchnogo obrazovaniya ponyatij: logicheskoe vvedenie v istoricheskie nauki [Boundaries of Natural-Scientific Formation of Concepts: Logical Introduction to Historical Sciences]*. Translated (into Russian) by A. Voden. St. Petersburg: E. D. Kus-kova. (In Rus.)

Rickert, H., 1908. *Filosofiya istorii [Philosophy of History]*. With the author's preface to the Russian edition; translated by S. I. Hessen. St. Petersburg: D. E. Zhukovskiy. (In Rus.)

Rickert, H., 1911. *Nauki o prirode i nauki o kul'ture [Natural Sciences and Cultural Sciences]*. Translated by S. I. Hessen. St. Petersburg: Obrazovanie.

Solovyov, V., 2015. *Justification of the Moral Good: Moral Philosophy*. Edited and translated by T. Nemeth. Cham, Heidelberg etc.: Springer.

Stepun, F. A., 1951. In Memory of S. I. Hessen. *Novy zhurnal [New Journal]* (New York), 25, pp. 215-218.

Vishnyak, M. V., 1950. Freedom and Socialism. *Novy zhurnal [New Journal]* (New York), 23, pp. 160-178. (In Rus.)

Zenkovsky, V. V., 1951. S. I. Hessen as a Philosopher. *Novy zhurnal [New Journal]* (New York), 25, pp. 209-214. (In Rus.)

Translated from the Russian by Evgeni N. Filippov

The author

Dr Modest **Kolerov**, State Archive of the Russian Federation (GARF), Moscow, Russia.

E-mail: modest.kolerov@yandex.ru

To cite this article:

Kolerov, M. A., 2024. Russian Political Kant After Liberalism: Sergey Hessen on 1924 Kant Jubilee. *Kantian Journal*, 43(2), pp. 152-159.

<http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2024-2-5>

© Kolerov M. A., 2024.

ЭММАНУИЛ КАНТ
(К ДВУХСОТЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ –
24 апр. 1724 г.)

С. И. Гессен¹

Как общекультурная, так, в частности, и общеполитическая обстановка, в которой ныне празднуется двухсотлетие со дня рождения Канта, существенно отличается от той, когда 20 лет тому назад культурный мир торжественно отметил столетие, прошедшее со дня смерти великого мыслителя. Тогда философия Канта переживала свое возрождение. Быть философом для большинства означало быть кантианцем. Изучать философию означало изучать сочинения Канта. Ничто не омрачало тогда веры в культуру, в неколебимость ее формальных основ, неуклонность поступательного развития. И кантианство, рационально обосновывавшее эту веру человека в самого себя, как нельзя более отвечало потребности самосознания вступившего в XX век поколения.

Ныне положение существенно изменилось. Вера в культуру поколеблена в своих основах, и разочарование в культуре стало как бы нормальным состоянием современного сознания. Внутри философии кантианство уступило место другим течениям, в значительной мере вышедшим из него; быть интуитивистом или феноменологом, реалистом или гегельянцем ныне столь же естественно для философа, как раньше естественно было быть кантианцем. Из наступательной позиции в философии кантианство явно перешло на позицию оборони-

¹ doi: 10.5922/0207-6918-2024-2-6

Публикуется по изданию: *Sergius*. Эммануил [sic!] Кант. (К двухсотлетию со дня рождения – 24 [sic!] апр. 1724 г.) // *Руль* (Berlin). 1924. 24 апреля. № 1029. С. 5–6. В названии очерка явная опечатка: дата рождения Канта (22 апреля) контаминирована с датой выпуска номера газеты (24 апреля). Текст публикуется в современной орфографии и пунктуации. Сохранены авторские интонационные знаки и прописные буквы. Все примечания и список литературы принадлежат публикатору.

IMMANUEL KANT
(ON THE BICENTENARY OF HIS BIRTH –
24 APRIL 1724)

S. I. Hessen¹

The general cultural situation as well as that of philosophy in which the bicentenary of Kant's birth is celebrated differs substantially from that of 20 years ago when the cultural world marked the centenary of the great thinker's death. Then Kant's philosophy was experiencing a revival. To be a philosopher meant to be a Kantian. To study philosophy meant to study the works of Kant. No shadow clouded the faith in culture, in the immutability of its formal foundations, its inexorable progress. Kantianism, which rationalised this faith of the human beings in themselves, best met the needs of the self-consciousness of the generation that was entering the twentieth century.

The situation now has changed significantly. Faith in culture has been shaken to its foundations and disenchantment with culture has become the normal state of modern consciousness. Within philosophy Kantianism gave way to other trends which have in many ways emerged from it; to be an intuitivist or phenomenologist, a realist or a Hegelian is today as natural for a philosopher as being a Kantian was previously. Kantianism, formerly on the offensive, is now clearly on the defensive. Modern philosophy is in danger of forgetting Kant, neglecting his supra-historical content which does not depend on the exigencies of the day and philosophical fashion and which

¹ doi: 10.5922/0207-6918-2024-2-6

Published according to the edition: *Sergius*, 1924. *Emmanuil* [sic!] Kant. (K dvuhsotletiyu so dnya rozhdeniya – 24 [sic!] apr. 1724 g.). *Rul'* (Berlin), 24 April, 1029, pp. 5-6 (cf. *Sergius* [Hessen], 1924). The title contains an obvious misprint: the date of Kant's birth (22 April) has been contaminated by the date of the newspaper issue (24 April). All the notes and references are mine. – M. K.

тельную. Современная философия стоит перед опасностью забыть Канта, пренебречь тем сверхисторическим содержанием, которое не зависит от потребностей дня и течений философской моды и которое должно быть пережито и усвоено всеми, кто сознательно хочет выйти за пределы Кантовой философии. Поэтому и для нас, вспоминая ныне Канта, задача заключается в том, чтобы сформулировать те положения его философии, которые, не делая его, как двадцать лет тому назад, современным философом, имеют, однако, сверхвременное значение.

I

Если верно, что у каждого философа есть основная интуиция, которая, часто невыразимая в основном понятии, является, однако, главной темой всего его философствования, то у Канта таковой была, бесспорно, интуиция нравственной свободы человека. Мы можем с точностью установить момент, когда Канту явилась впервые эта основная идея его системы, связавшая в одно разрозненные мотивы его предыдущего философствования и послужившая отправным пунктом для его критики Разума. 1763-й год был, по свидетельству Канта, годом, пробудившим его от «догматического сна». В этот год Кант прочел «Эмилю» Руссо, его «Общественный договор». Руссо и «наставил его на правильный путь»², и с полным основанием называет поэтому Гегель Руссо «основоположником немецкой философии»³.

Докантовскую философию, в атмосфере которой Кант вырос и основные положения которой он сам в первый период своей деятельности (1750—1763) разделял, принято обыкновенно делить на два больших параллельных русла — рационализма и эмпиризма — и философию

² Источником этой цитаты у Гессена может быть биография Канта Э. Кассирера, изданная в 1918 г. (см.: Кассирер, 1997, с. 80), или же первоисточник, доступный по изданию Г. Хартенштайна (Kant, 1868, S. 624). Ср.: (AA 20, S. 44).

³ Об этом Гегель говорил, например, в своих «Лекциях по истории философии» (см.: Гегель, 1994, с. 457, 460).

should be experienced and assimilated by all those who consciously want to move beyond the limits of the Kantian philosophy. That is why, as we commemorate Kant, our task is to formulate those tenets of his philosophy which, without making him a modern philosopher as twenty years before, have an intransient significance.

I

If it is true that each philosopher has a core intuition which, often inexpressible in a central concept, is nevertheless the topic of all his philosophy, then in Kant's case it was undoubtedly the intuition of the human being's moral freedom. We can establish the exact moment when Kant first conceived of the main idea of his system which bound together disparate motifs of his earlier thinking and became the starting point of his critique of Reason. As Kant attests, 1763 was the year that awakened him from his "dogmatic slumber". That year Kant read Rousseau's *Emile* and *The Social Contract*. Rousseau had "set him right",² so that Hegel has ample reason to call Rousseau "the founder of German philosophy".³

The pre-Kantian philosophy, in whose atmosphere Kant grew up and whose main provisions he espoused in the first period of his activity (1750—1763) is usually divided into two major parallel streams — rationalism and empiricism — with Kant's philosophy portrayed as a synthesis of the two opposite trends of thought. The validity of that view is not in question. But it is equally indisputable that in relation to Kant's philosophy rationalism and empiricism are two mutually complementa-

² Hessen may have borrowed this quotation from Cassirer's biography of Kant, published in 1918 (cf. Cassirer, 1981, p. 89), or from the initial source available in Gustav Hartenstein's publication (Kant, 1868, p. 624). Cf. BGGSE, AA 20, p. 44; Kant, 2011 p. 96.

³ Hegel (1995, p. 402, 406) spoke about it, among other things, in his *Lectures on the History of Philosophy*.

Канта изображать как синтез этих обоих противоположных течений мысли. Правильность этого взгляда бесспорна. Но столь же несомненно и то, что по отношению к философии Канта рационализм и эмпиризм являются двумя дополняющими друг друга вариантами некоторого единого подхода к миру, единого философского умонастроения. Этот докантовский способ понятия о мире можно назвать интеллектуализмом или натурализмом в широком смысле этого слова. Натурализмом потому, что природа была той плоскостью, на которой вообще происходило движение философской мысли. Интеллектуализмом потому, что знание, предметом которого является именно природа, признавалось высшим назначением человеческой жизни, единственным путем достижения человеком Абсолютного. Добро, Красота, Бог мыслились натуралистически постольку, поскольку они понимались как находящиеся в мире природы или обуславливающие природу сущности. Добродетель понималась как некоторое просвещенное состояние ума, свобода — как господство разума над чувствами, искусство — как низшая ступень чувственного знания и богочитание — как *познание* Божества.

«Человек есть лишь тростник, самый слабый тростник в природе, но это мыслящий тростник. Не нужно, чтобы вся вселенная вооружилась, чтобы его раздавить. Достаточно облачка пара, капли воды, чтобы его убить. Но если даже вселенная раздавит человека, он все же будет более достойным, чем то, что его убивает, ибо он знает, что он умирает. Вселенная же ничего не знает о своем превосходстве над человеком. Таким образом все наше достоинство заключается в мысли»⁴. В этих известных

⁴ Вероятно, Гессен цитирует Паскаля в собственном переводе, причем лингвистически близко известному переводу П.Д. Первова (ср.: Паскаль, 1899, с. 49), выдержавшему три издания: в 1889, 1899 и 1905 гг. (см.: Алташина, 2012, с. 106–108), последнее из которых вышло в год, когда Гессен заканчивал гимназический курс и, будучи увлечен философией, поступал в Гейдельбергский университет.

ry variants of a single approach to the world, a single philosophical attitude. This pre-Kantian approach to the world can be called intellectualism or naturalism in the broad meaning. Naturalism, because nature was the plane where philosophical thought developed. Intellectualism, because the knowledge, whose object was specifically nature, was recognised as the highest vocation of human life, the only way by which the human being could attain to the Absolute. Goodness, Beauty, and God were interpreted materialistically, inasmuch as they were seen as residing in the natural world or as essences conditioning nature. Virtue was seen as an enlightened state of the mind, as the sway of reason over feelings, art as the lowest stage of sensible intuition and God worship as *cognition* of Divinity.

“Man is but a reed, the most feeble thing in nature; but he is a thinking reed. The entire universe need not arm itself to crush him. A vapour, a drop of water suffices to kill him. But, if the universe were to crush him, man would still be more noble than that which killed him, because he knows that he dies and the advantage which the universe has over him; the universe knows nothing of this. All our dignity consists, then, in thought.”⁴ These famous words of Pascal probably distil the intellectualist mood of pre-Kantian philosophy. Knowledge is the absolute element of the human being which puts the latter above his/her own animal nature and makes him/her akin to Divinity.

II

Throughout the first period of his philosophical development Kant certainly shared this in-

⁴ See Pascal (1941, p. 116). Hessen quotes Pascal, apparently in his own translation, linguistically close to the well-known translation by Pavel Pervov, which went through three editions: in 1889, 1899 and 1905 (see Altashina, 2012, pp. 106-108), the last of which came out in the year when Hessen was finishing secondary school and, being carried away by philosophy, was entering Heidelberg University.

словах Паскаля ярче всего, пожалуй, выражена сущность интеллектуалистического настроения докантовской философии. Знание есть то абсолютное начало в человеке, которое возвышает человека над его собственной животной природой и роднит его с Божеством.

II

В течение всего первого периода своего философского развития Кант, безусловно, разделял это интеллектуалистическое умонастроение. Оба главных сочинения этой эпохи «Естественная теория и история неба» (1750) и «Единственно возможное доказательство бытия Божия» (1763) свидетельствуют об этой его «роковой влюбленности в метафизику»⁵. Доказать существование Бога, показывает здесь Кант, можно лишь путем обнаружения невозможности отрицания бытия, которое и есть не что иное как Бог. В этом обожествлении бытия и заключается, в сущности, сокровенный смысл всех попыток вывести существование Бога из его понятия. Не существование есть необходимый атрибут Божества, а божественность есть необходимый атрибут Бытия. Кант как бы суммирует здесь онтологизм предшествовавшей ему философии.

Здесь не место излагать подробно, каким образом Кант преодолел этот интеллектуализм. Влияние Руссо, как указано уже выше, сыграло здесь решающую роль. Не в знании, а в нравственной свободе, в воле, следующей внутреннему голосу совести, лежит достоинство человека. Но в отличие от Руссо, который ограничился только бурным протестом против интеллектуализма человека, Кант ставит преодоление интеллектуализма проблемой своего философствования. «Знание мира не составляет достоинства человека», но Кант — слишком «ученый по любви» и слишком «чувствует жажду знания»⁶, чтобы ограничиться, подобно

intellectual attitude. His two main works of that time, *Natural History and Theory of the Heavens* (1750) and “The Only Possible Argument in Support of a Demonstration of the Existence of God” (1763), attest that he was “fatally in love with metaphysics”⁵. Kant shows that the existence of God can only be proved by discovering the impossibility of denying being, which is nothing other than God. Deification of being is the hidden meaning of all the attempts to derive the existence of God from the concept of God. It is not existence that is the necessary attribute of divinity, but divinity is the necessary attribute of being. Here Kant sums up, as it were, the ontologism of the preceding philosophy.

There is no need here to go into how Kant overcame this intellectualism. The influence of Rousseau, as pointed out above, was decisive. A human being’s dignity consists not in knowledge but in moral freedom, in the will which follows the inner voice of conscience. But unlike Rousseau, who confined himself to a vehement protest against human intellectualism, Kant makes the overcoming of intellectualism the problem of his philosophy. “Knowledge of the world does not constitute human dignity,” but Kant is too convinced “by love an inquirer” and “feels the thirst for knowledge”⁶ too urgently to limit himself like Rousseau to mere negation. “Metaphysics is not needed for virtue,” because “the law of duty is inscribed in legible characters in the human’s soul”,⁷ but what if the fallen metaphysics drags down with it the Newtonian science? Kant never agreed with the sceptical way out proposed by Hume.

⁵ Cf. “Metaphysics, with which, as fate would have it, I have fallen in love [...]” (TG, AA 02, p. 367; Kant, 1992, p. 354).

⁶ См.: (BBGSE, AA 20, p. 44; Kant, 2011, p. 96; Kant, 1868, p. 624; Cassirer, 1981, p. 89).

⁷ Cp.: (TP, AA 08, p. 287; Kant, 1996a, p. 288).

⁵ Ср.: (AA 02, S. 367; Кант, 1994, с. 259).

⁶ См.: (AA 20, S. 44; Кассирер, 1997, с. 80; Кант, 1868, S. 624).

Руссо, простым его отрицанием. «Метафизика не нужна для добродетели», ибо «закон долга начертан в сердце человека каждому внятными письменами»⁷, но что, если поверженная метафизика повлечет за собой в своем падении и науку Ньютона? Скептический выход Юма никогда не представлялся Канту действительным выходом.

Так интуиция нравственной свободы человека выдвигает перед Кантом проблему разграничения и согласования свободы и разума, добра и бытия, нравственности и знания. В «Грезах духовидца» (1765) Кант ясно сознает уже раскрывающуюся здесь сложную проблематику, но только 1769-й год, сорок шестой год его жизни, дает Канту, по его собственному свидетельству, «окончательный свет». Выход, открывшийся здесь Канту, и есть то, что мы называем методом критической философии. Преодолеть интеллектуализм, т.е. гегемонию знания, это значит положить знанию пределы, но вместе с тем и оправдать знание в его внутренних границах. Только такое, своим внутренним законом оправданное и им же ограниченное знание может мирно ужиться с нравственностью, дать добру и свободе место внутри мирового целого. Так первоначальная интуиция нравственной свободы углубляется Кантом до идеи автономии как подчинения себя данному закону, как самоопределения себя изнутри. Из принципа нравственности она разрастается тем самым во всеобщий принцип философии, в понятие, которым улавливается не только существо нравственности, но и существо отдельных сфер мира вообще. Она теряет, правда, оттого в своей непосредственности, приобретает как бы правовой формальный характер, интеллектуализируется. Но зато она выигрывает в силе, в своей чисто философской плодотворности. Только этой ценой открытая Руссо область нравственного должествования могла быть впервые исследована и удержана философской мыслью как ее прочное достояние. И только

⁷ Ср.: (AA 08, S. 287; Кант, 2024, с. 128).

Thus, the intuition of human moral freedom confronts Kant with the problem of delimiting and harmonising freedom and reason, good and being, morality and knowledge. In *Dreams of a Spirit-Seer* (1765) Kant is already conscious of the complex of problems revealed here, but it was only the year 1769, the forty-sixth year of his life, that shed “the final light,” as Kant admits. The way out that reveals itself to Kant here is what we call the method of critical philosophy. To overcome intellectualism, i.e. the hegemony of knowledge, means to set limits to knowledge, but at the same time to justify knowledge within its inner boundaries. Only knowledge justified by its inner law and limited by this law can coexist peacefully with morality, giving room to good and freedom in the world as whole. Thus, Kant deepens the initial intuition of moral freedom to the idea of autonomy as obeying this law as self-determination from within. Thereby it grows from the principle of morality into the universal principle of philosophy, the concept that captures not only the essence of morality, but the essence of particular spheres of the world in general. True, in the process it loses some of its spontaneity, acquiring a seemingly legalistic, formal character and being intellectualised. But instead it gains in strength, in its purely philosophical fruitfulness. It was only at this price that the area of the moral ought, discovered by Rousseau, could be explored for the first time and claimed by philosophy as its solid asset. It is only in this way that the problem of harmonising particular spheres of the world, recognised as authentic, can be solved.

Already in his 1770 dissertation *On the Form and Principles of the Sensible and the Intelligible* we encounter a new, critical concept of form as the law of self-determination, as the inner limit of knowledge. However, “ten years of silence” would pass before Kant managed to think through the principle of autonomy and, applying it to the problem of knowledge, pro-

таким образом могла быть впервые точно поставлена проблема согласования между собой отдельных сфер мира, признанных в своей истинной первоначальности.

Уже в диссертации 1770 г. «О форме и принципах мира чувственного и умопостигаемого» встречаемся мы с новым, критическим понятием формы как закона самоопределения, как внутренней границы знания. «Десять лет молчания» должны были, однако, пройти, прежде чем Канту удалось продумать до конца принцип автономии и, применив его к проблеме знания, выпустить в свет «Критику чистого разума» (1781), которой открылась длинная серия трудов его критического «кантианского» периода.

III

Существо «Критики чистого разума» видят обыкновенно в том, что Кант вскрыл субъективность подлежащего знанию объективного мира опыта. Именно потому, что опытное бытие есть не абсолютный мир вещей в себе, а только обусловленный субъективными формами знания мир явлений, и возможным оказалось Канту согласовать господствующую в мире опыта причинность с нравственной свободой человека, обладающей внеопытной значимостью. Отсюда именно возможность естествознания и математики как наук о явлениях и невозможность метафизики как науки об абсолютном бытии. Знание внутренне ограничено своим собственным законом — укорененными в субъекте формами чувственного материала.

Правильность подобной формулировки Кантовой гносеологии не подлежит сомнению. Ее не поколебали даже все попытки последних лет истолковать Канта в объективном смысле. Но если новокантианству и не удалось отвергнуть тезу о субъективизме Кантовой гносеологии, то ему, бесспорно, удалось показать непсихологический характер кантового субъективизма. Субъективизм этот не психологический, как у Локка, и не онтологический, как у Лейбница, а этический. Мы не познаем вещей в себе, а по-

duce his *Critique of Pure Reason* (1781), which ushered in a series of works of the “Kantian” critical period.

III

The essence of the *Critique of Pure Reason* is usually thought to be the discovery of the subjectivity of the objective world experience that is to be cognised. It is because experiential being is not an absolute world of things in themselves, but merely a world of phenomena, conditioned by the subjective forms of knowledge, that Kant managed to cohere the causality dominating the world of experience with human moral freedom which has significance outside the world of experience. That is why natural sciences and mathematics can exist as sciences of phenomena and metaphysics cannot be a science of absolute being. Knowledge is inwardly constrained by its own law, the forms of sensible material embedded in the subject.

The validity of this formula of Kantian epistemology is not open to question. It has withstood all the recent attempts to interpret Kant in the objective sense. But if Neo-Kantianism failed to overturn the thesis about the subjectivism of Kantian epistemology, it certainly succeeded in demonstrating the non-psychological character of Kant's subjectivism. Its subjectivism is neither psychological as that of Locke, nor ontological as that of Leibniz, nor ethical. We do not cognise things in themselves but only phenomena, not because our reason is too weak to grasp the world as it absolutely is. Schelling was right in saying that such a claim would do for the critique of a *weak* reason, but not for the critique of *pure* reason. Rather, the reverse is true: the Absolute is not the subject of knowledge because it is essentially irrational, surpassing all knowledge whatever, not only human knowledge, because it does not only exist but is being created, being an object of ac-

знаем только явления не потому, что наш разум слишком слаб, чтобы постичь мир так, как он абсолютно есть. Шеллинг был прав, говоря, что такое утверждение подходило бы для критики *слабого* разума, а не для критики разума *чистого*. Скорее напротив: Абсолютное не есть предмет знания, потому что оно, по существу, иррационально, превосходит всякое, а не только человеческое знание, ибо оно не только существует, но и творится, есть предмет действия столько же, как и предмет знания. Мы не познаем Абсолюта не потому, что мы по слабости *нашего* разума не можем его познать, а потому, что наш долг не велит его познать⁸. Мы не — не можем, а не должны познавать Абсолютное. Ибо если бы Абсолютное открывалось нам в знании, то исполнение нами нашего долга, наше нравственное действие лишилось бы своего абсолютного характера. В этом смысле можно сказать, что место метафизики как постижения Абсолютного заступает у Канта нравственность. Постичь последнюю тайну мира, соединиться с Божеством возможно не путем знания, которое соединяет субъекта с объектом лишь частичным и фрагментарным образом, а путем нравственного действия, в котором Абсолютное открывается нам в своем подлинном и последнем существе. Исполни свой долг — и ты приблизишься к разрешению тайны мира больше, нежели удовлетворяя свою жажду знания.

Но долженствование никогда не полагает внешних границ, оно ограничивает изнутри, автономно — через закон, который ограничиваемое дает себе само. Поэтому и знание, ограничиваемое нравственным долженствованием, ограничено изнутри — своим собственным законом, тем, что формы, делающие его возможным, суть формы субъекта. Субъективизм Канта есть поэтому следствие его морализма: моральное назначение субъекта есть основание того, что постижение Абсолютного достигается не путем метафизического знания, а путем нравственного действия.

⁸ Рассуждения Шеллинга о слабости разума встречаются в его «Философских письмах о догматизме и критицизме» (см.: Шеллинг, 1987, с. 45–46).

tion as much as it is an object of knowledge. We do not know the Absolute, not because our reason is too weak, but because our duty forbids us to cognise it.⁸ It is not that we cannot, but we must not cognise the Absolute. For if the Absolute were revealed to us in knowledge our fulfilment of our duty, our moral action would be robbed of its absolute character. In that sense it can be said that with Kant morality replaces metaphysics in cognising the Absolute. It is only possible to grasp the ultimate mystery of the world and unite with divinity, not through knowledge which connects subject and object only in a partial and fragmentary way, but through moral action in which the Absolute opens up to us its genuine and final essence. Fulfil your duty and you will come closer to resolving the mystery of the world than by quenching your thirst for knowledge.

But the ought never sets external boundaries, it limits from within, autonomously, through the law that what is limited gives itself by itself. Therefore knowledge limited by the moral ought is limited from within, by its own law, the fact that the forms making it possible are forms of the subject. Kant's subjectivism therefore is a consequence of his moralism: the moral mission of the subject is the reason why the Absolute is cognised not through metaphysical knowledge, but through moral action.

Herein lies what Kant called "the primacy of practical reason." Not content with setting limits to reason, i.e. with the overcoming of intellectualism, he put the absolute ought in place of being and knowledge, which he exposed. Being is not the essence of the world. Being is only a particular aspect of the world, only that side of it which presents itself to us as the object of knowledge. Therefore knowledge does not open to us the ultimate essence of the world.

⁸ Schelling (1980, pp. 161-162) reflects on the weakness of reason in his *Philosophical Letters on Dogmatism and Criticism*.

В этом именно и состоит то, что сам Кант назвал «приматом практического разума». Не ограничиваясь поставлением пределов разуму, т.е. преодолением интеллектуализма, он на место разоблаченного им Бытия и Знания поставил абсолютирование долженствования. Сущность мира не есть Бытие. Бытие есть только частичный аспект мира, только та сторона его, который является нам как предмет знания. Знание поэтому не открывает нам последней сущности мира. Эту чисто отрицательную тезу Кант, однако, дополнил положительным утверждением: сущность мира есть долженствование, в нашем нравственном действии мы постигаем последнюю тайну мира, непосредственно касаемся Абсолюта. Само знание может быть оправдано в своей объективной значимости потому, что формы, делающие его возможным, суть своеобразное долженствование, подлежащее познающему субъекту. Так интуиция нравственной свободы человека, ограничившаяся у Руссо протестом против интеллектуализма, становится у Канта принципом философской системы, возводится им в сущность мира.

В известном заключении «Критики практического разума» (1788) Кант в следующих словах сам формулирует морализм своей философии: «Две вещи наполняют душу все новым изумлением и благоговением, чем чаще и упорнее я размышляю о них: звездное небо надо мною и моральный закон во мне. Незачем окутывать их туманом и искать их вне моего кругозора, в далеком неизвестном предполагать их; я вижу их перед собой и непосредственно связываю их с сознанием моего существования... Первое зрелище уничтожает мое достоинство как животной твари, которая должна вернуть материю, из которой она произошла, обратно земле — этой незначительной точке вселенной. Второе зрелище, напротив, возвышает мою ценность, как интеллигенцию возвышает ее через мою личность, в которой моральный закон открывает мне независимую от

Kant, however, complements his negative thesis by a positive statement: the essence of the world is the ought, through our moral action we fathom the final mystery of the world, and get in touch with the Absolute. Knowledge itself can be justified in its objective significance because the forms that make it possible constitute a kind of ought for the cognising subject. This intuition of human moral freedom which with Rousseau is limited to the protest against intellectualism, becomes the principle of the philosophical system with Kant who elevates it to the status of essence of the world.

Kant famously formulates the moralism of his philosophy in the conclusion of the *Critique of Practical Reason* (1788):

Two things fill the mind with ever new and increasing admiration and reverence, the more often and more steadily one reflects on them: the starry heavens above me and the moral law within me. I do not need to search for them and merely conjecture them as though they were veiled in obscurity or in the transcendent region beyond my horizon; I see them before me and connect them immediately with the consciousness of my existence. [...] The first view [...] annihilates, as it were, my importance as an animal creature, which after it has been for a short time provided with vital force [...] must give back to the planet (a mere speck in the universe) the matter from which it came. The second, on the contrary, infinitely raises my worth as an intelligence by my personality, in which the moral law reveals to me a life independent of animality and even of the whole sensible world.⁹

You have only to compare these words with the above-quoted words of Pascal to feel the difference of Kantian moralism from the preceding intellectualistic philosophy.

⁹ See: (*KpV*, AA 05, pp. 161-162; Kant, 1996b, pp. 269-270). Hessen apparently gives his own translation of the quote.

животного царства и даже от всего чувственного мира жизнь»⁹. Стоит сравнить только эти слова с приведенными выше словами Паскаля, чтобы почувствовать все отличие Кантова морализма от предшествовавшей ему интеллектуалистической философии.

IV

Последующие главные труды Канта «Критика способности суждения» (1790) и «Религия в пределах разума» (1793) являются дальнейшим развитием его тезы морализма. Мир в последней своей сущности есть не что иное, как нравственное должествование, царство нравственных личностей, в котором господствует свобода и который постигается не знанием, а актом морального творчества. Все иное есть только явление этой подлинной сущности мира — явления Добра как первоначала философской системы. Не только познаваемый мир опыта, но и прекрасное есть не что иное, как «символ нравственного». Сама религия есть только «осознание наших моральных обязанностей как божественных»¹⁰: существенное содержание ее — чисто нравственное. Истинное богопочитание поэтому, по Канту, заключается в исполнении категорического императива, закона долга. В противоположность интеллектуалистической теодицее, отрицавшей реальность зла и видевшей в зле лишь иллюзию нашего незнания мировой гармонии, Кант развивает моралистическую тенденцию: зло есть для него не предмет знания (как таковое оно не может быть оправдано), а предмет действия, проблема, встающая перед нами как долг нашего творческого нравственного акта. В подходе к самому бытию мира как к явлению позади него лежащего Добра, которое само схватывается опять-таки лишь путем нравственного действия, морализм Канта достигает своего высшего напряжения. Иван Карамазов, отвергающий интеллектуалистическую теодицею и

⁹ Гессен приводит цитату, видимо, в собственном переводе. См.: (AA 05, S. 151 – 162; Кант, 1997, с. 729).

¹⁰ См.: (AA 06, S. 487; Кант, 2019, с. 253).

IV

The following major works of Kant, *Critique of Judgment* (1790) and *Religion within the Boundaries of Reason* (1793), elaborate this moralistic thesis. The world is ultimately nothing but the moral ought, the kingdom of moral personalities, dominated by freedom and cognised, not by knowledge, but by a creative moral act. All the rest is merely the manifestation of the true essence of the world, the manifestation of Good as the main principle of the philosophical system. Not only the cognisable world of experience but also the beautiful is a “symbol of the moral”. Religion itself is merely an “awareness of our moral duties as being divine”:¹⁰ its essence is purely moral. Therefore, according to Kant, genuine worship of God consists in compliance with the categorical imperative, the law of duty. As opposed to the intellectualistic theodicy which denied the reality of evil and saw evil as merely an illusion of our ignorance of the world harmony, Kant promotes the moralistic idea: evil to him is not an object of knowledge (it cannot be justified as such), but an object of action, a problem that confronts us as the duty of our creative moral act. Kant’s moralism is at its most intensive in the approach to the being of the world as a phenomenon of the Good which behind it is captured only through a moral act. Ivan Karamazov, who rejects the intellectualistic theodicy and rejects “not God, but His world” embodies the essence of Kant’s moralistic philosophy.

Was Kant right in making the ought an absolute and putting it in place of the intellectualism and ontologism of previous philosophy whose reputation he demolished? The fate of German idealism, which had grown out of Kant’s critique of reason, gives enough material to justify a negative answer to this question. While Fichte of the early period elevated

¹⁰ Cf. MS, AA 06, p. 487; Kant, 1996c, p. 599.

не принимающий «не Бога, а мир Его», есть, в сущности, воплощение моралистической философии Канта.

Прав ли был Кант в своем абсолютировании долженствования, в поставлении морализма на место поверженного им окончательно интеллектуализма и онтологизма предшествующей философии? Судьба немецкого идеализма, выросшего из Кантовой критики разума, дает достаточно материала для отрицательного ответа на этот вопрос. Если в Фихте первого периода морализм Канта был возведен в законченную и строгую систему (у самого Канта он скорее был движущим нервом его борьбы против интеллектуализма), то в Фихте последнего периода и особенно в Гегеле он нашел своего решительного противника. Замечательно также, что немецкий идеализм исчерпал себя в Ницше, имморализм которого есть такой протест против морализма Канта, каким по отношению к интеллектуализму Декарта и Лейбница явился антиинтеллектуалистический протест Руссо. Проблема преодоления морализма, однако без обратного отпада назад в интеллектуализм докантовой философии, и представляется нам актуальной проблемой современной философской мысли. Добро должно быть разоблачено как одно из возможных только явлений Абсолюта. Философия должна установить пределы Добра, так же как сам Кант в свое время установил границы разума. Проблема эта предносилась Вл. Соловьеву, ее видел и Достоевский, в образе Алеши Карамазова как бы воплотивший Добро на высшей ступени, преодолевающей гордыню абсолютировавшего себя Добра. В решении этой проблемы также и ключ к преодолению субъективизма Кантовой гносеологии, который коренится именно в Кантовом морализме и на который более всего направлена ныне критика как противников Кантовой философии, так и ее сторонников.

Но и противники Кантовой философии не должны забывать одного: чтобы преодолеть Кантов морализм и связанный с ним субъективизм в гносеологии, надлежит идти путем,

Kant's moralism to the position of a complete and rigorous system (with Kant himself it was rather the driver of his struggle against intellectualism), it found a fierce opponent in the Fichte of the last period and especially in Hegel. It is also remarkable that German idealism had exhausted itself in Nietzsche whose immoralism is a protest against Kant's moralism similar to the anti-intellectualist protest of Rousseau against the intellectualism of Descartes and Leibniz. I believe that the problem of overcoming moralism, but without a slide back into the intellectualism of the pre-Kantian philosophy, is a problem relevant to modern philosophical thought. Good must be exposed as just one of the possible manifestations of the Absolute. Philosophy should establish the limits of Good just like Kant in his time established the boundaries of reason. The problem engaged V. Solovyov, Dostoyevsky was aware of it, witness the character of Alyosha Karamazov which embodies the highest degree of Good which overcomes the arrogance of Good that has absolutised itself. The solution of this problem is also the key to overcoming the subjectivity of Kantian epistemology which is rooted in Kant's moralism and which is the prime target of the critics of the criticism both of the opponents and supporters of the Kantian philosophy.

But the opponents of the Kantian philosophy should be mindful of one thing: to overcome Kant's moralism and the subjectivity of epistemology one should follow the path shown by Kant himself. At the end of the day the so-called problem of overcoming Kant consists in applying to Kant his own method of overcoming intellectualism, such that the Good, absolutised by Kant, would be seen as an element that diminishes the Absolute, although it is embedded in it. Awareness simultaneously of the primacy of one side of the world, and its embeddedness in the principle that exceeds it (its

указанным, в сущности, самим Кантом. В конце концов так наз. проблема преодоления Канта заключается в том, чтобы к самому Канту применить его же метод преодоления интеллектуализма, чтобы и само Кантом абсолютированное Добро было понято как умягчающее Абсолют, хотя и укорененное в нем начало. В этом усмотрении одновременно и первоначальности отдельной стороны мира, и укоренности ее в превышающем ее начале (ее феноменальности) и заключается непреходящий смысл трансцендентализма как метода Кантовой философии, без усвоения вечной правды которого немислим самый выход за пределы Канта. В нем по-своему получила свое выражение все та же интуиция автономии, которая лежит в основе и подлежащего преодолению Кантова морализма. Недостаточная как принцип философской системы, она бесконечно плодотворна, однако, как ее метод.

Список литературы

Алташина В. Д. От «слабой былинки» к «мыслящей тростинке»: об истории переводов «Мыслей» Паскаля // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2012. Т. 13, вып. 4. С. 105–112.

Гегель Г. В. Ф. Лекции по истории философии. Книга третья / вступ. ст. К. А. Сергеева, Ю. В. Перова. СПб.: Наука, 1994.

Кант И. Грезы духовидца, поясненные грезами метафизики // Собр. соч.: в 8 т. М.: Чоро, 1994. Т. 2. С. 203–266.

Кант И. Критика практического разума // Соч. на нем. и рус. яз. М.: Московский философский фонд, 1997. Т. 3. С. 277–733.

Кант И. Метафизика нравов. Часть вторая. Метафизические основные начала учения о добродетели // Соч. на нем. и рус. яз. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2019. Т. 5, ч. 2. С. 17–428.

Кант И. О поговорке «Может быть, это и верно в теории, но не годится для практики» // Соч. по антропологии, философии политики и философии религии в 3 т. / под ред. Н. А. Дмитриевой (отв. ред.), А. Г. Жаворонкова, А. Н. Круглова, В. А. Чалого. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2024. Т. 2: Соч. по философии политики / под ред. В. А. Чалого. С. 114–158.

phenomenality) forms the intransient meaning of transcendentalism as the method of Kantian philosophy whose eternal validity must be understood if Kant himself is to be transcended. It is in a way an expression of the same intuition of autonomy which underpins Kantian moralism which needs to be overcome. It may be wanting as the principle of a philosophical system, but it is infinitely fruitful as its method.

References

Altashina, V. D., 2012. From a 'Weak Heddle' to a 'Thinking Reed': On the History of Translations of Pascal's *Thoughts*. *Review RHGA*, 13(4), pp. 105-112. (In Rus.)

Cassirer, E., 1981. *Kant's Life and Thought*. Translated by J. Haden; introduction by S. Körner. New Haven: Yale University Press.

Hegel, G. W. F., 1995. *Lectures on the History of Philosophy. Volume 3: Medieval and Modern Philosophy*. Translated by E. S. Haldane and F. H. Simson; Introduction by F. C. Beiser. Lincoln: University of Nebraska Press.

Kant, I., 1868. *Fragmente aus dem Nachlasse*. In: G. Hartenstein, ed. 1868. *Immanuel Kant's Sämtliche Werke in chronologischer Reihenfolge. Band VIII*. Leipzig: Leopold Voss, pp. 607-646.

Kant, I., 1992. *Dreams of a Spirit-Seer Elucidated by Dreams of Metaphysics*. In: I. Kant, 1992. *Theoretical philosophy, 1755-1770*. Translated and edited by D. Walford, R. Meerbote. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 301-360.

Kant, I., 1996a. *On the Common Saying: That May Be Correct in Theory, But It Is of No Use in Practice (1793)*. In: I. Kant, 1996. *Practical philosophy*. Translated and edited by M. J. Gregor. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 279-309.

Kant, I., 1996b. *Critique of Practical Reason*. In: I. Kant, 1996. *Practical philosophy*. Translated and edited by M. J. Gregor. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 139-271.

Kant, I., 1996c. *The Metaphysics of Morals*. In: I. Kant, 1996. *Practical Philosophy*. Translated and edited by M. J. Gregor. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 365-603.

Pascal, B., 1941. *Pensées*. Translated by W. F. Trotter. In: B. Pascal, 1941. *Pensées. The Provincial Letters*. New York: The Modern Library, pp. 3-321.

Кассирер Э. Жизнь и учение Канта. СПб. : Университетская книга, 1997.

Паскаль Б. Мысли (о религии) / предисл. Прево-Парадоля, пер. с фр. П. Д. Первова. 2-е изд., испр. М. : Типо-лит. Д. А. Бонч-Бруевича, 1899.

Шеллинг Ф. В. Й. Философские письма о догматизме и критицизме // Соч. : в 2 т. / под ред. А. В. Гулыги. М. : Мысль, 1987. Т. 1. С. 39–88.

Kant I. Fragmente aus dem Nachlasse // Immanuel Kant's Sämtliche Werke / in chronologischer Reihenfolge hrsg. von G. Hartenstein. Bd. VIII. Leipzig : Leopold Voss, 1868. S. 607–646.

Sergius. Эммануил Кант. (К двухсотлетию со дня рождения – 24 апр. 1724 г.) // Руть (Berlin). 1924. 24 апр. № 1029. С. 5–6.

О публикаторе

Модест Алексеевич Колеров, кандидат исторических наук, Государственный архив Российской Федерации, Москва, Россия.

E-mail: modest.kolеров@yandex.ru

Для цитирования:

Гессен С. И. Эммануил Кант. (К двухсотлетию со дня рождения – 24 апр. 1724 г.) / публикация и комментарии М. А. Колерова // Кантовский сборник. 2024. Т. 43, № 2. С. 160–171.

doi: 10.5922/0207-6918-2024-2-6

© Гессен С. И., Колеров М. А., 2024.

Schelling, F. W. J., 1980. Philosophical Letters on Dogmatism and Criticism. In: F. W. J. Schelling, 1980. *The Unconditional in Human Knowledge. Four Early Essays (1794–1796)*. Translation and Commentary by F. Marti. Lewisburg: Bucknell University Press; London: Associated University Press, pp. 156-196.

Sergius [Hessen, S. I.], 1924. Emmanuil Kant. (K dvuhsotletiyu so dnya rozhdeniya – 24 apr. 1724 g.) [Emmanuel Kant. (On the Bicentenary of His Birth – 24 April 1724)]. *Rul' [Steering Wheel]*, 1029, 24 April, pp. 5-6. (In Rus.)

Translated from the Russian by Evgeni N. Filippov

The publisher

Dr Modest *Kolеров*, State Archive of the Russian Federation (GARF), Moscow, Russia.

E-mail: modest.kolеров@yandex.ru

To cite this article:

Hessen, S. I., 1924. Immanuel Kant. (On the Bicentenary of His Birth – 24 April 1724). Publication and Commentary by M. A. Kolerov. *Kantian Journal*, 43(2), pp. 160-171.

<http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2024-2-6>

© Hessen S. I., Kolerov M. A., 2024.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

УДК 1(091)

**ОБЗОР СОВРЕМЕННЫХ
РОССИЙСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ФИЛОСОФИИ ГЕРМАНА КОГЕНА**

И. Е. Лапшин¹, Ю. Г. Карагод¹

Обзор охватывает научные публикации, посвященные философии Германа Когена, главы Марбургской школы неокантианства, которые были подготовлены российскими исследователями в 2000 – 2023 гг. Несмотря на несомненный авторитет Когена среди современных ему русских философов и наличие у него учеников и последователей, систематического и содержательного исследования его творчества в дореволюционной России так и не состоялось. В предлагаемом обзоре предпринята попытка показать очевидный рост интереса к философии Когена в последнюю четверть века. Учение немецкого философа, жившего и творившего в конце XIX – начале XX в., до сих пор вызывает живой интерес у российских философов. Об этом свидетельствует множество монографий, статей и докладов, в фокусе которых – теория познания Когена, его этика и эстетика, поиски точек соприкосновения между христианской религией и иудейской традицией, понимание философии культуры, вопрос о соотношении морали и права и многие другие. В обзоре особое внимание уделено работам, посвященным рецепции философии Когена в России, а также впервые опубликованным переводам и архивным текстам, которые были интегрированы в научные обсуждения своего времени, но остались неопубликованными и забытыми. Интерес современных российских исследователей к творчеству Когена не только указывает на его значение для истории философии, но и свидетельствует об актуальности его идей, а также о том, что потенциал его идей еще до конца не раскрыт. Обзор может служить ориентиром в изданной научной литературе как для исследователей философии Когена, так и

¹ Российский университет дружбы народов, Россия, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. Поступила в редакцию: 28.08.2023 г.
doi: 10.5922/0207-6918-2024-2-7

**REVIEW OF RECENT
RUSSIAN STUDIES OF HERMANN
COHEN'S PHILOSOPHY**

I. Y. Lapshin¹, J. G. Karagod¹

The review covers scholarly publications devoted to the philosophy of Hermann Cohen, the head of the Marburg School of Neo-Kantianism, written by Russian researchers in the period between 2000 and 2023. Although Cohen commanded unquestioned authority among Russian philosophers of his time – among them some followers and pupils – there was no systematic and substantive study of his work in pre-revolutionary Russia. The review below attempts to show the evident growth of interest in Cohen's philosophy in the last quarter of the century. The teaching of the German philosopher who lived and worked in the late nineteenth and early twentieth centuries still attracts lively interest among Russian philosophers today. Witness the multiple monographs, articles and reports focusing on Cohen's theory of cognition, his ethics and aesthetics, the search for convergences between the Christian religion and the Judaic tradition, the concept of the philosophy of culture, the relationship between morality and law and many other issues. The review pays particular attention to the works on the reception of Cohen's philosophy in Russia, as well as previously unpublished translations and archive materials which were part of the scholarly discourse of his time but remained unpublished and then forgotten. The interest of modern Russian scholars in the work of Cohen does not only point to his importance for the history of philosophy, but attests to the relevance of his ideas whose potential has yet to be fully revealed. The review may serve as a guide to the published literature on Cohen for the students of his

¹ Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University).
6 Miklukho-Maklaya st., Moscow, 117198, Russia.
Received: 28.08.2023.
doi: 10.5922/0207-6918-2024-2-7

для всех интересующихся неокантианством в целом, что будет способствовать развитию такого направления в философии, как когеноведение.

Ключевые слова: Г. Коген, немецкое неокантианство, русское неокантианство, трансцендентальная философия

1. Введение

Герман Коген (1842–1918) — одна из ключевых фигур в немецкой философии рубежа XIX–XX вв., основатель и лидер марбургского неокантианства. Неокантианство, возникнув в Германии, достаточно скоро обрело популярность и за ее пределами. Заметный интерес к учению Когена появился в России в первое десятилетие XX в. Лекции Когена в Марбурге слушали Б. А. Фохт, С. Л. Рубинштейн, Б. Л. Пастернак и другие отечественные философы, психологи, писатели и переводчики (см.: Дмитриева, 2007, с. 159–207). В советское время интерес к неокантианству практически сошел на нет: неокантианство, призывавшее вернуться к домарксистскому философу — Канту, воспринималось как пережиток прошлого.

Новая волна интереса к Когену в России возникает в постсоветское время, преимущественно уже в XXI столетии, за первые два десятилетия которого было опубликовано значительное количество монографий, статей, обзоров, тезисов конференций, посвященных творчеству этого философа.

2. Теория познания, этика и философия религии Когена

Пристальный интерес отечественных философов вызвал целый ряд теоретико-познавательных вопросов, которым посвящены наиболее читаемые тексты Когена: идея трансцендентального метода (Круглов, 2000; Длугач, 2009; Тютюнников, 2018а; 2018б), понятие бес-

philosophy and for all those interested in Neo-Kantianism in general, thereby contributing to the development of such a field in philosophy as Cohen studies.

Keywords: Hermann Cohen, German Neo-Kantianism, Russian Neo-Kantianism, transcendental philosophy

1. Introduction

Hermann Cohen (1842–1918) is one of the key figures in the German philosophy at the turn of the nineteenth and twentieth centuries and the founder and head of the Marburg School of Neo-Kantianism. Neo-Kantianism sprang up in Germany, but soon became popular elsewhere. In Russia, Cohen's teaching first attracted attention in the first decade of the twentieth century. Cohen's lectures in Marburg were attended by Boris Foght, Sergey Rubinstein, Boris Pasternak and other Russian philosophers, psychologists, writers and translators (see Dmitrieva, 2007, pp. 159-207). In Soviet times interest in Neo-Kantianism was reduced to zero: Neo-Kantianism, which called for a return to Kant, a pre-Marxian, was considered to be a survival of the past.

A new wave of interest in Cohen in Russia arose in the post-Soviet period, mainly in the twenty-first century, whose first two decades saw the publication of a large number of monographs, articles, reviews and conference theses devoted to Cohen.

2. Cohen's Theory of Cognition, Ethics and Philosophy of Religion

Russian philosophers focused on a number of theoretical-cognitive questions which form the subjects of the most frequently read Cohen texts: the idea of the transcendental method (Krouglov, 2000; Dlugach, 2009; Tyutyunnikov, 2018a; 2018b), the concept of infinitely small

конечно малых (Секундант, 2010; Длугач, 2009; 2016; Белов, 2018б; Перцев, 2023), понятия априори (Дмитриева, 2013б; Соболева, 2020) и истока (Дворкин, 2018), пространства и времени (Савинцев, Попова, 2022), логика чистого познания (Длугач, 2009; Сокулер, 2021; 2022), понятие (научного) мышления (Длугач, 2006; 2010; Семенов, 2008б; 2022), философия диалога (Сокулер, 2008; Дворкин, 2020а; 2020б).

В монографии «Научная рациональность и философский разум» П. П. Гайденко посвятила две главы изложению концепции научного знания в марбургском неокантианстве и непосредственно в творчестве Когена. В них она рассматривает неокантианскую точку зрения на специфику точных и естественных наук, в частности излагает представление Когена о трансцендентальном синтезе и способах обоснования научного знания (Гайденко, 2003). В монографии В. Е. Семенова «Доминирующие парадигмы трансцендентализма в западноевропейской философии» дан подробный анализ марбургского трансцендентализма: рассмотрены проблема функционального и систематического единства познания, понятия первоначала и бесконечно малого у Когена (Семенов, 2012).

Состояние российских и международных исследований неокантианства в целом и философии Когена в частности в первое десятилетие XXI в. нашло отражение в докладах на международной конференции по русскому и немецкому неокантианству, прошедшей в Московском педагогическом государственном университете в мае 2008 г., и проанализировано в обзоре Н. А. Дмитриевой (Дмитриева, 2009). В 2010 г. по результатам этой конференции вышла коллективная монография «Неокантианство немецкое и русское: между теорией познания и критикой культуры» (Неокантианство..., 2010). В ней были опубликованы статьи как российских, так и зарубежных (в переводе на русский язык) авторов, анализирующих особенно

values (Sekundant, 2010; Dlugach, 2009; 2016; Belov, 2018b; Pertsev, 2023), the concept of *a priori* (Dmitrieva, 2013b; Soboleva, 2020) and the origin (Dvorkin, 2018), space and time (Savintsev and Popova, 2022), the logic of pure cognition (Dlugach, 2009; Sokuler, 2021; 2022), the concept of (scientific) thinking (Dlugach, 2006; 2010; Semyonov, 2008b; 2022), and the philosophy of dialogue (Sokuler, 2008; Dvorkin, 2020a; 2020b).

Piama Gaidenko's monograph *Scientific Rationality and Philosophical Reason* has two chapters devoted to the rendering of the concept of scientific knowledge in Marburg Neo-Kantianism, in particular in the work of Cohen. She examines the Neo-Kantian view of the specificities of exact and natural sciences, and sets out Cohen's teaching on transcendental synthesis and methods of grounding scientific knowledge (Gaidenko, 2003). Valery Semyonov (2012) in his monograph *Dominant Paradigms of Transcendentalism in West European Philosophy* provides a detailed analysis of Marburg transcendentalism, considers the problem of the functional and systematic unity of cognition and, finally, Cohen's concepts of the prime source and infinitely small values.

The state of Russian and international studies of Neo-Kantianism as a whole and Cohen's philosophy in particular in the first decade of the twenty first century was reflected in the papers presented at the international conference on Russian and German Neo-Kantianism, held at the Moscow Pedagogical State University in May 2008 and was reviewed by Nina Dmitrieva (2009). A follow-up to the conference was the publication of a collective monograph *German and Russian Neo-Kantianism: Between the Theory of Cognition and Critique of Culture* (Griftsova and Dmitrieva, 2010). It contains articles by Russian and foreign authors (the latter translated into Russian) analysing the particularities of the perception of Cohen in Russia (Belov, 2010),

сти восприятия учения Когена в России (Белов, 2010), проблемы когеновской философии религии (Сокулер, 2010), метафизики (Хольцхай, 2010), логики (Шиндлер, 2010; Длугач, 2010), историю развития Марбургской школы (Феррари, 2010), а также актуальность неокантианства сегодня (Эдель, 2010).

Этика — раздел философии, который в (нео)кантианстве оспаривает у теории познания первое место по своей значимости для всей философской системы, — исследуется в работах В. Н. Белова (Белов, 2014б; Belov, 2015) и Н. А. Дмитриевой (Dmitrieva, 2020; 2021). Представлениям Когена о добродетели и проблемам этического универсализма посвящена статья З. А. Сокулер (Сокулер, 2019). Взаимосвязь этики и логики анализируется в статье В. Н. Белова (Белов, 2014а). А. Э. Ковров несколько параграфов своей диссертации посвятил проблеме обоснования свободы воли у Когена (Ковров, 2012). Е. А. Фролова в своих работах рассматривает проблему соотношения морали и права у Когена (Фролова, 2012; 2013). П. Курхинен подчеркивает морально-правовой аспект в философии этического социализма, ярким представителем которого, по его мнению, является Коген (Курхинен, 2015).

По давно сложившейся традиции Коген считается основателем Марбургской школы неокантианства, что вполне однозначно определяет его место на философском «небосклоне» рубежа веков. Однако за последние десятилетия в исследовательской литературе вместе с постановкой проблемы, что считать философской классикой, неоднократно поднимался вопрос о том, можно ли отнести Когена к философам-классикам. Прояснению соответствующих тезисов посвящены статьи В. Е. Семенова и В. Н. Белова (Семенов, 2008а; Белов, 2015б), а также работа, подготовленная В. Н. Беловым совместно с итальянским исследователем А. Помой (Poma, Belov, 2021).

the problems of Cohen's philosophy of religion (Sokuler, 2010), metaphysics (Holzhey, 2010), logic (Schindler, 2010; Dlugach, 2010), the history of the Marburg school (Ferrari, 2010), and the relevance of Neo-Kantianism for the present time (Edel, 2010).

Ethics, a department of philosophy which in (neo) Kantianism vies for supremacy in the theory of cognition, is the subject of the works by Vladimir Belov (2014b; 2015a) and Dmitrieva (2020; 2021). Cohen's notions of virtue and the problems of ethical universalism are examined in the article by Zinaida Sokuler (2019). Interconnection between ethics and logic is explored in Belov's article (Belov, 2014a). Alexander Kovrov (2012) devotes several paragraphs in his dissertation to the problem of Cohen's grounding of the free will. Elizaveta Frolova (2012; 2013) discusses Cohen's approach to the problem of the relationship between morality and law. Pavel Kurhinen (2015) stresses the moral and legal aspect in the philosophy of ethical socialism of which he considers Cohen to be an outstanding representative.

In accordance with a long-standing tradition, Cohen is considered to be the founder of the Marburg School of Neo-Kantianism, which defines his place in the philosophical "firmament" at the turn of the centuries.

In recent decades, however, researchers, raising the question of what should be considered as a philosophical classic, have repeatedly doubted whether Cohen can really be considered a classic philosopher. The pros and cons are examined in the articles of Semyonov (2008a) and Belov (2015b), as well as Belov's work in collaboration with Andrea Poma of Italy (Poma and Belov, 2021).

Cohen's aesthetics is a frequent subject of Russian research. First and foremost we should mention the work of Tatyana Akindinova (1945–2018), devoted to the aesthetic feeling in Cohen's texts (Akindinova, 2011; 2013), and

Эстетика Когена также нередко становится предметом исследований отечественных философов. Прежде всего следует упомянуть работы Т. А. Акиндиновой (1945–2018), посвященные рассмотрению эстетического чувства в текстах Когена (Акиндинова, 2011; 2013), а также определению места эстетики в когеновской теории культуры (Акиндинова, 2005; 2010; 2014). Е. Н. Устюгова рассматривает возможную связь эстетики Когена с идеями художественного авангардизма начала XX в. (Устюгова, 2018). Анализ чувственных актов в контексте неокантианства проведен в статье И. М. Мешкова (Мешков, 2018). Т. А. Горячева в своей диссертации, анализирующей комическое в истории музыки, особое внимание уделяет осмыслению музыки и эстетического в теории культуры Когена (Горячева, 2009).

Одна из глобальных задач, возникающих в творчестве Когена, связана с поиском соприкосновений и связей между иудейской традицией и неокантианством, между религией и философией. Это пространство мысли Когена можно считать, пожалуй, наиболее подробно исследованным в российской научной литературе. В статьях В. Н. Белова (Белов, 2021; 2022a) проанализирована эволюция взглядов Когена на религию и его попытки найти точки соприкосновения между иудаизмом и христианством. Еще несколько статей В. Н. Белова посвящено влиянию Канта на формирование представлений Когена о религии (Белов, 2018a; Белов, Бердникова, Карагод, 2021), его концепции религии в пределах разума (Белов, 2015a; 2018b) и некоторым другим смежным вопросам (Белов, 2018g). З. А. Сокулер в своих работах также анализирует проблемы концепции «религии разума» Когена (Сокулер, 2008; 2010). Л. А. Китаева в своей диссертации рассматривает соотношение этического и религиозного в философии Когена, метафизическое обоснование его философии религии, а также связь идей Когена с этикотеологией Канта (Китаева,

to determining the place of aesthetics in Cohen's theory of culture (Akindinova, 2005; 2010; 2014). Yelena Ustiugova (2018) explores the possibility of Cohen's aesthetics being linked with the *avant garde* of the early twentieth century. Igor Meshkov (2018) analyses sentient acts in the context of Neo-Kantianism. Tatyana Goryacheva (2009) in her dissertation exploring the comical in the history of music, pays particular attention to the concept of music and the aesthetical in Cohen's theory of culture.

One of the global problems arising in Cohen's work is the search for interactions and links between the Judaic tradition and Neo-Kantianism, between religion and philosophy. This is arguably the area of Cohen's thought that has received the most attention in Russian scholarly literature. In his articles Belov (2021b; 2022a) traces the evolution of Cohen's views on religion and his attempts to find points of contact between Judaism and Christianity. Several other articles by Belov are devoted to the influence of Kant on the evolution of Cohen's views on religion (Belov, 2018a; Belov, Berdnikova and Karagod, 2021), his concept of religion within the bounds of reason (Belov, 2015c; 2018b) and some related questions (Belov, 2018d). Sokuler (2008; 2010) also examines Cohen's concept of "religion of reason". Liubov Kitayeva (2005) in her dissertation looks at the relationship between the ethical and the religious in Cohen's philosophy and the link between Cohen's ideas and Kant's ethical theology. Dmitrieva in her latest works (2024a; 2024b) analyses the concept of anthropodicy in the light of the relationship between the human being and God as seen by Cohen in comparison with the treatment of that problem by Kant.

Of the larger works that have been published in recent years the monograph, *The Philosophical System of Hermann Cohen*, by Belov (2022c) should be mentioned first. It consists of seven chapters devoted to the key concepts of

2005). Понятие антропологии в свете отношения человека и Бога у Когена и в сравнении с постановкой этой проблемы у Канта анализирует в своих новейших работах Н. А. Дмитриева (Дмитриева, 2024; Dmitrieva, 2024).

Из значительных по объему работ, вышедших в последние годы, в первую очередь следует обратить внимание на монографию В. Н. Белова «Философская система Германа Когена» (Белов, 2022в). Работа состоит из семи глав, раскрывающих ключевые понятия философии Когена — трансцендентализм, идеализм, априоризм — и излагающих такие ключевые направления его философии, как логика, этика, эстетика, философия религии.

Отдельный интерес у российских исследователей вызывает взаимоотношение учений Когена и П. Наторпа (Белов, 2020; Семенов, 2023), а также Когена и западных представителей философии диалога — М. Бубера, Ф. Розенцвейга, Э. Левинаса. З. А. Сокулер посвятила последней теме отдельную монографию — «Герман Коген и философия диалога» (Сокулер, 2008). В ней автор, делая акцент на иудаистских корнях традиции философского диалога, исследует представление Когена о взаимоотношении религии и философии в свете концепции диалога, представленной в работах указанных мыслителей XX в. И. С. Дворкин, рассматривая в своих статьях концепции тех же авторов, также обнаруживает созвучность их идей учению Когена и предпринимает попытку обосновать принадлежность самого Когена к философии диалога (Дворкин, 2020а; 2020б; см. также: Белов, Петров, Лебедева, 2018, с. 499–500). Доклад И. С. Дворкина на ежегодном научном семинаре «Трансцендентальный поворот в современной философии» был посвящен понятию близкого в философских учениях Когена и Левинаса (Дворкин, 2022).

Среди гораздо менее популярных в когеноведении проблем, которые тем не менее играют немаловажную роль для понимания мировоз-

Cohen's philosophy — transcendentalism, idealism and apriorism — dealing with the key strands of his philosophy such as logic, ethics, aesthetics and the philosophy of religion.

A particular area that attracts Russian researchers is the relationship between the doctrines of Cohen and Paul Natorp (Belov, 2020; Semyonov, 2023), as well as between Cohen and Western representatives of the philosophy of dialogue, Martin Buber, Franz Rosenzweig and Emmanuel Levinas. The latter topic is the subject of the monograph, *Hermann Cohen and the Philosophy of Dialog*, by Sokuler (2008). Focusing on the Judaic roots of the philosophical dialogue tradition, she looks at Cohen's notion of the relationship between religion and philosophy in the light of the dialogue concept represented in the works of the above-mentioned twentieth-century thinkers. Ilya Dvorkin (2020a; 2020b), discussing the concepts of the same authors in his articles, also finds similarities of their ideas with Cohen's teaching and attempts to prove that Cohen himself espoused the philosophy of dialogue (see also Belov, Petrov and Lebedeva, 2018, pp. 499-500). Dvorkin's paper presented at the annual seminar "The Transcendental Turn in Modern Philosophy" was devoted to the concept of the Close One in the philosophical works of Cohen and Levinas (Dvorkin, 2022).

Among the far less popular subjects of Cohen studies, which nevertheless play a not unimportant role in explaining Cohen's world view, are his ideas about war and peace, which are the subjects of research by Russian historians of philosophy (Dmitrieva, 2013a; 2014; Belov, 2016a).

3. Cohen in Russia and in Russian

Of undoubted interest for any student of Cohen's philosophy and Neo-Kantianism in general is Belov's translation of *Kant's Theory of*

зренческой позиции Когена, — его представления о войне и мире, чему также посвятили свои исследования российские историки философии (Дмитриева, 2013а; 2014; Белов, 2016а).

3. Коген в России и на русском языке

Несомненный интерес для любого исследователя философии Когена и неокантианства в целом представляет выполненный В. Н. Беловым перевод «Теории опыта Канта» (Коген, 2012), одного из ранних систематических трудов Когена, в котором он формулирует ряд ключевых для своего восприятия Канта положений. На русском языке «Теория опыта Канта» вышла впервые. Этому событию и актуальности данной книги посвятила одну из статей З. А. Сокулер (Сокулер, 2013). Позднее В. Н. Белов подготовил и опубликовал переводы трех малых работ Когена (Коген, 2015; 2018; 2019), первой из которых предпослано предисловие (Белов, 2015а). В его переводе изданы также тексты зарубежных авторов, посвященные философии Когена (Мунк, 2015; Бертолино, 2015). В переводе с итальянского, выполненном Ольгой Поповой, вышла монография о философской системе Когена А. Пома (Пома, 2012). В 2002 г. была опубликована глава «Эстетическое чувство любви» из фундаментального труда Г. Когена «Эстетика чистого чувства» в переводе Т. А. Акиндиновой (Коген, 2002), в 2018 г. републикация этого текста вышла с предисловием переводчика (Акиндинова, 2018). Повторная публикация перевода свидетельствует о том, что идеи Марбургской школы по-прежнему находятся в центре научных дискуссий, продолжается процесс переосмысления наследия марбургских классиков, в том числе Когена. По мнению Т. А. Акиндиновой, «философская система Г. Когена была беспрецедентным опытом целостного переосмысления кантовской системы философии на основе научного знания рубежа XIX—XX веков, поэтому она с пол-

Experience (Cohen, 2012), one of the early systematic works of Cohen in which he formulated some provisions that are key for his perception of Kant. This is the first Russian translation of *Kant's Theory of Experience*. Sokuler (2013) devoted one of her articles to this milestone event and the relevance of the book (2013). Later Belov made and published translations of three minor works of Cohen (2015; 2018; 2019), with a preface to the first of them (Belov, 2015c). He has also published translations of foreign authors devoted to Cohen's philosophy (Munk, 2015; Bertolino, 2015). Olga Popova has published a translation from Italian of Poma's monograph about Cohen's philosophical system (Poma, 2012). The chapter "Aesthetic Feeling of Love" from Cohen's stout volume *Aesthetics of Pure Feeling*, translated by Akindinova (Cohen, 2002) was published in 2002. In 2018 the text was published with the translator's preface (Akindinova, 2018). The repeat publication of the translation shows that the ideas of the Marburg school are still at the center of scholarly discussions and the process of rethinking the heritage of the Marburg classics, including Cohen, continues. In the opinion of Akindinova (2009, p. 25), "the philosophical system of H. Cohen was an unprecedented experience of a wholesale reassessment of the Kantian system of philosophy on the basis of the scientific knowledge at the turn of the nineteenth and twentieth centuries. Thus it can safely be called Neo-Kantian and in the history of philosophical thought it performed a mission similar to that which fell to Kant's philosophy a century earlier".

Some works of Russian philosophers consider the reception of Cohen's Neo-Kantianism in Russia: Belov (2004; 2016b) attempted to clarify and explain the peculiarities of the perception of Cohen's teaching in Russia, above all the particular attention twentieth century Russian philosophers paid to his ethical ideas. In ad-

ным правом может называться неокантианской и, по существу, она выполнила в истории философской мысли миссию, аналогичную той, что выпала философии Канта столетием ранее» (Акиндинова, 2009, с. 25).

В ряде работ отечественных философов рассматривается рецепция когеновского неокантианства в России: В. Н. Беловым предпринята попытка прояснить и объяснить особенности восприятия учения Когена в России (Белов, 2004) и прежде всего особое внимание русских философов XX в. к его этическим построениям (Belov, 2016a). Кроме того, В. Н. Белов подготовил краткий обзор работ, изданных в последние десятилетия в Германии и свидетельствующих о большом интересе к философской системе Когена, что, по мнению исследователя, позволяет говорить о выделении в науке отдельного направления — когеноведения (Belov, 2016б). Продолжая тему специфики философии религии Когена, который стремится непротиворечивым образом соединить иудейство и кантовскую традицию трансцендентального критицизма, В. Н. Белов обратился к дискуссии российских учеников Когена, его последователей и исследователей, возникшей вокруг этой части его философской системы. По мнению В. Н. Белова, Коген был убежден в необходимости религиозного диалога, предполагающего различия сторон, но опирающегося на этическое единство всех вероучений, которое может быть достигнуто исключительно в области культуры. Основная сила нравственной культуры — в толерантности, а ее главное содержание, по мнению Когена, — закон и справедливость (Belov, 2021). П. А. Владимиров предложил краткий обзор наиболее системных положений русских философов, учеников и последователей марбургского философа (Владимиров, 2021).

В работах Н. А. Дмитриевой рассматривается роль этики и философии истории Когена в возникновении «антропологического по-

dition, Belov (2016c) offered a short review of works published in Germany over the past decades which attest to keen interest in Cohen's philosophical system, which, in the author's opinion, signals the emergence of Cohen studies as a distinct area of research. Pursuing the theme of the peculiarities of Cohen's philosophy of religion, which sought to unite Judaism and the Kantian tradition of transcendental critique, Belov turned to the discussion among Russian disciples of Cohen, his followers and researchers which was inspired by that part of his philosophical system. In Belov's opinion, Cohen was convinced that there had to be a religious dialogue, assuming that there are differences of opinion but displaying the ethical unity of all faiths, which can only be achieved in the field of culture (Belov, 2021a). The main strength of moral culture is tolerance and its main essence, according to Cohen, is law and justice. Pavel Vladimirov (2021) provided a brief review of the more systemic proposals of the Russian philosophers, disciples and followers of the Marburg philosopher.

Dmitrieva (2010) examines the role of Cohen's ethics and philosophy of history in bringing about the "anthropological turn" in Russian Neo-Kantianism. She explores the concept of *a priori* in Cohen and in Russian Neo-Kantianism. In particular, she deals with Sergey Hessen's attempt to explain the "critical opposition" between Cohen's "transcendental rationalism" and Rickert's "transcendental empiricism" (Dmitrieva, 2013b). Dmitrieva (2020) also studied the influence of Cohen's ethics on the work of Boris Pasternak.

The article by Vsevolod Vikhnovich (2014) gives an account of Cohen's visit to Russia in 1914. Belov (2019) also touched upon some aspects of that trip, considered the ideas Cohen formulated after meeting Russian philosophers and representatives of Eastern European Jewish communities, and described Cohen's at-

ворота» в русском неокантианстве (Dmitrieva, 2010), исследуется понятие «априори» у Когена и в русском неокантианстве, в частности попытка С. И. Гессена разъяснить «критическую противоположность» между «трансцендентальным рационализмом» Когена и «трансцендентальным эмпиризмом» Риккерта (Дмитриева, 2013б). Кроме того, Дмитриева исследовала влияние этики Когена на творчество Б. Л. Пастернака (Dmitrieva, 2020).

Обстоятельствам посещения Когеном России в 1914 г. посвящена статья В. Л. Вихновича (Вихнович, 2014). К некоторым моментам той поездки обратился также В. Н. Белов, который рассмотрел идеи, сформулированные Когеном после общения с российскими философами и представителями восточноевропейских еврейских общин, а также охарактеризовал отношение Когена к Первой мировой войне, во многом определявшееся его положением в Германии как еврея (Белов, 2019).

М. А. Колеров обнаружил в российской дореволюционной периодике и опубликовал в «Кантовском сборнике» два некролога на смерть Когена: М. М. Рубинштейна и автора, скрывшегося под инициалами «Вс.Р.» (Колеров, 2018).

В период, который охватывает обзор, вышел целый ряд архивных публикаций русских неокантианцев, в том числе связанных с творчеством Когена. В 2003 г. Н. А. Дмитриева опубликовала книгу, которую составили сохранившиеся в частном архиве сочинения Б. А. Фохта, посвященные теоретическим и эстетическим проблемам марбургского неокантианства, в том числе его доклад «О постановке основной проблемы эстетики у Канта и Когена в связи с критикой основных понятий и принципов, примененных Кантом к ее решению», прочитанный в ГАХН в 1924 г. в честь 200-летия Канта (Фохт, 2003, с. 195–262), а также его диссертация, предлагающая разбор кантовского трансцендентального метода с оппо-

тitude to the First World War which was in many ways determined by his position as a Jew in Germany.

Modest Kolerov (2018) discovered in pre-revolutionary Russia periodicals and published in the *Kantian Journal* two obituaries on Cohen: one by Moisey Rubinstein and the other by an author hiding behind the initials “Vs.R.”

The period covered by this review saw the publication of a whole range of archive materials of Russian Neo-Kantians, including those connected with the work of Cohen. In 2003 Dmitrieva published a book containing works by Boris Fokht (German: Vogt) that have survived in a private archive and are devoted to theoretical and aesthetic problems of Marburg Neo-Kantianism, including his lecture “On the Approach to the Main Problem of Aesthetics by Kant and Cohen in Connection with the Critique of the Main Concepts and Principles Used by Kant to Solve It” delivered at the State Academy of Art Sciences in 1924 on the occasion of the bicentenary of Kant’s birth (Fokht, 2003, pp. 195-262), and his dissertation which describes Kant’s transcendental method proceeding from Cohen’s ideas (*ibid.*, pp. 51-128). In 2018 she published, by participation of Julia Yakimenko, the paper by Alexandr Sakketti “H. Cohen’s Doctrine of the Form of Music” with commentaries (Sakketti, 2017). In 2021 a long article by Sakketti was published that was written a century earlier and represents an obituary on Cohen plus a summary of his philosophy. The text, never published before, also with commentaries and notes, has been prepared by Dmitrieva (Sakketti and Dmitrieva, 2021). She also published a 27 June 1918 letter of Cohen’s widow, Marta Cohen, to his Russian pupil Sergey Rubinstein. The letter shows a friendly attitude and concern for the addressee who had experienced in Odessa all the hardship of the Revolution, the Civil War and Intervention (Dmitrieva and Levchenko, 2015, pp. 60-63).

рой на идеи Когена (Там же, с. 51–128). В 2018 г. Н. А. Дмитриева при участии Ю. Н. Якименко опубликовала доклад А. Л. Саккетти «Учение Г. Когена о форме музыки» с комментариями (Саккетти, 2017). В 2021 г. вышла большая статья А. Л. Саккетти, написанная столетием раньше и представляющая собой своего рода некролог на смерть Когена и одновременно сжатое изложение его философии. Текст, ранее не печатавшийся, подготовлен к публикации Н. А. Дмитриевой и снабжен предисловием и комментариями (Саккетти, Дмитриева, 2021). Ею же было опубликовано письмо от 27 июня 1918 г. вдовы философа, Марты Коген, к его русскому ученику С. Л. Рубинштейну. В письме содержится свидетельство ее дружеского отношения и заботы об адресате, переживавшем в Одессе все трудности революции, Гражданской войны и интервенции (Дмитриева, Левченко, 2015, с. 60–63).

Своего рода некролог и одновременно обзор философского наследия Когена за авторством С. Л. Рубинштейна из архива последнего был опубликован О. Н. Бредихиной (Рубинштейн, 1994) и затем перепечатан в сборнике его работ «Бытие и сознание. Человек и мир» (2003).

Издателем забытых философов был Л. Н. Столович, опубликовавший труды А. З. Штейнберга, который являлся горячим почитателем Когена и, вполне возможно, свою позицию в отношении темы «русское еврейство» сформировал под влиянием взглядов марбургского неокантианца. Штейнберг сопровождал Когена во время его визита в Россию в апреле – мае 1914 г., и впоследствии, в статье «Герман Коген как воспитатель (1842–1918)», он высоко отзывался об усилиях марбургского мыслителя по разработке системного проекта своей философии (Штейнберг, 2011).

Особый интерес у российских исследователей вызывает влияние учения Когена на концепции русских ученых, сравнение их позиций. При анализе философских трудов

Olga Bredikhina published a kind of obituary and review of Cohen's philosophical legacy by Sergey Rubinstein (1994) from the latter's archive, which was later reprinted in the collection of his works entitled *Being and Consciousness. Man and the World* (Moscow 2003).

Another publisher of forgotten philosophers was Leonid Stolovich, who published the works of Aron Steinberg, an ardent fan of Cohen who probably formed his position on the theme of "Russian Jewry" under Cohen's influence. Steinberg accompanied Cohen during his visit to Russia in April-May of 1914. Later, in an article titled "Hermann Cohen as Teacher (1842–1918)" he spoke highly of the Marburg thinker's efforts to develop a systematic project of his philosophy (Steinberg, 2011).

Russian researchers have shown particular interest in the impact Cohen's teaching had on Russian scholars, and the comparison of their positions. In analyzing the philosophical works of Mikhail Bakhtin, Dvorkin focused on their ethical aspect (2021), which, he believes, reveal Cohen's influence. Vitaly Makhlin (2010) in his article "Bakhtin and Neo-Kantianism (Approaches to the Problem)" looks at the key differences between Bakhtin and Neo-Kantianism in building the first philosophy and shows that Bakhtin counterposes his first philosophy as the philosophy of being to the philosophy of culture. Maya Soboleva (2010) sees similarities in the way Cohen and Bakhtin construct their philosophy of culture. Cohen's concept of culture is also examined in Belov's article (Belov, 2008), which predates his translation of Cohen's paper "The Sciences of the Spirit and Philosophy" first published in German in 1913 (Cohen, 2008).

Belov (2013) offers an overall comparison of the philosophy of history according to Cohen and Moisey Kagan, and Dmitrieva in her article makes a similar comparison between Cohen and Nikolay Boldyrev (2016a). Viacheslav Savintsev and Varvara Popova (2022) com-

М. М. Бахтина и И. С. Дворкин сделал акцент на их этическом аспекте, в чем он видит когеновское влияние (Dvorkin, 2021). В. Л. Махлин в статье «Бахтин и неокантианство (подступы к проблеме)» проанализировал базовые расхождения Бахтина и неокантианства в деле построения первой философии, показав, что Бахтин противопоставляет свою первую философию как философию бытия философии культуры (Махлин, 2010). М. Е. Соболева видит общее в построении философии культуры Когеном и Бахтиным (Соболева, 2010). Когеновское понимание культуры рассматривается и в статье В. Н. Белова (Белов, 2008), которая предшествует его переводу работы Когена «Науки о духе и философия», впервые опубликованной по-немецки в 1913 г. (Коген, 2008).

Опыт общего сравнения философии истории Когена и М. И. Кагана был предложен в статье В. Н. Белова (Белов, 2013), а Когена и Н. В. Болдырева — в статье Н. А. Дмитриевой (Дмитриева, 2016а). В. И. Савинцев и В. С. Попова провели компаративистский анализ двух связанных неокантианских концепций в отношении пространства и времени — Когена и И. И. Лапшина — и выявили наличие схожих эпистемологических установок в стремлении усовершенствовать элементы кантовской философии, используя их для логического обоснования возможностей научно-теоретического познания и преодоления психологизма (Савинцев, Попова, 2022). Н. А. Дмитриева в статье, посвященной диссертационной работе С. Л. Рубинштейна 1914 г., показала, что именно философские идеи Когена лежат в основе критической позиции Рубинштейна по отношению к методу Гегеля и что Рубинштейн в своем исследовании во многом продолжает критику Гегеля, начатую Когеном (Дмитриева, 2021).

Одним из последних последователей Когена в России был Я. И. Гордин. Н. А. Дмитриева впервые опубликовала доклад Гордина «Антро-

pared two interconnected Neo-Kantian concepts of space and time — of Cohen and Ivan Lapshin — to reveal similar epistemological approaches in that both sought to improve elements of the Kantian philosophy using them for logical grounding of the possibility of scientific-theoretical cognition and for overcoming psychologism. Dmitrieva (2021), in an article about S. Rubinstein's 1914 dissertation, showed that Rubinstein's critical position concerning Hegel is based on Cohen's philosophical ideas, and that Rubinstein in his study in many ways continues the critique of Hegel initiated by Cohen.

One of the last followers of Cohen in Russia was Jacob Gordin. Dmitrieva first published Gordin's report "Anthropodicy" in which the author presents his view of a human being and human culture proceeding from Cohen's philosophy and finds, among other things, similarities between the approaches of Cohen and Vladimir Solovyov to anthropodicy (Gordin, 2016). However, Gordin links anthropodicy more closely than Cohen with individuality and the involvement of the individual in the creation of culture, a clear sign of the influence of Russian religious philosophers (Dmitrieva, 2015; 2016b; 2024).

4. Conclusion

Cohen's philosophy has not lost its relevance today and continues to draw the attention of Russian scholars. Witness the number of conferences held in recent years: "Hermann Cohen and Twentieth-Century Culture" (St. Petersburg, St. Petersburg State University, 22-23 May 2014), "The Marburg School of Neo-Kantianism: Lessons of History" as part of the international scientific-cultural forum Philosophy Days in St. Petersburg (St. Petersburg, St. Petersburg State University, 21 November 2014), "Hermann Cohen in the History of the Russian Philosophy" (Moscow, Peoples' Friendship

подицея», в котором автор выводит собственное понимание человека и его культуры с опорой на философскую систему Когена, находя, среди прочего, сходство в подходах к антропологии у Когена и В. С. Соловьева (Гордин, 2016). Однако Гордин теснее, чем Коген, связывает программу антропологии с индивидуальностью и участием личности в создании культуры, в чем явно выражается влияние на Гордина русских религиозных философов (Dmitrieva, 2015; Дмитриева, 2016б; Дмитриева, 2024).

4. Заключение

Философия Когена в наши дни не утрачивает актуальности и продолжает притягивать внимание российских исследователей. Об этом свидетельствует количество конференций, проведенных за последние несколько лет: «Герман Коген и культура XX века» (Санкт-Петербург, СПбГУ, 22–23 мая 2014 г.), «Марбургская школа неокантианства: уроки истории» в рамках международного научно-культурного форума «Дни философии в Санкт-Петербурге» (Санкт-Петербург, СПбГУ, 21 ноября 2014 г.), «Герман Коген в истории русской философии» (Москва, РУДН / Академия Кантиана БФУ им. И. Канта, 4–5 июня 2018 г.), круглый стол «Актуальность философии Германа Когена» (Москва, РУДН, 25 ноября 2021 г.) и др. Благодаря опубликованным обзорам конференций можно ознакомиться с тезисами прозвучавших на них докладов (Акиндинова, Белов, 2015, с. 105–108; Белов, Петров, Лебедева, 2018; Белов, 2022б). Отдельно также упомянем обзоры исследований творчества Когена прошлых лет, представленные в статьях В. Н. Белова «Современные исследования философии Германа Когена» (Белов, 2016б) и Ю. Г. Карагод «Contemporary Russian Studies of the Life and Works of Hermann Cohen» (Karagod, 2019). Таким образом, можно говорить о набирающем силу процессе осмысления наследия марбург-

University of Russia (RUDN) / *Academia Kantiana*, Immanuel Kant Baltic Federal University, 4-5 June 2018), the round table “Relevance of the Philosophy of Hermann Cohen” (Moscow, RUDN, 25 November 2021) and so on. Published reviews of conferences contain theses of the reports (Akidinova and Belov, 2015; Belov, Petrov and Lebedeva, 2018; Belov, 2022b). Special mention should be made of the earlier reviews of studies of Cohen’s work: the articles by Belov (2016d) and Julia Karagod (2019). We have reason to say that the process of assimilating the legacy of Marburg Neo-Kantians, notably Cohen, is gathering pace in Russia. On the whole we can go along with Vladimir Belov’s opinion that the fundamental philosophical concept of Hermann Cohen merits being the subject of a special branch of research, Cohen studies.

References

- Akindinova, T. A., 2005. Aesthetics of Neo-Kantianism in Germany and in Russia (Comparative Analysis). In: V. N. Bryushinkin, ed. 2005. *Kant mezhdu Zapadom i Vostokom. K 200-letiyu so dnya smerti i 280-letiyu so dnya rozhdeniya Immanuila Kanta* [Kant between the West and the East. On the 200th Death Anniversary and the 280th Birth Anniversary of Immanuel Kant]: *Proceedings of the International Seminars and International Conferences. In 2 Parts*. Kaliningrad: Publishing House of the Immanuel Kant Russian State University. Part 1, pp. 134-141. (In Rus.)
- Akindinova, T. A., 2009. Hermann Cohen as a Modern Philosopher. In: I. V. Kuzin, ed. 2009. *Master i professional: istoriya i sovremennost' [The Master and the Professional: History and Modernity]*: Collection of Articles in Honor of the 70th Anniversary of Professor K. S. Pigrov. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University, pp. 25-33. (In Rus.)
- Akindinova, T. A., 2010. Aesthetics of H. Cohen in the Context of Modern Art: Current Issues. In: I. N. Griftsova and N. A. Dmitrieva, eds. 2010. *Neokantianstvo nemezkoie i russkoie: mezhdu teoriei poznania i kritikoi kultury* [German and Russian Neo-Kantianism: Between the Theory of Cognition and Critique of Culture]. Moscow: Publishing house “Political Encyclopedia” (ROSSPEN), pp. 506-520. (In Rus.)

ских неокантианцев, и прежде всего Когена, в России. В целом же хотелось бы присоединиться к мнению В. Н. Белова о том, что фундаментальная философская концепция Германа Когена достойна отдельного исследовательского направления — когеноведения.

Список литературы

Акиндинова Т. А. Эстетика неокантианства в Германии и в России (сравнительный анализ) // Кант между Западом и Востоком. К 200-летию со дня смерти и 280-летию со дня рождения Иммануила Канта : труды междунар. семинара и междунар. конф. : в 2 ч. / под ред. В. Н. Брюшинкина. Калининград : Изд-во РГУ им. И. Канта, 2005. Ч. 1. С. 134–141.

Акиндинова Т. А. Герман Коген как современный философ // Мастер и профессионал: история и современность : сб. ст. в честь 70-летия профессора К. С. Пигрова. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2009. С. 25–33.

Акиндинова Т. А. Эстетика Г. Когена в контексте современного искусства: актуальные проблемы // Неокантианство немецкое и русское: между теорией познания и критикой культуры / под ред. И. Н. Грифцовой, Н. А. Дмитриевой. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 506–520.

Акиндинова Т. А. Образ человека в эстетике Марбургской школы неокантианства // Проблема души и тела в философии и науке / под ред. А. Б. Рукавишникова. СПб. : Русский мир, 2011. С. 104–115.

Акиндинова Т. А. Аналитика чувства как творчества в эстетике Германа Когена // *Studia Culturae*. 2013. № 17. С. 5–13.

Акиндинова Т. А. Обоснование Германом Когеном системного единства культуры // Актуальная эстетика — II : материалы междунар. форума, Санкт-Петербург, 15–26 мая 2014 г. СПб. : Санкт-Петербургское философское общество, 2014. С. 41–43.

Акиндинова Т. А. Герман Коген. Эстетика чистого чувства. Предисловие к переводу // *Terra Aestheticae*. 2018. №2 (2). С. 287–291.

Акиндинова Т. А., Белов В. Н. Обзор международной конференции «Марбургская школа неокантианства: уроки истории» // Кантовский сборник. 2015. № 3 (53). С. 105–108.

Akindinova, T. A., 2011. Image of Man in the Aesthetics of the Marburg School of Neo-Kantianism. In: A. B. Rukavishnikov, ed. 2011. *Problema dusii i tela v filosofii i nauke* [The Problem of Soul and Body in Philosophy and Science]. St. Petersburg: Russian World Publishing House, pp. 104-115. (In Rus.)

Akindinova, T. A., 2013. The analysis of feeling as creativity in the aesthetics of Hermann Cohen. *Studia Culturae*, 17, pp. 5-13.

Akindinova, T. A., 2014. Hermann Cohen's Substantiation of the Systemic Unity of Culture. In: *Aktual'naya estetika – II* [Actual aesthetics – II]: Proceedings of the International Forum, St. Petersburg, 15-26 May 2014, St. Petersburg: St. Petersburg Philosophical Society, pp. 41-43. (In Rus.)

Akindinova, T. A., 2018. Hermann Cohen. The Aesthetics of Pure Feeling. Preface to the translation. *Terra Aestheticae*, 2(2), pp. 287-291. (In Rus.)

Akindinova, T. A. and Belov, V. N., 2015. Review of the International Conference “The Marburg School of Neo-Kantianism: Lessons from History”. *Kantian Journal*, 3(53), pp. 105-108. (In Rus.)

Belov, V. N., 2004. The Philosophy of Hermann Cohen and Russian Neo-Kantianism. *Istoriko-filosofskii ezhegodnik / History of Philosophy Yearbook'2003*. Moscow: Nauka, pp. 333-353. (In Rus.)

Belov, V. N., 2008. Philosophy of Culture by Hermann Cohen. *Kantian Journal*, 1(27), pp. 74-81. (In Rus.)

Belov, V. N., 2010. The Teaching of Hermann Cohen in Russia: Peculiarities of Reception. In: I. N. Griftsova and N. A. Dmitrieva, eds. 2010. *Neokantianstvo nemezhkoe i russkoe: mezhdu teoriei poznania i kritikoi kultury* [German and Russian Neo-Kantianism: Between the Theory of Cognition and Critique of Culture]. Moscow: “Politicheskaya encyclopedia” (ROSSPEN), pp. 299-317. (In Rus.)

Belov, V. N., 2013. The Concept of History by H. Cohen and M. Kagan. *Kantian Journal*, 1(43), pp. 63-72. (In Rus.)

Belov, V. N., 2014a. Ethics in the System of Philosophical Criticism of Hermann Cohen *Ethical Thought*, 14, pp. 98-110. (In Rus.)

Belov, V. N., 2014b. Reception of Cohen's Ethics in Russia. *Kantian Journal*, 4(50), pp. 98-100.

Belov, V. N., 2015a. Cohens Ethik und ihre Rezeption in der russischen Philosophie des Rechts. *IDEA – Studia nad strukturą i rozwojem pojęć filozoficznych*, 27, pp. 373-381.

Белов В. Н. Философия Германа Когена и русское неокантианство // Историко-философский ежегодник 2003. М. : Наука, 2004. С. 333–353.

Белов В. Н. Философия культуры Германа Когена // Кантовский сборник. 2008. №1 (27). С. 74–81.

Белов В. Н. Учение Германа Когена в России: особенности рецепции // Неокантианство немецкое и русское: между теорией познания и критикой культуры / под ред. И. Н. Грифцовой, Н. А. Дмитриевой. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 299–317.

Белов В. Н. Понятие истории у Г. Когена и М. Когана // Кантовский сборник. 2013. №1 (43). С. 63–72.

Белов В. Н. Этика в системе философского критицизма Германа Когена // Этическая мысль. 2014а. Вып. 14. С. 174–199.

Белов В. Н. Рецепция этики Когена в России // Кантовский сборник. 2014б. №4 (50). С. 98–110.

Белов В. Н. Религия в пределах разума. К статье Германа Когена «Этические и исторические мотивы религии» // *Judaica Petropolitana*. Исследования еврейской философии и интеллектуальных традиций иудаизма. 2015а. № 3. С. 211–218.

Белов В. Н. Является ли Герман Коген неокантианцем? // Кантовский сборник. 2015б. №3 (53). С. 38–45. doi: 10.5922/0207-6918-2015-3-3.

Белов В. Н. Кантовские идеи и немецкий милитаризм: к интерпретации кантовской идеи «вечного мира» Германом Когеном // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. 2016а. Т. 10, № 5. С. 8–11.

Белов В. Н. Современные исследования философии Германа Когена // Вопросы философии. 2016б. № 6. С. 218–222.

Белов В. Н. Автономия разума и религия Откровения в философии религии Германа Когена // Философия религии: аналитические исследования. 2018а. Т. 2, № 2. С. 51–64. doi: 10.21146/2587-683X-2018-2-2-51-64.

Белов В. Н. Метод бесконечно малых как принцип теории познания в систематических построениях Г. Когена // Вопросы философии. 2018б. № 3. С. 68–74.

Белов В. Н. Понятие религии в системе философии Германа Когена // *Judaica Petropolitana*. Исследования еврейской философии и интеллектуальных традиций иудаизма. 2018в. № 9. С. 97–102.

Belov, V. N., 2015b. Is Hermann Cohen a Neo-Kantian? *Kantian Journal*, 3(53), pp. 38-45. (In Rus.)

Belov, V. N., 2015c. Religion Within the Boundaries of Mere Reason. On Hermann Cohen's Article "Ethical and Historical Motives of Religion". *Judaica Petropolitana. Research on Jewish Philosophy and Intellectual Traditions of Judaism*, 3, pp. 211-218. (In Rus.)

Belov, V. N., 2016a. Ideas of Kant and German Militarism: On the Interpretation of Kant's Idea of "Eternal Peace" by Hermann Cohen. *Current Problems of the Humanities and Socio-Economic Sciences*, 10(5), pp. 8-11. (In Rus.)

Belov, V., 2016b. Hermann Cohens Lehre in Russland: Besonderheiten der Rezeption. *Folia Philosophica*, 35, pp. 9-27.

Belov, V. N., 2016c. Hermann Cohen in the History of Russian Neo-Kantianism. *Russian Studies in Philosophy*, 54(5), pp. 395-407. <https://doi.org/10.1080/10611967.2016.1290415>.

Belov, V. N., 2016d. Modern Studies in the Philosophy of Hermann Cohen. *Voprosy Filosofii*, 6, pp. 218-222. (In Rus.)

Belov, V. N., 2018a. The Autonomy of Reason and the Religion of Revelation in Hermann Cohen's Philosophy of Religion. *Philosophy of Religion: Analytic Researches*, 2(2), pp. 51-64. <https://doi.org/10.21146/2587-683X-2018-2-2-51-64>. (In Rus.)

Belov, V. N., 2018b. The Method of the Infinitesimal as the Principle of the Theory of Knowledge in Systematic Constructions of H. Cohen. *Voprosy Filosofii*, 3, pp. 68-74. (In Rus.)

Belov, V. N., 2018c. The Concept of Religion in the System of Philosophy of Hermann Cohen. *Judaica Petropolitana. Research on Jewish Philosophy and Intellectual Traditions of Judaism*, 9, pp. 97-102. (In Rus.)

Belov, V. N., 2018d. The Philosophy of the Religion of Hermann Cohen and Its Evaluation by Russian-Jewish Thinkers. In: J. Dobieszewski, S. Krajewski and J. Mach, eds. 2018. *Poznanie i religiya. Epistemologiya religiozno-go opyta v russkoj i eвреjskoj filozofskoj mysli HKH века = Epistemologia doświadczenia religijnego w XX-wiecznej filozofii rosyjskiej i żydowskiej*. Warsaw: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, pp. 219-237. (In Rus.)

Belov, V. N., 2019. Cohen's Philosophy of Religion and Eastern Jewish Identity. *Personality. Culture. Society*, 21(3-4) (103-104), pp. 43-48. <https://doi.org/10.30936/1606-951X-2019-21-3/4-43-48>. (In Rus.)

Belov, V. N., 2020. Cohen and Natorp's Philosophy of Religion: the Argument About the Boundary of Reason. *Kantian Journal*, 39(3), pp. 54-71. <https://doi.org/10.5922/0207-6918-2020-3-3>. (In Rus.)

Белов В. Н. Философия религии Германа Когена и ее оценка российско-еврейскими мыслителями // Познание и религия. Эпистемология религиозного опыта в русской и еврейской философской мысли XX века / под ред. Я. Добешевского, С. Краевского, Я. Маха. Warszawa : Uniwersytet Warszawski, 2018г. С. 219–237.

Белов В. Н. Философия религии Когена и восточное еврейство // Личность. Культура. Общество. 2019. Т. 21, № 3-4. (№ 103–104). С. 43–48. doi: 10.30936/1606-951X-2019-21-3/4-43-48.

Белов В. Н. Философия религии Когена и Наторпа: спор о границе разума // Кантовский сборник. 2020. Т. 39, № 3. С. 54–71. doi: 10.5922/0207-6918-2020-3-3.

Белов В. Н. Философия религии Германа Когена и западное христианство // Вестник ПСТГУ. Сер. I: Богословие. Философия. Религиоведение. 2021. Вып. 94. С. 23–36.

Белов В. Н. Герман Коген об отношениях иудаизма и христианства // Вопросы философии. 2022а. № 5. С. 81–91. doi: 10.21146/0042-8744-2022-5-81-91.

Белов В. Н. Обзор круглого стола «Актуальность философии Германа Когена» // Кантовский сборник. 2022б. Т. 41, № 2. С. 159–166. doi: 10.5922/0207-6918-2022-2-7.

Белов В. Н. Философская система Германа Когена. М. : URSS, 2022в.

Белов В. Н., Бердникова А. Ю., Карагод Ю. Г. И. Кант и философия религии Германа Когена // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2021. Т. 37, № 1. С. 30–40.

Белов В. Н., Петров В. Б., Лебедева А. В. Обзор международной научной конференции «Герман Коген в истории русской философии» // Вестник РУДН. Сер.: Философия. 2018. № 4. С. 499–508. doi: 10.22363/2313-2302-2018-22-4-499-508.

Бертолино Л. Мышление природы и природа мышления: Коген о Спинозе / пер. с нем. и предисл. В.Н. Белова // Кантовский сборник. 2015. № 3 (53). С. 48-65. doi: 10.5922/0207-6918-2015-3-4.

Вихнович В. Л. Петербургский эпизод Германа Когена и не только // Вестник РХГА. 2014. № 1. С. 199–209.

Владимиров П. А. Русское неокантианство и философия в России // Трансцендентальный журнал. 2021. Т. 2, вып. 3. doi: 10.18254/S271326680018215-6. URL: <https://transcendental.su/s271326680018215-6-1/> (дата обращения: 25.03.2023).

Belov, V., 2021a. Cohen in Russland: einige allgemeine Bemerkungen. In: L. Bertolino, ed. 2021. "Facciamo l'uomo": proposte filosofiche per un umanesimo critico. Studi in onore di Andrea Poma. Milano-Udine: Mimesis, pp. 145-149.

Belov, V. N., 2021b. Hermann Cohen's Philosophy of Religion and Western Christianity. *St. Tikhon's University Review. Series I: Theology. Philosophy. Religious Studies*, 94, pp. 23-36. (In Rus.)

Belov, V. N., 2022a. Hermann Cohen on the Relationship Between Judaism and Christianity. *Voprosy Filosofii*, 5, pp. 81-91. <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2022-5-81-91>. (In Rus.)

Belov, V. N., 2022b. Report of the Roundtable "The Relevance of Hermann Cohen's Philosophy". *Kantian Journal*, 41(2), pp. 159-166. <https://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2022-2-7>.

Belov, V. N., 2022c. *Filosofskaya sistema Germana Kogena [The Philosophical System of Hermann Cohen]*. Moscow: URSS. (In Rus.)

Belov, V. N., Berdnikova, A. Yu., and Karagod, J. G. 2021. Immanuel Kant and Hermann Cohen's Philosophy of Religion. *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 37(1), pp. 30-40. (In Rus.)

Belov, V. N., Petrov, V. B. and Lebedeva, A. V., 2018. The International Conference: Hermann Cohen in the History of Russian Philosophy. *RUDN Journal of Philosophy*, 4, pp. 499-508. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2018-22-4-499-508>. (In Rus.)

Bertolino, L., 2015. Thinking of Nature and the Nature of Thinking: Cohen on Spinoza. Translation and Preface by V. N. Belov. *Kantian Journal*, 3(53), pp. 48-65. <https://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2015-3-4>. (In Rus.)

Cohen, H., 2002. *The Aesthetics of Pure Feeling*. V. 1. §11. The Aesthetic Feeling of Love. Translated from German by T. A. Akindinova. *Studia culturae*, 3, pp. 211-224. (In Rus.)

Cohen, H., 2008. The Sciences of the Spirit and Philosophy. Translated by V. N. Belov. *Kantian Journal*, 1(27), pp. 82-86. (In Rus.)

Cohen, H., 2012. *Teoriya opyta Kanta [Kant's Theory of Experience]*. Translated by V. N. Belov. Moscow: Academicheskii Project Publishing House. (In Rus.)

Cohen, H., 2015. Ethical and Historical Motives of Religion. Translated by V. N. Belov. *Judaica Petropolitana*, 9, pp. 218-223. (In Rus.)

Cohen, H., 2018. The Problem of the Concept of Religion in Relation to the History of Religion and Metaphysics. Translated by V. N. Belov. *Judaica Petropolitana*, 9, pp. 103-114. (In Rus.)

Гайденко П. П. Научная рациональность и философский разум. М. : Прогресс—Традиция, 2003.

Гордин Я. И. Антроподицея («только доклад») (публ. и коммент. Н. А. Дмитриевой при участии М. В. Вогмана) // Вестник РГГУ. Сер.: Философия. Социология. Искусствоведение. 2016. № 3 (5). С. 115–146.

Горячева Т. А. Комическое в музыке как феномен истории художественной культуры : дис. ... канд. филос. наук. СПб., 2009.

Дворкин И. Философия в поисках истока. Заметки по следам идей Германа Когена // Terra Aestheticae. 2018. № 2 (2). С. 81–93.

Дворкин И. С. Место идей Германа Когена в философии диалога // Кантовский сборник. 2020а. Т. 39, № 4. С. 62–94. doi: 10.5922/0207-6918-2020-4-3.

Дворкин И. С. Философия диалога: историческое и систематическое введение // Judaica Petropolitana. Исследования еврейской философии и интеллектуальных традиций иудаизма. 2020б. № 13. С. 25–44.

Дворкин И. С. Трансцендентальная динамика близости в философии Когена и Левинаса // Трансцендентальный поворот в современной философии — 7. Эпистемология, когнитивистика и искусственный интеллект : сб. тез. междунар. конф. Москва, 21–23 апреля 2022 г. / под ред. С. Л. Катречко, А. А. Шиян. М. : РГГУ, 2022. С. 55–57.

Длугач Т. Б. О некоторых принципах теоретической философии Германа Когена // Историко-философский ежегодник 2006. М. : Наука, 2006. С. 180–203.

Длугач Т. Б. Кант и теоретическая философия Германа Когена // Вопросы философии. 2009. № 11. С. 160–170.

Длугач Т. Б. Понятие и суждение в философии Г. Когена // Неокантианство немецкое и русское: между теорией познания и критикой культуры / под ред. И. Н. Грифцовой, Н. А. Дмитриевой. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 221–226.

Длугач Т. Б. Загадки трансцендентального идеализма (Марбургская школа кантианства) // Историко-философский ежегодник 2016. С. 145–164.

Дмитриева Н. А. Русское неокантианство: «Марбург» в России. Историко-философские очерки. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007.

Дмитриева Н. А. Неокантианство немецкое и русское в прошлом, настоящем и будущем // Вопросы философии. 2009. № 3. С. 165–175.

Cohen, H., 2019. Polish Jew. *Personality. Culture. Society*, 21 (3-4) (103-104), pp. 49-54. (In Rus.)

Dlugach, T. B., 2006. On Some Principles of Hermann Cohen's Theoretical Philosophy. In: *Istoriko-filosofskij ezhegodnik / History of Philosophy Yearbook'2006*. Moscow: Nauka, pp. 180-203. (In Rus.)

Dlugach, T. B., 2009. Kant and the Theoretical Philosophy of Hermann Cohen. *Voprosy Filosofii*, 11, pp. 160-170. (In Rus.)

Dlugach, T. B., 2010. The Concept and Judgment in the Philosophy of H. Cohen. In: I. N. Griftsova and N. A. Dmitrieva, eds. 2010. *Neokantianstvo nemezkoie i russkoe: mezhdru teoriei poznanija i kritikoi kultury [German and Russian Neo-Kantianism: Between the Theory of Cognition and Critique of Culture]*. Moscow: ROSSPEN, pp. 221-226. (In Rus.)

Dlugach, T. B., 2016. Riddles of Transcendental Idealism (Marburg School of Neo-Kantianism). In: *Istoriko-filosofskij ezhegodnik / Historical and Philosophical Yearbook*. Moscow: Nauka, pp. 145-164. (In Rus.)

Dmitrieva, N. A., 2007. *Russkoe neokantianstvo: "Marburg" v Rossii. Istoriko-filosofskie ocherki [Russian Neo-Kantianism: "Marburg" in Russia. Historical and Philosophical Essays]*. Moscow: ROSSPEN. (In Rus.)

Dmitrieva, N. A., 2009. German and Russian Neo-Kantianism in the Past, Present and Future. *Voprosy Filosofii*, 3, pp. 165-175. (In Rus.)

Dmitrieva, N., 2010. Mensch und Geschichte. Zur "anthropologischen Wende" im russischen Neukantianismus. *Etica & Politica / Ethics & Politics*, 12(2), pp. 82-103.

Dmitrieva, N. A., 2013a. Philosophy as Science and Worldview: On the Issue of Pacifism in German and Russian Neo-Kantianism. *Logos*, 2(92), pp. 138-154. (In Rus.)

Dmitrieva, N. A., 2013b. The Concept of A Priori in German and Russian Neo-Kantianism. In: A. N. Krouglov, ed. 2013. *Mnogoobrazie apriori [Diversity of A Priori]*. Moscow: Kanon+, pp. 129-147. (In Rus.)

Dmitrieva, N. A., 2014. Kant's "Eternal peace" at the Turn of the Century and During the First World War. *Prepodavatel XXI vek*, 2/1, pp. 46-61. (In Rus.)

Dmitrieva, N., 2015. Hermann Cohens Konzept der Anthropodizee in der Sicht Jacob Gordins. *Kantian Journal*, Special Issue, pp. 78-86. <https://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2015-3-ENG-7>.

Dmitrieva, N. A., 2016a. N. V. Boldyrev's Concept of History: Neo-Kantian Perspectives. *The History of Philosophy*, 21(2), pp. 45-58. (In Rus.)

Дмитриева Н. А. Философия как наука и мировоззрение: к вопросу о пацифизме в немецком и русском неокантианстве // Логос. 2013а. № 2 (92). С. 138–154.

Дмитриева Н. А. Понятие априори в немецком и русском неокантианстве // Многообразие априори : сб. ст. / под ред. А. Н. Круглова. М. : Канон+, 2013б. С. 129–147.

Дмитриева Н. А. «Вечный мир» И. Канта на рубеже веков и в период Первой мировой войны // Преподаватель XXI век. 2014. № 2, ч. 1. С. 46–61.

Дмитриева Н. А. Концепция истории Н.В. Болдырева: неокантианские перспективы // История философии. 2016а. Т. 21, № 2. С. 45–58.

Дмитриева Н. А. На перепутье традиций: Неокантианская антроподицея Якова Гордина. Часть вторая // Вестник РГГУ. Сер.: Философия. Социология. Искусствоведение. 2016б. № 3 (5). С. 99–114.

Дмитриева Н. А. Сергей Рубинштейн о методе мышления у Гегеля: неокантианская критика // Вопросы философии. 2021. № 9. С. 90–102. doi: 10.21146/0042-8744-2021-9-90-102.

Дмитриева Н. А. Проблема антроподицеи в философии религии Канта, Когена и Гордина // Иммануил Кант и философская теология / под ред. П. В. Резвых. Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2024. С. 239–271.

Дмитриева Н. А., Левченко В. В. Из Марбурга в Одессу: материалы к научной биографии С. Л. Рубинштейна // Кантовский сборник. 2015. № 1 (51). С. 55–71. doi: 10.5922/0207-6918-2015-1-5.

Китаева Л. А. Философия религии Германа Когена : дис. ... канд. филос. наук. Саратов, 2005.

Ковров А. Э. Современные стратегии обоснования свободы воли : дис. ... канд. филос. наук. М., 2012.

Коген Г. Эстетика чистого чувства. Т. 1. §11. Эстетическое чувство любви / пер. с нем. Т. А. Акиндиновой // *Studia culturae*. 2002. № 3. С. 211–224.

Коген Г. Науки о духе и философия / пер. с нем. В. Н. Белова // Кантовский сборник. 2008. № 1 (27). С. 82–86.

Коген Г. Теория опыта Канта / пер. с нем. В. Н. Белова. М. : Академический проект, 2012.

Коген Г. Этические и исторические мотивы религии / пер. В. Н. Белова // *Judaica Petropolitana*. Исследования еврейской философии и интеллектуальных традиций иудаизма. 2015. №3. С. 218–223.

Коген Г. Проблема понятия религии в отношении к истории религии и метафизике / пер. В. Н. Белова // *Judaica Petropolitana*. Исследования еврейской философии и интеллектуальных традиций иудаизма. 2018. №9. С. 103–114.

Dmitrieva, N. A., 2016b. At the Crossroads of Traditions: The Neo-Kantian Anthropodicy of Jakob Gordin. Part Two. *Bulletin of the Russian State Humanitarian University. Series: Philosophy. Sociology. Art History*, 3(5), pp. 99-114. (In Rus.)

Dmitrieva, N. A., 2020. Hermann Cohen's Ethical Ideas in the Works of Boris Pasternak. *Russian Studies in Philosophy*, 58(4), pp. 279-291. <https://doi.org/10.1080/10611967.2020.1847923>.

Dmitrieva, N. A., 2021. Sergey Rubinstein on Hegel's Method of Thinking: Neo-Kantian Criticism. *Voprosy Filosofii*, 9, pp. 90-102. <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2021-9-90-102>. (In Rus.)

Dmitrieva, N. A., 2021. The Kantian Origins of Sergei Rubinstein's Theory of Moral Improvement. *Journal of Philosophy of Education*, 55(6), pp. 1126-1141. <https://doi.org/10.1111/1467-9752.12632>.

Dmitrieva, N. A., 2024a. Das Problem der Anthropodizee in der Religionsphilosophie von Kant und Cohen. In: B. Buchhammer and B. Zehetner, eds. 2024. *What Does it Mean to Be Human? – Was heißt es, Mensch zu sein? Celebratory Volume for Herta Nagl-Docekal's 80th Birthday*. Wien: LIT, pp. 161-189.

Dmitrieva, N. A., 2024b. The Problem of Anthropodicy in the Philosophy of Religion of Kant, Cohen and Gordin. In: P. V. Rezvykh, ed. 2024. *Immanuel Kant i filosofskaya teologiya [Immanuel Kant and Philosophical Theology]*. Kaliningrad: IKBFU Publishing House, pp. 239-271. (In Rus.)

Dmitrieva, N. A. and Levchenko, V. V., 2015. From Marburg to Odessa: Materials for the Scientific Biography of S. L. Rubinstein. *Kantian Journal*, 1(51), pp. 55-71. <https://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2015-1-5>. (In Rus.)

Dvorkin, I., 2018. Philosophy in Search of the Origin. Notes on the Footsteps of Hermann Cohen's Ideas. *Terra Aestheticae*, 2(2), pp. 81-93. (In Rus.)

Dvorkin, I., 2020a. The Place of Hermann Cohen's Ideas in the Philosophy of Dialogue. *Kantian Journal*, 39(4), pp. 62-94. <https://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2020-4-3>. (In Rus.)

Dvorkin, I., 2020b. Philosophy of Dialogue: A Historical and Systematic Introduction. *Judaica Petropolitana. Research on Jewish Philosophy and Intellectual Traditions of Judaism*, 13, pp. 25-44. (In Rus.)

Dvorkin, I., 2021. Bakhtin and Cohen: The First Stages in Building the Philosophical System. *RUDN Journal of Philosophy*, 25(3), pp. 436-456.

Коген Г. Польский еврей / пер. с нем. В.Н. Белова // *Личность. Культура. Общество*. 2019. Т. 21, № 3–4 (103–104). С. 49–54.

Колеров М.А. Русский Коген: некрологи 1918 года // *Кантовский сборник*. 2018. Т. 37, №2. С. 58–63.

Круглов А.Н. Трансцендентализм в философии. М. : Восход-А, 2000.

Курхинен П. Человеческое достоинство, этический социализм и советская этика // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2015. № 2 (30). С. 107–119.

Махлин В.Л. Бахтин и неокантианство (подступы к проблеме) // *Неокантианство немецкое и русское: между теорией познания и критикой культуры* / под ред. И. Н. Грифцовой, Н. А. Дмитриевой. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 441–461.

Мешков И.М. Чувственное познание ценностных ориентаций в философии неокантианства // *Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке*. 2018. Т. 7, № 1А. С. 50–57.

Мунк Р. Другой критический идеализм Германа Когена / пер. В.Н. Белова // *Кантовский сборник*. 2015. №4 (54). С. 67–81. doi: 10.5922/0207-6918-2015-4-5.

Неокантианство немецкое и русское: между теорией познания и критикой культуры / под ред. И. Н. Грифцовой, Н. А. Дмитриевой. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010.

Перцев А. С. «Философия математики» Германа Когена, или Что не так с марбургским методом // *Вопросы философии*. 2023. № 2. С. 27–41.

Пома А. Критическая философия Германа Когена / пер. с итал. О.А. Поповой. М. : Академический проект, 2012.

Рубинштейн С.Л. О философской системе Г. Когена / публ. О.Н. Бредихиной // *Историко-философский ежегодник '92*. М. : Наука, 1994. С. 230–259.

Савинцев В.И., Попова В.С. Пространство и время как априорные формы в работах Германа Когена и Ивана Лапшина // *Кантовский сборник*. 2022. Т. 41, №4, С. 94–121. doi: 10.5922/0207-6918-2022-4-5.

Саккетти А.Л. Учение Когена о форме музыки / публ. и коммент. Н. А. Дмитриевой // *Искусство как язык – языки искусства. Государственная академия художественных наук и эстетическая теория 1920-х гг.* Т. II. Публикации / под ред. Н. С. Плотнокова и Н. П. Подземской при участии Ю. Н. Якименко. М. : Новое литературное обозрение, 2017. С. 412–446.

Dvorkin, I., 2022. Transcendental Dynamics of Closeness in the Philosophy of Cohen and Levinas. In: S.L. Katrechko and A. A. Shiyani, eds. 2022. *Transcendental'nyj povorot v sovremennoj filosofii – 7. Epistemologiya, kognitivistika i iskusstvoennyj intellekt* [The Transcendental Turn in Modern Philosophy – 7. Epistemology, Cognitive Science and Artificial Intelligence]: Collection of Abstracts of the International Conference. Moscow, 21-23 April 2022. Moscow: RSUH Publishing House, pp. 55-57. (In Rus.)

Edel, G., 2010. Neo-Kantianism Today: Unresolved Issues. In: I. N. Griftsova and N. A. Dmitrieva, eds. 2010. *Neokantianstvo nemeckoe i russkoe: mezhdru teoriej poznaniya i kritikoj kul'tury*. [German and Russian Neo-Kantianism: Between the Theory of Cognition and Critique of Culture]. Moscow: ROSSPEN, pp. 532-539. (In Rus.)

Ferrari, M., 2010. Dmitry Gavronsky and Ernst Cassirer: From the History of the Marburg School. In: I. N. Griftsova and N. A. Dmitrieva, eds. 2010. *Neokantianstvo nemeckoe i russkoe: mezhdru teoriej poznaniya i kritikoj kul'tury*. [German and Russian Neo-Kantianism: Between the Theory of Cognition and Critique of Culture]. Moscow: ROSSPEN, pp. 242-256. (In Rus.)

Fokht, B. A., 2003. *Izbrannoe (iz filosofskogo naslediya)* [Selected Works (from the Philosophical Heritage)]. Publication, Preface, Preparation of the Texts, Commentary by N. A. Dmitrieva. Moscow: Progress-Traditsiya. (In Rus.)

Frolova, E. A., 2012. Methodological Problems of the Science of Law in the Teachings of B. A. Kistyakovsky (Polemic of the Marburg and Baden Schools of Neo-Kantianism). *Bulletin of the Moscow University. Ser. 11: Law*, 3, pp. 83-93. (In Rus.)

Frolova, E. A., 2013. *Neo-Kantianism in the Russian Philosophy of Law in the Second Half of the 19th and the First Half of the 20th Centuries*. Dissertation for Doctor of Sciences in Law, Moscow State University, Moscow. (In Rus.)

Gaidenko, P.P., 2003. *Scientific Rationality and Philosophical Reason*. Moscow: Progress-Traditsiya. (In Rus.)

Gordin, J.I., 2016. Anthropodicy (Only Lecture). Published and commented by N. A. Dmitrieva with assistance by M. V. Vogman. *RSUH Bulletin. Series: Philosophy. Sociology. Art History*, 3(5), pp. 115-146. (In Rus.)

Goryacheva, T. A., 2009. *The Comic in Music as a Phenomenon of the History of Artistic Culture*. Dissertation for the Candidate of Sciences in Philosophy, Saint Petersburg State University, St. Petersburg. (In Rus.)

Саккетти А. Л., Дмитриева Н. А. Философия Германа Когена / публ., предисл. и коммент. Н. А. Дмитриевой // Кантовский сборник. 2021. Т. 40, № 2. С. 95–130. doi: 10.5922/0207-6918-2021-2-4.

Секундант С. Г. Теория бесконечно малых и её роль в становлении философско-методологической концепции Г. Когена // Эпистемология и философия науки. 2010. Т. 26, № 4. С. 219–222.

Семенов В. Е. Неклассическая философская мысль как неоклассическая: Герман Коген // Неклассическая философская мысль: история и современность: материалы межвуз. конф. М.: РГГУ, 2008а. С. 112–120.

Семенов В. Е. Трансцендентальные основы понимания (И. Кант и неокантианство). Владимир: Владимирский государственный университет, 2008б.

Семенов В. Е. Доминирующие парадигмы трансцендентализма в западноевропейской философии. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012.

Семенов В. Е. Конструктивное мышление в критической философии Германа Когена // Кантовский сборник. 2022. Т. 41, № 3. С. 76–101. doi: 10.5922/0207-6918-2022-3-3.

Семенов В. Е. Кант и Марбургская школа // Вестник РУДН. Сер.: Философия. 2023. Т. 27, № 3. С. 541–555.

Соболева М. Е. Герман Коген и Михаил Бахтин: диалог об эстетике? // Неокантианство немецкое и русское: между теорией познания и критикой культуры / под ред. И. Н. Грифцовой, Н. А. Дмитриевой. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 462–476.

Соболева М. Е. Трансцендентализм и его формы // Трансцендентальный журнал. 2020. Т. 1, № 1. С. 3–13.

Сокулер З. А. Герман Коген и философия диалога. М.: Прогресс-Традиция, 2008.

Сокулер З. А. Идеи для новой концепции субъекта в «Религии разума из источников иудаизма» Германа Когена // Неокантианство немецкое и русское: между теорией познания и критикой культуры / под ред. И. Н. Грифцовой, Н. А. Дмитриевой. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 417–427.

Сокулер З. А. Герман Коген как актуальный мыслитель. Размышляя над книгой: Коген Г. Теория опыта Канта // Вопросы философии. 2013. № 1. С. 154–164.

Сокулер З. А. Понятие добродетели в религиозной философии Германа Когена // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Философия. 2019. Т. 23, № 4. С. 398–412. doi: 10.22363/2313-2302-2019-23-4-398-412.

Griftsova, I. N. and Dmitrieva, N. A., eds. 2010. *Neokantianstvo nemeckoe i russkoe: mezhdru teoriej poznaniya i kritikoj kul'tury*. [German and Russian Neo-Kantianism: Between the Theory of Cognition and Critique of Culture]. Moscow: ROSSPEN, pp. 417-427. (In Rus.)

Holzhey, H., 2010. On Metaphysical Problems in Marburg Neo-Kantianism. In: I. N. Griftsova and N. A. Dmitrieva, eds. 2010. *Neokantianstvo nemeckoe i russkoe: mezhdru teoriej poznaniya i kritikoj kul'tury*. [German and Russian Neo-Kantianism: Between the Theory of Cognition and Critique of Culture]. Moscow: ROSSPEN, pp. 31-43. (In Rus.)

Karagod, J., 2019. Contemporary Russian Studies of the Life and Works of Hermann Cohen, In: Y. Zhang, I. Rumbal, R. Green and T. Volodina, eds. 2019. *Proceedings of the 4th International Conference on Contemporary Education, Social Sciences and Humanities (ICCESSH 2019)*, 329, pp. 176-178.

Kitayeva, L. A., 2005. *Hermann Cohen's Philosophy of Religion*. Dissertation for the Candidate of Sciences in Philosophy. Saratov Chernyshevsky State University, Saratov. (In Rus.)

Kolerov, M. A., 2018. Hermann Cohen: Russian Obituaries from 1918. *Kantian Journal*, 37(2), pp. 58-63. <http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2018-2-4>. (In Rus.)

Kovrov, A. E., 2012. *Modern Strategies of Justifying Free Will*. Dissertation for the Candidate of Sciences in Philosophy. Moscow State University. (In Rus.)

Krouglov, A. N., 2000. *Transcendentalizm v filosofii [Transcendentalism in Philosophy]*. Moscow: "Voskhod-A". (In Rus.)

Kurhinen, P., 2015. Human Dignity, Ethical Socialism and Soviet Ethics. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 2(30), pp. 107-119. <https://doi.org/10.17223/1998863X/30/12> (In Rus.)

Makhlin, V. L., 2010. Bakhtin and Neo-Kantianism (Approaches to the Problem). In: I. N. Griftsova and N. A. Dmitrieva, eds. 2010. *Neokantianstvo nemeckoe i russkoe: mezhdru teoriej poznaniya i kritikoj kul'tury*. [German and Russian Neo-Kantianism: Between the Theory of Cognition and Critique of Culture]. Moscow: ROSSPEN, pp. 441-461. (In Rus.)

Meshkov, I. M., 2018. The Epistemology of Values in the Phenomenology and Philosophy of Neo-Kantianism. *Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being*, 7(5A), pp. 52-57. (In Rus.)

Munk, R., 2015. Another Critical Idealism of Hermann Cohen. Translated by V. N. Belov. *Kantian Journal*, 4(54), pp. 67-81. (In Rus.)

Сокулер З. А. Герман Коген и его идея логики чистого познания // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Философия. 2021. Т. 25, № 3. С. 378–393. doi: 10.22363/2313-2302-2021-25-3-378-393.

Сокулер З. А. Логика чистого познания Германа Когена как философия науки // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Философия. 2022. Т. 26, № 3. С. 658–671. doi: 10.22363/2313-2302-2022-26-3-658-671.

Тютюнников А. А. Герман Коген: идея трансцендентального метода (часть I) // Вестник ПНИПУ. Культура. История. Философия. Право. 2018а. № 2. С. 7–26.

Тютюнников А. А. Герман Коген: идея трансцендентального метода (часть II) // Вестник ПНИПУ. Культура. История. Философия. Право. 2018б. № 3. С. 47–59.

Устюгова Е. Н. Созвучие эстетики Когена с идеями русского и немецкого авангарда первой четверти XX века // Terra Aestheticae. 2018. № 2 (2). С. 56–68.

Феррари М. Дмитрий Гавронский и Эрнст Кассирер: из истории Марбургской школы // Неокантианство немецкое и русское: между теорией познания и критикой культуры / под ред. И. Н. Грифцовой, Н. А. Дмитриевой. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 242–256.

Фохт Б. А. Избранное (из философского наследия) / публ., предисл., подгот. текста, коммент. Н. А. Дмитриевой. М. : Прогресс-Традиция, 2003.

Фролова Е. А. Методологические проблемы науки о праве в учении Б. А. Кистяковского (полемика Марбургской и Баденской школ неокантианства) // Вестник Московского университета. Сер. 11: Право. 2012. № 3. С. 83–93.

Фролова Е. А. Неокантианство в русской философии права во второй половине XIX – первой половине XX века : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2013.

Хольцхай Х. О метафизических проблемах в марбургском неокантианстве // Неокантианство немецкое и русское: между теорией познания и критикой культуры / под ред. И. Н. Грифцовой, Н. А. Дмитриевой. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 31–43.

Шиндлер Р. От «вечного принципа логики» к мессианскому будущему. Аспекты времени в когеновской критике рациональности // Неокантианство немецкое и русское: между теорией познания и критикой культуры / под ред. И. Н. Грифцовой, Н. А. Дмитриевой. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 427–440.

Pertsev, A. S., 2023. Hermann Cohen's Philosophy of Mathematics, or What's Wrong with the Marburg Method. *Voprosy Filosofii*, 2, pp. 27-41. (In Rus.)

Poma, A., 2012. *Kriticheskaya filosofiya Germana Kogena [The Critical Philosophy of Hermann Cohen]*. Translated from Italian by O. A. Popova. Moscow: Academicheskii Project Publishing House. (In Rus.)

Poma, A. and Belov, V. N., 2021. Is Hermann Cohen a Classical Philosopher? *RUDN Journal of Philosophy*, 25(3), pp. 371-377.

Rubinstein, S. L., 1992. About the Philosophical System of H. Cohen. Published by O. N. Bredikhina. *Istoriko-filosofskij ezhegodnik / History of Philosophy Yearbook '92*. Moscow: Nauka, pp. 230-259. (In Rus.)

Sakketti, A. L., 2017. H. Cohen's Teaching on the Form of Music. Published and commented by N. A. Dmitrieva with participation by Yu. N. Yakimenko. In: N. S. Plotnikov and N. P. Podzemskaya, eds. 2017. *Iskusstvo kak yazyk – yazyki iskusstva. Gosudarstvennaya akademiya hudozhestvennykh nauk i esteticheskaya teoriya 1920-h gg. [Art as a Language – the Languages of Art. The State Academy of Art Sciences and Aesthetic Theory of the 1920s]. Volume II: Publikatsii [Publications]*. Moscow: New Literary Review, pp. 412-446. (In Rus.)

Sakketti, A. L. and Dmitrieva, N. A., 2021. Philosophy of Hermann Cohen (Publication, Foreword and Commentary by N. A. Dmitrieva). *Kantian Journal*, 40(2), pp. 95-130. <http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2021-2-4>.

Savintsev, V. I. and Popova, V. S., 2022. Space and Time as A Priori Forms in the Works of Hermann Cohen and Ivan Lapshin. *Kantian Journal*, 41(4), pp. 94-121. <http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2022-4-5>.

Schindler, R., 2010. From the “Eternal Principle of Logic” to the Messianic Future. Aspects of Time in the Cohen's Critique of Rationality. In: I. N. Griftsova and N. A. Dmitrieva, eds. 2010. *Neokantianstvo nemeckoe i russkoe: mezhdru teoriej poznaniya i kritikoj kul'tury. [German and Russian Neo-Kantianism: Between the Theory of Cognition and Critique of Culture]*. Moscow: ROSSPEN, pp. 427-440. (In Rus.)

Sekundant, S. G., 2010. The Theory of Infinitesimals and Its Role in the Formation of the Philosophical and Methodological Concept of H. Cohen. *Epistemology & Philosophy of Science*, 26(4), pp. 219-222. (In Rus.)

Semyonov, V. Ye., 2008a. Non-Classical Philosophical Thought as Neoclassical Thought: Hermann Cohen. In: A. I. Aleshin, ed. 2008. *Neklassicheskaya filosofskaya mysl': istoriya i sovremennost' [Non-Classical Philosophical Thought: History and Modernity]: Proceedings of the Interuniversity Conference*. Moscow: RSUH Publishing house, pp. 112-120. (In Rus.)

Штейнберг А. З. Герман Коген как воспитатель (1842–1918) // *Философские сочинения* / сост., авт. предисл., коммент. В. Г. Белоус ; авт. послесл., коммент. Л. Н. Столович. СПб. : ИД «Мирь», 2011. С. 284–309.

Эдель Г. Неокантианство сегодня: нерешенные вопросы // *Неокантианство немецкое и русское: между теорией познания и критикой культуры* / под ред. И. Н. Грифцовой, Н. А. Дмитриевой. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 532–539.

Belov V. H. Cohens Ethik und ihre Rezeption in der russischen Philosophie des Rechts // *IDEA – Studia nad strukturą i rozwojem pojęć filozoficznych* (Białystok). 2015. № 27. S. 373–381.

Belov V. Hermann Cohens Lehre in Russland: Besonderheiten der Rezeption // *Folia Philosophica*. Katowice, 2016a. Vol. 35. P. 9–27.

Belov V. N. Hermann Cohen in the History of Russian Neo-Kantianism // *Russian Studies in Philosophy*. 2016b. Vol. 54, № 5. P. 395–407. doi: 10.1080/10611967.2016.1290415.

Belov V. Cohen in Russland: einige allgemeine Bemerkungen // “Facciamo l’uomo”: proposte filosofiche per un umanesimo critico. Studi in onore di Andrea Poma. Milano-Udine : Mimesis, 2021. P. 145–149.

Dmitrieva N. Mensch und Geschichte. Zur „anthropologischen Wende“ im russischen Neukantianismus // *Etica & Politica / Ethics & Politics*, 2010. Vol. 12, № 2. S. 82–103.

Dmitrieva N. Hermann Cohens Konzept der Anthropodizee in der Sicht Jacob Gordins // *Kantian Journal*. 2015. Spec. iss. S. 78–86. doi: 10.5922/0207-6918-2015-3-ENG-7.

Dmitrieva N. A. Hermann Cohen’s Ethical Ideas in the Works of Boris Pasternak // *Russian Studies in Philosophy*. 2020. Vol. 58, № 4. P. 279–291. doi: 10.1080/10611967.2020.1847923

Dmitrieva N. A. The Kantian Origins of Sergei Rubinstein’s Theory of Moral Improvement // *Journal of Philosophy of Education*. 2021. Vol. 55, № 6. P. 1126–1141. doi: 10.1111/1467-9752.12632.

Dmitrieva N. A. Das Problem der Anthropodizee in der Religionsphilosophie von Kant und Cohen // *What Does it Mean to Be Human? – Was heißt es, Mensch zu sein?* Festschrift zum 80. Geburtstag von Herta Nagl-Docekal / hrsg. von B. Buchhammer, B. Zehetner. Wien: LIT, 2024. S. 161–189.

Dvorkin I. Bakhtin and Cohen: The First Stages in Building the Philosophical System // *RUDN Journal of Philosophy*. 2021. № 25, № 3. P. 436–456.

Semyonov, V. Ye., 2008b. *Transcendental’nye osnovy ponimaniya (I. Kant i neokantianstvo)* [Transcendental Foundations of Understanding (I. Kant and Neo-Kantianism)]. Vladimir: Vladimir State University Publishing House. (In Rus.)

Semyonov, V. Ye., 2012. *Dominiruyushchie paradigmy transcendentalizma v zapadnoevropejskoj filosofii* [Dominant Paradigms of Transcendentalism in West European Philosophy]. Moscow: ROSSPEN. (In Rus.)

Semyonov, V. Ye., 2022. Constructive Thinking in the Critical Philosophy of Hermann Cohen. *Kantian Journal*, 41(3), pp. 76-101. (In Rus.)

Semyonov, V. Ye., 2023. Kant and Marburg School. *RUDN Journal of Philosophy*, 27(3), pp. 541-555. (In Rus.)

Soboleva, M., 2020. Transcendentalism and its Forms. *Studies in Transcendental Philosophy*, 1(1), pp. 3-13. (In Rus.)

Soboleva, M. E., 2010. Hermann Cohen and Mikhail Bakhtin: a Dialogue About Aesthetics? In: I. N. Griftsova and N. A. Dmitrieva, eds. 2010. *Neokantianstvo nemeckoe i russkoe: mezhdru teoriej poznaniya i kritikoj kul’tury*. [German and Russian Neo-Kantianism: Between the Theory of Cognition and Critique of Culture]. Moscow: ROSSPEN, pp. 462-476. (In Rus.)

Sokuler, Z. A., 2008. Hermann Cohen and the Philosophy of Dialog. Moscow: Progress-Traditsiya. (In Rus.)

Sokuler, Z. A., 2010. Ideas for a new Concept of the Subject in Hermann Cohen’s “Religion of Reason from the Sources of Judaism”. In: I. N. Griftsova and N. A. Dmitrieva, eds. 2010. *Neokantianstvo nemeckoe i russkoe: mezhdru teoriej poznaniya i kritikoj kul’tury*. [German and Russian Neo-Kantianism: Between the Theory of Cognition and Critique of Culture]. Moscow: ROSSPEN, pp. 417-427. (In Rus.)

Sokuler, Z. A., 2013. Hermann Cohen as a Relevant Thinker. Reflecting on the Book: H. Cohen. Kant’s Theory of Experience. *Voprosy Filosofii*, 1, pp. 154-164. (In Rus.)

Sokuler, Z. A., 2019. The Concept of Virtue in Religious Philosophy of Hermann Cohen. *RUDN Journal of Philosophy*, 23 (4), pp. 398-412. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2019-23-4-398-412>. (In Rus.)

Sokuler, Z. A., 2021. Hermann Cohen and His Idea of the Logic of Pure Knowledge. *RUDN Journal of Philosophy*, 225(3), pp. 378-393. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2021-25-3-378-393>. (In Rus.)

Sokuler, Z. A., 2022. Hermann Cohen’s Logic of the Pure Knowledge as a Philosophy of Science. *RUDN Journal of Philosophy*, 26(3), pp. 658-671. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2022-26-3-658-671>. (In Rus.)

Karagod J. Contemporary Russian Studies of the Life and Works of Hermann Cohen // Proceedings of the 4th International Conference on Contemporary Education, Social Sciences and Humanities (ICCESSH 2019). 2019. Vol. 329. P. 176–178.

Рота А., Белов В.Н. Is Hermann Cohen a Classical Philosopher? // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Философия. 2021. Т. 25, № 3. С. 371–377.

Об авторах

Иван Евгеньевич Лапшин, кандидат философских наук, доцент, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия.

E-mail: lapshin-ie@rudn.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8558-0670>

Юлия Геннадьевна Карагод, кандидат философских наук, доцент, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия.

E-mail: karagod-yug@rudn.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0651-5844>

Для цитирования:

Лапшин И. Е., Карагод Ю. Г. Обзор современных российских исследований философии Германа Когена // Кантовский сборник. 2024. Т. 43, № 2. С. 172–193.

doi: 10.5922/0207-6918-2024-2-7

© Лапшин И. Е., Карагод Ю. Г., 2024.

Steinberg, A. Z., 2011. Hermann Cohen as Teacher (1842-1918). In: S. M. Ginsburg, ed. 2011. *Filosofskie sochineniya [Philosophical Writings]*. Preface and Commentary by V. G. Belous; Afterword and Commentary by L. N. Stolovich. St.-Petersburg: Mir, pp. 284-309. (In Rus.)

Tyutyunnikov, A. A., 2018a. Hermann Cohen's Transcendental Method as a Project (II). *Bulletin of PNRPU. Culture. History. Philosophy. Law*, 2, pp. 7-26. (In Rus.)

Tyutyunnikov, A. A., 2018b. Hermann Cohen's Transcendental Method as a Project (II). *Bulletin of PNRPU. Culture. History. Philosophy. Law*, 3, pp. 47-59. (In Rus.)

Ustiugova, E. N., 2018. Consonance of Cohen's Aesthetics with Ideas of Russian and German Avant-Garde of The First Quarter of the 20th Century. *Terra Aestheticae*, 2(2), pp. 56-68. (In Rus.)

Vikhnovich, V. L., 2014. Hermann Cohens Petersburg Episode and Something More than that... *Bulletin of Russian Christian Academy for the Humanities*, 1, pp. 199-209. (In Rus.)

Vladimirov, P. A., 2021. Russian Neo-Kantianism and Philosophy in Russia. *Studies in Transcendental Philosophy*, 2(3), Available at: <https://transcendental.su/s271326680018215-6-1/> (Accessed 25 March 2023). <https://doi.org/10.18254/S271326680018215-6>. (In Rus.)

Translated from the Russian by Evgeni N. Filippov

The author

Dr Ivan Y. Lapshin, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia.

E-mail: lapshin-ie@rudn.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8558-0670>

Dr Julia G. Karagod, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia.

E-mail: karagod-yug@rudn.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0651-5844>

To cite this article:

Lapshin, I. Y. and Karagod, J. G., 2024. Review of Recent Russian Studies of Hermann Cohen's Philosophy. *Kantian Journal*, 43(2), pp. 172-193.

<http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2024-2-7>

© Lapshin I. Y., Karagod J. G., 2024.

Научное издание

**КАНТОВСКИЙ СБОРНИК
KANTIAN JOURNAL**

2024

**Том
Vol. 43**

№ 2

Перевод с рус. на англ. *Е.Н. Филиппов*

Перевод с англ. на рус. *П. Р. Левин*

Перевод с нем. на рус. *И. Г. Черненко*

Редактор *Д.А. Малеваная*

Выпускающий редактор *И.О. Дементьев*

Компьютерная верстка *А.В. Иванов*

Translated from Russian by *E.N. Filippov*

Translated from English by *P. R. Lewin*

Translated from German by *I. G. Chernenok*

Copy-edited by *D.A. Malevanaya*

Publishing editor *I.O. Dementev*

Layout by *A. V. Ivanov*

Подписано в печать 27.09.2024 г.

Формат 84×108¹/₁₆. Усл. печ. л. 20,4

Тираж 60 экз. Заказ 104

Sent to the printers on September 27, 2024

Size 84×108¹/₁₆, 20,4 sheets

60 copies. Order 104

Издательство Балтийского федерального университета им. И. Канта
236041, г. Калининград, ул. А. Невского, 14

Immanuel Kant Baltic Federal University Press
14 A. Nevskogo st., Kaliningrad, 236041, Russia